

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований ПсковГУ

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Великая Отечественная война
в зеркале народной речи и
фольклора**

Тексты. Исследования. Аудиоприложение

Псков 2016

УДК 801.81
ББК 82.3 (2Рос=Рус)
В 272

Рекомендовано к изданию

Ученым советом факультета русской филологии и иностранных языков
Псковского государственного университета

Рецензенты:

Т. В. Володина, доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН РБ;

И. О. Колосова, кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного университета.

Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора:

Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н. В. Большаковой; Составители: Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Плошук (ПсковГУ); В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). – Псков: ЛОГОС, 2016. – 332 с.

ISBN 978-5-9908858-6-8

Издание представляет собой монографию, подготовленную коллективами ученых Псковского государственного университета (Россия) и Полоцкого государственного университета (Белоруссия) в рамках совместного научного проекта «Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XXI вв.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей», поддержанного РГНФ (№16-24-04001) и БРФФИ (договор № Г16РП-004).

Книга содержит впервые публикуемые экспедиционные материалы, собранные на сопредельной территории – в Псковской области России и в Витебской области Белоруссии. Объединенные в одном издании, они представляют собой правдивые свидетельства непосредственных участников трагических событий Великой Отечественной войны периода оккупации и партизанского движения.

Для ученых-историков, этнологов и этнокультурологов материалы книги могут стать ценным источником сведений, относящихся к сфере устной истории. Книга также может быть использована в профессиональной деятельности диалектологов и фольклористов. Она будет полезна в работе краеведов, учителей школ и всех тех, кому небезразличны судьбы поколения, пережившего войну.

The book contains expedition materials published for the first time and collected in the neighboring territory – in the Pskov region of Russia and in the Vitebsk region of Belarus. United in one publication, they represent the truthful evidence of the direct participants of the tragic events of the Great Patriotic War occupation and partisan movement.

The materials of the book can be a valuable source of information related to the field of oral history for scientists, historians, ethnologists and ethnoculturologists. The book can also be used in the professional activity of dialectology and folklore. It will be useful in the work of researchers of a particular region, school teachers and all those who care about the fate of generations survived in the war.

ISBN 978-5-9908858-6-8

© Псковский государственный университет, 2016

© Коллектив составителей, 2016

© Издательство «ЛОГОС», 2016

*Легко про войну слушать, да тяжело (страшно) ее видеть.
Хорошо про войну слышать, да не дай Бог ее видеть.*

В.И. Даль¹

Война уничтожила всё.

Даже не узнать было, где место деревни.

Одни были воронки, окопы, траншеи, проволока колючая.

Одна страсть такая².

Живём сейчас слава тебе Господи.

Только б войны не было. Молодёжь не знает,

а мы поглядели на эту войну³.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга включает впервые публикуемые экспедиционные материалы, собранные на территории Псковской области (преимущественно в южных ее районах) и в Витебской области Белоруссии. Собрание текстов отражает события Великой Отечественной войны, прошедшей через судьбы простых людей: иногда фронтовиков, но чаще женщин и детей, оказавшихся на оккупированной фашистами территории. Все герои книги – жители деревень, носители традиционной народной культуры и языка. Их рассказы, пронзительные по своей правдивости, содержат факты и оценки, отражающие народное восприятие драматичных сторон жизни. Псковская часть собрания содержит, помимо устных рассказов, песни и частушки периода Великой Отечественной войны, типологически продолжающие

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. I. – М.: Русский язык, 1978–1980. – С. 230.

² Записано в п. Пушкинские Горы Псковской обл. в 2007 г. (Диалектный и фольклорно-этнографический архив ПсковГУ).

³ Записано в Новосокольническом р-не Псковской обл. в 1988 г. (Диалектный и фольклорно-этнографический архив ПсковГУ).

традиции этих фольклорных жанров. Особенности текстов, увиденные глазами специалистов по истории и филологии, рассмотрены в исследовательской части монографии.

Фольклорное поле Великой Отечественной войны, как отмечают исследователи, разнообразно: оно включает и прозаические, и поэтические жанры¹. Как псковское, так и полоцкое собрание текстов состоит преимущественно из повествовательных произведений, основанных на воспоминаниях о военном времени. В 2010 г. была сделана первая попытка публикации текстов на основе материалов псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива². Сборник содержал рассказы псковских сельских жителей, в основном женщин, о событиях войны, записанные псковскими фольклористами в период с 1977 по 2009 гг. в разных районах Псковской области. В ходе подготовки публикации была начата работа по созданию электронной базы данных «Устные рассказы о Великой Отечественной войне», получившей в 2012 г. свидетельство о государственной регистрации (№ 2012620528). За прошедшие после этого годы содержание базы было дополнено новыми материалами нарративного характера, а также расширен жанровый состав текстов за счет песен и частушек о войне. Но что особенно существенно, оцифрованный аудиоархив дал возможность подготовить новое собрание с аудиоприложением, включенным в настоящее издание. Псковская часть данной книги содержит полную выборку из фонда архива как устных рассказов, так и песен и частушек периода войны.

¹ Белецкая Е.М. Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – Вып. 2. – 2010. – С. 99–108.

² Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: Сборник текстов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / Редактор-составитель Н.В. Большакова, составитель Н.Г. Савина. – Псков, 2010.

В исследовательской части, посвященной частушкам, комментируется их своеобразие, определяемое спецификой жанра частушки, ее генезисом, тематикой и прагматикой. В работе также высказывается и аргументируется предположение о бытовании на оккупированных немцами территориях повествовательного сюжета, генетически связанного с традицией «частушечных дуэлей». Таким образом дополняется представление о сюжетном составе фольклорной прозы Великой Отечественной войны.

Структура книги обусловлена источниками публикуемого материала. В первой части представлено псковское собрание материалов и исследований; вторая часть подготовлена на основе полоцкого архива. Несмотря на жанровое разнообразие публикуемых текстов (устные рассказы и поэтический фольклор), расширение территориального и языкового пространства книги, она, на наш взгляд, сохраняет целостность. Внутреннее единство книги обеспечивается общностью ее темы, тем нераздельным трагизмом, который пережили русский и белорусский народы в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, представленные в сборнике материалы убедительно свидетельствуют о том, что война, особенно в условиях нацистской оккупации, – трагедия, имеющая сотни различных обликов и проявлений. Не будет преувеличением сказать, что практически каждая деревня имела «свою» войну, со своими героями и предателями, жертвами и палачами.

Опубликованные воспоминания чрезвычайно эмоциональны. Смерть близких людей, сожженные дотла деревни и страшный голод, карательные экспедиции гитлеровцев и их приспешников, принудительный угон молодежи на каторжные работы в Германию, детские

лагеря смерти... Но, с другой стороны, – неистребимая вера в освобождение и победу, парадоксальная стойкость человеческого духа, удивительные проявления истинного гуманизма и взаимопомощи в самых критических и ужасающих обстоятельствах.

Правда людей, переживших войну, – это боль, лишенная идеологического пафоса и морализаторства. Каждое слово приведенных в сборнике текстов – не абстрактное клише газетной передовицы, но искреннее и эмоциональное обращение к нам, живущим в XXI веке.

Авторы-составители:

Большакова Н.В. (Псковский государственный университет): подготовка текстов, раздел монографии, редактирование;

Лобач В.А. (Полоцкий государственный университет): подготовка текстов, раздел монографии;

Муратова М.И. (Псковский государственный университет): подготовка текстов, техническое редактирование, аудиоприложение;

Площук Г.И. (Псковский государственный университет): подготовка текстов, раздел монографии.

Часть I.
ТЕКСТЫ

(из псковского фольклорно-этнографического архива)

Великая Отечественная война
в воспоминаниях сельских жителей Псковщины
(устные рассказы)¹

БЕЖАНИЦКИЙ РАЙОН

№ 1.

(Вот, Вы, наверное, здесь жили в это время в поселке... когда Великая Отечественная война была?)

Да...

(Какого числа вошли немцы?)

Немцы вошли очень быстро... война началась двадцать пятого июня... вот... а здесь, как бы мне не саврать... только мы пахаранили тваю тетю [имеет в виду одну из сестер деда, умершую в первые дни войны]. Мы только да Речки... Речки – деревня. Только атъехали туда, на кляче, на лошади, и нас застали сразу немцы. Следам за нами шли... Мы только вошли... Ну, может быть, сутки здесь прабыли, в этой деревне,

¹ Тексты располагаются порайонно (районы идут в алфавитном порядке), внутри района последовательность текстов хронологическая. Исключение составили тексты пограничной с Белоруссией южнопсковской историко-культурной зоны, выделенные в особый раздел.

Большие по объему тексты, записанные от одного информанта, членятся редактором по тематическому принципу. Нумерация текстов введена в настоящем издании для синхронизации с аудиоприложением.

Расшифровка текстов устных рассказов из псковской части дана в упрощенной транскрипции с отражением характерных особенностей речи информантов. Ударение ставится в местных и некоторых других топонимах, а также в словоформах, которые допускают акцентную вариативность.

как, смотрим, мать мне кричит: «Наталья, переадевайтесь ва фсё старушачье. Идут немцы».

И точно. Мы ф сарай спряталиса на сенавал... где был сенавал... я ешщё помню, какую-та книгу читала... ну патом, фспомню... И забросила этуу и книгу... ф шшель смотрим: точно фсе в зялёнае адеты, немцы, гаварят не па-рускаму... «тара-та-та-та-та»... Ой, мы так фсе напугались... Ужас какой!.. Ведь гаварили: будут нас терзать там, прочее, прочее... Фсякие деспатические к нам атнашэния будут ...

Ани как зашли. Ани сразу начали лавить кур, парасят калоли... а нас заставили, вот, маладёш, шшипать кур... Как шшияс помню... Эти куриные... как ых назвать... насекомые... папалзли па нам... Ой, ужас...ужас... Вот... Я-та накрасилась вот этим, как йиво... углём... перекрасила себя, штоп я казалась старай. «О, matka!» – мол, чисть – показывают там – шшипай кур. Не знаю, сколько мы шшипали...

Патом ани, эти немцы, зашли за деревню, стали брицца... на такой губной гармошке играть... и брицца... адекалоницца, брицца... сидят там, балтают... А мы смотрим: што нада жэ, какая им вайна. Сидят и разыгрывают, и брицца можна.

Эта наши... Вот, и в этой деревне, в Речке... за Речку – Аполье... начались баи, был бой... Мать мая с Клавай и с каровой – ани атстали ат нас... атстали. И сутки их не была. И я так переживала... плакала, што куда ш ани девались? А карову патскакивали ф хлеву, хлевах... Бомбы падали жэ, и дажэ... эти... ямы абразовывались... Ужас, што была, я дажэ не магу фспомнить...

Вот, ну а патом ани падашли. Баи кончилися. Клава гаварит, што: «Ой, Наталья, как многа наших, как многа наших, фсё неруских... фсё большэ этих...» Ну, как их назвать-та... Девачки, патскажите... неруские-та эти, чёрные... ани как пахожы на китайцыф... наши... были. Ну, в опшшим, не из

нашэй меснасти, не пскавичи, не пскофские, а фсё аттуда, чёрненькие такие... И вот так многа их была убитых... страшна... Баи были вот возле реки. Была эта в Речке. Мы в Речке были, а баи были в деревне... Ой, как жэ эта деревня называецца... Алéнина... Вот там были баи... за Апóльем, эта за деревней Апóлье... были баи, бальшэ баи. Сутки... многа, можэт быть, двое шли баи. А нашы атступали... Очень быстра шли [немцы]. Атступали... А мы и гаварим: «Што ш такое, как жэ так, што ш эта такое, такова никагда не была, штобы нашы атступали...»

Ешщё анекдот такой был сложэна, да... «Фронт там, а мы идём сюда. Правильна идём?» То есть нужна была туда итти, а шли-та наабарот. От эта я никагда не забуду... Рэчки – дярвеня, Апóлье... была многа.

А патом, черес сколька мы времени, через неделю мы вазвратились назат. Ехали другой стараной, через деревню Рагóзна ехали... Атец нас фстречал... атец был в акопах... спрятафшы, наш атец не захател, што он пажылой, итти... «Да, мы, – гаварит, – не успеем уйти, немцы скоро нас дагонят...» Патаму шта предателей была многа. Фсево... вот и действительна, нас нагнажи... А патом, через неделю, мы вазвращшылись... Вазвращшылись в дом свой ... И этот дом вот, каторый теперь-та згарел, он был цэлый, а вот ф том, ф старам, ф каторам мы жыли – он тожэ стаит сичяс напротиф... Там такое была... Там фсё: и книги, и бумага – фсё была такое там, што ани искали, немцы – я не знаю... Я ваапшше не узнала сваю хату. Там такое праисхадил: и мёт ани там на... на этэй, на печке, на плите... как эта называецца... тапили или што там... Пасуда там фсякие, эти там... соты... Так была там разделана – ваапшше... Да, што ани искали. Гаварили: партизан... Партизаны... А нашли партреты Ленина, Сталина. А вашли мы ф комнату, мы дажэ испугались... Фсево... Ф комнату вашли – там ничево не паймёш. Што там ани искали? Ну, атец-та работал

претседателем калхоза. Ну вот, и партреты, канешна, были. А как жэ раньше?.. И фсё такое, к таму времени...

Ну, а патом стали гаварить немцы, не самі немцы, а там старасты были... из руских... руские старосты... Убирать... в июле, поле нада была убирать... Паля, июль, паля... убрать... «Разделим па-единачнаму, и будете убирать, штобы не прапала фсё дарам... И вам будет...» Я не работала, а атец... работали фсе па вазможнасти. А я плоха себя очень чувствовала, што краватечение с носу была... Тут ешшэ стали в Германию атправлять... Лёлю в Германию атправили, сестру маю млатшую. А меня аставили па руке... Немец этат, врач, как он: «На хаузэ» – дамой, дамой. Ну, вот так, начали там, арганизовали фсякие эти как бы эти... бригады, штобы убрать, разделили, штобы дасталась там каму-та. Штобы как бы единалична лутшэ будет убирать... паля... Ну и убирали вот... так...

(Тетя Наташа, а были какие-нибудь истории о том, как немцы сжигали деревни?)

Жжыгали... Вот, ат нас недалеко... жыли там... везде – жжыгалися. Ф Картачáх, ф Картачёфском сельсавете были, там были патизаны, в Апрóсьефском сельсавете были партизаны – и там жжыгалась.

А нашы предатели были – дабравольцы, каторые служыли немцам... Вот, ани фсе предавали наших... Предательства были... А настояшший челаветк, канешна, никагда не выдавал... Многа была наших – партизан. У меня два двоюродных брата расстреляны жэ, у тёті Ньюши Спирофскай, да, за свясь с партизанами... так што... наш русский нарот был... многа предателей была. А зачем эта такое... даказывать, делать, кто, што был, кто делал... Кем – зачем? И у нас в Бежаницах павешэнье была за свясь с партизанами и партизан. И нас фсех: «Идите, пасматрите. Убедитесь, што вы не далжны этава делать...» Ну там, перевотчики перевадили, не

немцы, перевадили нам... такие перевотчики. И вот ани гаварили, што: «Капут будет руским, кто связан с немцами... с партизанами...» Была многа предателей... и русских. Хадили там, и дабравольцы были – партизаны... а сами, как эта называецца... грабили... брали адежду, обуф... такие партизаны были...

(А были какие-нибудь истории расправы партизан над немцами?)

Вот расправа через павешэнье. Эта от была...

(А сами партизаны что-нибудь делали?)

Партизаны были... имели свясь... У нас вот здесь тожэ здесь были люди, каторые были связаны с партизанами... в Бежаницах... ну и те партизанам передавали.... Помню, был такой случий. Был такой кинатеатр для немцыф (немцы зделали ф каком-та памешшени), и ани сабрались сматреть кино... А нашы саапшшили... Им была дана бомба... бомба или... да, бомбу бросили... ф то памешшение, каторае была занята пат кино... кино там сматрели немцы... И вот нашы руские сказали партизанам саапшшили, што так и так: севодня будет кино... многа будет там немцеф...И вот была брошына бомба. Эта я точно эат случай помню.

(А вот дедушка мне рассказывал историю, что в Дворицком районе живьем партизан закапывали... такие случаи были, ведь да?)

Были, были, да... Ну как жэ... У меня два двоюрадных брата... у них ... ани исколаты... там столька ран, невозможна сашшитать, ани умерли ат ран... Эта жэ издевательства. А кто предал? Ани ф Картачэвском сельсавете, шпяс в Двóрцах... А за Двóрцами был Картачэвский сельсавет... Сечас эта фсё саединено... называецца Двóрицкий сельсавет. Панимаети? А раньшэ были памельче, раёнчики были памельче ... эта деление... Вот такое была, была, делали, баялись, канешна, фсё... И долго я ваапшше не выхадила ф цэнтр баялась... Не

немец, так наши предадут... и наши могут, магли делать. Была многа фсяких... Эта вот такой был парень... он нашим... Вначале немцам служыл... немцы уехали – руским нашим стал служыть... Ну разве так вазможна?

(А немцы когда ушли?)

А немцы ушли... Три года и три месяца мы были в акупацыи... три года и три месяца... вот сашшитай... Это так... сорок...

(Февраль 43 года.)

Да... Эта... Так... да.... Так примерна, январь, февраль. Три года и три месяца.

Записано от Соколовой Натальи Георгиевны, 1924 г.р. Место рождения д. Чеченская (историческое название пос. Бежаницы) Беж. р-на Пск. обл., 1997 г.

ГДОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

(Любовь Константиновна, а кто же это у вас такой заводила, гармонист-то?)

Гарманист? Эта мы ево нашли, этава гарманиста [смеется]. Кто к нам пайдёт, как он. Он, наверна, двадцать васьмова года, он ешшо маладой, но он эта, ихна дяревня-та, недаляко ани жыли. Но теперь здесь ани фсе перяшли. Паслали. Адни партизаны заминиравали мост. А фтары пришли: идите разбирайте, штоп немцу не уйти. А мины вот взяли... первый рас па этим... там накладены были брёвны, взяли... Кто ушол, кто ишшо идёт. А кто-та, я уже забыла, кто из них. Кака-та жэншшына взяла што-та адну, мина-то и взарв́алась. Как д́ала. И каво убила, каво как. Так он ранен, глаза нет, и тут фсё перябита. Так вот этот наш Виктор, он теперь здесь, так...

*Записано от Лаврентьевой Любови Константиновны,
1922 г. р.; д. Партизанская (Полновский с/с) Гд. р-на
Пск. обл., 1991 г.*

№ 2.

<...> А патом, при немцах, как убяжали... нас немцы забрали в лясу, паймали вот в эту-та войну, нас паймали немцы в лясу. И сагнали на станцию [Ямм]. У нас там палавина дяревни была в адном лясу, а палавина в другом. И вот анна жэншшына пашла (старуха така старая) пашла за сенам куровы – и куровы были в лясу, а там была аблава, немцы. И к нам немцеф и привяла. И нас забрали. Павяли на станцыю. На станцыю вяли. Там, значыт, стали их этих разбирать, которых пубольшэ, вот этих детей... У меня этих две дефки, два мальчика – ф Пскоф. А а нас – в Ыстонию. Эта там много таких, ну ф таком возрасте направляли.

Значыт, а в этот мамент уже Нарву взяла, эта, Красная армия в Нарву взашла. И партизаны ужэ заняли Гдоф. Им уже никуды – ни ф Пскоф, никуды. Ну, вот нас павяли фсих, фсих – там абос был – там многа забрано людей была. В абос павяли. И вот, не даезжая Залахтóвья, партизаны фстретили, абстреляли. Хто как, мы вот убяжали. Я убяжала. Адин этат был малец этат – маленькой... А была эта зимой дела, в феврале, ф канцэ феврала, двадцать фтарова феврала. Я эта развярнула мальчышка-та, удяяла патяряла! Фсе ш выскачили с этава шарабана (нас ф шарабан пасадили). Многа там таких, ой! Астался мужык и сын, а вот эта убяжала дефка, две дефки убяжала и маленькава [неразб.] и этот мальчышечка, а внучка маленькая была. А вот эта, а мужык хател бежать, немец и лёк ф канаву и не пускае, стрел[ял?], и мальчика анно́ва. Вот. Славик вот ён таперь там живё, напротиф мо́ста. Ну вот эта и убяжали.

Прибязали, толька прибязали в мох там в этат, я валенцы и патяряла. В этай, в вады, ва льду, ва мшаге. Вот,

глядим – там немцы нафстречу нам. Но ёны не даглядели, мы сели, и ёны пабаялися уйти, абратно ушли сразу, и стали абстреливать. Ну вот, тагда мы пришли в укуп там за Гаршкóво – дярвеня, окала Арехофцóф. Пришли, нас там пакармили картошэчкой, такой наварили маленькой. Вот тогда мы ночью пришли дамой. Многа там этых наши наш лагерь. А другой лагерь не был забрана. Аны з другой староны были, в другом лясу. Ну вот тогда пришли.

Записано от Ивановой Марии Егоровны, 1904 г.р.; д. Ямок (Полновский с/с) Гд. р-на Пск. обл., 1991 г.

№ 3.

И вот мне саснился сон, што ну... мужык мой идё и сын с подворья. И наутра и правду. Аҫа. Эта ужэ как в Ыстонию не папасть, так старик вывел вот этых там наших – не аднóва маево мужыка – вывел в озера и вдоль озера, вдоль берега, и в лес – и пришли думой. Вот и в эту вайну дома, толька ф Финскую был. Так в ево были ноги атмарожыны. Ему пустиравали ногу, óтняли, панижэ кóлена ф Пскове. Ён и умер. Вот. А я асталась. С дитям с этаким. И вот так, пастроили дом, взяли крядит, чатыре тысячи дали. Вот.

Записано от Ивановой Марии Егоровны, 1904 г.р.; д. Ямок (Полновский с/с) Гд. р-на Пск. обл., 1991 г.

№ 4.

Я не видала, я не видала, как виселися [пленные лейтенанты]. Я толька пришла (корову-то увяли), так пришла, глядеть – только, гляжу – наши, вот как есть засада, бывшы это окопы, так наши фсе и убитые ляжать. Лейтенанты ф синих штанах, ф шубах – и лежат. Вот это я видала. Как раз, где главмясо, где топерь школы. Так вот и так, бывшая эты... окопы

зделана в наших. И вот оттуда били наших. Как наши хотя взять станцию – там сразу били их. С этой... «ванюша» аль как ево?.. С этово, били ис пулемёта. Вот такие дяла.

Записано от Ивановой Марии Егоровны, 1904 г.р.; д. Ямок (Полновский с/с) Гд. р-на Пск. обл., 1991 г.

№ 5.

В нашэй дяревне пувесили на станции, нашэй деревенской, жэншшыну и мушшыну, повесили жэншшыну... А девочку такую во хлеф закрыли. Немцы там, на станции. Привяли потом дачники эту девочку. Она в Гдове сразу¹. Уже там ужэ она замужэм, и дети ужэ в ей большие выросили, бабушка там ей взяла. Так нявинную, жэншшына такая, нявинная была, да и мужык-то – ничóво. Ну, с немцам, он пришол с немцами рыбу лавить... Ну вот, ево и пувесили. Ой, а яю повесили, и говоря..., а наши зарывали чатыре мушшыны. Думали, что и их зарюю. Так говори, повесили яю – пошла с носа кровь, и с низá пошла кровь... Повесили... Молодая жэншшына, хурошая. Ена ничóво, нявинная, она не наша, а вышэтшы со Гдова была за нашэво. Ой... на станции десять человек [повесили]...

А вот эта, сволоч такая вот немецкая... вот здесь штаб-квартира была, немцы здесь были. Это в ей... начальник – я и ня знаю, как и фамилия – не показывае, не говорил. Был этот, адъютант, вот, жыл в ей начальник, вот петлявик ходил – петлю который вешал. Под ручку пойдё с ей... и... по станции... и гавари: «Ката!» (её Катькой звать, а немец – так это язык-то такой акцент). «Ката! Гут?» – «Да, гут, гут!». Десять человек висели наших, нявинные люди, ой! ой!...

¹ *Срáза* [живет] – сейчас, в настоящее время.

Пришла вот, как я, к дочке пришла, бабушка з Жалчі – на станцію... Вот повесили што: дочку ейну, и внучку, и зятя, и ею – четверых с семьи повесили! А онну девушку – была девушка, докториной яна работала, не, фельшыром – повесили. Как она высказывалась! Я-то не видала – я там в лясу была. А нашы-то там были много... Как высказывалась она, как матери она наказывала, как ею повесили, што... перядайте матери... – молодая девушка... Ой! Десять человек висять! И вот она [Катька] так и вывернулася... С немцам ходила, ходила. А потом и руськие пришли, пошла в баню с этаким с русским, с капитаном, в баню. «Ты, – говори, – мне жана». И вот яна вот и топерь фсеё она командует. Гóни самагон <...>

Много в нашэй деревне – в опшшэм, семьдесят чэлоовек убили – ну ужэ это и куторые в городе жили нашы дерявенские. Семьдесят чэлоовек убило, считали. А мой-то не подошли дети-то под эту...[по позрасту]. Да, вот этот вот малец – он был ушотшы в Ыстонию – хлеба-то не было, так в Ыстонию, там кормица. И ешшо один парень был ушотшы. Так ён не подошел, вернулся. А тады б вот ево взяли бы, можэ быть, дватцать восьмово года – так не подошел, вот. И так вот это и остался, ён.

Записано от Ивановой Марии Егоровны, 1904 г.р.; д. Ямок (Полновский с/с) Гд. р-на Пск. обл., 1991 г.

№ 6.

После вайны так и переживали мы. Адевалися мы очень плоха.

(А вот в войну сколько вам было лет, когда вы родились, какого вы года рождения?)

Я триццатава года. Сколька мне была? Вот двенаццать, вот ф таком возрасте.

(То есть вы помните хорошо, да, как немцы наступали?)

Ну так, а мы немца очень я боялися, мы.

(Боялись? Прятались?)

Ани приеха... прихадили к нам, ну вот в нас такой был, ну, как назвать, стараста. Он счас там в нас в дяревне. Тифы, правда, тифам помер он. Аны очень буялися, аны сразу ат нас ухадили с нашэй деревни. В нас деревня фся цэла б́ыла. А это ужо кагда немцэф угнали в Ыстонию, вот... и лятел немецкий самалёт. Ну, а в нас, в нашем краю, был запас – у нас рыбацкий эта калхоз – запас был подвешан, што з берега была нельзя, што увидя там, а аны в наш край вот... павесили, а ани-та заметили, што какое-нибудь оружие, може, и вот з зажыгательных бомп палажыли и деревню сажгли.

Вот так! И так мы астались бяз дома. Но патом-та братья – фсе вярнулись, фсе трое вярнулись, братья дом срубили, стали апять жыть, ани жанилися и... своих сямей завели, вот так.

Вот такая жызьнь у нас б́ыла. Но прежде как и прежде были, я этава не знаю, эта не при мне.

Записано от Павловой Раисы Степановны, 1930 г.р.; д. Болдырёво (Ремдовская вол.) Гд. р-на Пск. обл., (род. в д. Чудская Рудница Самоловской вол.; с 1970 г. живет в д. Болдырево; расстояние от места рождения до места проживания ≈ 20 км.), 2005 г.

№ 7.

(Скажите, а в каком году вы родились?)

Я? В дватцать пятом!

(В 25-м году, то есть когда была война.)

Не-е-е, после...

(Нет, ну я понимаю, что вы уже взрослая были?)

Да-а, мне ужэ пятнаццать с палавиной лет была в вайну, как н́ачалась вайна.

(А вот вы хорошо помните, как все происходило вот здесь вот, немцы, когда вот они пришли, что делали, вы помните?)

Немцы пришли ф сорок первам к нам. Приехали, быстра. Быстра фсё-таки, только началась вайна – как-та через, наверна, недели две и тово меньшэ, и ужу в нас: приехали матацкылы.

Идём вот аттудава, на сколька, километра чэтыре с покоса и смотрим: и немцы едут на матацкылах по мосту-та, мост-та был, по мосту. И вот. Мы скарей вышэ паднимать грабли, штоп стрелять не стали, грабли или ф ково што были: «Паднимайте вышэ!». Ани магли наставить пулямёт – и фсё.

(То есть вот если грабли поднимали, значит, как бы как вы как вот просили, чтобы вас не трогали, или как сдавались, да? или как?)

Да не! Мы это штоб видели, штоб выше, идём, штоб, ну, стрелять бы то не стали! Или подумают, што скажут – партизаны.

Вот, так идём и кто што: ф ково што взято с собой, и идём, и поднимаем. Ну а пришли – не, ничево, такие.

(То есть ничего. Они ничего. А вот забирали скот; а вот людей отсюда забирали в лагеря? Или нет, или не трогали?)

А! Не! Сразу ня трогали, а потом ходили, збирали яички.

<...>

Яички, вот, а тут эту ани эту, немного тут [побыли], а отправились сперва, как приехали-то, отправились тут. А наши партизаны, этые, мушшыны-то побоялись, вот. Первый день были на Пучкове-то, так оны там и остались и побоялись домой итить. Што, а мало ль, могут забрать и убить, аль што. Веть я, не верю, што там мы с покоса. Вот. На покосе туда даляко ездили. А наши-то пришли, так ой-ой-ой! Хорошо, это наша-то рузетка так, лиса пабязала, они пошли туда, лиса пабязала, и в озеро, а там немцы, аттуль, с Ыстони, идут. Ну и пошло! Так это, хорошо, што лиса, а так лоб в лоб! Вот так по большой дороге... на Самолву они эта, а так это, ну наши разбили тут их.

(Скажите, а тяжело же было вот в военное время здесь, да?)

А как жа!

(Ничего же не было, только старики наверно остались да вот и дети?)

Да. Да, молодёш вот.

(А чем занимались в войну? Может, как-то вот чтобы себя, ну вот как-то не упасть духом...?)

А вот в войну, самое... ну справили землю, картошэчку посадим это.

(То есть сажали вы?)

Сажали картошэчку это, ну овощшы... фсё... это вот этим и мы жыли. Вот. А так... ну как? Ой, запасоф не было таких што. Надеялся, што... не ждали, што так нагряне на нас. Нас ведь вот сожгли [немцы] – и фсё-фсё сгорело. Не во што было переодецца! Ф чём стояли, ф том и остались! Только куровку взяли: вывели, успели.

(А как немцы сожгли? Вот говорят, нам Раиса Степановна сказала, что полдервни сожгли.)

Ну это там они, она жыла в Руднице жэ, а в нас-то фсю. Как как отступать – фси деревня сожог; фси полностью!

(Немцы, как отступали, сразу за собой жгли?)

Ага, и сразу жгли, ходил, я, говорю, вот было б хоть два-то партизана. Ну, наверное, так и надо было. И этово одново убил бы очкарика, вот и фси б дома бы были цэлы. Вот.

(То есть немцы, вот они как, поодиночке, да, ходили... что вот можно было их убить? Вот вы говорите «если бы партизаны были»?)

А так он ходил один зажыгал. К каждому дому, придё и зажыгая.

А он не говорил, может быть, чтобы люди вышли? или прямо люди в доме, а он подходил и зажыгал?)

Не-не! Это было, это-то врать нечэва. Спёрва, один обошол фсем по фсей деревне, што выносите. У нас было фсё

вынесено. А это или подожок или как, я не знаю, или искра попала, а фсё было вынесено... з дому-то на улицу было, вот туда, вынесено. А жыли-то вот тама, где теперь заросло, там был дом, вот где парник как раз, в том месте. А было вынесено и далеко-то, а вот, или, кто поджок или искра́ попала: мало ль! А не это, и врать нечэво; в огонь, – это где-либо, можэ быть, ф каком другом месте, можэ быть, а в наших дерявнях, тут не было, вот што в Гребенёве. Только вот этот, если кто понесё, мама-то хотела, што с собой взять, хуть удеяло, што-нибудь, так он ужэ шшолкать давай, так я заплакала и скорей маму оддёрнула. А она: давай иттить забрать што-нибудь с собой. А оны и ничего; как вынесли – и фсё это осталось, и фсё згорело. Вот видиш, перяжыли, дал Бог. Фсё стало, опять зажыли. Ой! Тижало было только што. Вот.

Записано от Басовой Евгении Васильевны, 1925 г.р.; д. Болдырёво (Ремдовская вол.) Гд. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 8.

На выселку от... выселили, што пойдёт тут фронт. Так нас отослали, ну сколько килóметров? Килóметров, наверное, пийсят, наверное, или шыйсят, нас отправили, это туда, в другую деревню. В лесу деревня, ну фсех, со фсех деревён, вот, это так поде... туда, што где фронт не пойдёт. А мы приехали – и как рас и фронт пошёл здесь! Там такой город брали – Пересáд! А сколько людей погибло!

Он, вот это, Рая-то Павлова-то (как, Павлова яё?), тая от в Руннице – так они близко к перяправы, там от йих перяправа была, тоже Супневá, так там столько наших погибло, беннии. Такой город брали! Надо веть внофь-то выстроить, три было этих килóметра, много нашим бенным надо было!

Записано от Басовой Евгении Васильевны, 1925 г.р.; д. Болдырёво (Ремдовская вол.) Гд. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 9.

(Вашу... сжѣг да ваш дом?)

Да, и фси, и вот рядом, фсю деревню, только вот осталось... А, вот я расскажу, ешшѣ не сказала! Вот, когда это, жжыгал-то он дома, вот это... в нас там дом... тѣтя Шура, одна старуха, жьбла. И вот она взяла какой-то иконой: или Казанской Божьей Матери, или Богородицѣй – обнясла, ужэ, говори, двор горел. Рядом, двор, и в йих было вот так приставлены прежние старинные два омбара – и эти горели, а она иконой обнѣсла, там рас аль два обошла кругом дома – и цѣлый, не згорел!

(То есть дом сохранился?)

Сохранился.

(Огонь не пошѣл на дом?)

Да! И рядом, рядом жэ веть двор-то! Вот какво? И в нас рядом, так и в йих было. И вот видиш как? Вот, обнѣсла, и-и Бог сохранил. Наверно, иконой.

Так, а вот и говорят: и в войну-то вот в Маскву так самолѣтом! И а Ленинград? Я думаю, не, не самолѣтом, так обнѣс... обошли иконой, вроде бы! Или тожэ самолѣтом – забыла. Вот. Говорили. Вот видиш как!

Записано от Басовой Евгении Васильевны, 1925 г.р.; д. Болдырѣво (Ремдовская вол.) Гд. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 10.

(Тяжело же было после войны?)

Ай неужэли же, миленькая! Фсѣ надо, веть это, попробуй и... и... и... и... ночѣвали... Сожгли, так и негде, – это хорошо, што вот два... две риги, два гумна было! Так в этом и жили, и в этом. Што, ну што? Два дома только осталось, так фсих-то не поселиш! А народа-то было много в деревне тогда. Вот. Много народа было. Ой, как в нас это были, нашы-то красные части

пришли, а нас взяли двадцать шыстой год фключительно – наши это. Ветрович там был, вот, там нас и взяли. Но от одёжы не было, а нас бы отправили бы. Гворю: вот только девушэк отправили перед вам, нам военные-то, мы с ними... на работу ходили, там десять суток мы жыли на Лочкином. И дали нам бумагу, што до первого востребования, што как не сегодня-завтра могли п нас вызвать; ну, помогать там: то стирать, то картошку чыстить, нам нашли п дело вить!

<...> Вот. Ну, шашнацатово марта, вроде бы, да, нас пашли по лесу, в Ветрово пришли. Там наши были, эта засефшы: штап там был; военные фсё с погонам – начальство фсё. Вот. Ко фсем подходили, расписывались, и нас в ночь, днём-то нас эта не пошли, што самолёт, аккуратно надо, спокойно итти ночью, штоб не видать. А надо итти было сколько? Килóметров трицать, я думаю, пешком мы шли. Ну, нам... мы привыкшы [смеется], привыкшы были: хоть сто киламётраф отайдём! Вот. Там лес... эту, шалашы делали, ветки помогали волачыть. А там это пожылые военные, што которые бывшие раненые, наверно, так поправифшы, но оны не софсем так те, эта, кто говорил: «У меня трое детей». Фсякие веть были взято-то. Вот на Лóчкином в лясу, там кругом в лясу бугор был, хорошо так, чыстенько было, грязи не было, што землянок там! Теперь в этом мы ф шалашу жыли, а потом-то зямлянка освобадилась, зямлянку нам дали. А я... Фсё-фсё было, фсё перяжыли. Да. Только от зачэм жжыгал-то? И фси деревня веть! Он и туда дальшэ-то и за двадцать километров – фси! Как от самого Гдова, и фсё жок и жок.

Он отступая ужэ.

(Да, уже отступал, уже деваться некуда.)

Угу! Забралися ужэ на столба. Свась прервана, вот и скорей давай! Да хоть бы не каждый-то ходил, Боже мой! Ну пусть два-три, а то каждый поджыгал дом! Это было... Нас сажгли чатвёртава февраля, а восьмова февраля наши красные

части пришли. Они говоря: «Мы вас застали п не сожжонные п». Да йих бенных, около речки... где-то мосты строили, вот дотянули. «А так бы, – гврит, – мы п пришли, вам бы было п хорошо, тогда не [смеется] не сожжонные!» Вот. Да, это война фсе наделала. Так, девочки...

Записано от Басовой Евгении Васильевны, 1925 г.р.; д. Болдырёво (Ремдовская вол.) Гд. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 11.

(Вот как вы объясните, почему люди не поддавались, почему не отчаивались?)

Вот это. Взяли фсе набралися, как будто бы, или Бог так дал силы, што не боялись, а фсе веселились. Как вот стало это после-то войны, как наши пришли, сразу нарот весёлый стал. Вот. Как пришли, так зарадовалися, што Господи, конец-то! Ой! Я говорю, и на работу так мы ходили – столько народу было! – и не ругалися, спокойненько и с песням. Фсякие песни военные пели.

Записано от Басовой Евгении Васильевны, 1925 г.р.; д. Болдырёво (Ремдовская вол.) Гд. р-на Пск. обл., 2005 г.

ДНОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Ну вот в вайну ана з детьми... растреляли у нас тут в деревне. Пагибла с этими малютками, а он [муж] пришел жив-здорв, с руками и нагами. И вот эту песню пают кагда: «Уш ты прасти меня, Прасковья...». Как эта... «Пришел салдат с фронта». Вот, я думаю, точна вот пра неё. Вот как запают, кагда я первый рас услышала... Да, вот он вярнулся, живой, не раненый, а её с тремя детками нету. Немцы растреляли вот в

опшшей нашэй тут куче. Четвёртава января сорок четвёртава года.

Ну, вот кстати я вам тагда кóратенька пра эта раскажу. Деревня у нас шшиталась партизанская, паскольку вы сами видите, ана кругом в лесу. К нам бежали дажэ з других деревень прятацца, немцы стаяли вот в Трэсне, в Нінково были... Трэсны... гости... А у нас были, не была... партизаны первый гот вайны, сразу ани в лесах тут блиндажы строили и хадили ночью па деревне, прасили паесть, папить, там адежду, какую-та фуфайку, обуф давали. Скрывали, никто никагда не выдавал... Патом, кагда ужэ ф сорок... в канцэ, навернае, или зимой сорок четвёртава года, партизан стала очень многа, маладёш фся ушла ф партизаны. И у нас в деревне ушли, и вот этот Михаил Алексеевич, што играл, тожэ ушол ф партизаны. Ну вот, они [партизаны] ужэ в зашли в деревню ночью с песнями, и раскварти... расквартиравались па дамам па пять, па четыре челавека. Деревня, канешно, избушки были маленькие. И жыли, и хадили в задание. Хадили в это вот... Выбили там немцев, там, в Дно хадили, на жылезную дарогу и вазвращшылись. Ну, кароче гаворя, немцы, канечно, эта терпели-терпели и решыли паслать карательный атрят на Гарушку. И вот днём четвёртава января сорок четвёртава года, с утра, партизаны тут вроде стали па дярвене какое-та движэние. Ну, да этава в деревне правалили такую палитику партизаны, што «капайте акопы, ухадите фсе в лес ф случае чево».

У каждава был в лесу... вот у нас тут запушшена, выкапан акоп, и нада была атправить людей, канешна. Вот эта маё личнае мнение. Как тут замешательства палучилась, што ани [партизаны] дажэ не пустили людей. Сказали, будет движэние, мол, сидите фсе, садитесь в акопы в агароде. И мала людей, каво... кто ушло. Ну, патом, значит, стали ужэ слышны выстрелы, стали пажаришшы видать кругом деревни... горят... и палетели самалёты над деревней. Вот мы лична сидели в акопе в

агароде. Четыре жэншшины з детьми, многа была детей. Бапка старая тут, баба Груня. Патом две жэншшины вышли, што-то люди... «Ой, – гаварит, – пабежали в лес». Давайте и мы вот там агародами (а лес-та сразу за агародам), и мы толька успели в лес, ужэ па другой дароге шли немцы, и ани прастреливали, прашывали лес, пули толька вжык-вжык, а самалёт над нами прям ниска, па самым саснам, и стреляет, стреляет. Ну, прямова пападания вроде не была. Никто не пагип.

Ну, а кто-та не ушол в лес, кто астался. Вот как рас и бабушка мая и вот с внукам с маленьким, и там ешшэ была в акопе в агароде. Ани зашли в деревню. Партизаны ушли, видима, видима, за Шелóнь, аставили тут засаду, эти не удержали, ани вашли в деревню. Часть сагнали, значит, в адин край деревни, там запёрли в хлеф, а других... с той стараны... сабрали и хатели тожэ, видно, в ызбу, там за речкай сразу жжэчь, народ не пашёл, никак, упёрся и фсё, тагда ани, партизанский штаб, партизанский штаб был вот там, где магила брацкая, ну, вот где зарыта, был дом. Сагнали фсех, паставили, гаварят, шэсть пулемётаф или три, ня знаю, перекрёсным агнём и фсю эту кучу...(там была сто челаветк – сто писят). Хоть написана на памятнике там сто шысят четыре дажэ, есть а там ешшэ куча [реплика], а там ешшэ адна, да.

Перекресным агнём, значит, палажыли и пашли за саломай, штобы жжэчь эти сваи злодеяния. Кагда ани ушли, тут кое-кто раненый, кто заваленный, кто живой. Стали перегаваривацца, выпалзли и пад берек, пад речку, кто куда. Часть людей, вроде даже дваццать семь челаветк, шшитали, ушло живых, раненых, фсяких. Некатарые детки маленькие згарели живьём, выпалзли, а патам, значит, тут гарела фся деревня, гарела тут, бальшой дом, пятистенный. И гарели эти трупы фсе. И кагда в деревню... Патом ани там прашли дальше, был бальшой акуп, туда фкопана была изба или амбар (што-та, там была челаветк триццать), аттуда выташшили и тожэ на

ручейке растреляли. Вот ани сечас, где скотный двор, там зарыты, там никакова ни памятника, ни аграды нету.

То жэ самое и дети, и там две семьи была у нас, была многа. Деревня была набита, как улей пчелиный. Здесь были бежынцы с-пат Стáрай Рўсы, ис-пат Демя́нска, там патаму што фронт: то нашы, то немцы, то нашы. И вот немцы их сюда выселяли. И ф каждой избе ешшэ стая... была сямья, и вот там две семьи растреляна, раньшэ была на той магиле дасочка такая вырезана: па сем чалавек – дети, и шэстимесячные, и две семьи роцтвенники.

Ну, вот на этой магиле памятник адин стаял, шшыя другой, где чалавек сто пият, сто шысят четыре. Ну, эта фсево, наверное, – сто шысят четыре. Ну, здесь чалавек, не знаю, написана сто двадцать семь. Па-моему, на памятнике эта, канешна, не правильна, вот пашшитать была трудна, патаму што не адни сваи деревенские, из других деревень были, были и из бежынцэф, да... да... были атафсюда растреляны.

В обшшэм, эта бальшая была трагедия, кагда люди пришли из лесу, увидели вот эта. Катя... её тожэ, её невестка з двумя маленькими дятми, красавица, Юрочка и Толенька, а муж был на вайне, учитель, вернулся... жыф, а жэна вот с этими двумя детишками, вот в этой куче была. Многих была не узнать, эта проста галавешки. Маю бабушку па маме, вот её растреляли там на агароде. Их выташшили, этих гнали в Латвию и Криўху фсех тожэ, и раненые были, и детишки, и разутые, раздетые, пешком. А здесь вот эта куча осталась. Фтарые дед с бабушкой, дед и прабапка нашли пэпелишше на... на пэпелишше трупы, видима, то ли их застрелили, то ли ани жывые згарели. В обшшэм, там и партизаны ф калотцы были накиданы. Вот Валентина Якавлевна, каторую вы записывали, ани закрылись в акопе на агароде, жывы астались, натапили, баялись выхадить, не знали, вышли ли немцы з деревни, деревня згарела, уснули и угарели. Вот она еле-еле ачухалась, адну расталкала, а четвера

там так и умерли. В обшшэм, по фсей деревне были трупы, была... была страшна. Не дай Бог никаму такова.

Записано от Титовой Анны Григорьевны, 1930 г.р., Алексеева Михаила Алексеевича, 1924 г.р., Михайловой Екатерины Алексеевны, 1922 г.р., Сергеева Ивана Григорьевича, 1939 г.р., Платоновой Валентины Яковлевны, 1929 г.р., Черепановой Антонины Степановны, 1930 г.р.; д. Большая Горюшка (Юрковский с/с) Дн. р-на Пск. обл., 1993 г.

КРАСНОГОРОДСКИЙ РАЙОН

№ 1.

При немцах к нам эти были, как их называли, бежынцы аттуда из-за реки Вялікой, из-за Пушгór, туда. Эты, и мы, и немцы... немцы жыли кагда, ва время аккумуляции Красногарóцкава раёна. Немцы жыли в нашем доме там, был... были паселены, а мы фсе в хлевé, в хлевé жыли. И вот этих взрослых заставляли немцы, эта, акопы капать. А такой в нашэм доме начальник, и у ево аставался такой, как прислуга што-ли, фсё то там палавики трёс, да тое-сёе. И как придут ани с акопаф фсе, немцы вот эти, так нас заставляли мыть сапаги, заставляли мыть сапаги. А иные, иные-та харашо, харашо, каторые такие чувствительные: вымай. А иной возьмёт, иной возьмёт завернёт в эти фантики глины кусок и даёт, а сам смяёца.

Фсяво пришлось перяжыть. Трудная, трудная жызнь. Вырасли внуки, мне нада была работать, работала трудна, на этай... на ферме.

Патом сатрясение была, сатрясение мозга была, пункцыю... пункцыю брали у меня вот, пазваночник балит, так што сильна. Трудна... перед пенсией трудна работала на ферме.
Записано от Кузнецовой Зои Михайловны, 1934 г.р.; д. Ильинское (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 2.

Мы спасали людей, спасли многа, сто чэлаовек. Ани тока пришли з задання и аддыхали ф сарае, а брат узнали, што горить Мясловка, Крысиковка, Пяставец, и шол [немец] чэрез Залатой Востраф и хател нас жжэч, патаму што мы саапшылы, што и Мачалаф двинецца в эту сторону. И так мы, тагда была сильная пурга, снег. Нас папаша забрал фсих рябят, фсажал нас, была рябят многа нас, девять штук, на кане, и ввёс на такой востраф, ешшэ Чорный востров. И мы там зиму жыли ф шылашы. Зима, и полной зимой так и кастры гарели, штоп немец нас не ввидел, ф шылашы. А ёлки-та еты трескали. В нас фсё-фсё была пражжоннае. Как шшолня, а мы сидячы и спали ф шалаша... ф шылашы. Ну и ета, а я забыла, каво гаварить. И вот да канца вайны мы в эта жыли на востраве, на етам, а тагда паехали, кагда кончылась вайна, паехали в дяревню.

(В какую?)

А в Барашкава.

(А как вы там жили?)

Замуш вышла, а я замыш вышла ат той дяревни. Мы купили тут избу, папаша купил, и на дяревне замыш взял, такую дурачку [смеется].

Записано от Ивановой Антонины Андреевны, 1936 г.р.; д. Трибисово (Покровская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 3.

И немцы пришли, выгнали нас са школы. Хадили мы тагда вот за ряку хадили, и маста не было, проста па этым, па клаткам, па слягам. Там в Бобра учылися. А патом, как-та учылися, вот где была старая бальница.

И, наверное, учительница гуляла с немцэм. Это ... пусь все... пишут. Ну и вот. И тая как приде толька, и ён приде как с

сабакой з бальшэннай. Мы фси бегаем па класу. Госпади, вот была дела.

Ну а што дальшэ? Дальшэ... немцы как ваши, я апать пашла [в школу]. Фсё сначала ф третий класс, и ф пятый надо было ягзамены осенью здавать.

Никита ваш гарбатый не ставил па математике, штоп ево волки съели [смеется]. Да, и так я бросила хадить. Жрать-та была нечэва. Хадили картошку гнилую капали, и бросила [учиться]. Вот так. И сразу работать. Работала-работала, сорок два года атработала и никаких льгот не заработала баба. Вот так.

Ну и што яшшэ я скажу. А гулять-та любила бегать. Да... [смеется] уш паработафшы как, мыфшы – не мыфшы, какие-нибудь апорки обуеш и пашол. Па дерявням гуляли. Ф клуп нада итти нада были деньги, штоп кино глядеть. А кто нам денек дась? Вот так. Вот и хадили па дерявням: Афсъянки, Поины, бегали... Весяло́ва. Ну и, ну и што дальше?

Записано от Афанасьевой Зинаиды Григорьевны, 1932 г.р.; д. Кривины (Покровская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 4.

(Немец пугал, а как пугал?)

А пугал так, требавал, што нада, ну ись он каму нада адбирал. Ись! Яйца, яйца, да фсё адбирал.

Записано от Петровой Александры Ильиничны, 1931 г.р.; д. Кривошляпы (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 5.

[Т.И.] Адин в пляну пагип, вот ф Пскове Крясты́. Ф Кряста́х, Жень? Вот где замучали яво. А привязли ево дамой, пахаранили, вот здесь, на этих, на Ильинских, кладбишсах, с плена.

[Е.] Немцы аддали.

[Т.И.] Немцы аддали.

(Отдали, а обычно не отдавали?)

[Т.И.] Не-а.

[Е.] Ну, каво аддавали, выпрасили.

[Т.И.] Выпрасили, аддали, аддали, привязли дамой, вот сястра вот с этого, с этих Крестóф, [неразб.] там нести бабушка, там ужэ ани вот вазили прадукты, ана яво хадила, кармила.

(Это брата, да?)

[Т.И.] Угу.

(Это Ваш брат, да?)

[Е.] Ага. И вот она ево на кликишках...

(А что это такое?)

[Т.И.] На сябе нясла, вот да этой бабушки. Нясла вот яво пакойнава, аддали вот, принясла, и папа падъехал туда за ним, привязли дамой яво.

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р., Васильева Е., 1935 г.р.; д. Кривошляпы (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 6.

(А у вас отец погиб да на войне?)

Не, мой папа не.

(А мама?)

И мама. И мама, да. Ани дажыли долга, абои па... на восемьдесят пятам гаду помёрли, што один, што другой.

(А они в войне участвовали ж, да?)

Не-а, не участвовали ани в вайне, папа ужэ, наверна, не падашол к этому..., штобы участвовать.

<...> Я вот смялася, што я гаварю, я тожэ ваевала, тожэ помню немца. Ну, была маленькая, была, ну што мне, навернае, да семь лет, наверна, мне не была, как вайна началась.

Трицать сядьмова я... Да эта я...

Какая я там была... Я слышу, што вот гаварят, вот там плююцца на них да фсе там, немцы такие-растакие.

Да. А самолеты лятають, разляталися, а у нас был акомп выкапат, туда вот фсе в этом акопе и сидели.

(А там в окопах жили?)

Да, з дома выселен были.

(Это фашистами, да, этими?)

Да. Вот я сижу вот в этой, над этой над дыркой, где лесь, вот так вот нагам балтаю, немец патходя, а самалёты-то ниска лятають. А акомп выкапан были как в афсе, засеяна афсом, ани как и незаметные. Он показывая мне, што ты вот туда лесь, зачэм ты тут сидиш.

(В окоп, типа, лезь?)

Да, да, да. Лесь в акомп – на меня, што самалёты-та лятають. Ну вот, а я как падняла галаву, да как плюнула яму в глаза, он как дал мне прикладам, я так туда и ввалилась, в этот акомп. Он тогда как фсочыл, а фсе в акопе там сидя... да с этой с винтофкай-та. Вот папа не растярялся, гаварить: ана глупая, вот так пакрутил [прикладывает палец к виску], а так, можэт быть, и там...

(Убил бы, да?)

Можэт, фсех убил бы, да.

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р., д. Кривошляпы (Ильинская вол.) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 7.

[Т.И.] Вот туда дяревня Лямоны будет или Ключо., ну Ключоки.

[Е.] Они были с этава, з Гарэлиц.

[Т.И.] З Гарэлиц. Ну, Гарэлицы. Ну, вот и вот у них был пляменник. А пляменник был какой-то, ну в обшшэм, ваенный,

какая-та шышка. А веть нарот-та есть нарот: ани вот адин аднова и даказывали. Ну, вот он пришол, ну а кто-та вот, наверна, злой был на эту сямью, вот и рассказали, што он дома, немцам.

(Что этот вот военный, да?)

[Т.И.] Да, да, да. Немцам рассказали. Эта вот в дяревне, нарот. Ну вот, вот ани тагда пришли, што, мол, куда вы яво дели? Где он? А там возера как раз рядам, он па озеру и паплыл на ту сторану берега, ну, ну, где ани, ани не сказали, где он. Вот ани тагда, вот их забрали, вот этава деда и бабу, и павязали, павязали, привязли вот туда, в ыхную дяревню. А там пад гóрай кусты такие, там горка, где ани жыли, там гара, вот их поставили спíнай, да? К балоту. Нет.

[Е.] Спíнай к гóры.

[Т.И.] Спíнай к гóры, а к балоту ужэ глазам. И вот сабрали фсех людей, штоб люди пришли, штоб пасматрели, как их растреливали, и расстреляли.

[Е.] Нет, не балтай, бапка.

(Да. А как?)

[Е.] Ани растреляны не были. Ани растреливали, кагда сабирали.

[Т.И.] Кагда сабирали, а помню вот мая сястрица гаварила, што мы бегали.

[Е.] Нас, рябят, и то гнали. Стряляют, кагда сабирают нарот, не балтай.

[Т.И.] Бегали глядеть. Вот ани так и аделся зимой, в шубках такие. Ну вот.

[Е.] Бабы сразу аделись.

[Т.И.] Дет хател итти.

(А вот вы говорите, сестра вам рассказывала, что вот она рассказывала, что бегали смотреть?)

[Т.И.] Ну, вот ана рассказывала, бегали сматреть.

(Как расстреливали?)

[Т.И.] Не, не, не вот как ани...

[Е.] Мёртвых.

[Т.И.] Мёртвых ани ужэ, мы в нашей дяревне, эта даляко была.

[Е.] Растреливали ш не немцы, а нашы.

(Наши?)

[Т.И.] Канешна, нашы. Фсё эта палицаи, такие патпольщики.

[Е.] Кто на немцеф работал.

[Т.И.] Да, кто работал на немцеф.

(Я хотела спросить, а были такие, кто продавали?)

[Е.] Были.

[Т.И.] Были, были, были, были, кто на немцеф работали.

[Е.] Им раньшэ давали па дватцать пять лет.

[Т.И.] Это после ужэ.

[Е.] А хто и так.

[Т.И.] После вайны ужэ дела была.

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р., Васильева Е., 1935 г.р.; д. Кривошляпы (Ильинская вол.) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 8.

Ну вот были, там в Острове, вот как эта называется...
Зоя Касмадемьянская?

(Да, Клава Назарова.)

Клава Назарова, и в нас памятник в Краснагароцке.

(И у нас тоже есть.)

И у вас тоже есть?

(Ага.)

Во, видиш, вот, видиш, какие ани были, ну, а тут таких у нас как вот па краю не была, не-а.

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р.,; д. Кривошляпы (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 9.

(А в вашем крае, вообще как происходили военные действия, не знаете, не рассказывал никто, вот тут, в Красногородске.)

[Т.И.] Ну а как, как праисхадили, а фсяка праисхадили, дачушка.

(А вот не сжигали?)

[Т.И.] Вот... вот дярвеня такая Барáново. Вот туда да, вот сабрали, в обшшэм... Ну тоже вот такие были, што как ну маленька, наверна, чем-та правинились. Так сабрали фсю дярвеню в гумно, была гумно, асобенно мужыкоф, жэнщин не, а мушшын, аблили и зажгли эта гумно. И так патпёрли, штоп им не выйти. Вот ы гарели. Ну, а как там где-та стена прагарела, адин как-та мок, мок выпалсти аттудава, с этава с агня, а тут, навернае, еще, можэт быть, палзли рядам или што. Он видит, што галава-та разбита, и мозги. Вот он тожэ перемазался этим мазгами. Прашли [кто поджигал], фсё посматрели, и этат, и этава талкнули, и этат. Вот адин только. Вот сколько была там мужыкоф в дярвене, адин только астался жыф. Да, аджыл пака, да сваей смерти, пака помер. А там адни, адни астались бабы.

[Е.] Так страшна, што стёкла... рамы вылятали.

[Т.И.] Стёкла, гаварит, сыпались. Так лятела бомба... лятели. А туда вот, дярвеня тожэ была, туда, вот за нашу дярвеню, за Кыршыно́, так мы хадили сматрели. Я маленькая, взрослые хадили, и я хадила сматрела. Так эта бомбам такие вырыты ямы, там, может быть, дом наш ввалитца туда.

(Да вы что?)

[Т.И.] Да. Вот такие выкапан, анна паменьшэ, а две агромные, агромные.

(А вот фашисты вас выгоняли всех из дома, а сами тут жили?)

[Т.И.] Выгнали, а сами жыли. Ну, правда, в нас плахих не была.

[Е.] Немцы хорошие были. Были ...

[Т.И.] Латышы, латышы, гаварят, да-да-да...

[Е.] Да, латышы и эта... литовцы...

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р., Васильева Е., 1935 г.р.; д. Кривошляпы (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 10.

[Т.И.] Вот, родненький мой, а вот в нас жыли вот в нашэм доме хорошие, нечева гаварить.

(Немцы, да?)

[Т.И.] Да, немцы, а после их латышы жыли, ну неплахие были, хоть, хоть и латышы. А вот туда хутарок был соседний, туда вот па сасетству, падальшэ, – там жыли латышы. А в нас жыли, наверно, начальники, што в нас вот, примерна, вот та комната была апутана каким-та фсем этим... ну што я, маленькая, што я панимала...

(По рации они говорили.)

[Т.И.] Наверное, рация стаяла какая-нибудь, апутан там этим фсё правадам была.

(Не обижали вас, да?)

[Т.И.] Не-а, не абижали.

(Помогали, да, наверно.)

[Т.И.] Мама гатовила им. Ну а што ани там могут памочь, да што ани памогут? Ну вот, а хоть, хоть ня трогали, не абижали.

[Т.И.] Ну как маленькие мы ходили на кухню, они давали чаю, хлеба давали.

[Е.] Хлеб хороший, фсегда в их завязан, эта у нас как, в их ох-хо-хо.

[Т.И.] В бумашке фсё время такой этай, как лентай такой.

[Е.] Культурна.

[Т.И.] Ага, культурные буханачки, такие маленькие...Маленькие...И я тожэ помню, ага...

[Е.] Чай, в их чай слаткий.

[Т.И.] Кофий...

(С сахаром был, да.)

[Т.И.] Да да, кофий был очень фкусный.

[Е.] В них сразу, в них сразу зделан слаткий.

[Т.И.] Ну не чай, а кофий.

[Е.] Ну я не знаю, нам нальют бидончик, и пайдём...Рябты.

[Т.И.] И вот, а аттудава вот те, ну и прибьгает дет з бабай, што жалавацца сюда, знают, што здесь начальник стоит, што, што ани делают. А видиш, какие были плахие? Ну палы были такие реткие, дервянные насланы, а ф падвале, ф падвале стаяли там ну агурцы, капуста в бочках – фсё там была. И вот ани придумали: писали туда, вот в эту бо...в эту швелку, штоп папасть в бочку.

(Да Вы что?!)

[Т.И.] Да. Вот ани тагда заглядели, хазяин-та с хазяйкай, прибегли, вот жалавацца, што вот так и так, ну што делать? Вот этот пашол тагда. Яво Явгений Эдуардавич (вот я и фамилию помню эту явона, вот этава латыша, этава начальника), пашол туда, разобрался.

(Да?)

[Т.И.] Ня стали большэ так тварить.

(А кто это писал туда?)

[Т.И.] А эты, или латышы, или немцы, кто-та из этих.

(А вот ваш начальник, который жил, пошел и разобрался.)

[Т.И.] Да, да, пашол и разабрался, пашол с ним разабрался, тагда не стали. Фсё, мол, спасибо давали, што харашо.

(А ели что они?)

[Т.И.] Ну, а ели, а немцы, немцы и латышы, уш я так маленькая была, так я не гараст и помню, а ели... привазили из дерявень.

[Е.] Чаво, ходят куряты, с автамата пустят.

[Т.И.] Да, курят привазили.

[Е.] Кто на улицэ пападе, им им фсё равно.

[Т.И.] Да, я помню, мама, мама фсё шшыпала этих курят им, вот атрубят галавú, а им смéшно им, как курице атруби галаву, она залятит, коли хош, вышэ крышы, и ани-та хахочут. А я маленькая, и мне смéшна. Да, вот этих курей набьют, патом привазили, привазили проста вот этих кароф, быкоф, авец привазили, фсё резали, и им нада што-та есть.

(Все хозяйство разоряли.)

[Т.И.] Да, да, да, да. Стаяла кухня в деревне, вот на этой кухне гатовили. А вот на... какие в нас жыли, вот тут, да многа была, вот две, абои комнаты были заселяны. Да мама, мама-та им гатовила, печку тапила, и гатовила ана им. Вот курят этих гатовила и фсё. А патом там тожэ, вот в деревне, была такая тётка Дуня, тожэ, вот она... в них жыли, и им гатовила. Как прибек вот к этому начальнику и опять жалывается: «Не будем мы большэ тожэ на кухне, пайдём, там ани па-своему, ну а патом-та он сказал, ну вот: «Ана сварила нам супу, и жаронки¹ не вытянут, – гаварит, – и пясок и камни в этом супу». Баба зоп не вытянула, растярялась.

(Что не вытянула?)

[Т.И.] Зоп.

(А попался зоб, да.)

¹ Жерóнки – желудок у курицы.

[Т.И.] Да, да, зоп, зоп. Ну вот, примерна, ф курице кишки есть, а здесь зоп, а в этом забу, там зёрна наклёван, камушки разные – и фсё. А баба и ня вытянула – растярялась, забыла, кинула так ф суп, вот страдали: «Ня будем большэ».

(Ага, что не будем есть, да?)

[Т.И.] Да. Вот, вот тагда хадили аттудава на эту, на кухню.

(А у них было что-нибудь «импортное» такое, ну вот, ну вот какой-нибудь сыр, там что-нибудь ели они свое.)

[Т.И.] Ели, ели ани. Ани ели и нас угашшали, вот такие белые, как кис(т)кушэчки (?), были, вот вазьмёш эта вот тяперь цылафан-та эгат, вот ста... станеш вот так, ну как фальга, станеш вот так абрывать.

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р., Васильева Е., 1935 г.р.; д. Кривошляны (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 11.

[Т.И.] И фсяка была, в нас вон два парнишки разарвала, рассказы хоть ты [обращается к мужу].

(Расскажите.)

[Т.И.] Разарвала этих дваих. Маму, папу паставили к печке, немцы, вот так, и им эта, фсё, ани саберутца, вот ани.

Так стряляли фсягда, вот я стаяла ф старонке...Рассказы, как этава вашева мальчишка, охти тошненька.

[Т.И.] Тонька Мовина не кармила партизан, а мама гаварит: «Фхадите скаррей, хлеба сажала в печь». А Тоня-та под гору жыла Мовина и пад гору пакармила.

[Е.] А ты рассказала, как зажыгали?

[Т.И.] Да, зажыгали, рассказывала. И вот, а в дяде Мити нашэва был немецкий перевотчык. Ён в Велье на матацыкле как явился, эгат... каратели. Полный отряд... харашо, што бес

сабаки. А яны, эта партизана два, ф картошке (ужэ картошка вот такая была [показывает высоту]). Там ляжали ф картошке да нocy тёмной, тады палском ат Старухина. А Ольга пагналась, бежэнка, гаварит, кагда ани вышли ис кустов, гаварят: «Жыва ль ета сямья?» Гаварят: «Жывы, не растреляли». Ну вот. А так бы... Они б... Мама сказала: «Вот сюды, пад гору, бегли».

(В другую сторону, да?)

[Т.И.] Да, в другую сторону, а брат Павлик бек туды, где ямы тарфяные, как Павлю, харашо, што яны [немцы] бес сабаки, а яны [партизаны] ляжали в нашей картохе. Мама знала, што аны тут, а мама паказала туды, пад гару́.

(Что, в другую сторону мать показала?)

[Т.И.] В другую, да, родненькие.

[Е.] Ана паказала, што балота, кусты... спрятаться...

[Т.И.] А туды братец бек, спрятацца. А аны так бы туды в Валабок (?), наверна, пашли даганять. А Павлинька, там ямы тарфяные, перескакивает, как не нашли?! А Гасподь дал, што яны бес сабаки, с сабакай бы яны па следу. Папу с мамой к топке, печ с автоматам, а я так стояла.

(А это они в печку папу с мамой, да?)

[Т.И.] Поставили напротив печи, штоб растреливать.

(А не расстреляли?)

[Т.И.] Не, не растреляли.

(Не расстреляли?)

[Т.И.] Да. Мама сказала, мама спярва гаварила: «Ня знаю, ня знаю», – а патом мама сказала: «В эту сторону бяжали, пад гару́ и сюды, ф кусты». А яны в нашэй картохе рядам, вот, родненький. Яны выйдут, только паись каво, да каво надеть. И вот аны... пришла тёмная ночь, вот нашей картохаю, ручьём да мима Камаржәне, ани вот палском туды, ф Старухина, ф кусты. Вот такое была. Ну тётю Тоню паминать бы не нада была. Тольки мы жывы асталися. А, эта зажыгали нас, кагда вайна

кончилась, немец, ужэ красные ужэ в Баби́нах сидели, чай пили, вот сели чай пить...

[Е.] А этава с Зиля́х жжок в вайну, да вот тут выкапал акуп, вот где мая асина, ну а стрелять-та была ему нада туда в [нрзб.], где балышак, паглядел, што етат дом мяшая, падашол, спичку чырк... Дом убрал и фсё. А што ш он яшшэ будя яму капать, ён тош выкапал яму, а дом, яму лехчэ дом жжэч, што яму, в них закон такой был.

[Т.И.] Ох, грох, грох, на нашу сторону, где мы ляжали, мы кола гори [нрзб.]. А красненькие через десять минут явились, гаваря: не сели бы в Баби́нах чай пить... Филипаф сынок вот Пётр, наверное, Пётр, да и была п дярвня цэла. Они бегли Камаржа́ни зажыгать, гаваря, руские ужэ... ай, немцы тут, руские, руские, яни сразу батю Колю и падрят тут и пашло в нас зажыгать – раз – раз. Ах, ти тошно, фсяво была, што ш я тагды была небалышая. Меня мама зря паслала авец выпускать, да пусь ани гаря, ён закрыл бы нас обэих ф хлеф. Ана паслала, што бяжы, иконки вынеси (старинные две иконки). И овцы и каты ш, а каровы пад горай, салома лятая, кола озера ани там рявуть, нам не да кароф. Ну, не вагнал нас, куды, он сам убегал, немец.

(А от кого он убегал?)

[Т.И.] А ат руских, руские-та рядам за нами, палтара километра.

[Е.] Кагда атступали.

[Т.И.] Да, кагда атступали.

[Е.] Да, а сюда-та он [немец] шол спакойна.

[Т.И.] А сюды три танка, наверное, три, не пять шло, два, наверное, прашло, а третий пад мост, в Камаржа́нях мост сламался, в нас чугунка еще была с пушки, так вайна наступала. И яны ехали... Ну, Бог с ними, матерь Божья!

(А самолетов много летало?)

[Т.И.] Да лятали, они.

(А это с них вот снаряды, да, они?)

[Т.И.] Снаряды лятели з-за озера, а кто там их пускал... я не понимаю... Жэнь? Кто их пускал аттуль? С пушек аттуль палили ай са с чаво к нам чэрез озеро фсё бах-бах. Толька не да нас, где мы сидели и конь тут [изображает звук]. Вот бах-бах-бах, бах-бах-бах до нас.

(А страшно было?)

[Т.И.] Не-а. Мяня к вечеру паслали в дяревню паглядеть – анны камни: картоха спёкса, сад – яблоки спёкса.

(Все сгорело?)

[Т.И.] Угу, карзиначка с платьем была ф саду и пяринка и то згарела тут, а тут другой сад – с акопа мы вылязали, в акопах, да, в акопе жыли. Там лягухи па нагам, я думала, што гады – фсё баялась.

Записано от Васильевой Т.И., 1937 г.р., Васильева Е., 1935 г.р.; д. Кривошляпы (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 12.

(А вы, когда война была, где жили, в Кривошляпах?)

Ф Кривашляпах.

(А расскажите, как там было?)

А мушшыны забрали на фронт, на вайну, астафшы тольки маладэш, да старые, вдовы, сиротские, мужоф пабили на вайне. И работали, вручную и [нрзб.] крутили, мельнички, и жали руками, а в гасударства доброе зярно ушло – сябе каствярок! И дома-та и жорны малоли. Ой, наш век, ньяльзя гаварить, пра сваю жызьнь.

(Тяжко было, да? А фашисты как, издевались?)

Не-а.

(И нам тоже рассказывали...)

Не-а, шшыя я как паслушаю па телевизиру... какая идёт прапаганда, а мы в войну... и ат немцэф мы хорова слова не слыхывали.

И на хлопы хадили, и с немцем работали, ешшо и чаем напоють. Да, чаем напоють.

(А они жили они вот как, вас выгоняли из домов?)

Ну, каторые памяшшэния патхадили им, ну ани не гараз выганяли, ани как-та саапшшались з жызьню, у каво две комнаты – в адной комнате аны, в другой ... Не, не выганяли – в нас тиха была, а вот кагда ссялялися, вот там ф Камаржэнях, Ляманах, Ключки – сажгли фсё.

Саломай, саломай бегали зажыгали, уже пули фси зажыгательные, так саломай, друк друга зажыгали, сажгли тагда, а чаво яны. Ай завидели може, партизан, так и нада была... А ани ужэ. Сяня Никóла там ряка идёт.

(Какая река?)

Сяня Никóла ряка. Да, ряка. Яна ишла с Великай ряки, там сафпадала, там ужэ их... пападали ф плен ани – немцы. Яны тут ужэ сами сябя кидали, ужэ никак, ани ужэ тут делали наперякор... ани ужэ ф плен, в акружэние пападали. И вот тут ани и тварили. Ани ф Камаржэнях, в нашый деревне, а Никóла туды, Сяня Никóла, ани ужэ в акружэние папали.

(Немцы, да?)

Да, немцы. Вот ани тут нас тагда... Но людей аны не карали.

(Не карали?)

Не-а. Людей аны не карали. Кто был, ф сваих избах жыли, аны никаких детей не делали, не карали. А вот только сажгли адну деревню, Ключки, Лямоны. А тут ани, можа, Кривашляпы п сажгли, но не успели, в акружэнье ужэ пападали.

(А, то есть уже наши пошли.)

Нашы пашли. А нашы русские сели в Баби́нах, там дярвеня, сели чай пить, если чай, не сели пить, аны тут их пригаварили п, ф Камаржа́нях, да в Ля́манах.

(Вы имеете в виду «мы б переловили» немцев?)

Да.

(А так? Не переловили?)

Не-а. Ну ани там где-та папали, где-та Сiнняя Никóла ужэ папали в акружэние, там бальшак был, а тут вот с Ильи́нской школы цэркофь стаяла, с цэркви стреляли туда на бальшак.

(С цэркви стреляли на бальшак?)

Да, на бальшак с цэркви стряляли.

Записано от Николаевой Евдокии Яковлевны, 1926 г.р.; д. Ильинское (Ильинская волость) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 13.

(А вот, немцы, они, как они тут какие-то дела решали, вот вы говорите, когда жили в домах, или вот чем они тут занимались?)

Аны были как в абароне, как к Вяли́кай ряки нада была зашшыту делать.

(Они хотели на Псков, да?)

Да. Там ужэ... там ужэ была складачка, они были как патсобные.

(В Пскове, да? А-а-а, они как если что, то они пойдут?)

Да, да, да. Там ужэ на Вяли́кай ряке был бой, там ужэ вайна была, а ета ужэ была как помашш патсобная, как аны, ну аны тут в нас нямнога пажыли.

(Немного, да?)

Нет, нямнога. Ани атправились, на танках паехали, так ф Камаржа́нях мост, паехали па этаму мóсту, па рячонке... называется как эта река... Ну, и Бог с ней. Так мост правалился, адин танак ввалился – так ы бросили ани яво.

(Да вы что, и в танке люди были, да?)

– Ну, люди-та спаслись. Там масток, речка плахая. Вóшша – эта ряка называлась, ана как канафка тперь стала, взабышная. А яны-та на Вяликую ряку, там фсё сажгли, в нас и бежынцы на берягу ряки жыли, а патом как адбилися, да адбилися нашы, ужэ заняли, да адбилися, немцыф прагнали, тагда бежынцы паехали дамой.

(А как немцев прогнали, тогда беженцы уже поехали?)

На карофках, да на карофках были приехафшы.

(А кто на конях.)

А лашадей не была, были атобраны, на калясках такую жэншшыну привязли. [нрзб.]калека, старушка, разбухшы фся, на каляске привязли, мужык на фронте, нявестка ня бросила, привязла бабушку, тут и жыла, пака асвабадили. Вот патом пашли, какие мушшыны были, пашли в разветку, што астафшы, можна ль ехать. А камешки.

(Только камешками.)

Там, на берягу ряки, сильный был бой, нам была ф Кривашляпах слышна, и как гарела. Перяжыл нарот.

Зап. от Николаевой Евдокии Яковлевны, 1926 г.р.; д. Ильинское (Ильинская вол.) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 14.

Да как немцы в нас... приехали (там, наверно, тёпло, я ня знаю)... Почему вот завернуфшысь, награблен... эта платы такие хаевые, ну были в маю... и завязалшы... вот так и едут зимой на матацыкалах в дяревне.

Бывала, мама мая эта... немцам гаварить: «Ты эта...» (малака просят, малака... карова ешшо была). Ну вот, а эта... а ёй заставляють, што пей, а ана: «Эта вам, в гаршке так». Никуды ни ф крушку, што аны думали, што атправлять.

И вот мама ня стала, патом заставил, да как дал в зуби, да ей шэш зубоф сразу выбил этым гаршком. Ага. А патом эту сказал перявотчык: «Нада пробыть, фсягда пробуй, што дають, пробуй!» Рябятam давали фсё эти... ну, шакалатки, фсё маленькие шакалатки. Фсякие шакалатки.

Записано от Смирновой Ольги Никифоровны, 1915 г.р.; д. Сучная (Велейская вол.) Пушк. р-на Пск. обл.; зап. в Кр. р-не Пск. обл., 2007 г.

№ 15.

(А в вашей деревне немцы были?)

А как жа, датла фсё выжжэн была, я-та дома не был, а был на вайне ф сорок фтаром... У нас была трицать адно хазяйства в дяревне здесь, вот, а тьперь астафшы никаво.

(Скажите, пожалуйста, а в каком году вы ушли на войну?)

Ф сорок фтаром. Да, пришол ф сорок пятам, з Германии вернулся, ранен был на Курской дуге. Участвовал в баях ф сорок третьем гаду, ранен, в госпитале ляжал за Куйбышевам, вот Самара теперь, станция Тимашова. Пять месяцэф, даже большэ праляжал... Вот такое дела...

Записано от Ильина Алексея Михайловича, 1923 г.р.; д. Новолок (Ильинская вол.) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 16.

(Какие-нибудь чудеса, связанные с иконами, происходили?)

Божья Матерь. Икона старинная-престаринная. Там асталась ана... я не знаю, можэ, с четырнаццава века даже. И вот бабушка маево мужа – Нюша...

Бабушка рассказывала. В вайну фся деревня гарела. Вот кагда немецкие самалёты здесь бамбили фсё... Деревня фся гарела, ветер пряма сюда шол. В общем, фся деревня выгарела.

Вот асталася только здесь избушка маленькая. И тагда бабушка взяла христоскае яйцо – краснае. Палажыла, гаварит, в решэто там... ешшэ чево-та ана палажыла, гаварит. А, свечку, наверна. И вот эту икону взяла и абашла вакрук дома три раза и паставила вот пряма обрас, ну, перед углом передним. Гаварит, ветер сразу павернул, в другую сторону ушол. И то есть их дом, вот адна изба асталась и исцелилась. Вот эта бабушка раскажывала. Фся деревня палыхала, и ана абашла три раза вакруг, паставила иконачку вот на ту сторону дома, фсё, гаварит, и сразу ветер павернул ваапшыше в другую сторону – сюда не пашол агонь. И толька их изба и астафшы была.

Записано от Егоровой Надежды Ивановны, 1951 г.р.; д. Новолок (Ильинская вол.) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 17.

Ну, доченька, я не знаю, в их такая была, навернае, мода, или што. И вот мы пришлись.

Доченька, ета фсё няшто, войну пришлось такой маленькой [рукой показывает метр от земли] фсю перенясти, я фсю вайну перенясла. Как панаехала немцеф. В нас была маленькая избёшка, а прйдварак был большой-та [указывает расстояние до калитки около 13 метров] да калитки. Приехали немцы. Приехали немцы. Мне вдáлась прятацца ат йих... цэлый месяц. Сястру маю с рябёнкам увязли, увидели в ей вешшы... в чумадане... были... харошые. Они их, яну вязли... маленький рябёнак. Он был гарбатенький.

Ты фсё записываеш, да? Ня нада, ня буду гаварить.
(Ну, хорошо, выключим.)

Связли с этим маленьким рябёнкам... (ня нада, не записывай...) Тагда вот к им падашли, а там были за дяревней, сильна у нас большие акопы были, и мы там спасались... Ах...Голавы сваи спасали, а в мяня тятенька, памяни ево,

Госпади, он не хадил, он фсю вайну, две вайне прашол, он не хадил [на войну], он хадил спасал харомы или што-нибудь разведывал. Вот аднажды мы ляжым, а он пришол и гаварит фсем (дзярэвня-та бальшая, многа была...), ну, и гаварит: вот, вот там шылгуны – видиш, вот там. И гаварит, ужэ... (а немец был адин очень харошый, а может, и не немец был... харошый). Гаварит, падвозе меня, и гаварит: «Папа» – и даё бинокль. (Там тагда не была зарошшы, теперь я как в лясу жыву, ну...). «Там немец. Папа, там немец, там немец, иди, иди, иди куда-нибудь!», – в акоп пасылал немец тятю.

Вот, ронненькая ты мая, ляжым мы в этам акопе, фсе голавы в землю. Идут немцы, атступають, а фсе гаварили тады: карательный атрад... (Ты записываеш... ня нада). Идэ карательный атрад, вот так з дзярэвни па етаму берегу, где мы ляжым. Первый нясе гранату.

А в мяня были бежынцы приехафшы. Никто в дзярэвне не пустил, а я фпустила их, тагда не была замужэм, тятя, мама и я. Мы пустили бежынцэф. Адна бежынка па-немецкаму гаварила, и двое детей была маленьких. Никто ня дал ни стакана малака, ни чаво, а в мяня была карофка.

Иде немец, а карофка в этой бежынки выведен туда, пад завал, где мы скрывалися...думаю, и вбьют мяня... Иде первый немец и гаварит: «Мама, дай малака!». Карова была падоен, я паднясу так падойник, был накрыта. Я гаварю: «Пейте, сынки, пейте з Богам». Ани эта малако папили: «Спасиба, мама». Я панямецкаму сильна многа знаю, я ф школе учылась при немцэ, панямецкаму.

Он нас паблагадарил, и вот, дачуш, не фспели, может, пойдёте, пойдёте по этой трапинке маёй в Рыбакі. Не фспели ани дайти, как ужэ тятя пришол, он такой непаседа в мяня был, прибек, гаварит: «Русские в дзярэвне!» А мы и гаварим: «Каво ты загавариваешся, ешше толька немцы пришли, и русские в деревне. «Русские, русские в деревне бегают не слышна». Тагда

гаварит, немец абек фсех, што нет немцев, руских абек, што нет немцев и гаварит: «Папа, иди, сабирай фсех». И вот толька мы стали фставать, вот пайдёте в Сафóнава... вот тут кресты у нас будут, уже русские танки пришли... ани как вдарили, может быть, ани вдарили поверху; русские танки. А мы сидим, вот так дражым, а тятя мой и говорит: «Вы што, ня нада эта, гаварит, пришли русские нашы танки». И эти немцы, карательный атрят, и нас не вбил человек триццать или сорок, пажалели. А в людях фсе дярвяня спалили, а в нас фсе дярвени стаяли.

Вот, дефки, так ы перяжыли.

Записано от Андреевой Людмилы Федоровны, 1931 г.р.; д. Кузнецы (Ильинская вол.) Кр. р-на Пск. обл., 2007 г.

ЛОКНЯНСКИЙ РАЙОН

№ 1.

■¹ Муж ушел в 1941 году навеки. Миритíницы – село бывшее место прибойное, и в 1941–1944 стояли немцы. Я их очень боялась, у меня брат работал в Эстонии в НКВД, боялась, дознаются. Как идут, я так и думала: «За мной, за мной!». Немцы расстреливали только посторонних, а своих, миритиницких, не трогали.

Партизаны были, а имели они связь с фронтом или не имели – дело секретное, если бы не партизаны, то гиблое бы дело наше. Партизаны сожгли молокозавод, склад около прудки; хлеб немец собрал – партизаны весь сожгли, про склад говорили, две девушки сожгли. Я не знаю, меня тогда не было, шерсть чесала за озером. Увидела дым, испугалась, дома дети

¹ Знаком ■ обозначены тексты этого раздела, которым нет звукового соответствия в архиве, в связи с чем такие тексты даются в орфографической записи.

брошены, тогда бензином печь растопляли, думала, плеснули, а оно и полыхнуло, хоть и заказано было. Когда на гору забежала, увидела, что не у нас горит, а дальше. Две девочки сожгли склад, видно, неопытные, вернулись на пожарище, а там старшина лошадь запрягал. Увидел: «Ах, вы партизанки!». Закрутили руки и отправили в Локню, понятно, не на добро.

Стучали тогда в ту ночь два мальчика, голос не детский, но и не мужской, но я не пустила, говорю: «Идите, где мужчины, а я не могу пустить». Видно, подосланы были от партизан [узнать о девушках]. А потом стали наезжать к нам партизаны, сильно трясли нас, мы и выдали старшину. Кто ж знал, куда он спрятался, говорят, что у меня во льну у бани был, я-то не знала. Потом поймали его у полюбовницы: она его спрятала в подвале. Потом партизаны расстреляли на развилке у мастерских старшину, полюбовницу и ещё третьего.

(Старшина вредный был?)

Вредный! У меня в сердцах старшую дочь шестнадцати лет в Германию угнал. Осталась я с тремя малолетними, убежала с ними к отцу за озеро.

Записано от Дудкиной Анны Петровны, 1908 г.р.; д. Миритиницы Локн. р-на., 1982 г.

№ 2.

■ Есть деревня Барсуки. Она сожжена целиком и с людьми во время войны. Там сеструха сгорела с двумя детьми. Там приехали партизаны и легли спать. А за деревней был стожок, там патрульный был и заснул. А в Поддубье стояли немцы, и чего они захотели приехать в Барсуки. Подъезжают, а он, патрульный, спит под адоночком¹. Они его уничтожили, и в село. Ну, наши их тут всех уничтожили, а один или два ушли.

¹ *Одóночек, одóнок* – стог сена или соломы.

Если б всех убили, ничего бы не было. Ну, пропали и пропали. А он [немец] всё рассказал. Утром оцепили деревню, половина-то жителей ушла, кто-то предупредил. А кто остался, всех сожгли. И моя сеструха с детьми и два деверя. А хотели они хлебцы из печи вынуть и задержались. А тут начали стрелять. Их трассирующими пулями и срезали. Так все рядком и легли. Пришли, а они все рядком и лежат, и раны прожжены. Пришли люди, слышат: кто-то пищит. Есть тут кто-то живой! Стали искать. Чугун большой перевернули, она [женщина] под ним скорчившись сидит. Уж задыхалась, если б не пришли, пропала. Уж как ей жарко было, а жива осталась. Чугун колхозный большой на нее упал и накрыл. Единственная из всей деревни спаслась.

Записано от Макарова Павла Никоноровича, 1916 г.р., Макаровой Александры Ивановны, 1922 г.р.; д. Миритиницы Локн. р-на, 1982 г.

№ 3.

■ Одну нашу около Лёкни поймали. Помню, привели женщину, у нее косы длинные-длинные. Потом, слышала, привели ее в Барсуки и за косы повесили. И не велели снимать. Вот какие наглые были.

А всё равно своим помогали, хоть что делали. Между Сатаниным и Бошарёвым шла девушка, по заданию, наверное, немцы её заметили и уничтожили.

Мы все помогали партизанам, хоть что немцы делали. Надо же было как-то выпутываться.

Записано от Макарова Павла Никоноровича, 1916 г.р., Макаровой Александры Ивановны, 1922 г.р.; д. Миритиницы Локн. р-на, 1982 г.

№ 4.

■ У меня пять детей. Три дочери и два сына. Муж у меня, кровушка, на фронте погиб. А вот, кровушка, случай помню.

Чистили мы снег на иванцевской дороге. Прилетел самолёт. Прилетел и опустился. А в дороге нашей немцы корову резали, у кого две, колхозная и своя, колхозную резали, а свою не трогали. Лётчик зашёл, самолёт уберёг. А староста наш, бабы говорили, предатель был. А я им говорила: «Не надо так, бабы!».

Староста лётчика с собой забрал и отправил к партизанам. Он с партизанами связь имел. Лётчик сказал, что, если живой останусь, то сообщу. Летел и бросил в озеро что-то. Это знак, что он живой.

Записано от Налимовой Федосьи Михайловны, 1910 г.р.; д. Селябино Локн. р-на., 1982 г.

№ 5.

■ Шла я раз домой. В Гришутине скок мне навстречу два человека, как китайцы. Я испугалась, а они мне говорят: «Не пугайся, бабуленька, возьмите раненого в тёмный уголок». Его ранило в две ноги. Болото, осока страшная, мы его на руках перенесли. Они выложили ему все деньги, поцеловали и ушли.

Мы сено грабим. Я плачу, бабы спросили, чего я плачу, я и рассказала. Его на простыни принесли в амбар и положили там. Сказали соседу, а он на нас матюком: «Ну, если, говорит, кому скажете, то будет такая же кара, как в Барсуках». Сестра моя делала ему перевязку. Он спросил её, долго ли она работала санитаркой, а она сказала, что только вот на тебе. Кормили его гораз хорошо.

Бывало, мы жнём, и он сидит на снопу. Он шубу одевал, а немцы знают, что молодой же сидеть не будет. Звали его Виктор Васильевич. Когда поправился, он ушёл.

Записано от Налимовой Федосьи Михайловны, 1910 г.р.; д. Селябино Локн. р-на., 1982 г.

№ 6.

■ А Барсуки деревню сожгли. Пришли туда немцы, а первые там были партизаны. Женщина одна, Танька Бурова, разбудила партизан. Кто-то разболтал, и её немцы повесили. Егор Трофимов прибежал оттуда и пришёл ко мне. Сидим под окном и глядим, как Барсуки горят. Вечером пошли мы с ним туда. Идём, а он говорит: «Мне хотя б матушку найти живую». Видим: лежит вся его семья убитая: жёнка с двумя детьми и два брата. Тогда немцы только одни Барсуки сожгли с народом. Нету этой деревни больше, чистое поле.

Записано от Налимовой Федосьи Михайловны, 1910 г.р.; д. Селябино Локн. р-на., 1982 г.

№ 7.

■ Памятник в Миритиницах – солдат с гранатой. С Онуховского сельсовета собрали останки погибших. 66 человек, погибших в войну, и партизан и солдат. В 1948–49 году останки собрали по территории – 8 гробов. В этих гробах и похоронили на площади. В честь этого и сделан памятник. Был избачом здесь Кручинин Сашка – прислан был – хороший баянист и художник.

Когда похоронили, он задумал памятник. Сделал из глины, заинтересовались газеты, ему разрешили, комсомольцы помогли. Когда он его поставил, приехала комиссия из Москвы, оказались короткие ноги. Дали ему 5 тысяч, а так бы дали 15 тысяч.

А шпиль – в честь погибших воинов.

Записано от Тимофеева Алексея Александровича, 1923 г.р., Тимофеевой Александры Васильевны, 1925 г.р.; д. Зверинец Локн. р-на., 1982 г.

№ 8.

■ Тут раньше было большое село – Родионково. Полицаи всё сожгли, людей бросили в огонь. Никого не оставили. К нам прислали Василия Фёдорыча. У него дочь – Наденька. Её хотели увезти, но она убежала. Пришла ко мне, вдруг приезжают ночью. Все рамы высадили. «Отдавай, – говорят, – расстреляем или заколем штыками!». Но я не выдала. Всё равно поймали.

Меня вели на расстрел. Василий Федорович говорит: «Пожалейте – у нее двое маленьких ребят». Потом опять приезжали. У меня старая избёнка была. Под печкой я просидела, куда они уехали. И ребят жалко и страшно. И хозяина домой не отпускали, он работал на военном заводе. Шесть лет после войны всё мучилась одна. Сельсовет хлопотал обо мне. Потом пришёл [муж] – избобку срубили.

Надю так и увезли, и неизвестно, что с ней стало. Они отступали и все деревни спалили. Малофёево только осталось. Там Тимоша Горнистов был старостой. Вот и спаслась. Его посадили на 25 лет, просидел 10, заболел, его выпустили. Самохвáлово сожгли и с народом. Народ не выпускали из помещений. Узнали, что спасали партизан, вот и сожгли. Староста сам скрывал партизан.

Скотину отобрали, у нас в деревне ни одной коровки не было. А моя какими судьбами через неделю пришла домой. Посоветовали взять. Я мучилась-мучилась, но так и не расстреляли – выжила. Переселили нас. И всё с собой взяла. И повела я корову, и двоих детей.

Стали бои, осколки летели, и мальчика утеряла. Надо корову спасать. Корову привязала к дереву, пошла Витю искать.

Соседка нашла. Он плачет: «Где мама, где мама?» Горюшко мне было, корову всё равно спасла. Сено на себе носила. Корову кормила в лесу.

Когда пришли наши, то Витя кричал: «Мама, мама, красенькие идут!». Поднялись на гору, а там наши идут. На горе привал устроили. Как коровка была, да сахарьки [сухарьки?], я их и накормила, ну и довольные пошли.

У дороги дом хороший был у меня. У нас посёлок был настоящий. Раньше книжки писали призовые. Было 55 книжек. Хозяин днём около рабочих, ночью выводит трудодни. Две недели всего и пожил. Денег не получали – хлеб давали.

***Записано от Соболевой Анастасии Ивановны, 90 лет (? г.р.);
д. Родионково Локн. р-на. Пск. обл., 1982 г.***

№ 9.

■ Приехал партизанский отряд из-за линии и остановился у Барсуках, патрулей поставили, а на рассвете 14 конев немецких пришли. Кто как спасался, получился бой. Одного ранили, а немцев 14 человек побили, и 4 взяли в плен и в крюче¹ застрелили. Бой кончился, партизаны и говорят: «Кто уйдёт – спасётся, кто не уйдёт – погибнет».

А назавтра немцы приехали, окружили. Кто живой, кто мёртвый – всех обливали и сжигали. 54 человека сгорело, никто не спасся.

(А может, все-таки кто-то остался жив?)

Гашка спаслась, она закопалась в крюче. Она потом сама призналась, что [когда пришли немцы] она месила квашню и разбудила партизан. Она жила до большого посту. На Гашку три заявления полицаи подали. Эту Гашку в большом посту, значить, арестовали. Она пришла прямо домой, а немцы уже

¹ *Крю́ча* – глубокая длинная впадина, овраг.

приехавши. Приехали и стали спрашивать, она им и призналась, что месила квашню и разбудила партизанов. Немцы и говорят: «Агафья Васильевна, вы арестованы. Поняв?» Ее арестовали и повели на Горúшку, довели до Дружинина, через три дня привели в Барсуки. На качели повесили, раздетую, и дочку повесили. Издевались шибко над ней, кто хотел. С этих полицай был только один немец, остальные все русские.

Записано от Кузнецовой Анастасии Васильевны, 1908 г.р.; д. Свиногово Локн. р-на Пск. обл., 1982 г.

№ 10.

■ Вот я вам, девки, расскажу историю. Приходят, значить, ко мне 23 марта два простых солдата русских. Приходят и говорят: «Дайте напиться». Я процедила квасу, напилась. Они работают на немцев, а сами их боятся. Они меня пытаются: «Может, знаешь партизанский отряд? Вот мы отстали от партизанского отряда», – говорят. Я говорю: «Куда ты хошь ходи, куда хошь иди, а с партизанами я не связана, идите вы дальше, а я человек неграмотный». Они говорят: «Мы взяли с Лебедева». А я-то и думаю: «Раз с Лебедева, то люди нехорошие». Стали прощаться, я отъедаюсь с ним, попросил попить один и говорит: «Всем отвечать будешь так, долго жить будешь». Что вон за чёрт сама не знала, а потом узнала.

Ушли они от меня, в Миритиницы попали, прямо к евреям, те показали дорогу в Терехово: «Идите к Гале, она покажет». Они и пошли. Галя их приняла, провела за деревню и показала дорогу к партизанам.

А они-то к ним и не пошли, вернулись. А на третий день приехали, забрали Галю, евреев и расстреляли. Ну, про это я уже потом узнала.

Записано от Кузнецовой Анастасии Васильевны, 1908 г.р.; д. Свиногово Локн. р-на Пск. обл., 1982 г.

№ 11.

Радилась я в деревне Ягаткина Медвётскава сельсавета Лакнянскава раёна. Радители маи крястьяне, работали раньшэ, вели сваё хазяйства: имели карову и лошадь, офцы – фсё была. Эта ешшэ да каликтивизацыи. Акончыла я здесь четыре класа ф сваей школы, а после паступила в Башофскую школу, там акончила семь класаф. Васьмой... настала вайна. Так, теперь... После настала вайна. Атца взяли на фронт. Асталися мы: мать и трое детей, матери была трудна, прихадилась нам работать, а веть я была несавершэнналетняя, памагала матери па хазяйству. Теперь... началась тагда вайна, прихадилась тожэ трудна.

Были партизаны, нам прихадилась памагать партизанам. Ани приходят к нам, прасили, штобы мы им помашшь аказывали, сабирали тулупы, валенки, варешки вязали, адгружали хлеб с калхозных амбараф, адганяли скот туда, где был партизанский атрят.

А патом начался бой. Начался бой, и мы папали на нямецкую сторону. Там были немцы. Нас увезли в эту сторону жылезнай дароги. Плоха была переправляться, через речку... вот. Кое-как перябрáлись мы через эту, речку и папали на эту сторону жылезнай дароги.

Патом ужэ, после нескальких месяцыф, навернае, жили мы в адной дярвене. Патом атсюда нас эвакуировали дальшы, в дярвеню Теряхова, а после дярвени Теряхова нас на машынах пагрузили нас и атвязли на эту, на станцыю, где Зákлика, туда. Здесь стаял эшалон. Нас пагрузили в эшалон, закрыли в два вагона. И дети малые кричат, и старые кричат, што нас везли, и бамбёшка была. А патом не даяжжая станцыи Дно́, мы думали сафсем ужэ нас пустят пад аткос. Ну, вот, а там ешшэ падрушки нечаянна платочки красные выбрасили в акошка, а эта нашы

самалёты лятали над эшалонам, ани видят, што русских везут, ну и астанавились, ня стали нас бамбить.

Так вот нас перевязли в Лátвию. Станция Раси́шки. Здесь нас выгрузили ночью: холат, голат, эта зимой... двадцать пятава декабря была как рас. Маленьких дятей, у каторых радители были, атправили ф школу (там патяплее была), а мы так астались здесь стаять.

Падьяжжают наутра работники, латышы, выбирают, у каво есть рабочие, фермы, а ф каво нет – не выбирают. Ну, што делать, нас нихто не бярёт, семья у нас была нирабочая: мама, трое нас и бабушка старенькая. Патом какой-та хазяин нас взял и апрделил там жыли там, у няво.

Пака вот настал набор в Гермáнию, маму с этай, с сястрой, с сямьей ня взяли, а меня тожэ хатели взять, но атстоял хазяин, у каторава я жыла, вот. Ну, он абратна мяня привёс дамой к сябе, так я не папала в Гярмáнию. Ну, вот, мы так пражыли, пака не кончылась вайна. Вот, трудна была аттуда уяжжать, у нас ничяво не была. Ани нам кое-што дали с сабой.

Пагрузили в вагон, ф прастой вагон, ... мы ездили на родину туда. Ну вот, приехали на родину, нет ничяво, фсё сажжёно. Вакрук стаят толька трубы. Тяшка была жыть, вот. И фсё была заминиравана кругом, нада землю была капать, вот. Лапатам капали, пясок насили на себе.

Патом нам дали назначение ташшыть провалаку калючую – заграждение. Ну вот, мы цэлыми днями таскали эту провалаку, а там были мины, были даже такие случáи, жэншшыну кагда ранила и мушшыну. А патом мы ня стали таскать, стали прасить, штобы вызвали минёраф. Минёраф вызвали, и тагда нам стала лехчы.

Лапатами раскапывали землю, вот так и ражжывалися, и семена находили. Вот так семена находили и везде. [нрзб.] тоже сначала фсё вручную. Шэсть челавек пашым плугам. Так вот бывала на оддыхе ахота кушать, сядем, вот, шчавель, нямнога

пошшыпаем шчывеля, так вот и питалися. Да самава сорок васьмова года, а ф сорок дявятам [нрзб.] и страшна была. Такие переживания.

А кагда вот ешчѐ да вайны я нямнога, што помню: была свая, зямля свая и хазяйства сваё да каликтивизацыи, а патом в трицать третьем гаду началась каликтивизацыя: са сваих двароф нада была здать карову, лошась, фсю принадлежнась. Тагда жэ... стал калхос абьидиняца. Папа мой... ужэ тагда стал бригадирам, мама работала па жыватнавоцтву (?). А нас, дзей, летам на каникулах заставляли тожэ работать: и сабирали каласки, и сено згрябали, и воду падвазили на скотный двор, и на лашадях навос вывазили, нам нагрузят, а мы вязём. Вот так и жыли, вот сколька дасталася мне на сваём вяку.

Записано от (?) Екатерины Никаноровны, 1926 г.р.; д. Прискуха (Самолуковская волость) Локн. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 12.

Когда война началась, сначала у-у началась война... Сталась выселка. Повязли нас в Зákлику, пагрузили в вагоны, повязли, привязли к хозяевам. Патом атправили в концлагерь – окопы копать, в Любаву, в гораде Лиепая. Стали копать окопы. Ня выкапаеш... (дадут вот такое, и выкапай на два с палавиной метра), не выкапаеш, табе розги дадут, вот как.

Ну, а потом война кончылась, приехали дамой – голодоўка – голат. Ели лебяду, крапиву.

Шалашы крыли травой и жыли в морозы.

А то окопы вырыли, окопы копали, и траншэи зделаем и живём ф траншэях. Чугуначку поставим да галанку какую-та, я ня знаю тяперь, чугуначку поставим, трубу выведем в акошка. И жыли. Крапиву ели. Дажэ мох ели. Фсѐ падрят.

Со мха ляпёшки зделаем вот так и ета ели. Вот так питалися мы после вайны. Ну, а патом вот нямношка тут зажёблись.

Ряпейник капали. Патом умирали... Ат этава.

А Сталин ужэ (прасти ты мяня, ня буду гаварить), а Сталин: каласок пайдеш сарвеш, штоп этот каласок... рош, ну рош, вы жэ знаете, рош, каласок сарвёш, патрёш этой зарядки, пасушыть мамка там на скаваротке, в горле прапустиш. А Сталин за этот каласок пятнацать лет давал. Вот... вот, как мы жыли.

Масла, если кароўку держыш, хоть ялавая, хоть первесинка¹ – двянацать килаграм масла сабяри и здай, да, сорок килаграм мяса здай. Или триста литраф малака.

Записано от Жарковой Евгении Ивановны, 1928 г.р., Долгова Александра Васильевича, 1929 г.р.; д. Прискуха (Самолуковская вол.) Локн. р-на Пск. обл., 2007 г.

ОПОЧЕЦКИЙ РАЙОН

№ 1.

(А вот вы говорите, карательный отряд был?)

Да, карательный вот тут атрят стаял в Зуяце, нет, эта карательный был.

(А они просто так сюда завернули?)

Ани пьяные ехали, атсялялись, как слышали, што наши пагнали. Эта вот ф пасленний гот. Патом, вот каторые были ня взят, ня вфспели на вайну взять наших мушшын. Вот тагда, кагда наши пришли, ани тут списали фсех, взяли, взяли, и ани фсе перябит, каторые после пашли вот ваявать. В Латвии фсих палажыли.

¹ *Первёсенка* – корова, отелившаяся в первый раз.

(Значит, они вот пришли к вам сюда и...)

... искали лошадей, давайте лошадей. Там взяли патом в маеё мами, застрялили дьве каровы. Были очэнь харошые каровы, маладые (первый гот были атылилшы), и кур фсих перябил. Фсё бил, стрялял. Два патом захадили, папа стал гаварить. Гаварили: «Дедушка, мы яво сами баимся», вот этава [немцы о своём начальнике].

(Так они по-русски говорили?)

Да, некатарые па-русски гаварили.

(Значит, вот они вошли, мама ваша показала...)

... замок, аткрыла, што гляди, лошади нет, а карова толька была. Но нашу карову ня тронул, а взял яё прастрялил, а тех фсих застрялил. Вот так.

(А в отца зачем стрелял?)

Вот зачэм мушшына вышэл: «Пан, нет лошади». Взял, да и выстрялил в яво. Вот.

(И не попал.)

И не папал. Толька апалил яво и аглушыл. Вот вышэ взял, значыт, вышэ. А вот дырка там есь, шчас вот каридоре где, как стрялял. Вон туда на нис слес, на эти ступни [отец], а он [немец] в яво, а вот вышэ взял. Но аглушыл, патом папа был глухой.

(Так это в 44-м уже было?)

Да.

(Летом или зимой?)

Летам, летам, летам. Была жара, а ана [раненая мать], ужэ к избы была не падайти, как пахла ат ей. Фсё загнила, заваняла. Лячыть не... Патом нашы вот как пришли, я в Шлёпиху збегала, и в Барадино́, и вязде, и ф Фёдарова, думала, можа, санитарная чась есь, – ни бинтоў, ничэво нет. Вот я сама лячыла.

Дадумалась вот этым, вот где, ну как их... мы ряпенникам завём. Где эты калючки брасают рябты на тябя.

Вот их пашлю, ани набярут этих листоў вот с этим ствалам, набярут эта, вот эта нарежу меленька ствалки, а эти лисья аткидываю. Вазьму сталку пестикам, и бьла марля – в марлю, вот эта процажу.

Записано от Денисовой Ольги Григорьевны, 1918 г.р.; д. Гнилки (Варыгинская волость) Оп. р-на Пск. обл., 1998 г.

№ 2.

(А в каком году [неразб.], не знаете?)

Ну а кагда? Вайна... Ф сорок пятам... Как вайна кончылась, и ани взарвали, и фсё. Русские пришли и взарвали, кагда нас асвабадили севонни, нет, вайна ешшо в Гярмании была. Нас асвабадили, ета самое, и ани взарвали.

(А немцев здесь много было?)

Многа. У нас карательный атрят стаял.

(А уби... убивали часто?)

У нас в Панове никаво, аднаво толька убили. А ето самое, эти самое, у нас такие немцы стаяли... бляхи с такими з бляхами эти... были... карательный атряд был. У нас, у нас в Панове не убивали, а ети... палицаи, палицаи, наши палицаи знали дажэ вот, ани дажэ наши жэ... русские – немцы здесь ни причём, немцы, я немцам никак эта не магу сказать, што немцы такие были – нет. Пачом немцы знали то, што маих бра... два брата в армии? Или или ани партизаны... партизаны или им даю паку[шать], ани их ня знали. А вот придут, вот я приду скажу немцам, што во – у няё брат ф партизанах или он партииц, ани жэ, немцы жэ, ничево не знали. Ани сами лична нам гаварили: «Мы враги. Нам пришли сказали – мы можэм растрелять или там што-та зделать... А ваши жэ гаварят – сами жэ русские приходят и гаварят...»

Здесь Муся была, Муся, и ета самое, и Маня такая. Ани в Артюхава схадили [соседняя деревня], узнали, што там партизаны. Взяли фсех сабрали ф сарай и сажгли фсех живьём. (Партизан?)

Не партизан, фсю дяревню сажгли. Во, где эта памятник стаи.

(Своих же сами и сожгли?)

Немцы приехали и сажгли, а ани сказали, што там партизаны. И фсё.

(А-а-а, поняла.)

Ани приехали в дяревню – сабрали фсех – малых и старых, и адин только астался живой. И фсех ў сарае, и фсех сажгли и фсё. Адин как-та только выпалс... Вот так, наши руские. Так, а што нам немцам нада гаварить?

(А немцы вас заставляли что-нибудь делать?)

Нет. А! Што заставляли. Дорогу ремантировать, ета самое, прасили... Здесь вот бункера были, они там жыли в бункерах, ну и, ета самое, заставляли, ета, чашки вымыть, эту, пол падмясти. Вот так. А кагда ужэ дорогу нада была ремантировать – снec зимой нада была убирать. А как жэ? Заставляли, заставляли.

(А у вас в доме были немцы?)

Нет, нет, нет.

Записано от Махнёвой Екатерины Алексеевны, 1924 г.р.; д. Паново (Глубоковский с/с) Оп. р-на Пск. обл., 2006 г.

№ 3.

После окончания семилетки я уехала в Апочку учица на медицинскую сястру, а патом сафсем скоро началась вайна. Фскоре в нашэй деревне паявились немецкие салдаты. Двое зашли в наш дом. Увидя на стене партрет Сталина, адин из

фашыстаф хател растрелять атца, но другой астановил ево. Ани разарвали партрет и ушли. Так началась акупацыя.

В наябре сорок первава года в радную деревню вернулась сестра Антанина с мужэм Адамам Яжавлевым, рассказала а том, што мол в Беларусии очень апасна аставацца.

Ну што... Бальшыństwo савецких граждан ненавидели акупантаф, но были такие, каторые перехадили на сторону фашыстаф.

Вот, значит, из числа этих, вот как сказать, тех, каторые ненавидели, вот, наших, ну типа нашу власть савецкую, были сфармированы карательные атрады. Адин из таких карательных атрадаф астановился в деревне Дербышы́ (это быфшы́й Идрицкий раён). Вот с тех пор жытелям деревни Асташова была очень трудна жыть, патаму што, как бы, ани переадевались в партизан, и ани, вот, и ночью могли притти, прецтавицца, што эта партизаны, начинали абирать... там, ну, а нарот-та какой был ешшэ. Мы верили ва фсэ, што партизан так партизан, ему фсэ аддавали. А патом, после этих карателей, прихадили настоящие партизаны. Так люди и не понимали, как и фсяка было.

А вот в адин прекрасный мамент адин из карателей, вот из этава атрада решыл уйти к партизанам. Ну, а так как он в этом, у нево, у этава карателя, как ево был, ево Василием звали Меньшыкаф, был таваришшь, я не помню, как ево звали, ну, кароче этат таваришшь решыл ево здать и привёл карательную... карательный аತ್ರят в деревню. А вот записку, ту, каторую этат Меньшыкаф написал для партизан, ани аставили в нашым доме. А ужэ у нашэй Антанины был... была дочь маленькая, её звали Нина. И ф краватке у этай Нины, ну, спрятали эту записку. Ну, куда была большэ спрятать. Естественна, фсэ перевернули вверх дном, эту записку нашли и вот, забрали меня в эта, карательный... каратели забрали. Сестру забрали Антанину вместе с рябёнком, забрали Адама и

увезли вот в эти Дербышы. Там нас держали, избивали, мучали, ни пить, канешна, ни есть не давали, естественна. Спасибо, вот там трое сутак мы прасидели. Адин раз нам толька в акошечка часовой дал кусочек хлеба. Вот, на четвёртые сутки решыли казнить.

Мы знали, што нас вязут на растрел. Вот патом по дароге там нас сапровождали пятнаццать этих, карателей. Па дароге мы узнали, што нас везут в нашу деревню, вот.

Привезли нас в эту деревню, значит, вот. Там был бальшой дуп, он долга стаял и после вайны, долга стаял патом этот дуп. Ани, значит, атабрани ат маей сестры эту дочку, кинули, практически как сабачонку, мне в руки и сказали: «Неси, аддай старухе ребёнка и сама сюда возвращайся». Типа таво, вот где казнить далжны нас, эта где-та недалеко, так, дома через два.

Ну, я пришла, сваей матери эту девачку аддала, пра Тоню ничево ей не гаварю, прихажу, а ей ужэ на груть адета даска: «За свясь с партизанами», што ана предатель. Вот, и её, вот значит, вот так вот. Её павесили, ну, думаю, теперь, навернае, и мая очередь. Меня атправили дамой и сказали: «Старухе ничево не гавари». И три дня, штоп мы вот не снимали, тела маей сестры. Ну, вот, патом, значит, патом каратели, значит, ушли из деревни и па дароге... А Адам-та бежал, из этава так сказать лагеря, где ани были. Ну, а па дароге папался он им и, в принципе, палучилась так, што и Адама ани растреляли.

И асталась у меня эта девачка круглай сиратой. Вот так вот. Я её вырастила. Сичас ана ужэ сама бабушка, взрослая. Ну, естественна, даждали мы День Пабедаы. Ну, горя у фсех хватала: и нашэй семье, и другой семье.

А, я забыла сказать, што в нашэй деревне патом стаял ужэ партизанский атрт был. Недалеко франты шли, и фся

деревня у нас, ва фсех дамах были раненые, мы за ними ухаживали.

Теперь у нас там в деревне брацкая магила большая. За ней ухаживает сельсовет, школа ухаживает. Вот. Пака мы с мужэм жыли в деревне, и мы ухаживали за этой магилай.

Ну, теперь ужэ, как бы, деревни не сушществует, паэтому там ужэ эта, ухаживает толька сельский совет, каторый перенесли тожэ даляко. Ну, школа ешшэ ухаживала, теперь школу перевели. Одним словам, кто так вот добрые люди придут, приберут. На магилах теперь у нас вот такая там чистота.

Ну, этих карателей в шысят седьмом, семьдесят фтаром году их ф Пустошке судили. Дали им различные сроки. Самому главному – Кареву дали растрел. А этим по двенацать-пятнацать лет. Естественна, ани раскаивались, но была ужэ позна. Там вот я слушала, канешна, слушать была очень тяжыло, и пасему я фсево и не помню. Ну вот, гаварили, как они издевались там. Ани штабелями складывали людей, вот так вот лажыли, как мост, и пытались на лашыдях прасхать па этим людям. Так насколько животнае была, вот, благаразумней этих людей, ано на́ дыбы становилась, збрасывала этих седакоф, но не шло па людям. Лошать не шла. Вот такие были дела. Уш не дай Бог, штоп эта пафтарилась.

Записано от Сергеевой Зинаиды Анисимовны, 1922 г.р., г. Опочка (место рождения – д. Асташово Лобовского с/с) Оп. р-на Пск. обл., 2007 г.

ПЕЧОРСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Вот так и да вайны жили. Я гаварю, в вайну Тани... у Тани атца убили ва Пскове. Ни капейки помашчи не была! А челавек он был мяханикам, самалёты ремантировал. А вайна началась, никаких дакументаф, никакой помашчи не дали ейнай матери... Дакументаф нет – не дали. И я тянула их: мать старую и Таню с рябёнкам. Пахала, лашадёнка была плохинька... лашадёнка. И чатыре гяктара земли нада была напахать, пасеять. В магазине хлепча негде была купить в вайну...

А два брата была, немцы ф тюрьму забрали. И я на лашадёнке павязла этих как... мужчин ф Пячоры... зимой. На лашадёнке павязла на вагзал ф Пячоры. А с Наваселья в другихта ф сумках были взяты яда с сабой. Взяли с сабой, а два с Наваселья, Ногины фамилия, аттуда, с Наваселья, мяшок наложэн хлеба, можэ, ня знаю, я не глядела ничаво. Ну вот, лашадёнка на вагзале в мяня привязана, а мне жалка – два брата ня взяли яды с сабой. Их ф Тарту ф тюрьму вязли. Я этаму, как её, немец или эстонец был, гаварю: «Снясите эгат мяшок этим, где кричат, там два брата галонных у меня». Стукнул винтофкай па плячам, а я, а мне была што, вайна началась, пятнаццать лет – малоденькая, я упала и ня помню, сколько я ляжала. Ня помню... Вот ф пятнаццать лет вайна началась...

Праснулась я, лашадёнка стаит, ужэ вечэр, сонцэ закачываеца. Сколько я ляжала, не помню. Как меня ложэй стукнули. Мяшка нет этава. Думаю, хто унёс? Не знаю... И их увезли, ани крычали, как эти... в этих вагонах... Страшна! Так крычали... Мальцэф фсех, павезли мужыкоф. Связли ф Тарту ф тюрьму. Ф Тарту ф тюрьмы... вясна пришла... ф тюрьмы сидят ф Тарту... вайна.

Мяня Нюшка Махнова, эта сястра дваюранная, пашком ф Тарту заставили итти, хлеп нясти. Как я устала, силы не была.

Па псяят в день километраф ф Тарту, вот папробуй пяшком дайти. Три дня шли, и яду-та нада, есть с сабой. Яда-та мала... яды... итти столька. Вот мы бутылку нашли... с канавы вазьмём вады – ва рту фсё засохла. Папъём, апяты идём, папъём – идём. Да Тарту с сястрой дваюраннай ишли. Идём, идём, и сонцэ не пускает начевать. Патом кул дароге немцы... Сястра дваюранная умела па-нямецки нямношка. Пустили немцы начавать. Так мы устали! Сил нет! А я гаварю: в мяня ноги забалели, я не магла... И сейчас зато баля ноги...

И вот абратна идём апяты. Аддали им ф тюрьму ета фсё, што была там: яички да хлеп, наски, варюшки. Вясной перят Пасхай. Тагда идём да Вьёру, а там уласафцы. При немцах эти, как украинцы, власафцы были: «Ой, наши девачки! Ой, наши девачки!» Как нас взяли, мы так рады, да дому давязли. Мы ужэ ноги атвалились, устали. А тяперь брат ни письма не напишэт! И пришол ка мне в гости, дажэ ни кан... ни адной канфетины не дал.

Записано от Кутимовой Зинаиды Семеновны 1932 г.р., Яска Татьяны Павловны 1944 г.р., (место рождения – д. Клезино); д. Старый Изборск (Изборская волость) Печ. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 2.

Пришли братья с армии. Пришли, сразу жаницца давай. Нюшка им наткала кастюмы. Ани давай жаницца, да. Карофка была в нас – фсё сябе забрали. В вайну згарели, немцы сажгли нас. Жыть негде, ф чужом доме жыли. Патом жыть нэ при чэм, и работы нету. Я ужэ хадила па саседям прасила есь. А патом што делать? Паехала в Эстонию ф калхоз. Маладая была. Нет што гулять, а мне была трудна... «Брат, дай рупь денег!» Ни за што нэ дал! Ни за што нэ дал... Приехал Ванькин брат – Саня – с Эстонии, там жыл. Паедем, там работать. А я в вайну дома

пахала, Таню тянула с мамкай, и мать старую. В Эстонию я приехала, в Эстонию, калхос там. Трактароф нет... Дадут мне пару лашыдей, я барнўю на пале... Дадут лошать, важу навос, не адеть, не абуь. Выписали мне хлеба, малака, мяса...

Мая моладась прашла, как... Не моладазь была, а страх! Хатела задавица ужэ, знаеш! Вот такая жызнь [неразб.] голая. А сваи ниhto капейки не дали. Ничево не дали! Никто не памок. Вот жыла, жыла, знаеш, зиму аджыла... Пахала фсё на лашадях. И летам дадут эту грабилку, я там в Эстонии граблю... А Танина мать за какова-та чёрта... там Тонька... За пьяницу, за блидуна аддала замуж. Приехали ка мне, он фсё прапил. В Эстонию приехали.

Записано от Кутимовой Зинаиды Семеновны 1932 г.р., Яска Татьяна Павловны 1944 г.р., (место рождения – д. Клезино); д. Старый Изборск (Изборская волость) Печ. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 3.

У Тани в вайну браты, братья были на фронте, ф тюрьмы были. А мне пришлось землю пахать, вот. И вот мать старая. Таня маленька была... И тянули в вайну. В бальница... магазине хлеба не была. У нас сабирали в вайну калосья мы. А пришли... как згарели... в Ылью немцы сажгли нас... была железная дарога. Так: у-у! буяли, буяли – галавешки не асталась.

Пашли ф чужой дом жыть. Там три сямьи в маленький избушке жыли! Завялись клапы, завялись блохи, вошы завялись. Спать негде – фсё згарефшы.

Перяжыт, я гаварю, ужасты у меня, перяжыт!

Записано от Кутимовой Зинаиды Семеновны 1932 г.р., Яска Татьяна Павловны 1944 г.р., (место рождения – д. Клезино);

д. Старый Изборск (Изборская волость) Печ. р-на Пск. обл., 2007 г.

ПЛЮССКИЙ РАЙОН

№ 1.

Раньшэ не была жэ этих самых лодак; камейки были у нас, черяпушки. И у деда свая камейка, а он был ахотник, рыбацк был, семью-та кармить нада была, он адинацатый сам, адинацатый был дет. Ну вот... кармить-та нада была семью каким-та образам, ну и вот.

У нево харошый сат был, у деда, там, девять пастроек – немцы сажгли ва время вайны, при мне. Я пашол, тётке гаварю, я гаварю: «Пайду». Ани [немцы] гаварят: «Срывай крышу, и мы не сажгём». А мне была адинацать лет, двенацатый, где я мок там, а я маленький ростам был очень, маленький ростам был. Ана [тетка] гаварит: «Я тебе дам! Эта новый дом толька выстраен, – там два дома сажгли ани, – там тока тронь – тя захлапнет, как в мышылофке». Хе-хе. Гаварит: «И не патхади блиска».

А немцы фсе: «Убьёт». И выкатали, статива¹, фсё вынесли да нитки аттудава з дома, што была аставили там на чердаках, фсё! Ну их там челавек двацать, наверна, была: маладые фсе ишшо, играют, смеюца, ну такие лет па двацать – по двадцать аднаму, такие. И фсё эта выбрасали и сажгли. Девять пастроек! Вот.

Записано от Анисимова Николая Григорьевича, 1928 г.р. д. Завод (Заянская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2004 г.

№ 2.

... Да. Эвакуировать. А мне тогда было, шол десятый гот. А бабушка старая, ей в деревне нё было никово равных. Она глухая была. И говорит: «Ниночка, – это меня она звала, – надо, Манька, надо её провожать. То – говорит, – были войны, што ребятишек в лафке давили». Я и говорю, подскочу: «Как в лафке?» А раньше избы были. Русская печка и такие скамейки стояли толстые-то.

(У нас была такая в Пелешáх.)

[Смеется] Ну вот, ну вот, вот, вот, вот, вот. Я потскочу, што: «Как это само?!» – «Да так».

И вот меня начали собирать в дорогу, з бапкой там, такой Тонькой Петровой, ешшо одна без детей остафшысь, вот с той. А с её бабушкой.

Ну жили плохо, отец сидит в тюрьме, посажено. Мама на скотном дворе работает. Это... В доме чемодана не было. Масло до войны в яшшиках таких маленьких. Ну дервянные, культурно. И этот... Дядя зделал чемоданчик. Вот я подойду, там две пары белья, этих самых, в дорогу собирает меня. Куда?

А подводы идут с Пелеш, оттуда с Котóш через Межнйк. И этот идёт насыление туда, скот гонят, угоняют. Страшная картина была эта.

Вдруг вечером. Тут рядом напротиф жыл председатель сельсовета, вот как Чамаевы. Воз нагружэн, магазин розграбили. Яшшыки, ну в обшшэм.

Наутро пришол немец. Мы не успели. А! Мать, помню, капусту окучивает. А я сижу на заборе – плачу! Тая голосит, голосит, што как она отправит меня неизвесно куда. А я это сижу на заборе, я очень вёрткая была, шустрая. Лошадь ужэ водила ф полё, на коне ездила. Понимаеш? Ну. Ну и вот пришол немец. Три дня у нас, наверно, ево не было.

А населения много, бежэнцэф этих с-под Ленинграда, приехафшы оддыхать были, в Гдоф. А уехать не успели – немец захватил.

Садилась глядеть в Лосице немца, там где-то с кустоф глядели. После появились и у нас. После пришел у нас тут раненый солдат. Ты сидиш в лесу, выходиш с окружения, есть хочеш. Куда итти? В дяревню. А месяц или большэ, вот большак, и то слышно, што день и ночь гудели машины. Это такая сила шла. Только подумать, што немцы это. А наш Иван русский топал пяшэчком.

И вот приходит красноармеец, как сичас помню, раненый в груть. И просит, што: «Положите». Ну вот мы отважные жэншшыны были, вот моя мама и вот председателя эта сельсовета жэна. Положыли ево это ф сарай ничейный. И сказали: «Чуть што – осознаемся». Мало ли как найдут ево немцы!

Прошла, наверно, неделя. А меня ешшо писать заставляли ф ковшык – ему перявяски делали [смеется].
(Зачем?)

Да. Чем? Разорваны холшшовые кальсоны, тогда не бинты это самое...

И вдруг немцы делают облаву. Тогда ешшо у нас колхозная корова была, своя корова. А за стенкой сидят три красноармейца, но они ужэ не ф красноармейской форме. Есть просят. Мама как раз с этим... Хорошо, што они выстрелили, подали какой-то сигнал. Это немцы-то выстрелили, так красноармейцы куда-то. А они выстрелили, што увидели там, ни одни мы кормили-то, веть и другие выходят-то. И тут вдруг в двярях немец: «М-м-м-м...». И нас погнали. Мама ешшо успела заскочить, пока он в дом, а они в поросячью загородку. «Ребята, меня растреляют, как хотите, убегайте куда-нибудь». У них это, ну они после убежали туда по картошке. Мы к ручью были к лесу блиско.

И нас гонят на Бешкóво. Думали, в Ляды. А по лесу гонят, кричат: «Рус, швайн, рас-стреляют». В обшшэм, што пригнали. Скот угнано, ну раз угоняли. На навос закрыли нас, это самое. Как короф, перешчытывали, людей-то. Ну, человек сто пяддесят было. Деревня-то веть большая была, дачникоф, это самое. И вот мы наворотили плакать, а это было перед вечером, наверно, часоф ф четыре или пять. После на ломаном руском языке зачитал приказ, што мы принимаем партизан. А мы не партизан принимаем-то. Если найдём, то ф пять часоф будете ростреляны. Такой прикас.

А сидят, нарот-то и говорит тут, переговариваеца: «Как это фсех могут растрелять?». Да ведь не одни ростреляны. Вон и Краснóха, и концлагеря, и фсё. Ничево веть не было, это самое, никакой связи, ничево и вот.

Катька такая, подрушка и говорит: «Нинка, пошли писать. Давай убежим». Я говорю: «Катька, а ты знаеш, куда бежать?» И дралися с ней. «Не-а». – «А я тем более не знаю».

Ну, плакать наворотили. Они нас покормили: рис с мясом. Котелки такие, и вилка и лошка одновременно было, ну в обшшем, складное, это самое. Сколько лет прошло, фсё как наяву вот помниш. Ну, и ждали, што пяти часоф утра. Они точные, немцы: если они сказали, то они выполняют, што бы это ни было. Вдруг затарахтел мотоцикл. Тут фсе зашэвелилися, народ. И объявляют, што вы свободны: ничево у нас не нашли.

Когда вот выпустили нас, в лесу было море малины, это значит было, вот, конец, наверно, июля, но ужэ были полицаи, ужэ были предатели, перешли ужэ... сюда немец пришол четырнадцатого июля, в раён. А это ужэ успели, видиш, это вот, ну ладно.

Так што... Долго можно рассказывать. Фсё, пошла работать.

Записано от Евставьевой Нины Егоровны 1932 г.р. д. Ляды (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2006 г.

№ 3.

... Так лошади фсе это... в это... Мы в окопах ребятня находилися. Стрельба, и это... Мы пришли ужэ с окопоф к разветчикам. А ф штап не хотели, што мы находимся. Ну брат уш большой, ну и я подросла, это самое. Мы фсе находилися у разветчиков. И тут пришла...

Стояли, а вот эти двадцать-то человек идут к Рудне в разветку, а немцы настолько блиско потпустили. И идёт девушка. До чево красивая! У ней две касы, што запомнилося, што было две касы. Но она, наверное, татарка. Ну, очень красивая! Шчоки румяные, кубанка, ну шапка-то, вот это самое.

И как сказали, што прибежали, што и убили и девушку, и фсех ростреляли – там вот двадцать человек. До чево я плакала по этой девушке-то. Меня и красноармейцы уговаривают, што это, ну, случаеца вот видишь, ну случаеца. И вот сколько лет прошло, и я помню, вот даже какой-то облик её.

Да! И она и говорит: «Ой, девочки, как у меня болит душа!» Вот её слова. Муся! [обращается к кошке]. Так, што, вот видиш, значит предчувствовал человек, што случится.

Так што, Надя, хватит тебе этово.

Записано от Евставьевой Нины Егоровны 1932 г.р. д. Ляды (Лядская вол.) Пл. р-на Пск. обл., 2006 г.

№ 4.

Вайна началась. Старшыва брата в армию взяли, фтарой брат на заводе астался работать. Вайна началась... мы жыли в Ольгине. Началась ... начали бамбить ужэ эта немцы, немецкие самалёты налетели. Начали бамбить ужэ акраины горада. Ну и вот... Мама... мама тагда нас взяла и привезла вот суда, ф

Трѳсна. Здѳсь жыла папина тѳтка. Привезла ф Трѳсно, значыт. И сама хатела уехать, но не уехать не успела, патаму што к нам немцы пришли. Мы так здѳсь и остались жыть, у тѳтки.

Так. Была моладасть, мне была сколько? Четырнацать лет, наверна, ужѳ исполнилась, в марте четырнацать лет сполнилась. А҃а. И вот... к нам приехали военные... машина салдат приехала наших, да-да салдат. И у нас там таки были кладавые, и мы хот... и нам нада была з девчонкам збегать к этим салдатам пасмотреть, [смеется] каки каки они... А҃а. Прибежали. Ани сидели там на кладавых. Мы прибежали к ним. Сидим там и разгавариваем. А с Трѳсно тожѳ людей стали... на эвакуацыю ужѳ выганяли. Мать – мать тѳтку вот эту забрала, убежали на Лјоту ани. Ряка там у нас Лјота. А я вот осталась в Трѳсне.

Ну и вот... Сидим мы там с этими салдатами, прибегаѳ такой Сашка, Горшкоф ему фамилия. Едет от Трос...от Лѳсиц на велосипеде и кричыт: «Немцы едут! Немцы едут!» И мы бежать которые куда, которые куда... По фсем сторонам. И верно... Вот как волна! Как как... как река шырокая сразу, так немцы въехали в Трѳсна к нам! Так и въехали в Трѳсна к нам! И вот мы... мы этот-т Сашка Горшков кричыт: «Прячьтесь! Прячьтесь!». Немцы застреляли тут сразу. Забегали эти салдатики наши, на машину по... по... сразу попрыгали э... и атправилися на машину... на машине к Мозовѳру туда, поехали в сторону Мозовѳра. Ани [немцы] застреляли и двух салдатикаф ранили ф Трѳсне тогда. А мы вот сзаду этава Сашки Горшкова фскочили ф силосную яму.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 5.

Силосная яма была там в Трбоне, и нас шэсть человек туда, в эту фсочыли в яму. И нач... так солдатики эти уехали, и вот их поймали двух салдат, схватили. Куда их дели, я их не... я куда... куда они их дели, но ранили их тогда. А куда ани, э..., што с ним там ани зделали, этава я ня знаю ничево. Ну и вот. Сидели мы в этой яме, ф силосной. И вдруг налетели наши самалёты, наши савецкие самалёты налетели и взялися бамбить вот туда к Мозовэру дарогу вот эту. Эти немецкие машины шли по дороге туда, к Мозовэру, и ани вот начали бамбить эту дорогу и убили двух немецких салдат тауда.

Ну и вот... А мы сидели, мы сидели долга в яме в этой... И потом нас... нас немцы заметили: за... мы недалеко от дороги от этой сидели. И вот мы слышым: идут к ямы шагают па землицо, слышна, топают кто-та, идёт. Ну и вот... Ага... Пришли, мы заметили, значыт, эта ани, значыт, пришли к ямы.

А вот мы пока там сидели, в этой яме, вот в берегу в берегу-то ямы; ну вот где-та мы вырыли яму себе руками себе, што только голавы-та да плеча туда была фтиснуты в эту яму, а зат-та да ноги-та фсе на улицэ [смеется]. Нам так страшна была. А вот плечы-та да голаву затискали в эти... в эти... в эти ямы.

Но вот немцы подошли. Нас траих, значыт, самых маладых... Махают, што выхадите вон самые маладые. А што мы? Конешна, мы, эта... напугафшы да устафшы, день там атсидели, в ямы в этай. Выходим. Ну и вот... вышли мы. Ани показывают, што к нам пойдёмте сразу, ну... А што тогда думано! Да не знаеш, што и думано... Куда нас повели. Ну вот. Идём мы ззаду их, и ани... Вот а ты-та знаеш, где Ефимавна-та, через дарогу. А у них ужэ ямы вырыта были, ямы вырыта были, и вот ани..., и мы пришли, пришли, у их завёрнуты ужэ ф какито плашч-палатки или там во што-то такое... два два солдата. И они ужэ зарывают... зарывают, и ямы вырыта... И нам это што-то говорят. Мы ничево не понимаем. Мы это... берём лопаты,

што это закапывать, думаем, нас заставляют. Они это махают рукой, што «Не-не-не-не-не-не...» Аҫа... А вот показывают нам, што-то рас... и говорят, што вот што-то им надо там, што-то им надо. Мы ничево не понимаем. И потом они это (а ужэ лето было-то, июль июнь месяц-то, аҫа, и цвяточки) ... Вот они збегали, сорвали цветочки и показали, што вот цветоф нам нясите. Вот мы тогда поняли – цветоф надо было несть. И вот и нас: «Марш!». Это опять показывают, што вот за цветами за этими. И я помню, што я прибежала домой, домой прибежала, и у нас така герань была на окнах; и вот схватила эту герань, и понесла туда, и потом они заставили ышшо, вот посадить што-то надо ешшо. Мы, вот где Рокосовские-то жыли, вот туда збегали; розы выкопали и... и пасадили, и они до сих пор там. Там разрослося море... эти этой розы. До сих пор там цвя... я спрашивала у этих, у тросненских. Так говорят, там так разрослася эта роза... И они и нас, значыт, пасадили... мы цветы эти, они нам, што: «Марш!» – прочь!

Уж я говорю – нечево и говорить. Ани с нами ничево плохова не зделали!

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 6.

(Отпустили, да?)

Атпустили. Ани [немцы] толька там што-та говорят, што, не знаю што, только махают рукой, што ухадите, ухадите! Мы эта и ушли... И вот... да... и мы ушли. И ужэ дела к вечэру была, хоть эта летнее время эта была, а ужэ сафсем вечэр... позна... и вот мы там убежали черес сваи огороды, огорот, и там

така ложбина была, и я в эту ложбину... и там на колешках, ракам, и убежали в лес. Убежали.

Прибежали мы в лес, наши были... находились на Люты там, и мать там находилась на Люты, и наши жители... [плачет]. Не могу... Поплакать нада. До сих пор прецтавляю, как мама лежала вот так бросифшы на пол и ревела во фсю моч, што мяня, што мяня нету... што я у немцеф, у немцеф осталася. И вот так тряхнуфшы была на землю [кладет голову на руки, сложенные крестом] и ревела, ревела на фсю моч! И я прибежала туда, прибежала туда... к ним... туда... И там мы были, там мы были... ну, как гаварица, мы там фстретились... там ночевали.

А в деревне остался такой старый мужык, старый мужык. У этава мужыка тожэ сын был, тожэ сын был, он тожэ в деревне остафшы, и вот сын-то с нами и был этот... и вот он это, он нас разыскал потом, што мы находимся на Люты, а он в деревне остался, вот этот старый дет-то... И вот он пришел и говорит: «Пойдёмте домой. Немцы нам ничево не зделают! плохова!» Вот это уш надо должное оддать! Аүа. И гаварит: «Я ужэ с ним чай пил, и ани, мне там перевотчик где-то был и сказал, што пускай фсе домой едут, и не боятца никова». И верно! Мы взяли и отправились домой и так потом и жили там дома... Так-так... и жыли, так и жыли...

(А немцы ушли?)

А немцы, ну немцы прашли, они на Гдоф туда ушли. Аүа. Потом появлялись у нас немцы. Но фсё равно это... мы так в деревне и жыли.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 7.

А асобенна мы жылы, прибежали с Питера, как гаварицца, и нигде ничэво – есть нечэва была. Аҫа. Картошку. Картошыны и той не была в доме.

Аҫа. И фспоминаю, што картошку весной сажали ачыстками. Люди дадут, аҫа, ачысток, и нада пасадить была. Аҫа. И вапшшэ, и вапшшэ фсё!

Но, но, а я пра немцэф гаварю, што, пра немцэф, ани нас не трогали, здесь мы жылы. Я знаю, што вот эти Йвлевы были. Мая падруга. Был стараста атец её, стараста в деревне – Ванька Йвлев. Ты не застала?

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 8.

Вот он как услышит, што да партизаны, партизаны прихадилы ночью абычна, и вот он это как ночь, так зажыгает лампу-каптилку и ставит на там на стол. И партизаны ужэ знали, што эта итти в деревню нельзя – это, што здесь немцы. Аҫа.

А мы вот с Люсей падруги были. Люся-та приежжала-та ко мне. Не знаешь яю? Аҫа. И вот та придёт ко мне и гаварит: «А севоння к нам партизаны прихадилы. А севодни папа лампу паставил на стол, што, штобы партизаны не прихадилы». И я эта фсё знала, знала. И фсё эта малчала фсегда. Аҫа-аҫа.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 9.

А вот патом тут эта стали маладёш нашу атправлять в Германию на работу – многа атправляли, несколько девчонок атправили. Аҫа. А нас с Люсей вот с этой, мы были маладые, ешшо малоденькие сафсем. И вот нас куда-та тожэ хотели– я теперь ужэ и не помню, куда хотели нас атправить на работу куда-то...

А вот этот дядя Ванька вот, атец-та её, он был стараста. И вот это нас приписали, как гаварица, к этому делу, штоб взять – а он взял да и сказал, што вы давайте вот дурочками прикиньтися. И вот я помню вот платки вот так павязали наперёт канцами, вот – мы басиком – юпчонки там каки-та, юпчонки адеты были. И нас вызвали в Ляды, в Ляды. И он с нами паехал тагда вот...я и гаварю, што ему дай Бох лёгкае лежанье. Вот эти Ивлевы, которые я фсё убираю [могилы]; и вот и он и сказал, што с вас будут што спрашывать – вы што атвечайте, а што не атвечайте. И вот мы стаяли, губы распустифшы, тряслися; а он за нас атвечал и гаварит, што ани эта, в опшшэм, дуракаватые, их нельзя брать! [смеется].

И нас и нэ взяли тагда на работу никуда! Не атправили. Аҫа. И мы, я помню, прибежали с Ляд. Мама давольная, плачэт, што нас не атправили куда-та на работу. Я ужэ теперь и не знаю, куда на работу. Ну, а мы были, а мы были грязные и-и эти... плоха адетые, и стаяли, платками завязафшы, так стаяли перед немцами, а ани там нас дапытывали [смеется]. А мы? А мы што атвечим, а што не атвечим, а он гаварит: «Ани палаумные. Их нельзя брать никуда!»

Вот так жыли! Вот так жыли! Аҫа. А жыли-та, а жыли... Ай-ай-ай как худа. Мы-та в асобенности. Люди-та хоть здесь пастаянна жыли, а мы-та прибежали з горада. Вот так! Аҫа.

А немцы как-та как-та нас нас ани и не трогали, приежжали в деревню. Аҫа. Я помню толька, я от аднаво немца па морды палучыла венком, венком.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 10.

... Сплели мы... Сама тут с дефчонками сплели такой веночек с цветоф. И сидим мы за сталом, и немцы сидят с нам... э... сидим за сталом чево-та там... Да, да был перевотчык один и што-та гаварили мы там с ни... Маладые тожэ немцы-та. Ну и вот.

А я сижу на скамейке зад свешэн. Вот так. А немец пришол, да хлоп меня вот па заду-та, а я тресь ему вот этим венком! Как он ашалел на меня! И вот хватает, за... застрелить на меня. А этот вот эта этат перевотчык. Я, я-та сразу саскачыла, выскочила из-за стола-то сразу да за туда за-за к кровати, забилася за шкаф. А он а этат што-та перевотчык-та ево фсё угаваривает, угаваривает, а, а патом этот пришол да и гаварит: «Зачэм ты так зделала? Зачэм ты так паступила? Ему жэ ему жэ не панравилося эта». А там какой-та то начальник был. А я то мах яму вот так па па лицу! [смеется]. Вот так!

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 11.

Ну вот! А патом фсё началось! Ва время вайны, кагда немцы нас асвабадили, ани у нас здесь не хо... ня шли многа. Ани другой дарогой шли, са Гдóва через Ляды и на Стру́ги шли тогда, когда атступали сафсем.

Ну и я и апать папала в феврале месяце. С первава февраля меня ужэ мабилизавали ваенкаматом на курсы минёраф. Я ужэ февраль месяц учылася на курсы минёраф была, с первава февраля Лядским ваенком. Ваенкомат был ужэ. Немцы были, ужэ атступали. И началось эта. Аҫа. Февраль учылися, а март, апрель и май и май-та тут ужэ мы ужэ работать пашли, нас ужэ ганяли па фсем деревням. Фсе фсе мины падбирали разные, снаряды падбирали. Фсё была. Фсё была.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 12.

... И в вашэм Палицкам бару, в вашэм Палицкам бару был бой, кагда немцы атступали. И там... там не поймёш, што была. Аҫа. Неохота фспоминать дажэ.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 13.

(А в «Старину» как вы попали?)

А ф «Старину», а ф «Старину» вот я. С первава сентября меня взяли работать ф сельсавет.

(Какого года?)

Э-э-э, падаждите-ка. Вайна-та, вайна-та когда кончылась? Ф сорок четвёртам? Да... ф сорок... в сентя... я февраль эта учылася на на курсах минёраф была, а патом с первава сентября, э... ужэ взяли меня работать, с сорок чатвёртава года взяли работать в сельсавет налагавым агентам и

после налагавым агентам, патом. Ну, тут тожэ многа рассказывать...

Секретарём там работала другая. Её пасадилі ф тюрьму. А за што пасадилі... Нада прямиа сказаць. Што аборт там другой зделала. Варя-та такая была в Турцэ. Вот ей зделала аборт... Её судили сразу и пасадилі на два года в тюрьму. Зачэм? За што эта? И я помню, што, я работала налагавым. Тагда работал Шубин Пётр Сергеевич... претседателем сельсавета. Этат... с ты знаешь этава-та... И вот он гаварит: «Принимай дела секретаря!» А я, а я ему это, ешшо сафсем маладая была: «Да я у мамы спрашуся...» Баялась.

<...>

И вот с сорок пятава года так я и начала в сельсавете работать, с сорок пятава года... Сорок четвертый... я тут налагавым работала. А патом...

Ой, ешшо чево-та фспаминаю. Вот, работая налагавым, и меня ф Пскоф назначыли, ф Пскоф хатели атправлять, как минёра. Аҫа. Ф Пскоф на работу. И вот, дай Бог тожэ, пакойнику теперь, Александр Иванавич такой был, заврайпо в Лядах. Што тагда, а ты не знаеш. И он меня... меня направляют, а он паставил вапрос: «Нет! Её прашу аставить! Не атправлять ф Пскоф!» Аҫа. Я харашо работала. Вот так! И меня не атправили тагда ф Пскоф. Аҫа. А харашо работала. Работала харашо. А што была адеть? И што была абуть?

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 14.

Немцы атступали, да в опшшем... и нашы-та. Какие-та сал... сапаги кёрзавые, сапаги кёрзавые бросили у нас там, и два сапога на адну ногу были. И вот я пришла в Межнйк, там дет

такой был Ягор, Ягор дед. И эта, и гаварю яму, што вот у меня есть два сапага, да адну ногу. А он мне гаварит: «Рóдная! Да приняси ты ко мне. Я те их перетяну». И верна. Взял и перетянул мне этат сапок на другую ногу. И вот так ы хадила. Вот так ы хадила в этих сапагах перетянутых. И фсё была харашо. А с этава, а куртка была шшыта ш шытели салдацкай тожэ. Вот так. И юпка была с плашша шшыта с этава салдацкава тожэ. И начала работать вот так! А не то, што теперь.

Записано от Солоп Антонины Федоровны, 1927 г.р.; (родилась в д. Тросно, переехала в д. Лосицы в 1958 г. – перед перед войной уехала в Ленинград; 2 года жила в Ленинграде); д. Лосицы (Лядская волость) Пл. р-на Пск. обл., 2007 г.

ПОРХОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Патом при немцах – были у нас немцы. И эта можна гаварить, да?

(Да, конечно, всё-всё говорите.)

Ани издывалися сколька над нам. Вот маво дедушку, эта били проста палкай, палкай лупили, ууу.

А и нам-та, заставляли вон кругом кладбишша траншэи таки капать, штобы ани там бы жыли бы, их не нашли бы нашы партизаны... фсё. Эта, и я-та капала тожэ. Штобы аны... такие акопы, штоп ани жыли там, в этих акопах. Немцы-та паиздывалися, да, тут. Маво брата роннава застрялили. Брат-та двацать пятава года был раждения, забрали, застрялили. Над папай тожэ издывалися, над папай... Папа патом умер, а брата застрелили проста. Аүа.

Записано от Гусевой Марии Яковлевны, 1927 г.р.; д. Сосонье (Трошинская вол.) Порх. р-на Пск. обл., 2006 г.

№ 2.

(Расскажите, как вы жили вообще?)

А как жыл... немцы. Тагда две власти была: ночью савецкая, а днём – немецкая. Вот, то партизаны придут, то немцы придут, и неизвесна кто. Гаварил, што «мы партизаны», а аказываетца немцы, гаварят, што «мы немцы», а партизаны... Так што вот так.

Записано от Кузнецова Дмитрия Васильевича, 1927 г.р.; д. Жаборы (Туготинская вол.) Порх. р-на Пск. обл., 2006 г.

№ 3.

Ну, што, у нас был очень харошый свяшпенник в этой цэрквы. Вот, ва время вайны, кагда он служыл, у нас деддом был. Стараруских ребят и ... старарусы и навгароцких. Вот здесь у нас была школа, а патом, вот, деддом арганизовали ва время вайны. Так вот свяшпенник, атец Михаил, бывала, служыл, кагда ему приносили, там эта, я не знаю, как называется, асвешщать там фсё это: там, ну, яйца, вот, и там пираги, фсё эта он атнасил в этат деддом, вот. Такой у нас был свяшпенник.

Записано от Кузнецова Дмитрия Васильевича, 1927 г.р.; д. Жаборы (Туготинская вол.) Порх. р-на Пск. обл., 2006 г.

№ 4.

Проста маи претки здесь были-жыли. Паэтаму...<...> Сычугова Рита Антонавна. Радилась в трицать девятам гаду в гораде Ленинград. Ну, в войну... бабушка приехала за мной в Ленинград, сюда, на дачу, привести. Ну, и папала пад вайну. И мы где-та окала года пражыли, выбиравались из Ленинграда, а патом, вот, ф сорок фтаром – сорок третем гаду ужэ пешком пришли сюда, каг бежынцы ф сваю деревню. Разбамбили поест,

на каторам нас атправляли в Ленинград, вот... мы и пришли пешком.

И то я шшыс только фсё эта начинаю навадить спрафки, патаму што я ф сваё время тожэ этим каг бы... веть маладая была, не интересавалась. А сичас вот выдаю в архивы, везде пишу, где и што: и как я папала сюда, в деревню, и как нас, эта, с нами абрашшылись, вот эти немцы; как нас увазили, как раз эта был сорок третий гот, осень, нас в грузовую машину посадили.

А деревня наша Алексáндрафка, вот вы мима прахадили, где газавая труба праходит, между Заальшáгам и Жáборами... Нас посадили в грузовую машину и атправили ф Пóрхаф ф концлагерь. А сичас, кагда я ужэ стала спрафки навадить, аказываецца, там у нас был канцлагерь для ваеннапленных, для салдат, и для гражданскава населения.

Гражданскае население, значит, в эшылоны посадили и атправили, в эта, ф сторону Германи. А там, пака мы ехали да Германи, нас сартиравали каг бы. Ну, там, ани адбирали, эта...

Я ехала з бабушкой. Бабушке писят семь лет, а мне три года. Так, канешна, меня немцы туда з бабушкой не взяли в Германию. А в батраки оддали литофцам, так што... Ну, знайте, што мы, руские, работали. Несматря на то, што мне было три-четыре года, я пасла ужэ гусей у литофцыф. Хлеп проста так мы у них не ели. Хоть ани и претендуют, што якабы, мы акупанты. Канешна, и ани не винаваты ф том, што мы папали в Литву. Эта германцы, немцы нас туда пригнали, вот, ну, эта самае, ва фсякам случае, мы работали на литофцыф. Пачти, вот, очень многа, у нас Генадий Иванавич, он, шшытаецца узник, но у него мама маладая была, ей где-та окала трицати лет, а ему была лет восемь. Ево ужэ угнали, в эту, в Германию, патаму што там ужэ падростки нужны, как рапсила была. Вот.

А я, вот, з бабушкой была. Нас лито... литофцу аддали, мы у литофца работали.

Записано от Сычуговой Маргариты Антоновны, 1939 г.р.; д. Жаборы (Туготинская вол.) Порх. р-на Пск. обл., место рождения г. Ленинград; 2006 г.

№ 5.

(Расскажите поподробнее о вашей церкви. Как она называется?)

Цэркафь... А как наша цэркафь называецца? Пакрава Божьей Матери?.. Я не знаю... я не цэрковный челаовек, паэтаму я дажэ и не запаминаю ужэ. Принеси, а, ну да, тебе не найти.

(Что вам известно о священнике этой церкви?)

Ну, и... Дмитрий Васильевич вам рассказывал, што у вас свишшенник сто лет прожыл. Здесь он захаронен, на кладбишше... и... он где-та ф сорок третем гаду, эта, вот... Дмитрий Васильевич лутшэ эта знает. Он где-та, навернае, ф сорок третем гаду или сорок фтаром... ево сюда прислали. И цэркафь не разграмили только благодаря таму, што этих... не была аружыя, вот, штобы партизаны не прятались и цэркафь, как в ваенных цэлях не использовалась. Вот, патом, кагда, гаварит, эсэсафцы или, там, кто приеха... пришли и вот сюда прабрались и хатели её взарвать или паджэч или там уничтожыть... эту цэркафь, то фсе жытели, кто здесь был в Жаборах, фстали на калени, на плошшыди, взяли иконы из цэркви. И благодаря этаму, значит, вот, немцэф умалили, упрасили. Ани не зделали ничево с цэркавью, ушли так.

Свяшшенник атец Михаил, вот, ну, прожыл он сто или сто адин гот. Был очень-очень предан нашэй цэркви. Я не знаю дажэ, аткуда он родам и што, но он прибыл сюда, где-та, наверна, сорок фтарой – сорок третий гот ... ево сюда прислали. А можэт быть, дажэ и раньшэ? Не магу этава сказать точна. Вот, а, вот, то, што он как-та вёл себя как простана... просталюдин, хадил басиком, а зимой калошы только адевал на босую ногу,

вот так, вот, и зимой хадил. Не ат таво, што он этава фсево не имел, а вот, как-та, вот, вот такой вот как пасланник Бога, што ли к нам был. Вот ы прожыл он здесь окала сарака лет, в этой деревни пражыл, вот так вот.

Записано от Сычуговой Маргариты Антоновны, 1939 г.р.; д. Жаборы (Туготинская вол.) Порх. р-на Пск. обл., место рождения г. Ленинград; 2006 г.

№ 6.

...Пленных, военнапленных пагибла...

(Это в Порхове, да?)

Ф Порхаве, да. Там поставлен памятник. Дажэ, вот, хатели зделать, каг бы, озера перед этим памятником, штобы напоаминала, каг бы слёзы россиян и а пагипшых. Но, гаварят, не давели ешшэ дела эта да канца ф Пóрхаве. Эта ужэ сами узнавайте там. [Смеётся]. Я толька так...

Записано от Сычуговой Маргариты Антоновны, 1939 г.р.; д. Жаборы (Туготинская волость) Порх. р-на Пск. обл., место рождения г. Ленинград, 2006 г.

№ 7.

В деревне Красúхе партизан, из-за каторава сажгли деревню, из-за каторава сажгли деревню. Магилка. Никто не убирает: кароф пасут! Я пастух на дворе. Пасу кароф, убираю магилку фсэ время. Пусть из-за нево сажгли фсю деревню.

Записано в Порх. р-не Пск. обл., 2006 г.

ПСКОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Кагда при немцы малец хадил, пленные хадили, и мы как рас, шшэ я дефкай была, ну хуть ужэ... настаяшшая дефка, при немцэ-та ужэ не маладая.

А Миконихыных вот там за рякой Лёлька... маладая, ана фсё ка мне хадила, учыла я яну вязать. Кофту я хуть какую свяжу, эта... кружава, вязёнки я свяжу. И я связала кофту таким рисуначкам, красивая кофта. И яна захатела, ана хадила фсё ка мне учицца. И яну, полный день сидела ана, не заучыцца никак. И яна гаварит (а мне нада была, эта ужэ папа умершы, хвараст рубить на улице в Вяликим пасту перяд Паской).

А пленных-та многа хадило у нас тагда, наших-та. Бывала, к нам придуть, мы кармили, а рас сем челавак пришли, што мы кармили. Мясишка была, мяса фсё сваё. И как-та я гаварю... ужэ признакомифшы, а Канонавы пускали их начавать, пленных этых, нашы – так каво ш. Ну, вот я гаварю: «Сявонни, тяперь мяса фсё, только прастакиша да малако». – «А разве ето не яда?». А я гаварю: «Я счытаю, бяз мяса – ета не яда». Папа-та умер, мы с сястрой-та вдваих жыли, так дяржали парасёнка, дяржали авец, тьялёнка осенью зарежыш, мясишка-та и была нам на дваих.

Ну вот, сидя, а патом я гаварю: «Ну, садитесь тагда, только, ето, мяснова ничаво нету». Сидя, а патом я гаарю: «Вот вас карми-карми, а вон, – я гаварю, – как Малашка расказывала, што вы курят... хуть и там... пленные, курят с нашэсти ночью». А сидя и гаваря: «Вы ня бойтеся, к вам мы не пайдём, вы нам фсё скармили и так. Мы идём к таму, хто хлеба кусок не даё, мы и бярем у таво». Што свой челавак, а не паткармливае. Ну вот, у Малашки-та курят, стала быть, пленные-та взяли, сколька, два пленных, ета ужэ на святу, яна видеда, и яна пагналася за курятам. Яны вот там за Калакало́вым, Малатко́сьски горы к

Хваёнке туды. Она до Малаткóсьских гор, а яны, гаваря, сели: «Иди, иди сюды, иди сюды» (на гóру-та не пашла) «Иди сюды, мы пашчытаемся с табой». Гаварю, убили бы и фсё. Что иш з-за куриц бяжала да Малаткóсьских гор. Ну вот, а еты-та... А, бывала, станеш эта авец заганяць, такой был небальшой какой-та пленный, и глядись, где двери, и глядись. Была страшна, думаеш, ночью жыли вроде вдваих, но што... двери зная, как. Вот я гаварю: «Вас карми-карми, а вы, – я гаварю, – патом и влезете и унесёте авец или курят».

«Не бойтеся, к вам не пайдём, вы нам так скармили фсё. Мы ат таво берём, хто нам хлеба баицца даць».

Так вот ета здеся фсё были астафшы внуки, так вот в нас лична, ф самих была карава.

Записано от Александровой Марии Михайловны, 1904 г.р.; д. Голубы (Москвинский с/с) Пск. р-на Пск. обл., 1992 г.

№ 2.

Ета бы... Мне ўаварить, да?

(Да.)

Эта была в Беларусии ва время вайны. Каўда атступал не... каўда разурамили немца пад Масквой, фсе вайска, аны двиўались черес...

Чэрес Кóрнева...

Абажжы, ну патом, патом. Немцы атступали чэрез Витебск. Вот. Эта была дела прибли́жэна в ьюле месяцэ. Они [немцы] заехачшы за Витебск, то есть между Витебском и Астрóвнам астанавились аддыхать ва время абедна, ну как бы абеденная перярыф. Ну, каўда ани аддыхали, патом ани стали, аддахнули и стали... На лашадях жэ пушки вязли, на этих, ну каўда атступали. И стали запряўать лашадей, ани были выпряжэны, ну аддахнуть лашадям и пакармить. Вот каўда ани стали запряўать лашадей. Как раз ани хадили... лошади эти... у

нас была эта пасеяна зерно, рош, па-моему, и в эта время атец мой... (работает?) падашол, штобы ну... лошадь са ржы выгнать. Немцы лашадей забрали. Но кауда ани забрали этих, стали запряуать лашадей, и вот в ета время... Ну была заминиравана... и лошадь стала на мину. Пбнйла? Науой встала на мину, на шассе. И ана разби... ну эта мина и немцу пабила там, и лашать, и пушку разбила. Вот, и как рас в эта время был мой атец там. И ани пашчытались, што мину падлажыл он, и он партизан – атца. И там был рядом эрадром гражданский, ну ваенный... ну эрадром. Ани там... И ани ево забрали и туда павезли на эрадром, не стали растреливать, а штобы ево павесить.

Привезли ево туда, на эрадром, ф камендатуру сваю. А там аказалась наша девушка перявотчыкам, с нашэй дяревни. И ана с немцами переуаварила, фсё то, што он не партизан, там туда-сюда. Атца не стали эта... и ани ево сразу не выпустили, а пасадили на лошадь, ну на телегу, и дамой. А ему не сказали, што дамой. И как рас, кауда ани ехали дамой, и была там висельница, үде вешали людей. Ну, атец ужэ фсё (он пра эта не знал, што ево асвабадили, он думал, што на висельницу привязли). И как рас лошадь фстала, он сказал «тпру» – то немец, штобы лошадь падаунать, как рас кола висельниц. Ну ево не павесили.

И патом ета девушка, каторая вот была перявотчыцэй, ана, па-видимаму, имела свясь ну... с партизанами. Вот. И ана... и эта... атца не павесили. Он астался жыў. И девушка эта и в Ермании была, и у немцэф перявотчыцэй. И в настаяшшэе время ана жыва.

Записано от Лиховидова Александра Павловича 1936 г.р.; д. Ряднево (Гверздонская волость) Пск. р-на Пск. обл., 2001 г.

№ 3.

Шыснацать с палавиной лет была, меня атправили в Германию. Как ы фсех атправляли. Папала я на ткацкую бумажную фабрику, горат Ницкарскүлю¹. Ф сорок фтаром гаду, в марте месяцэ. Работала я на ткацкай бумажной фабрике. Работа была мушская, па двенацать часоф. А кармили – гнилая картошка и зелёная трава. И работали па двенацать часоф.

Вот так. Вот эта я магу сказать.

Записано от Феофановой Фатины Николаевны 1925 г.р.; родилась в д. Лаптево Стр. р-на Пск. обл., место проживания г. Псков, 2007 г.

ПУШКИНОГОРСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Ну, мне была чэтыре года, как началась вайна. А я помню только лиш пачаму? Вот эти страшные рёвы матацыклаф, тяжолых,... я до сих пор йих баюсь. Этат ужас на мяня такую страсть навадил! Перяжить не магла рябёнкам. Ну, а патом ка фсяму привыкнеш: и к снарядам, и к взрыву, и к рёву самалёта, и к стрельбе разнай... Фсё слышала. Патом прападала ф памяти. Вот...

Ну, а ф сорок чятьвёртам гаду нас мама аставила. Падарвэлась на мине, пряма на сваей усадьбе. Вот... И я была с ней. Нас раздялала только траншэя. Такой страшный взрыф! И через меня чёрная туча пашла дыма. А я ф ту сторону не сматрела, где мама. И пака я прихадила ф сябя, ужэ прибяжали з дярвени. Фсе сабрáлись. А я только тагда вижу, што... Хочэт мама фстать, но ей не падняцца. Тут ей ужэ сабирают, штобы в бальницу скарей атправить, вот...

¹ Возможно, искаженное название города Германии *Карлскруэ*.

А нас была пятера дятей. Самай старшэй тринацать лет. Вот, маму павязли на лошади в Пушгóры, эта фсё жэ даляко. А старшая сястра мая, Настя... [вздыхает] иконачкай нас абносит и просит, што давайте Божэньке прасить, штобы мама жыва была.

И не успели вот так мы абдумаца, папа ужэ вярнулся с мамай. Мама ужэ умярла. От так мы асиратели. Жызнь яшшо услажнiлась. Был голат, холат, заядали фшы, блохи... Ой, дажэ ту парú страшна фспомнить.

Ну, а патом стали паднимацца. Ф школу пашла. Ф школу хадила... Сапаги абут Бог знает какие, какие салдацкие, какова размера. Пальтуха какая-та адет, Гаспоть знает чья. В опшшэм, вот так... Вайна уничтожыла фсё. Дажэ не узнать была, где места дярэвни. Адни были варонки, акопы, траншэи, провалака калючая, адна страсть такая.

(А у вас «Пантера» там недалеко проходила? Да?)

Да, у нас. В нас была самая передавая линия. Сама... самая передавая линия. Вот... Што тьперь сказать?

Ну падрастаем, ф школу пашла, патом школу кончыла, стала работать. Летам на пакосе. Старшыя паказывають, как работать (а я яшшэ рябёнак). Ну. На тяжолые работы пака не пасылалi. Но фсё равно, фсё равно. Народу была многа, жэншшин была многа, падросткаф в нас...

Записано от Гавриловой Валентины Павловны 1937 г.р.; род. в д. Устё (Великосельская вол.); п. Пушкинские Горы Пушк. р-на Пск. обл., 2007 г.

ПЫТАЛОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

(А немцы что? Что с немцами было?)

А што с немцами? Вот пришли в нашу дяревню, за речкай – три километра – эта... наши русские партизаны, а немцы пришли в нашу дяревню. Вот, патом сабрали нас фсех в зям... в эту... в зямлянке зарывали, што там... с сабой токо што магги взяли, и пагнали... Пригнали ф сарай, закрыли ф сарае фсех... Ой...

(И что? Страшно ж, наверное, было вам вообще?)

А неужэли? [Вытирает слезы]. Я зато не хачу фспамянать... Машэнька, наши годы маладые.

Записано от Чечулиной Таисии Петровны 1933 г.р.; д. Линово (Линовская волость) Пыт. р-на Пск. обл.; место рождения – п. Пушкинские Горы д. Симушково; расстояние от места рождения до места проживания ≈ 90 км.; 2007 г.

№ 2.

(А вот, когда вы здесь... войну вы тоже здесь встречали, да? Война была когда...)

Не, вайна кагда была, я дявчонкай была. Там на Лавашнике фстречали. Радасна была. Атьехафшы ф кустах павоска наша, пагружэна тряпками фсякими. Вот немцэф гонють... А нам-та, рябят, што? Толька паись фкусненька. Здесь жэ мы – никаво не баимся...

(Ну, всё равно, наверное, страшно? Хоть и дети – война же все-таки...)

А не, в нас... в нас, скора прашло. Эта там, ф Савете, немцы жгли и рябят кидали ф калодец. А в нас... я не скажу, што плоха была. Не-а. В нас так шчытали – вайна... Нам никаво плахова не делали немцы. Нармально жыли...

Записано от Трунёвой Марии Федоровны 1932 г.р.; родилась в Латвии; д. Бубнёво Пыт. р-на Пск. обл., 2007 г.

**Районы, относящиеся к псковско-белорусскому пограничью
(южнопсковская историко-культурная зона)**

ВЕЛИКОЛУКСКИЙ РАЙОН

№ 1

■¹ В октябре мы вынуждены были через военные лагеря, через Калинин, который уже бомбили немцы, через Клин, через Москву проехать до Оренбурга, потом – Кустанай. Потом там я работал учителем, потом – заведующим РОНО².

Приехал после освобождения Калинина в Букрово. В Луках были немцы. Назначен был в Новосокóльники в РОНО. Жена работала инспектором РОНО. Вынуждена была эвакуироваться она в Краснохолминский район Калининской области. Меня призвали в армию. В последующее время она инспектором до 44-го года работала, потом в школе обратно Букровской. Учителем, директором.

А я работал во время войны в 1943 году секретарем Великолуцкого райисполкома. Он находился в Букровской школе, то в районе. Потом в 1943 году стал обратно директором школы. Открылся восьмой класс. В 1944 году в школу пришла жена. И проработали мы...

Записано от Рыбалова Александра Николаевича, 1912 г.р.; д. Букрово Вл. р-на Пск. обл., 1996 г.

¹ Знаком ■ обозначены тексты этого раздела, которым нет звукового соответствия в архиве, в связи с чем такие тексты даются в орфографической записи.

² РОНО – районный отдел народного образования.

№ 2.

■ (Как вы узнали о Великой Отечественной войне?)

В 1941 году ехал я в Калинин к жене. Она училась заочно в Калининском пединституте. Подъезжая к Торопцу, в поезде стали говорить, что началась война. Одна женщина сообщила, что она едет из Минска. Минск горит.

Приехал я в Осташков и слушал выступление Молотова, что началась война – в 12 часов.

Потом я вернулся и проживал в Великолукском районе до середины августа 41-го года. Я был белобилетником по зрению, мы с женой и одной девочкой эвакуировались вначале в Калинин. Я там работал директором средней школы. Мы убирали картофель в Калининском районе.

Приближался фронт. Слышна была артиллерийская канонада, из-под Ржева.

Записано от Рыбалова Александра Николаевича, 1912 г.р.; д. Букрово Вл. р-на Пск. обл., 1996 г.

КУНЬИНСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Малоденькая была, худенькая такая, драбушунка такая. Адну – тая с ушкám [о сестре], атставили – ня ўожа, ня взяли. Друую тожэ ня взяли. Я пашла. «А ты, – ўаварят – девачка, зачым сюда пришла?» – на мяня.

Мене прислали, и павестку вручыли. С павесткай явилася. «С какова ты ўоду?»

А ф сельсавети взяли да записали, што нас была пять девак у матери у маей, а записали мяня с сямнатцатаўа ўоду, панимаеш?

(Десять лет почти.)

А мать мая с сядьмоуа родам, вот, мать с сядьмоуа уоду, а мяня с сямнатцатауа записали. И паёк ня дали, ничаво ня дали. Ну што? «Девачка, иди у сельсавет»... И написали бумажыну. А што я, чытать маула? Яшшо ф школу хадила, а разбамбила нашу школу, мы прибеули дамой. Ф первый клас хадила, я-та два класа толька кончыла и то не кончыла, да мать забалела. У бальницу увязли. А маленькая девачка была, мяня matka и ф школу не пустили – нянчылась я с им. И вот пришла ф сельсавет, заплакала, да на пресядателя сельсавета – женьшына была Мария... Марина Кабанова, фамилия ей. Я уаварю: «Вот, вам написана, штоп паёк мне дали». Ана паулядела: «А хто тябе пасылал туда?» – «А вы ш мне павестку присылали». Мене ня взяли в ФЭЗУ, патаму што я маленькая была. Двянатцати уадоф не было. Эта была ф сорок ўтаром или ф сорок третьим уаду. Я дажэ точно не моуу сказать, ф каком нас забирали. Рябёнак ашшо была. Та выписала, апять жэ у той была, пайшла за пайком. Паёк дали. Дадут чытыри килаграма там муки какей, месиш яю. Батька ш на фронте был, а мать в бальницы ляжала. А мне – девачка маленькая... и урудью не кармила. Мать радила и в бальницу папала.

(А чем же вы ее кормили?)

А карову падоить бабушка, придеть. На деревни жыла бабушка, пакажеть, што давать – даём, што зварим, што зварит баба, памауала нам. Батька на фронте был, matka в бальницы ляжала. А нас чатыри штуки, пятая – маленькая эта. Фсю ноч как з лялькай насились па хаты, плачыть, ну вот.

Перяжыли фсё. Мать пришла тауды з бальницы, а мяня начали уаняць: то акопы уде, то на дароуу куда. И фсё так хадила. У школу не пашла большы. Тут яшшэ чатыри штуки нас было фсяво, яшшо пять нас, а три ў школу пашли рябяты – адна за аднэю. Адна ф первый клас, а та – ва фтарэй, и ва фтарэй друуая. У уоду мать радила два раза.

Записано от Матвеевой Лидии Федоровны, 1923 г.р.; д. Жижица (Жижицкая волость) Кун. р-на Пск. обл., 2007 г.

№ 2.

(Любовь Григорьевна, расскажите, пожалуйста, о себе.)

У шэсть лет толька на сплаве леса была. Тягали нас полумёртвых з вады. Как живые асталися? На людях прям.

Записано от Барановой Любови Григорьевны, 1931 г.р.; д. Була́вкино (Крестовская волость) Кун. р-на Пск. обл., 2007 г.

НОВОСОКОЛЬНИЧЕСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Жывём сечас, слава тябе Господи. Толька п вайны не была. Маладэш ня знает, а мы паглядели на ету вайну. Людей растреливали. И голат перяживали.

Ну вот, мы куда ни приедем, абязательна нам раскажут, што каку-та дяревню сажгли ж жителями вместе.

У нас здесь растреливать растреливали, а не была у нас, штобы, например, вот сажгли. Растреливали. Мы вот снег чыстили. Стар и мал шли на дарогу. Нада, штоб дарога была вычышшэна. Не дажыдай, штоп тябе пришол нарят кто-та дал, если толька занясло, и идём фсе чиста. Вот мы тагда дарогу рашчыстили к Стругам... вфстретили притсыдателя, каторава фашысты вяли. Доч бросилась к яму. Он тагда гаварит: «Тоня, вазьми шубу. Ана мне тяперь не нужна, эта шуба».

Как фспомню... Так сразу не могу, замаражываить. Мама мая сразу плакать. Вот к тёти Оли [неразб.] зашли, мама павалилась, у ёй плоха, ана ня можыть.

Вот тут у нас такой роф... вот туда, за Сκόкава. Роў был, значыт, выкапан вот какой-та танкавый роф, как вот первый фронт шол. Нашы атступали. И вот в эгат роў привяли. Их на

роў поставили и фсех застряли. И яво, и патом там два мушшыны, и две жэншшыны была. Значыт, пришли йих мужья, ну, и прятались. А кто стрелял? Апать наш русский чэлавек. Не немец стрелял, а наш русский.

Ну пришли ани п там и жыли, жыли п там ф падвале или в лясу. А дамой прихадили. И кто-та там паткараулил, што разгавариваить. Ана, например, анна жывёт, у яё рябят не была шше. Маладая. А с кем-та разгавариваеть, ну как там штор не была, либа плоха завесили вокна. И, значит, падглядели. Написали заявление, приехали к ним, нашли ф падвале и забрали. Пасадилы в эту избу. Пака ани ешшо сидели, дажыдались и растреляли. Учительницу, у нас была па немецкаму языку Галина Канстантинавна, такая харошая учительница, – тожэ растреляли. Патом рассказали, што ана с партизанами свясь имела.

Бывала, саздан у их тут ф Скокаве был штап йихный. И была так сказана: «Если толька пришол незнакомый чэлавек и не саапшылы, то будут ани, значыт, и растреливать и жжыгать». Бывала, придёт кто, и не знаеш, каво гаварить.

Записано от Александровой Анны Владимировны, 1927 г.р.; д. Вяз Н-Сок. р-на Пск. обл., 1988 г.

№ 2.

Мы были так на пакосе (ох, лиха), я лошадь вадила, была ш, была ш ужэ ужэ па-единачнаму, как эта гаварицца, жыли, зямля была разделяна па паласам, значыт, на сваей паласы ужэ работали. Ну вот, касили там, я лошадь у поле павяла. Карову с поля пригнали, мама села карову даить. А мы там вот жыли [нрзб.] там смарода так густа у нас, кружовник насажана. Грит: «Ся... как сяду я пат карову даить, сабака... ну вот, и рвёт, – гаварит, – фсё, как вот примерна, я Мазурка, эта Наёт был у нас. «Ну фсё, – мама гаварит, – я брошу даить так вот устану,

пагляжу – нигде никаво нет». Он спрячется пад эту, пат смароду. «Как, – грит, – я начну даить, он апять зашавелицца, сабака апять начинаеть лаить».

Патом, значыт, падаила мама карову. Гаварит: «Сама так дажэ не магу, какое-та у меня как светатрясие». Паставила малако на этат на стол. «Кто-то, – грит, – вот так вот в дверь [стучит]». Мама гаварит: «И там харашо». А у мяня была мода абязательна пастучацца. Ана думала, што я лошать вадила ф поле. А он как заходит, афтамат фпярёт. «Пачаму, мамаша?» А в яво немецкая форма надета, ана гаварит: «Ох лихо, я боюсь, что ты партизан». «А тябе не фсё равно, партизан или немец». А он и есть партизан, а в нямецкую адёжу. Ох, лиха, и тока у них, знаеш, такой разговор – и я таким макарам, и я в дверь. Он – раз пат кровать! Теперь эта дерявянные кровати, а раньшэ ш жылезные-та эти и падзор-та павешэн. Я толька за... мама я застучала, мама ка мне выскакываает: «Ты куда-та уходи, кто-та у нас в нямецкай форме, и я так, – грит, – сказала, што я баюсь, што ты партизан – грит, – што тябе не фсё равно, ты куда-та...» Я гаварю: «Я теперь ужэ пришла, – гаварю, – так а каво, пабяжу што ли». Грит: «Иди, с каким-та с аружьем». Эта тяперь знаю, што автаматы да фсё, а тагда ня знали. Я гаварю: «Ужэ тяперь пришла, так каво».

И вот знаете, мне так страшна была. Я так, как захажу толька в ызбу, а он вылезает с-пат кровати, а фпярёт этат афтамат, афтамат-та с этай с такой. Ой, как мне страшна зробалась. Ну так, канешна, вылес, стал раскаазывать нам, што был у немцэх. Ну, а патом, значыт, вот, наших многа, сагласилися уничтожыть штап, приехали на апушку, такая апушка и, значыт, вот згаваривались, што вот такова-та мы уничтожым штап. Нам паможут. Ани как у немцах были, как эта назывались... казáки, фсё на лашыдях ездили. Паедуть партизан лавить, а самы партизан ня ловяць, а партизанами гаваряць, там што есь где. И вот сабирались ани, значыт, в анну ночь

уничтожить этот штаб. А один был, их предал. Значит, выявляют ани назафтрее, што на партизан. Аннаво нет. А он ешшэ говорит, говорил: «Мы, – гаварить, – плоха зделали, што эту, – гаварить, – сволач, тада сразу мы там, на апушке, не прибили». А он гаварит: «А што, нам плоха живёцца?» Кагда ани так згаваривались с партизанам жэ с этим, што штаб уничтожить. «Што, нам плоха живёцца, што нам паехали, где мы пабыли, с нас и ня спрашывають». Ну вот и он ня вышыл. Им падазрительна, ани, значит, паехали на сваё места, там с партизанам пагаварили, грит, мы с этим. Толька, грит, едем, па нам сразу – агонь, приехали вот в эту, где там дярвеня балы. По нам, гаварить, агонь. Маю, гаварить, лошадь сразу убила, таваришша моего ранило. Так я, говорить, там полс и яво валок. Как он рассказывал. И вот, значит, он умер, я яво там прикапал, палкай ямку выкапал, да прикапал...

А он вот к нам пришол, значит, переаденьте мяня, мне вот нада адёжу. И пакажите мне, где вот прайти. Значит, он с лесу вышэл, а вышэл, куда – не знаеш.

А страшна. У нас такой Саша жыл... Он... у него многа сильна была рябят. Он делал балалайки, сам делал... и он эти балалайки насил па дярвням. А как эта, если вот сказать, што он, например, у Вáравых был такой-та чэлавек... Сразу немцам данясут – нас как и не была сразу.

Вот мы и гаварим ему, етаму, гаварим, што зайдите... Ваапшшэ так чэлавек харошый, няльзя сказать, ну, мала ли вот так будет гаварить, што незнакомый чэлавек был у нас... Вот он, правда, к нему зашол, с ним пагаварили, фсё. Ну, значит, вечэрам пагаварили, он и гаварит, этот Саша и гаварит: «Пагади, пасиди у нас, пусь свечарееть. И я тябя тагда павяду, где надо...» И вот яво правёл... Ну, думаем: «Скажэт ли Саша?» А мы знали, мы глядим, што Саша павёл, а жыл он тут кола нас, недалеко, знали, што ат нас жэ пашол... Никаму ни гу-гу... Патом пришол к нам, к маей маме, и гаварить: «Шур, я-та уш

знаю, што ты на язык крепкая... А я ужэ тябе скажу... Вот ка мне пришол...» И вот рассказал, што вот ка мне приходит...

И патом вот, значыт, так идём мы с Дуськай Казловай (нас выселили, вот кагда наши пришли, фронт был, нас выселили), патом идём, што какую-нибудь падводу найти, што приехать с Гаражаны, што мы там, в Гаражанах, были, на выселке... Идём так, машина стаит, солдаты, танк спортифшый, а мне такое была платье, вот нападобие гарошкам, ано на гвазду висела, а он гаварить: «Вот таки платья красивые и падберите», как был-та у нас он... А мне такое платье надета... Идём, а он: «Аня, пачэму знацца не хочэш?» А Дуська мне и гаварить: «Чево ты не пашла?» А я: «Вот папало, што я, Аня, а я пайду. А там какие-та ваенные». Он гаварить: «И забыла, как мне сушыла зялёный табачок?» Госпади... Я тагда астанавливаюсь, думаю: «Какой-та, как вроде наш дядя Миша Сиханофский, такой чёрненький. Ну вот патхажу, он стал мне гаварить, ну вот он мне тагда и гаварить: «Ну, ланна, не валнуйтесь, схажу сваим начальникам, папрашу машину, вас перевязу»... И перявёс нас сюда.

(Так кто ж это был-то, вот тот самый, который приходил?)

Да, вот тот самый, катарый к нам прихадил, вот был жыф. Да, прятался. И вот пришлось уфстретицца. И патом вот письма писал нам. А пагип... Патом тавариш написал, што пагип... Гаварю: «Мама, Коля пагип».

(Здесь уберегся, там не уберегся.)

Да вот так вот пагип... видиш, папал фсё-таки ужэ в ряды действительной Савецкай армии. Партизан ужэ... Ой, да, дяствительна страшна.

Записано от Александровой Анны Владимировны, 1927 г.р.; д. Вяз Н-Сок. р-на Пск. обл., 1988 г.

№ 3.

Перяжыли мы многа... Бывала, прячымся. А как вот так атступали немцы, ну марос такой был, можэт быть, до сарака градусаф – мы в лясу, вот были в Шупилях мы.

И пришли к нам и гаварят, гаварят: идите сичас... А самалётаф была... неба ня видна, как самалёты были вылетефшы. Пришли, так у нас там была зямлянка выкапан, в этой зямлянке, мы баялися в зямлянке. А бывала так: идём слет у слет, а ззаду на лыжах праедуть, как адин на лыжах праехал, наши сляды замнуть лыжам.

И вот сидим тожэ, так бывала, я не знаю, засмяяцца не давали, а были ш тожэ мы такие, такой-та возраст, знаеш, тока какие-та, как дураки были. Бывала, палец пакажы, и то ахота пасмяяцца, да и баялися, правда. Ну и хоть страшна, страшна, а как эта гаварицца, а вместе и пашутиш.

Так вот так: патом вот к нам пришли, в эту, в зямлянку и гаварить: «Идите, рябты, шшас так тиха, хоть маленька пагрейтесь, да паядите тёпленькава». Сказали так вот, например, радители наши, сказали, што вот идите. Тока пришли мы, сели, суп начáli йись.

А на горе, там вот в Шупилях, стаял, значыт, чылавек, сматрел, караулил, што маладэш-та пришла в дяревню, каторая была астафшы. Ой, Госпади! Как бежать сюда к нам, а мы сюда у дяди Сашки жыли, так пат... каторые да где здесь свалилися сразу. Тут за дядиным Сашкиным агародам сразу был такой сасэнец и балота. И вот, значыт, вот у сасэнеце, так, гаварить, вот лажымся, кто на чыстам месте, рукам и нагам снек капают, штоп тока спрятацца, штоб издали не была видна.

Госпади, а мы вот с Валькай с Салавьёвай мы бегли в эту акопину, дураки какие-та тожэ были, бегли в эту акопину, никаво там нет... «Дефки!» – кричыт, пришла в этот лес, кричыт: «Дефки! Мальцы!» То шопатам мы гаварим, вдруг ана кричыт, но фсё равно-та была страшна кричать... Госпади...

Мы... эта, знаеш, с акола слышым, што это яё голас, эта мая сястра кричыт, ну, вот, значыт, мы к ней: «Чево ты, скажы ты» – «Слава Богу! Наши пришли!» – «Ох, лиха, а пачом вы знаете?» Валька спрашываить: «А пачом вы знаете, што наши?» – «Ани дакументы показывали и с нашим вот с мамкам цылавались фсе... Эта наши пришли, наши пришли...» Мы там лесам ишли, да вот так па снегу, а снег жэ, вот такой, пришли да вот на печку я дома завалилась, ня то, што глядеть наших...

Войска так и шло, так и шли... И на сабаках такие вязли, лодачки такие маленькие везли, как, наверна, раненых с поля раненых вывозють... Ой, Госпади. А далёк ли был фронт, в этом, в Миляхове, можэт быть, километраф десять, нет, большэ, наверно, километров будет питнацать. Фсё-таки да Мониная десять. Да с Мониная там... да так будет. Ну вот, далёк ли тот фронт?.. Ох, лиха маё! А рады были, што наши...

Ой, а патом вот нас вясной выселили... в Гаражани, што думали...

Ани ш были тут укряпифшы, у них жэ тут была в несколько рядак и провалака, и люди фсе наши аконы сколько время капали... Ани ш были так здесь, вапшшэ я думаю, здесь маладэш, либо ездилла сюда. Здесь сколько народу падарвалася... И шшас, наверна, там есь эти, наверна, да, здесь вапшшэ дажэ были минёры... Разминировали эта фсё поле... Ох, лиха маё... А их [немцев] акружыли, и бою никакова не была, а нас фсё равно эвакуировали атсюда... Вот такие дела.

Нескланна, памилуй Бог, войны... Шшас сыты, как гаварицца, а эта бегли в лес, аставалися. Залезуть мальцы на дерева, на ёлку, на макушку, и гаварят: «Тоя дярвеня гарить, тоя гарить...» Фсе дярвеня жгли... И правда, приехали дамой, адин пепел, ничэво, ни баинки, ничаво...

У нас вот здесь вот в Антушове, кола Никиты, видели старый дом? Или пайдёте, внимание абратите, вот здесь сразу так налева, старый дом и патом вот этак был атстафшы, и вот

там, в Антушове. Так в нас сколько была сямей, в эта вот, у тётки Ньюшки, у этой, как с выселки приехали, так вот бывала так на палу, на палу мы лягем, не то, што, што на спину, хоть бы на бачок... да фсем леч на полу... Кто на печке, кто на лянухе, как эта гаварицца, кто пад лянухай...

(А «лянуха» – это что?)

А значыт, лянуха, например, вот печка сложэна, там такой отступ зделана, што эта лянушка, а здесь вот так зделают деревянную, стоечки зделают и дасок настелют, и тут, а там были эта... апечки, ну как раньшэ печки не на бутах клались, а на апечках, на дерявянных, где пат печку лазить, там яшшо, можна челавеку леч, а то два. Двухытажная, как была кровать...

Бывала, ребята ж были, Госпади... Эта тётя Ньюша, царства ей небеснае, а мы как засмяёмся, мама придёт наша, ана не кричала, такая была спакойная, ана так шшып: «Малчыте!» Мы замолчым. А фсё равно как это, как у маладэжы, была фсё равно, што-та такое была и пасмеяцца хатели. А ана фсё баялась, што людям, будем жэ мешать... Ой, а бывала тётя Ньюша на нас: «Малчыте!» Как жэ у ей была такая пагаворка, сказала; ой, забыла я, как-та у няё получалася, што на нас сказала: «Беси, малчыте!» А мы хахочэм...

Ей тожэ был сын Толька, тожэ снарядам убила яво, запалам... Пашли оны там где-та на передавой, нашли запал. И вот ужэ время тут ужэ как, ани вот рыбу глушыли, а патом он, этат запал, у няво где-та был спрятан. Ну мать вот ушла или ужэ дествительна он сябе, как суждыно была яму пагибнуть ат этава... Малец такой был харашый... Ну и вот этат Колька, вот на этой печыне жыл, ани, значыт... А мать ушла, а раньшэ ш эта на плугах, сами жэ плук вазили, а ани пошли куда-та за плугай, принясти, да вот нада была што-та сажать, я думаю, не картошку ль сажали. А он давай этат разбираться, запал этат. И вот как, он када взарвался, вот этава Кольку ничаво, а ево папала пряма ф серцэ. (Чё там май малышы так заплакали).

Толька на улицу выскачыл и сразу с крыльца упал, такой высачэнный, красивый малец был. И вбила... И в яе ядинсвенный сын был! Ой, сколько была... И вот как рас эта в мае была, а мы, значыт, в эта время в Яхнийшшэва жыли, мы пастроили ужэ там избушку маленькую, жыли там, а здесь драва рубили мы. А он гаварит: «Захадите, на гулянку пайдём!» А там как раз эта такой Царю-граду был празник, дваццать чатвёртава мая эта празник называецца Царю-граду...

И там гадавая гулянка б́ыла... А раньшэ ж так сабиралися, на гулянках, где гадавая гулянка, – са фсево виру¹, как эта сказать, фсе чыста, фсе туда идут. Вот мы зашли за ним, он гаварит: «Вы идите фпярёт, а мы приедем на веласыпетах». У него был веласыпет. У матери куплен. Тагда жэ веласыпет – эта ш была бальшое, это бауатый, у каво веласыпет. «Мы приедем на веласыпедах», – малыцы там, у каво были веласипеды. Вот мы пашли, мы толька дашли да Пасно́ва, ужэ каторые приехал там, Витька такой Лупин, приехал и гаварит: «Тольку убила!» – «Как убила?» – «А запалам!» Ужэ нам была как-та не да гулянки. Мы жыли ш тут шшытай, пакамысь эта пастроили, и шшытай как сваи, эта были. Мы и гулять сразу ня стали, мы сразу дамой пашли, дажэ не верилась, а пришли – правда, ляжыт. А так бы вот, можэт быть, дествительна, пашол бы с нам вместе или паехал бы, и аташол бы ат этава. Или ужэ судьба яво тянула, абязательна нада была. И эта ужэ сколько времени, а яму нада была этат запал бяреч, а веть рядам Колька сидел, и Кольке ничаво.

*Записано от Александровой Анны Владимировны, 1927 г.р.; д.
Вяз Н-Сок. р-на Пск. обл., 1988 г.*

¹ *Со всего́ виру (со всех вирóв)* – отовсюду.

ПУСТОШКИНСКИЙ РАЙОН

№ 1.

(Рассказывали, что здесь герой какой-то у вас жил.)

А ну герой – он мой братишка даже, маей маме ужэ брат был. А сам герой был братишка.

(А как его звали?)

Никалай Михайлавич.

(А фамилия?)

Каралёф.

(А вот что он так... чем он знаменит?)

Ну, он после вайны... безграмотный был. Как он папал, случилась ф Кенизберге. В опшэм ваивал он там, и фсю ихнюю роту разбили где-та в балоте, и он как-та адин атстался, но ево ранили. И он адбил с пулямёта или там... с какова... с пулямёта, немцыф. Захватили, фсе пагибли, а ево аннаво захватили в живых. И сразу ш тут наши нахлынули, эта па ево раскасам я гаварю, ну нахлынули немцы. И-и немцы, о-о-отогнали немцыв, а наши русские сразу пришли. Его тут нашли живым. Якабы он ужэ как бутга адбился ат немцыф. И ф самим деле так. Тут яму сразу стали присвобивать звание героя. Но ня сразу яму дали Залатую Звизду и Орден Ленина. Он после приехал, кагда вайна кончилась, дамой, а патом ездил в Маскву за этим наградам. Был награждён и другим наградам он. Там звизда была, тожэ была бальшая такая звизда. Звизда Славы или што, Орден Славы.

(А за что этот орден дали?)

Ня знаю пра эта, за какое... ну в опшшэм... у мяня у явó полнастью книшка есь. Вот тут у нас адин, шшыя у нас глава рыйона он...

(А вы не помните истории из этой книжки?)

Нет, а у меня есть она.

(А Вы не могли бы рассказать несколько историй?)

А я вам дам, хочите дам прачитать? Про яво судьбу. Он жыл от в дярвене. Прияжжали на экскурсию к нему сюда, ево. Пять раз он ездил на парат в Маскву в День Пабедаы. Приежжал аттудава, канешно, с падаркам, с харошым. Книг многа дарили, ну. А так аттудава и сам расказывал. Пять лет будет яму, как от он помер.

*Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.;
д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.*

№ 2.

(А вот здесь были какие-нибудь действия военные, в деревне?)

А как жа, а как жа.

(А расскажите что-нибудь?)

Пра вайну?

(Да, как вот здесь в деревне она проходила.)

Я не знаю. Мы внезапна папали, канешна, сразу палятели самалёты. А мы сушыли сена, мы шше, я дяфчушкой так была, но фсё равно ф калхозе работали. И вдруг сразу въехали немцы на матацыклах. Кур, каво забр... «яйки» фсё ани называли: «матка», «куры», «яйки». Эта забирали с сабой. Ани-та... Ну тут быстра ане прашли эта у нас. Сразу па-быстраму. Как-та падвинулись туда, к Ленинграду, туда, туда, ф ту сторану. Мы их мала видели, вот. А патом ужэ, кагда от были там партизаны, казáки у нас хадили ночью, ня знали, хто.

*Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.;
д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.*

№ 3.

Вот у нас адна жэньшына была с сынам, ана там в дярвене, и пришли как бутта бы партизаны. А сами палицаи. А палицаи тожэ руские были, наши руские были палицаи. И ана

падумала, што руские, и стала гаварить на немцыф. Там, што и как, где ана видела. Што её паставили к сараю, вот так, с сынам и тут жэ растряляли, сразу, эту бабу. Аказались... палицаи.

Ночью прихадили, мы ня знали, кто. В опшэм, дражали, как, как, как магли. В акопах были прятались ннём. Были акопы вырыты в лясу, завёдены каровы сваи, рябьты какие, там у блиндажах в этых, в акопах мы жыли. Какое-та время, там можэ няделю, две, а патом там в адной хаты жыли. А тут от была згарелшы, фсе дама были разрушэна. Полнастью дяревня была сажжона там за озерам, Ламаносы называецца.

Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.; д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 4.

А как-то немцы захватили партизан. Был и был пришолшы как раз на чатырнаццае актября, на Пакроф, как бы в гости, дамой захател он, пришол. И в эат мамент вот приборк, накрыли немцы. Или палицаи там какие, увидели. И полностью дяревню сажгли, но люди не згарели.

(Убежали в другую деревню?)

В дру... дру... в нашу, в нашэй дяревне сюды. Там дяревня называлась Зуи, наша – Дракунова.

(А Зуи, сейчас нет этой деревни, да?)

Ну, мы как ска[затъ].

(Как одной деревней?)

Как анной дяревней. Называецца в опшшэм Дракунова. А первая вот, как начала после, то Зуи эта были.

Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.; д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 5.

А когда кынчалась вьйна, немцы атступали, рвали сваи дароги, где были зделана. Масты какие рвали. А мы были вакуиравалшы отседава. Кто был вакуиравалшы, у каво лашадя были, пад Апóчку. А мы там к озеру, пад Завóрам были, с ребятам. Патом немцы вот взарвали, прашли – сразу русские пашли.

(А кто вам помог эвакуироваться?)

Сами, сами вот организовали проста сами дерявенские. Кто са сваим, свой са сваим, сабирались и уижжали.

(Уезжали?)

Уижжали, у каво лошадь была – уижжали, а у каво и так – в акопы ухадили тут от. То ў лес, то ў топь. Такие, вот.

(А что у вас в окопах стояло там?)

А ничэво. Што стаяла? Такая печэчка железная. Я ни знаю, как называецца.

(Чугунка?)

Чугунка! Угу. И на той чугунке там каво падагревали, жарили или варили. Ну, фпрогалать. Што туда? Туда ш прадуктаф не набярёш, самое главнае такое. Ну, харашо, што ненадолга была время, если п надолга, можэ, мы п там и памёрли.

Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.; д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.

№ 6.

Вот эта вот дочка бóльшая Валя. Ой, мы нагаревались страшна.

(Это вот в войну? А в какой это год?)

Эта была ф сорок треттем гаду, ф сорок треттем гаду. И, ну, правда, немцы. У ней вздулась лицо вот так усё, и паднялась как пузырём, што сажжона была. Што нам делать? Сами ня

знаем, чем. Помню, мая мама и гаварит: «Будет карявая, выбалит шшэка». А была в лясу... нахадилшы нямецкий блин[даж], эта, ну метпункт. Как бы там у немцах была. Мы знали, где эта находица. Была не была – пашли! Панесли эту девачку. Приш... принесли туда мы, сразу нямецкий врач пасматрел, памазал мазью ей и нам дал ешшо на раз. Фсё апала, принесли дамой и от. Толька атсталшы так немношка, как шрамик такой, но незаметна.

(Значит, немецкие врачи даже русским помогали?)

Да, да. Нам паёк давали, кагда от были ани аташолшы туда, пад Ленинград ужэ. А тут какие были, и был выделен нам паёк, паёк эта: хлеба давали, масла давали шыкаладнава, дажэ давали масла. Ну, от опшшэм с питания давали.

(Они тогда уже не расстреливали?)

Не-а, тагда ужэ они думали, што фсё, пакарили мы их. Ужэ мы как бутта бы как и ихные были. Тагда не расстреливали. Тишын... партизан от у нас тут патом не была, тишына была. Были дерявенские паставлена, дерявенский – дерявенский наш русский хызьяин был.

(Этот хозяин, он немцам тоже подчинялся?)

Немцам, да.

(А что он им, наверное, приносил что-нибудь?)

Ну, принасить – не знаю. Ну, можэ, в яво спрашывали нашчёт-та палицаиф где, то што-нибудь такое. Он ужэ как был бы глава дяревни этай. Ня знаю.

***Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.;
д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.***

№ 7.

(Партизаны в белом ходили?)

В белам, фсе ў белам.

(А почему в белом?)

Или с простыней шшыта. Фсё равно абирали. У нас партизаны большэ грабили, чем а... вот немцы. Немцы ня брали ничаво.

(Ничего себе, свои же.)

А сваи, партизаны, сваи абирали. Палатенцэ, асобенна белае брали, што им самим на сябя. Ани пат снек зимой.

(А, это зимой?)

Зимой, пат снек, да.

(А летом они что носили?)

А летам, летам я этава как-та не припаминаю. Летам как бутто бы... што-та я... как и ня видела, штоп летам ани были у нас. Были, наверна, прастая аежда была у них где. А вот зимой была фсё в белам. На лашадах, павоски такие, и на павосках ездили, лашадей, можэ, десять. И фсё там... што там нагужэна в йих свая аружыя или што. И переежжали дяревни. Канешна, в дяревню фпярёт разветка прихадила. Спрашывала у некатарых там, у каво.

(А разведка немецкая?)

Не, руская. Да, руская разветка. Кагда партизаны были, то руская разветка. Спрашывали, што, можэ, кто слышал где, видел. У нас адин был партизан. Он был и к партизанам, и к палицаям. Работал адин такой, он умершы шшыс. Тожэ з дваццать третева года он был, а работал так: и с руским и с партизанам. Так к яму партизаны приходят – он гаварит, дапустим, пра палицаиф. Палицаи – пра партизан. Он якабы как бы не выдавал ни анну, ни другую сторону. А адним и другим.

(А его потом разоблачили?)

А патом, после вайне, канешна, ево хатели пасудить. Но тут у некатарых стали вот у свидетелях, што он плахова ничэво не делал людям. Яму дажэ после вайне давали паёк. Как бы как он от партизан, как он памагал партизанам. Ну, а патом вот этот герой наш, да патом там другой партизан жыли. Написали куда в Маскву или куда.

*Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г.р.;
д. Дракуново (Алольская вол.) Пуст. р-на Пск. обл., 2005 г.*

СЕБЕЖСКИЙ РАЙОН

№ 1.

■ Иконы дом оберегают. В войну у нас дом большой был. У нас весь угол в иконах был. Иконы четыре. Когда зажигали немцы дом, бросили куль в окно возле икон, и потухло. И сколько потом еще стреляли и зажигали – не загорелось.

*Записано от Бондаренко Анны Ивановны, 1918 г.р.; д.
Ясеновец (Бояриновский с/с) Себ. р-на Пск. обл.*

№ 2.

Ой, после вайны фсякае тут была, милай. Ну ф танцах гуляли [смеется], тожэ, гуляли. Раньшэ так при немцах – эта была четыре года – тюрьма пряма... А мы самые вот пыдростки были – па питнацать лет, па шыснацать. Эта баялись люди дажэ выхóдить куды из дамоф. Вот там, па сасецтву сабираемса – малыцы и ети – и дяфчонки. Эта толька днём, а вечэрам фси как бы в доме. Патаму што четыре года – эта балышая была партизанка у нас. И тут не поймёш – или немцы, или партизаны. Партизаны в нямецкам приходят адеты, а немцы, бывая, нашшёт партизанаф идуть. И вот гавари: каму што гаварить. Каждый спрашывая: «Скажы, немцы ль едуть тут, кто?»

А мы па балышаку, наша дярвеня чэтыреста пясят двароф была. Ой, эта апасна преступнась была! Эта нóчэй люди ня спали. Дажэ ни дети не спали. Вот только закрыли дверь – абратна быють: «Хазяин, аткрой!». Фсе варужонные люди приходють. Фсё трусать, агня-свету не была. Лучыну палили – такой вот паставленный стаяк был, палка в этом, штоп не падала,

крест такой, и в эту палку фшшэплена такая жастина, шоб задержывала, и вот пуки лучыны так вот, в яво длинные, нашэпаннные, сухие, за печкай высахшы. И вот ету лучыну запаливаеш, сюда ставиш – и вот такой ужас – ана гарить!

Вот как жыли – чатыре года! Так жыли. Ф таком вот ве́ку. Гаварять, узники. Я хачу сказать – вот наша вот сасетка, ана, гаварить...Залес, гаварить, панимаеш, заложэн¹. А я быстренька ис кухни пат печку. Гаварить папка: «Уйди к чорту, иди ня зли ево!» А я фся трясуся. А уж дальшэ ня знаем – можэ, ета пасленняя калона идёт, можа, дал Гитлер палить или вбивать фсих, чорт паймёт!

Пасмотрели, што атступають немцы. Как ушли с наша дома – фсех папка нас атправил в лес. Хлеба взяли, аны пришли. «Бройт, бройт, буттер», – просячь. «Буттер» – масла мы нясли. «Шпэк, шпэк!» – папка дал им сала кусок. Раньшэ пякли такие бальшые баханки килаграм па шэсь. Эта на цэлу няделю пякли на сэьму, штоб была хлеба. Баханки вот такие вот бальшые [показывает: 40 сантиметров в диаметре] пякли. Папка им дал: идите! Масла дал им, и сала кусок, и хлеба, и аны: «Данкиш, данкиш». И пашли с хаты, и тады папка гаварить: «А ну, немцы атступають – мала ли што, я астанусь адин. Я ш тожэ в чатырнацатам ўо́ду был на фронте, с немцами ваявали, даўнали нас немцы, в чатырнацатам ўо́ду, – папка на фронте был, – гаварить, в чатырнацатам ўо́ду еле он нас даўнал да Масквы, а мы с-пад Масквы ево абратна заўнали ф Пруссию».

Записано от Скобля Зинаиды Ивановны, 1928 г.р.; проживает: пос. Идрица д. Лужки; род. в дер. Осыно Себ. р-на Пск. обл., 2002 г.

¹ *Заложіть* – закрыть (дверь) с помощью задвижки, засова.

№ 3.

Ну, я кое-што только помню, сама мала помню, так с маминых слоф только. Мне была два года, кагда нас зыбрали, немцы.

(В концлагерь?)

Нет, ну вот сначала в Латвию увязли, патом с Латвии привязли в Литву. И вот каждый раз как на вагон нас пагружали, только на платформу, так наши самалёты бамбили, и нас не удалось увясти в Гярманию. Вот патом нас априяли в Аникшай сначала.

(Аникшай?)

Да, Аникшай, горат такой, там кастёл, нас закрыли, мы там были, сколько мы там были, я ня знаю, вот только знаю, што там мая сестра умерла старшая, шэсь лет ей была вот.

(А как она умерла?)

А вот эта я ня помню, што знаю, што мама рассказывала, кагда мы туда папали, ана корью забалела, да вот, ну галадоўка, да фсё.

(Люди голодали?)

Да, яшшо там паили, из лашадиных капыт суп какой-та там нам раздавали, какую-та такую баланду, вот и то, хто работал.

(А работали как?)

А вот работали там, ну вот в аснавном эти аураждения строили.

(Ограждения? Какие?)

Акапывались, акопы там, зямлянки разные. И заставляли фсех работать. Там многа была жэншчын. А патом нас забрали в эгат, ф Шауляй, увязли, а там ужэ были в лауре. Там на ирадроме лагерь был за калючэй провалакай. Мы там были, и вот мама работала.

(Мама работала, строила именно эти окопы?)

Нет, они там, в Шууляе, на ирадrome работали, эта я сама немножэчка помню, што мы в акошэчки так сматрели, и люди казались маленькими-маленькими.

(Окошечки из чего были?)

А акошэчки какие-та такие узенькие были, невысокие, как шчэль какая-та, нам казалось.

(Окошечки у какого-то здания?)

Да, здание какое-та, где быраки были.

(Где жили пленные?)

Да, вот там были и нары такие наделанные были, и в адном аделении дети были, в другом взрослые были, или, можэ, наабарот, там жэншшыны з дятьми были, а эти мушшыны там, некатарые старые были.

(Ну, т.е. разные?)

Да, и вот они, значыт, заставляли работать, вот эта такие плиты бальшушчыые, ирадром выкладывали.

(А какие?)

Цэментные али жылезабетонные вот эти, какие ани там, я ня знаю. И вот ани эти плиты жэншчыны насили на себе, выкладывали. А немцы минировали. Ну, ваапшшэ-та минировали не немцы, а наши, русские, там пленные каторые были, а немцы сматрели и указывали.

Хатели взарвать этат ырадром, как атступали, но не удалось, вот спасли наши, каторые там работали. Вот эту систему фсю передали нашим, вот наши сахранили, успели перерезать, этат кабель, и тожэ вот как раз такой кабель был тожэ, хатели сами взарвать, да не удалось, вот так ы здесь вот. Там ырадром бальшушчый. Ну а патом нас аттуда асвабадили наши салдаты, пришли.

(Сколько вы там пробыли?)

Ну, большэ ыода и там, и там прабыли в этам лауре. Вот патом мы ужэ аказались, хатели нас фсё-таки ввести в

Гярманию. Вот кагда нас ужэ на поест пасадилы, немцы хитра зделали: вагон немцыф – платформа русских.

(Т.е. чередовали.)

Чередавали, так вязли, штоп немцы, ой, штоп руские не маглы, штоп ня збяжали и штоп их не бамбили наших, как толька поест шол. Вот так нашы самалёты бамбили фперяди пути, не разрешали им уяжжать, и вот так задержывали.

И патом нас ... в Ялгáву, в Ялгаву нас увязли, и в Ялгаве нас ужэ сафсем асвабадилы руские нашы. Вот там ужэ так страшна была вот там, я и тот мамент помню: там река, но не знаю, какая ана, река, но шырокая, название ня знаю, и такой большой мост был через эту, через речку. И мы толька стали к канцу патхадить, ну там ужэ метра два аставалась, метр да канца, а немцы не пускали – минировали тожэ. А фсё анно эти жэншчыны бяжали туда, чэрез мост через эат. И мы толька стали патходить, а там бомба взарвалась, пряма пад мост папала, можэ, наша, можэ, нямецкая, мы ня знаем, какая там бомба эта.

И вот мы кое-как, мама за пóрачную ухватиалась, там и выташчыла и нас, и Миша был такой, яму была десять лет, он был вместе са мной. Вот и мы папали ф парк. Но мне казалась, ну мне ужэ чатыри ўода таўда была, вот, мне казалася, што мы в лясу были. А там, мама после, я стала ўаварить ей, што в лясу, ана ўаварит – нет, эта ня лес, а парк, ўаварит, был, красивый парк был там в ўораде, и вот такие дарошки, а па краям канафки наделаны, а чэрез эти канафки фсё мостики таки [рисует полукруги руками] красивые были.

И вот кагда там бамбили, мама тагда збяжала и поняла, пад эат мостик подлезла и мяня пат сябя спрятала. Ну снаряды там и взрывались, и мне фсю спину пабила тут, фсё изранена. Ана каўда видела ужэ, што танки идут чорные, увидела звёзды, на танках, ну даўдалась ужэ, што нашы танки едут, ана тагда ужэ сафсем вылезла на абочыну дароги. У няё платье вот толька, вот на шэе, на варатнике висела, так ешчо вот так парвалась,

вот. Таўда санитары там падабравлі нас і абработалі гэтыя фсе раны. Гэта я нямношка помню дажэ. [Плачэ]

Помню, кагда на кухне ехалі, салдаты там, ну, ваенныя гэтыя астанавілі нас і гаварят: «Вы не ухадзіце нікуда, – гаварят, – ф кухню к нам пайдэце, вас вазьмут». Так нас взылі, атвязлі назат. Я патам вот я помню, што нас кармілі, галушкі якія-та давалі мучныя. Я не магла нікак наеца. Нам так фкусна гэта казалася, патаму што мы такова ня відзелі. Ну патам памаленечку то ваенныя нас падвязут, то яшшо хто, так, вот і дабіраліся. Мы прыйшлі толькі ф канцэ сентабры дамой.

(Сорок пятого?)

Да, большэ месяца шлі, фсё нікак не магли папаць.

(А много людей было в лагере?)

В лагере мног была, там пално, та адын на адном, прыма ужас сколькі была, дажэ ня знаю. Там і нашы дэрявенскія, былі папафшы вместе, с акресных дэрявень.

Яшшо вот помню, кагда сястра умірала, мая мама платье шыла ей са сваёй юпки. А кармілі сафсем плоха. Правда, літоўкі харошыя былі жэншчыны, прыхадзілі, прынасілі яду. Но ані как-та, как у них там называлася, я ня знаю, дэтям ані давалі выпечку разную, пірашкі фсякія, булачкі і кашу дажэ. И вот я вот так [берэцца за подол] ф платье палажу і нясу, тада і маму вот там карміла, і тэтак знакомых. Так вот.

Хадзілі, а там катёл¹, катёл такой, как наша цэркафь, толькі наша там квадратная, а у іх круглая. Ну вот. Вакрух дарошка окала стенки, патам крук метра два шырокі, напалнены вадой, а дальшэ апятэ такая дарошка і патам жылезная дарога, высокая, вот.

А каўда я ф шысят васьмом гаду папала туда, там мамина сястра тожэ была вывезена туда. Ну мы ш ня зналі, што

¹ Костёл (искаж.), католический храм.

ана там была. Ну ани так и астались у нас жыть после вайны у нас сямьёй. А ейный сын был вместе с нами, так он так и шол вместе с нами после. Вот я кагда папала туда, пришла, ана ҫаварит: «Ну, пайдём, я тябе пакажу... дастапримечательности». Ну, ҫорат не так бальшой, можэт, такой, как наш Себиж, такой, шшас, можэт, пабольшэ, Аникшаи. Вот ана привяла мяня в этат кастёл, и я сразу гаварю: «Я здесь была!» Она ҫаварит: «Аткуда ты здесь была?» Я ҫаварю: «Я знаю, што я была здесь, вот эта фсё я видела». Вот ф памяти у меня вот эта асталась. И патом вот я фспомнила, как мы сястру харанили: такой чорный яшчык был збитый, дервянный, но помню, што чорный.

(А где сестру похоронили?)

А там, в Аникшayah, на кладбишшэ, мне тётка паказала.

(Значит, народа там было очень много?)

Очень многа. Умирили каждый день, там их пачками выносили, ой, жутка. Ну вот я гаварила, я, наверна, выжила из-за таво, што вот мама меня грудью кармила. Ана гаварит, што, канешна, только из-за этава. Ана, мне ужэ два года была, а ана мяня фсё грудью кармила, патому што есь-та нечэва была. А там её бапки паткармливали, каторые тожэ ужэ сафсем умирали.

(Много детей тогда маленьких умирало?)

Многа. И дети тагда умирали, и взрослые умирали, и старики умирали... Страшна... Издевались. Каторые чуть пакрепчы, там маладые, каторые были, фсех заставляли работать. И работали с темна да темна.

(Заставляли работать – только вырывать окопы или какие-то еще другие работы?)

Ну, там фсякие, фсячыну заставляли работать.

(Какие еще?)

Ани хадили там и на ваенные абъекты, там и трупы перенасили фсякие, укрепления вот эти делали.

(А опыты какие-нибудь проводили на людях?)

Да кроф только брали.

(Кровь – для немцев?)

Да и брали в основном у дядей. Ну ани как-та там детям дапалнительный паёк давали, хлеба пабольшэ кусочык, там ешшо што-та, сахар. Некатарые умирали, некатарые выживали, пабольшэ были – выживали, а опытаф большэ никаких не правадилась у нас.

(А как лагерь назывался, вы не помните?)

А вот этава я ня помню. Мама дажэ сама гаварит – ня знаю, вот.

Записано от Куклёнок Валентины Васильевны, 1941 г.р.; д. Пустошка (Бояриновский с/с); записано в г. Себеже Пск. обл., 2008 г.

№ 4.

В годы вайны, ну што, я ребёнкам была́, большэ ничево. Жыли в деревне, занимались трудом.

(А в какой деревне вы жили?)

В деревне Малáхи.

(А скажите мне, пожалуйста, я знаю, что вы многое пережили. Вы были в лагере немецком?)

Эта очень страшна, и так вот слава... славами сказать, эта не скажыш, вот, очень. Ну, как партизанская зона была, там вот и немцы были, паэтаму нада была, ачевидна, фсе уничтожыть, фсе деревня́. Тринацать деревень уничтожыли немцы, и дажэ детей жжыгали, живыми, вот.

А у нас вот пашшистливила. Кагда нас пагнали, кагда немцы пашли, мы издали увидели, мы бежали в лес, но нас паймали, вот. Деревня такая бы́ла – Двор называлась. Загнали в эту деревню и хатели нас тожэ... (там дом, там дома три) жжэчь. Заганяли в дом жжэчь. Но какая-та, наверна, шшистливая минута была у нам, што какой-та их сатрудник, можэ быть, дажэ наш, приехал на лошади и стал читать какой-та прикас. Это нада

ваапшше видеть, эта э... нельзя так славами сказать. Вот кагда нас заганяли в дом, в дом, вот, ну, люди сапротивлялись, фсё. Мне палучылась так, што я сматрела вот и как-та ничиво не баялась, ну как-та и страху не была. И вот эта... жытели вот, Евдакия стала..., ну ани стали паливать этат дом какой-та жыткастью..., ну каратели несли сена и салому пад дом. Вот и вот, вот так на глазах у мяня растреляли эту жэншшину, патом мать её и девачку лет, наверна, семи-васьми такую. Эта фсё на глазах. Эта фсё так ужасна, но сказать эта нельзя, што эта какой-та страх или што какой-та не знаю...

Но кауда этат, лошадь приехала с этим, ну гоншшик или што, да эта немец или кто он там, он стал прыкас читать, штобы людей атпустили из дома. Вот. Ну нас сначала не пускали, такая... как гаварицца, нельзя сказать. Кагда после, вжэ после проста спросили, пачиму эта такой – нас ни стали жэчь, то он, млатшэ этава сатрудника, каратели сказали, што Сталин дал такой приказ: если што-нибудь, если хоть ешшё аднаво челавека сажжоте зажива, то будет... я дам приказ на фронте пустить йидавительный гас, так вам будет урок за наших жытелей, зажива сажжонных.

Вот, канечна, нас выпустили, не сажгли. Ну вот үнали многа времени, вот, пешком, правда, гнали очень. Начевали. Нас пригнали в деревню Зйлупа. Там, канешна, эта, заганяли в эти таварные вагоны, грязные такие, и так многа людей, што проста на анной ношке стояли. Ну, как гаварица, не замечали мы очень плахова, мы толька ждали фсево плахова.

Вот кагда нас пригнали, станция, наверна... я забыла, как станция эта, вот где лагерь был. Саласпилс – эта где на территории Латвии. Саласпилс, эта я запомнила. Вот кагда мы стали патхадить к этому лагерю, там были ямы. Мама гаварит: «Детки, вот эта наши домики». Как говорица, мама имела в виду, што нас здесь будут закапывать.

Но нас пригнали в лагерь, вот, дали немношка воды. Ну тут гаварили, што дети будут жыть с мамай да десяти лет. Но эта неправда. Фсех детей разделили, вот с трох лет, там с маленькава, адин такой барак. Там, ачевидна, очень испытания были, страшные. Ну, нас разделили, но я толька з братам нахадилась вдваём, а вот маленькая трёхлетняя мая сестричка была аддельна в бараке. Какой-та очень такой, я не знаю, сказать, што там издевались над людьми, вот. Ну в опшшэм, сестру маю атабрали в манастырь, там кроф брали, на крофь, крофь там брали. Так ана знакомым немношка панравила, паэтому он взял её к себе, её минавала эта учисть. Вот ей ни аднаво челавека не видели, штоп из манастыря там выхадили живым, никто не видел. Спецыальна дажэ была и спрашивали: есть ли такой человек, каторый бы в манастыре был, крофь у каторава брали. Не, не была их в живых, ваапшше.

Ну што вот, кауда многим нас адделили з десяти да пяти лет, вот в барак, там, как гаварица, раздевали гола-нагала, марш, ...в другой барак. Та нам кофшык вылили на голаву вады – и ф какой-та падвал. Ну там была, такой... пола там не была, нар – ничево не была, там какие-та струшки были, волосы какие-та и грязь. И вот так мы лежали на этой грязи.

Вот мы не знали, каво как звать, мы толька сматрели, как бы нам убежать ф памойку, эта там, штоп пакушать. И мы з девачкай пабежали ф памойку, мы набрали там кастей и вот и ачиски. Вот там гаварят, што там была плитка, жарили эти ачиски. Неправда, не жарили, не была там никакой. Мы эти ачиски, ни вады не была, ничево, проста руками немношка грязь эта – и кушаем, вот такие эти ачиски нам казались очень фкусными. И эти кости, вот адин гложэт, патом аддаёт другому, патаму што ужэ челюсти балят ат этава гладания этой кости. Ну вот, так вот писят грамм хлеба на день давали и адин рас баланду, такую, што там крупинка, вадичка и фсё.

Вот рядом был, старикоф этих, аддельных ужэ па возрасту... Вот и тут аднажды мы слышим крик, крик и музыка играет и крик. Пришла жэнщина и гаварит: «Дети, вы тишэ, эта так играют нашы сатрунники». Но эта был пранзительный крик. Эта была агромная яма, и там людей растреливали, каторые стали ужэ... не магли работать, растреливали, там бальшая-бальшая яма была.

После я ужэ сматрела, и кругом, кругом эта адёжда, одёжда, вот. Раздевали их, и вот одёжда ф крави была. Так разве раскажэш? Не раскажэш. Кагда пришли, сказали, што адевайтесь, адевайтесь, пайдём адеваца. А там мы... нас прыгнули, а там адёжды не была, там какие-та тряпки. Я никак не маула этава найти, там какое-та пальто адела рванае. Мне сказали: «Раздевайте, эта следушней девачке». Тагда я стаю, мне нечева адеть, а ана, он мне сказал: «Вот идите». Я пасматрела – яма бальшушшая и эта – адёжда кругом ямы. Я падашла к этай ямы, падняла адну всё ф крави, патом ешшо адну какую-та падняла адёжду – тожэ фся ф крави. А он, надзиратель, стаит и смотрит. А я пасматрю – окала куста ешшо рука тарчит, тарчит из земли рука такая синяя, окала куста, патаму што ани, ачевидна, не увидели, карапкался, наверна, челавек, ани там, ну как эта... и живые, кто убиты, кто растреляны, кто живой.

Ну вот, кагда я адела, пódняла эту шубачку, вот ф крави, патом другую пódняла – ф крави, патом пódняла палушубачэк, на голае тела я адела. Тагда надзиратель гаварит: «Ну, фсех сабрали?» «Нет, – гаварю, – Лиду не забрали». – «Нет, эту не палучишь, а ешшо трéхлетняя». Кагда сказала, што трéхлетняя, он сразу бегом, я за ним, и там вот такие дети – с трéх лет да пяти. Што там была! Бальшой стол, агромный, ешшо кругом столики. Эти ребята, што им зделана, пелёначки кругом закручэны, и там какие-та, видна, снизу шланги. Куда ани, наверна, ф палавые органы или куда там делали, ани ешшо

ходят. А три ребёнка... высокий такой тилиграфный (?) столп, да вот такие высокие сталбы, и на этих сталбах ужэ три ребёнка привязана – и пелёначкай наверх; адин ужэ сафсем чуть-чуть живой, а другой ешшо немножка варачиит голаву. А аткрыли дверь – такой как закаулок, аткрыли дверь, а там – ужас, там стопки наложэны этих детей ужэ мёртвых, такие стопки, стопки, стопки. А ешшэ такой стол блестящий, там ребёнак, на этом стале, ачевидна, какие-та опыты делают и делали. Дверь закрылась быстра. Я сваю сестрёнку увидела, ана была на очереди. Если бы мы не пришли, а эту баланду кушали, ана была п следующая на эти опыты. Ана худенькая, страшная, фсё, ну три годика ей.

Забрали, пригнали серые машины. А гаварили, што в этих серых машин атравляли людей, атравляли, вот. И мне казалось, што нас тожэ будут атравлять, но нет. Нас посадили и павезли в власть к латышам. Объявляли, каму нужны были дети, пастухи или там прислуги, берите. Вот таким, так не расскажыш, вот таким. Мы пришли в латышские семьи, там жыли.

А вот в лагере – то рассказать, как ф крематории, жгли людей. Ну ф то время мне казалось, што нам баланду какую-то варят, а там людей жгли. Стаяла очереть, и пряма вот... ну страшна.

Вот гаварят, кагда я на экскурсию ездила, там была вывеска «Стонет земля». А теперь гаварят, эта был трудовой лагерь. Это не был... эта страшный, страшный, эта не был трудовой. Это такие были издевательства, ну как сказать, не расскажэш эта фсё. Ва-первых, давно эта фсё была, во-фтарых, эта страшна, и рассказать никак нельзя, вот. Ну вот эти лагера, эта нашы тожэ, над ними издевались, сабакам травили, сматрели, а памочь не могли. Чем? Нам была команда или сидеть, или стаять, или вот я не знаю што, не знаю... я и не магу такое рассказать.

(Вас там много было человек?)

Да... Детей была очень много. Но вот там, где мы ужэ посленнее время нахадились, ну, челавек, наверна, окала триста. И так на земле, в этих апилках лежали, там апилки, струшки, грязь. У нас не была ни нар, ни адеял, ничево не была, вот так мы и жыли друг окала друга, вот. Ну я дажэ вот каўда нас там была окала триста людей, нам рассказали, што: «Сичас вы пайдёте делать привифки».

(Какие?)

Ну какие-та, я не знаю. Нам кто-та ужэ сказал, гаварили, што наши пленные сказали, што эта смертельные таблетки, вот. Ну я ш тагда не знала, ну эта смертельные, действительна. Я сваему брату (ему была десять, мне двенацать) вот сказала: «Таблетки не нада праглатывать». И кагда мы зашли, сидели два в белых халатах, ну мы как панимали, што эта были врачи. А вот между двух сталоф нас прапускали, раздевали эти рубашки, ани были рваные, страшные, и сразу ф такой чашке таблетки. Брали только пинцэтам три таблетки, вот. Я беру, аткрываю рот, а те, кто праглатывал, тот, канешна, умирал. Ну, мой брат и я сразу прашли, вот, мима, ... вот и мы эти таблетки не глатали. И вот кагда вечерам ужэ, эта стала стон, люди станали, дети станали, ну мы проста, а ани, аказываеца, умирали. Кто-та звал бабушку, кто-та звал маму, кто-та стонет. И вот каўда утрам ужэ пришли, там пачти фсе, адин через аднаво были мёртвые.

А наши руские ваеннопленные падбирали, падбирали мёртвых. Кажный день было так пять, шэсть, семь, восемь детей, а здесь так много мёртвых была! Сначала такие длинные карзины были, сначала двое, а патом ужэ не магли и пришли ешшо двое, штобы фсех вынести мёртвых. Ну так эта была челавек окала триста. Ну нас асталось там, ну можэт быть, челавек, э..., ну пидисят-шыдисят, вот так.

(А вы долго там пробыли?)

Ой нет, фсё сказать – и долга была, а я не знаю, сколько эта была, а патаму што... ну вот дапустим, ф пасленний, парядак, кагда таблетки дали, ну мы были где-та месяц, а можэт быть, паменьшэ месяца, вот. Так и кажный раз умирали десять-пятнацать, да этава эксперимента. Я не знаю даже, такие ужасы можна сказать.

(Какие работы вас заставляли выполнять в основном?)

Нет, нас ничэво не заставляли, мы проста на этих струшках так и сидели. Мы только ждали, кауда нам баланды дадут, вот. Нам хателось очень есть, нам хателось. Ну писят грамаф хлеба на день – эта ш сафсем ништо. И вот эту паварёшку баланды и фсё.

Вот мне так фспаминаеца такой мальчик. Ужэ не можэт гаварить, кагда челавек ужэ вот-вот умирает, он ужэ нет голаса. Он гаварит (давали нам адну третью часть вадички, нам не давали даже вады, вадички), вот он гаварит: «Скажы, штобы мне вадички дали». Я гаварю: «Ну дай немношка хлеба укусить чуть-чуть тваево». Он держыт хлеп, он мне дал кусить, и я даже сичас думаю, а наутра пасматрела – он ужэ лежыт мёртвый, думаю: можэт, если бы я не укусила этат хлеп, можэт быть бы, он и жыф был, не знаю. Но вадички ему дали немношка.

В опшшем, как гаварица, мы панимали только то, што мы живём, а зафтра памираем – тут уносят, как брёвна, такие макароны, наложат и выносят мертвецоф. Эта каждый день, эта называлась утренняя чистка. Вот гаварят, моют там лицо, нет, мы не мыли, не была вады; нас ни лицо не мыли, мы такие грязные парасяты были. Вот тока мы ждали, кагда эта утренняя чистка прайдёт, вынесут пакойникаф, а патом мы ждём, кагда нам кусочек хлеба дадут да немношка вадички дадут – и большэ ничево. И до абеда эту баланду адну паварёшэчку, а вечерам ничево, если вадички дадут немношка, грам двацать-трицать, и фсё, фся еда.

(Расскажите, пожалуйста, как вас освободили)

А освободили ужэ нас у этава хазяина, у латышэй, ф каторых мы воспитывались. Латышы были как бы разные – и хорошые, и плахие. Но ани нас... не давали разгаваривать паруски, только штоп на их языке, вот. Атчево-та ани думали, што эта их идеи. Ну там што... Адевали калотки такие деревянные. У меня шчас такие ноги уродливые. Тока калотки, ноги такие фсегда абитые, патаму што нелофка фсё ф калотках хадить, но хадили.

Выпалняли фсякие работы, но для нас эта ништо эта работа, главнае то, што есть давали, вот. Первые три, наверна, четыре-пять дней нам не давали есть, гаварили, што если вы паедите так сразу, то умроте, вот так. В аснавном нас патом не аграничали в еде, вот, хазяевá хорошые были.

Ну работы фсякие выпалняли, вот: и там и кароф пасти, и курей аскубать, и пасуду мыть, и дать карову, и чистить там свиньям фсё. Но эта нам была нипачём, лиш бы то, што нам еда была и спать, можэт, нам можна была три и два часа, вот. Нас никто не сматрел: спал он, не спал, дадут ночью три курицы аскубать, и ты должэн аскубать их. Ты их только аскубал их – бух, и нада ужэ фставать, вот так. Но я и за эта благодарна латышам, патаму што эта протиф таво концлагеря, эта был рай, рай па сравнению с концлагерем. Эта нам была харашо.

Записано от Левшовой Любови Федоровны, 1932 г.р.; д. Боронщина; записано в г. Себеже Пск. обл., 2008 г.

ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

ВЕЛИКОЛУКСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Жил на свете весёлый парнишка,
То не парень, а просто краса:
Кудри чёрный, чёрные брови,
Голубые большие глаза.

Нет красивей и явственней
Голубых его явственных глаз,
«Это просто краса, а не парень», –
Говорили девчата не раз.

Вот однажды случилось несчастье,
Над страной взнялася война,
Взяли в армию милого парня,
Голубые большие глаза.

День за днём все идут чередою,
И проходят и месяц, и год,
Что-то парень нам писем не пишет,
Даже девушке писем не шлёт.

Вот однажды, числа я не помню,
Это было осенней порой,
Кто-то тихо в окно постучался –
Это парень вернулся домой.

Он вернулся в родную деревню
И стоял он как будто чужой,
Кудри чёрные наголо сбиты,
Пулей выбит был глаз голубой.

¹ Тексты песен даются в орфографической записи.

«Я вернулся, мамаша, калека.
Может, этим не буду я прав».
Только вместо руки его правой,
Как-то странно болтался рукав.

«Даже милая девочка Рита
Будет встречи бояться моей,
Ах, кому же я нужен калека,
Ей понравится парень другой».

Только старая мать втихомолку
Будет слёзы горячие лить.
«Я, калека, стараюсь без толку,
Не могу завернуть покурить».

*Записано от Побоевой Дарьи Семеновны, 1910 г.р., д.
Клевники Вл. р-на, 1996 г.*

№ 2.

Вот пришла война, война тёмная,
Стала мужа жена провожать
А отец сказал, уходя на фронт:
«Будет дочка мне письма писать».

(Пишет дочка письма)
«Папа, папочка! Милый папочка,
Стала мама тебя забывать.
Домой поздно приходит,
С офицерами стала гулять».

Мать узнала про всё про это,
Завела дочку в сарай.
Дарила ножичком в сердце,
Только успела крикнуть: «Ай!»

*Записано от Дворникова Николая Васильевича, г.р. (не
указан), д. Букрово Вл. р-на, 1996 г.*

№ 3.

Может, в Колпине, может, в Рязани
Не ложились девушки спать.
Много варежек тёплых связали,
Чтоб на фронт их в подарки послать.

Вышивали их ниткой цветною,
Славно спорился девичий труд.
Все сидели порою ночью
И мечтали, кому попадут.

Но одна боевая девчонка
Написала из песни слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в моем сердце жива».

Может, лётчику, может, сапёру
Иль кому из отличных бойцов,
Иль чумазому парню-шофёру,
Иль кому из отличных стрелков.

Получил командир батареи
Эти варежки-пуховики,
Что так вечно и ласково греют
От пожатия женской руки.

Командир эти варежки носит,
Осыпает их иней, мороз.
.....
Но любовь не отходит от них.

Скоро-скоро одержим победу,
Поезд тронется в светлую даль.
И тогда непременно заеду,
Может, в Колпино, может, в Рязань.

И тогда после жаркого боя

Незнакомке «спасибо» сказать
И пожать её нежную руку,
Что умела так славно вязать.

*Записано от Дворникова Николая Васильевича, г.р. (не
указан), д. Букрово Вл. р-на, 1996 г.*

ГДОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

(Вы о песне про девчат говорили...)

Про девчат-то? Немцы убрали девчонок в Германию всех. С
четырнадцати лет, и я была совершеннолетняя, четырнадцать
лет было, и меня в Германию хотели, но у нас мама болела, и
меня отменили, и сестру мою тоже. Ну, здесь был такой
староста, и он нас защитил. Что мама лежала, а нас пять штук
было маленьких, все один меньше другого. Папа был взят по
линии НКВД ни за что, а вот так мы ж сами жили, сами себя и
тянули. А эта вот (беженка) вот сложила эту песню.

Раскинулись рельсы широко,
По ним эшелоны летят,
Увозят они из России
В Германию русских девчат.

Прощай, городок-городишко,
Прощайте, родная семья,
И ты, чернобровый мальчишка,
Прощай, вспоминая меня.

Прощайте, зелёные парки,
По вам мне теперь не гулять.
Я еду в Германию хмуро
Свой век до конца коротать.

Не забыть мне тех слов материнских,
Суровых бровей у отцов,

Когда они нас провожали,
Как будто живых мертвецов.

Когда брат вернётся со службы,
Брат краснофлотец-герой,
Тогда вы ему расскажите
О бедной сестре молодой.

*Записано от Борисовой Нины Николаевны, 1928 г.р.,
Петренко Ольги Ивановны, 1918 г.р. в д. Самолва (Самоловская
вол.) Гд. р-на, 1999 г.*

№ 2.

Любила меня мать, уважала,
Что я ненаглядный сынок.
В окопы меня провожала,
Давала с собой узелок.

Крестила дрожащей рукою,
Сыночку смотрела в глаза.
К щеке прислонивши щекою,
Так тихо струилась слеза.

«Иди, мой сынок ненаглядный,
.....
Дерися с врагом беспощадно
Да мать на войне не забудь».

Простился я с ней у вагона,
З-за двери лица не видать,
Последнего матери стона
За стуком колес не слышать.

Три года с врагами я дрался,
Геройски пережил с трудом,
Награжден был красной медалью,
Счастливым в деревню пришёл.

Смеркнула знакомая хата,
Корова родная мычит,
И в брусья играют ребята
А мать у колодца стоит.

Я бросился с криком: «Родимый»,
На грудь головою упал,
Из глаз покатались слёзы,
Как малый дитя зарыдал.

Сначала она не видала,
Потом поглядела слегка
И ласково тихо сказала:
«А где же, сыночек, рука?»

«О, мамочка, тяжкую муку
Пережил я всё на войне
И правую верную руку
Оставил врагу на войне».

*Записано от Михеевой Раисы Семеновны, 1921 г.р., д.
Островцы (Спицинская вол.) Гд. р-на, 2004 г.*

ДЕДОВИЧСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Про Зою (*под Семёновну*)
Ой, вы, граждане, прошу внимания,
Спою Семёновну я на старание.

Я вам не буду петь про жизнь цыганскую,
А сейчас спою про партизанскую

Я сейчас спою про партизанскую,
Про Зою, девушку, Космодемьянскую.

Зоя – девушка черноокая,
Но судьба её была жестокая.

Распростилася Зоя с мамочкой,
И стала Зочка партизаночкой.

Через путь-леса пробиралася,
За автомат Зоя уже держалася.

Поздно было уже, роса стлалася,
Но до врага Зоя уже добралася.

Её заметили озверелые
И начали крутить её руки белые.

Привели Зою во немецкий штаб,
И стали спрашивать, где партизан отряд.

Звуки девушки не доносились,
А озверелые всё больше злились.

Приняла Зоя петлю немецкую,
Но не выдала страну советскую.

Мы за родных братьев, за смерть Зоину,
А ну-ка, девушки, а всё за Родину!

*Записано от Антоновой Анисьи Пантелеевны, г.р. (не
указан), д. Усадище Дед. р-на, 1984 г.*

№ 2.

Про Зою

Сорву я яблочко, а вы покушайте,
Спою про Зочку, а вы послушайте.

А Зоя-девочка прощалась с мамочкой,
В тёмный лес пошла да партизаночка.

Ай, партизаночка, да партизаночка
Среди озера кусточки заняла.

А командир полка собрал задания,
Посылает Зоечку на задание.

На это Зоечка да согласилась,
Ай, на задание идти решилася.

И на задания ишла угрюмая
И про опасности тогда не думала.

Хотела Зоечка поджечь немецкий склад,
Там схватил Зою да часовой солдат.

Ой, привели Зою да в офицерский штаб,
Там поджидал Зою да полный полк солдат.

Ой, издевались немцы пьяные
Да выжигали ей щёчки румяные.

В одной рубашечке, простоволосую
Бросили Зоечку на ночь холодную.

Девочка русская, Зоечка стройная,
А перед виселицей Зоечка крикнула:

«Прощайте, граждане, не буде Гитлера,
Ай, в бой за Родину, ай, в бой за Сталина,
Ай, война».

*Записано от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1920 г. р., п.
Дедовичи Дед. р-на, 1991 г.*

№ 3.

*(Марья Михайловна, а мы <...> слышали, что вы и сами песни
сочиняете?)*

Да.

(Какие?)

Ну вот, когда была в лагере, это у меня [нрзб.]

Как из этого скучного края
Шлю тебе, моя мама, привет.
Как живёшь ты, моя дорогая?
Напиши поскорее ответ.

Я живу сквозь лесов и болота,
Где проводят железную путь.
Не имею я хлеба ни крошки,
Обо мне, моя мать, не забудь.

Как окончим железну дорогу,
К тебе, мама родная, явлюсь.
И гулять я уж больше не буду,
Хоть немного с тобою пожить,

Наслаждаться домашней едою,
Хлеб плеснучий с баландой забыть.

*Записано от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1920 г. р., п.
Дедовичи Дед. р-на, 1991 г.*

(Сколько же вы были в этом лагере?)

А не знаю, наверное, года три. Оттуда всех построили, [нрзб.] с
Дедовичей, догнали до Землянска...

(Это немцы?)

Немцы, да. У немцев работали, да.

№ 4.

Утром, на светлянке
Шли, в деревню танки,
Шли, остановились в саду.

Вышел парень русский,

Офицер без ус,
Повстречал девчонку молодую.

«Дай воды напиться,
Дай воды умыться,
На рассвете мы уходим в бой».

Парень умывался,
Парень улыбался,
Сероглазый парень, молодой.

Он пошёл к машине,
Сам махнул девчине,
И открыл стальной тяжёлый люк.

Девушка сказала:
«Что же побыл мало?
После боя жду вас, милый друг».

Пуля огневая,
Пуля грозовая
Грянула на запад, что гроза.

Бей врага сильнее,
Приезжай скорее,
До свиданья, серые глаза.

(А это тоже вы сочинили песню?)
Да.

*Записано от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1920 г. р., п.
Дедовичи Дед. р-на, 1991 г.*

ДНОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Любила Колю я, любил и он меня,
В скором времени началась война.

Началась война, дали повестки тут,
Мы распрощались, Коля поехал в путь.

Коля поехал в путь и сказал он мне:
«Где остановимся, напишу тебе».

Прошло времечко, две неделюшки,
Что случилось? Поверьте, девочки.

Почтальон идёт из помещения,
А в руках несёт он извещение.

А в руках несёт он извещение:
Умер Коля мой от ранения.

Темна ночь была, был густой туман,
А мой милый Колечка на посту стоял.

На посту стоял мой милый Колечка,
Пуля вражеска кралась тихонечко.

От пули вражеской Коля спастись не мог,
Пуля вражеска ему пронзила бок.

Ему пронзила бок, он на землю пал.
«А где же милая? – он два раза сказал.

«А где же милая? – сказал он два раза.
И закрыл Коля свои навек глаза.

Коля закрыл глаза и не откроет их,

А мне, молоденькой, велел любить других.

*Записано от Григорьевой Татьяны Валентиновны, 1935 г. р.,
д. Подосье Дн. р-на, 1993 г.*

№ 2.

Утром раненько на зорьке в ледоход,
Провожала я любимого в поход.
И на память на кисете на виду,
Алым шёлком шила-вышила звезду.

Он уехал, он – кручинушка моя,
Биться с немцами в далёкие края.
Он уехал, он – кручинушка моя,
Биться с немцами в далёкие края.

От мороза пожелтела вся трава,
Пастухи угнали на зиму стада.
Только мне от дорогого моего
Ни ответа, ни привета, ничего.

Поздно осенью, в студёном ноябре
Проскрипела подворотня на дворе.
Мне приносит престарелый наш сосед
Шитый шёлком, кровью залитый кисет.

Я обиды никому не расскажу,
Утром рано пойду в поле на межу,
Буду плакать, буду суженого звать,
На дорогу горьки слёзы проливать.

О любви твоей никому не скажу
И кисет твой, шёлком вышит, сохраню.
А весной про кудри русые твои
Будут петь мне одиноки соловьи.

*Записано от Фроловой Ксении Ивановны, 1932 г.р., д. Белая
(Голубовская вол.) Дн. р-на, , 2006 г.*

КРАСНОГОРОДСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.
Но дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты. (два раза)

От жары и злого зноя
Гимнастерки на плечах повыгорали.
Своё знамя боевое
От врагов солдаты сердцем заслоняли.

Они жизни не щадили,
Защищали край, свою родную,
Победили, защитили
Всех врагов в боях за родину святую. (два раза)

*Записано от Васильева Никиты Фокича, 1928 г.р., д. Зубы
(Граинский с/с) Кр. р-на, 1994 г.*

№ 2.

В этот вечер, здесь под Старой Россией
Загорались [нрзб.] зари,
Я пришёл к тебе, моя подруга,
О большом с тобой поговорить.

Вот сейчас беседую с тобою,
А на сердце залегает грусть.
Может, завтра я уйду в разведку,
А с разведки больше не вернусь.

Тогда за топкие болота

Ты ко мне уже больше не придёшь,
Не теряя годы молодые,
По любви себе любимого найдёшь.

Живи с ним весело и дружно,
Не забудь, родная, лишь о том,
Кто погиб в боях под Старой Россою
С русским автоматом за плечом.

Он сражался храбро и отважно,
Он не знал преграды на пути,
Он не думал здесь, под Старой Россою,
Смерть себе внезапно найти.

Не забудь, родная, эту песню,
Эта песня скоро сгонит грусть,
Если я на фронте не погибну,
То к тебе с победою вернусь (два раза)

*Записано от Андреевой Людмилы Федоровны, 1931 г.р., д.
Кузнецы (Ильинская вол.) Кр. р-на, 2007 г.*

№ 3.

Пробирался ночью тёмной
Санитарный наш отряд (два раза)

Впереди была повозка,
На повозке красный крест,
А с повозки слышны стоны:
«Скоро ль будет нам конец?» (два раза)

Мы когда на пункт приедем,
Всё я сделаю тогда:
Перевязки всем поправлю,
Жёнам письма напишу. (два раза)

Вот один боец диктует:

«Здравствуй, милая жена,
Глубоко я в сердце ранен,
И домой не жди меня». (два раза)

А второй боец диктует:
«Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен не опасно,
Скоро дома буду я». (два раза)

Тихо стоны раздаются,
Встрепенулася она
И к больному идёт тихо
Медицинская сестра. (два раза)

«Что тебе, солдатик, надо?
Или пить тебе подать?» –
«Нет, сестрица, уже поздно,
Я уж начал умирать». (два раза)

«А жене вы напишите
Про мою больную грудь,
Что заржавленная пуля
Не дала сердцу вздохнуть». (два раза)

А она всё пишет, пишет.
Ей на сердце тяжело,
Её муж давно убитый,
Сердце кровью истекло. (два раза)

*Записано от Андреевой Людмилы Федоровны, 1931 г.р., д.
Кузнецы (Ильинская вол.) Кр. р-на, 2007 г.*

КУНЬИНСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Там, вдали, в горах Кавказа,
Там, вдали, меж гор и скал,

Пробирался ночью тёмной
Санитарный наш отряд. (два раза)

Впереди шла повозка,
На повозке красный крест,
Из повозки слышны стоны:
«Скоро, скоро ли конец?» (два раза)

«Подождите, потерпите», –
Отвечала им сестра,
А сама едва шагала,
Вся измучена была. (два раза)

Вот на место мы приедем,
Напою и накормлю,
Перевязки всем поправлю,
Жёнам письма напишу. (два раза)

Вот один боец диктует:
«Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен не опасно,
Скоро дома буду я». (два раза)

А другой боец диктует:
«Здравствуй, милая жена,
Тяжело я ранен в сердце,
Ты домой не жди меня». (два раза)

А сестра всё пишет, пишет,
А на сердце нелегко,
Её муж в военной службе,
Он убит не так давно. (два раза)

Снова стоны раздаются,
Встрепенулася сестра
И к больному подбежала
Милосердная сестра:

«Что вы, голубь, что вам надо?
Аль воды попить подать»?
«Нет, сестрица, не поможет,
Я уж начал умирать,

А жене вы напишите
Про мою больную грудь,
Что заржавленная пуля
Не дала мне отдохнуть». (два раза)

*Записано от Ивановой Матрены Петровны, 1925 г.р.,
Парфеновой Любови Федоровны, 1912 г.р., Гуляшовой
Надежды Федоровны, 1912 г.р., д. Усмынь (Усмынская вол.)
Кун. р-на, 2001 г.*

ОСТРОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.

Он лежит, не дышит
И как будто спит.
Золотые кудри
Ветер шевелит.

Перед ним старушка,
Стара мать, стоит,
Вытирая слёзы,
Сыну говорит:

«Я ль тебя растила,
Я ль тебя не берегла,
А теперь могила
Стала мать твоя.

Я вдовой осталась,
Пятеро детей,
Ты был самый младший,
Милый мой Андрей.

Ты скажи словечко
Матери своей,
Ой, болит сердечко
По тебе, Андрей».

*Записано от Васильевой Екатерины Васильевны, 1911 г. р., г.
Остров Остр. р-на, 1984 г.*

ПАЛКИНСКИЙ ПАЙОН

№ 1.

В одном городе жила парочка:
Муж был шофер, жена – счетовод.
У них была дочь, звали Аллочка,
Ей шёл уж двенадцатый год.

Началась война. Мужа в армию
Провожала жена на вокзал.
И простился он с женой верною
И такие слова ей сказал:

«Я пойду на фронт биться с немцами
И страну и тебя защищать,
А ты будь моей женой верною,
Постарайся почаще писать».

Вот уж год война и второй война.
Надоело жене мужа ждать,
Стала пудриться, носить локоны,
С офицерами стала гулять.

Загрустила дочь, делать нечего,
И решила отцу написать:
«Милый папочка, пишет Аллочка,
Мама стала тебя забывать,

Стала пудриться, носить локоны,
С офицерами стала гулять.
Милый папочка, – пишет Аллочка, –
Что хочу я тебе написать,

Как вчерашний день, приказала мать
Дядю Петю отцом называть».
Получил письмо, был на фронте он,
И не стал он собой дорожить,

Пошёл первый в бой, пал за Родину,
И теперь он в могиле лежит.

Ох вы, жёны вы, вы неверные,
Муж на фронте, а вы здесь гулять.
Война кончится, муж домой придёт,
Что ж ты будешь ему отвечать.

*Записано от Зеренковой Александры Федоровны, 1932 г.р., д.
Качаново (Качановская вол.) Палк. р-на, 1995 г.*

№ 2.

Между гор крутых карпатских,
Между двух огромных скал
Пробирался ночью тёмной
Санитарный наш отряд. (два раза)

Впереди шла повозка,
На повозке красный крест
А в повозке слышны стоны:
«Братцы, скоро ли конец?» (два раза)

«Подождите, потерпите» –
Обещала им сестра,
А сама едва шагала
Вся измучена, бледна. (два раза)

Скоро мы на путь приедем,
Напою и накормлю,
Перевязки вам поправлю,
Жёнам письма напишу. (два раза)

Вот один боец диктует:
«Здравствуй, милая жена.
Жив я, ранен не опасно,
Скоро дома буду я». (два раза)

А второй солдат диктует:
«Здравствуй, милая, прощай,
Жив я, ранен близко к сердцу,
И домой не ожидай». (два раза)

А жена всё пишет, пишет,
Ей на сердце тяжело,
Муж её давно погибший
А она всё ждёт его. (два раза)

*Записано от Станкевич Нины Владимировны, 1927 г.р.,
Орловой Александры Алексеевны, 1923 г.р. д. Качаново
(Качановская вол.) Палк. р-на, 1995 г.*

№ 3.

Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик голубой.
Мы приехали обратно
Из Германии домой (два раза)

По глазам тебя я вижу,
Что не любишь ты меня,

Кари глазки опускаешь
И не смотришь на меня (два раза)

Ты придумала, Маруся,
Что убит я на войне
Пуля острая пронзила
Шинель серую на мне. (два раза)

Нет, нет, милая Маруся,
Не убит я на войне,
Пуля острая пронзила
Шинель серую на мне (два раза)

*Записано от Станкевич Нины Владимировны, 1927 г.р.,
Орловой Александры Алексеевны, 1923 г.р. д. Качаново
(Качановская вол.) Палк. р-на, 1995 г.*

ПЕЧОРСКИЙ РАЙОН

№ 1.

У речного далёкого брода,
Где прощались, родная, с тобой,
Ты сказала: «До нового года,
А потом возвращайся домой!»

На прощанье мне руку пожала
И с тоской посмотрела в глаза,
И на память платок подарила,
По щеке покатила слеза.

И какой бы ни шёл я дорогой,
Где бы ни был, куда ни ходил,
Но платочек, подаренный милою,
У горячего сердца хранил.

Как узнали об этом фашисты,
Что ушёл с партизанами я,

И у брода её расстреляли,
Потому что любила меня.

*Записано от Кирилловой Прасковьи Васильевны, 1925 г.р., п.
Лавры (Лавровская вол.) Печ. р-на, год не указан.*

ПОРХОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

На опушке леса старый дуб стоит,
А под этим дубом командир лежит.
Он лежит не дышит и как будто спит,
Золотые кудри ветер шевелит.

Перед ним старушка, мать его, стоит,
Ласковые речи ему говорит:
«Я тебя растила, но не сберегла,
Но теперь могила сбережёт тебя».

Позади старушки командир стоит,
Ласковые речи он ей говорит:
«Ты не плачь, родная, он героем пал».
И с земли старушку командир поднял.
«За страну родную пал он не один,
А за это немцу, гаду, отомстим».

*Записано от Михайловой Валентины Артемьевны, 1925 г.р.,
д. Бочепово (Демянская вол.) Порх. р-на, 2002 г.*

ПСКОВСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Напрасно Катюша ждёт мужа домой
В погонах, в груди с орденами,
А муж возвратился из фронта домой
Калека с двумя костылями.

«Ну что ж ты стоишь, на меня не глядишь,
Иль ты недовольная мужем?
Смотри на меня и скажи мне в ответ:
Я нужен тебе, иль не нужен?»

И вот уж такой я вернулся к тебе,
Наверно, судьба уж такая.
Я ноги свои потерял на войне,
Отчизну свою защищая». –

«Сама молодая и жить я хочу,
И жить я хочу с новым мужем.
А ты уходи, бери сына с собой,
Калека, конечно, не нужен».

(Дальше не помню)

*Записано от Федоровой Евдокии Николаевны, 1928 г.р., д.
Поля (Выставская вол.) Пск. р-на.*

№ 2.

Жил на свете весёлый парнишка,
Для ребят он был парень-гроза.
Кудри чёрные, чёрные брови
Голубые большие глаза. (два раза)

Но настало суровое время,
Над страной нависла гроза.
Взяли в армию милого друга,
Голубые большие глаза. (два раза)

До вокзала его провожала
И невеста, и старая мать.
Уезжал он в далёкие дали,
Уезжал паренёк воевать. (два раза)

Дни за днями проходят сурово,
Так проходит и месяц, и год.
Только парень чего-то не пишет
Даже девушке писем не шлёт. (два раза)

Вот однажды, числа я не помню,
Это было осенней порой.
Кто-то робко в окно постучался –
Это парень вернулся домой. (два раза)

Перед матерью встал он смущённый,
Будто кто незнакомый, чужой.
Кудри чёрные наголо сбриты,
Пулей выбило глаз голубой. (два раза)

«Вот я и вернулся, мамуля,
Пред тобой я, конечно, не прав».
Только вместо руки моей правой
Как-то страншо болтался рукав. (два раза)

«Даже милая девушка Валя
Будет встречи бояться со мной.
Ну куда же я нужен, калека,
Ей понравится парень другой. (два раза)

Только старая мать втихомолку
Будет слёзы горючие лить.
Я ж, калека, стараясь без толку,
Не смогу завернуть покурить». (два раза)

*Записано от Цабровой Антонины Ивановны, 1929 г. р., д.
Кирово Пск. р-на, 1992 г.*

№ 3.

Ранним солнечным утречком
Провожала она
Своего ненаглядного,

Свое паренька.

«Ты служи, ненаглядный мой,
И меня не забудь.
Ну, а если случится что,
Проживём как-нибудь».

Не прошло и полгодика,
Парень весточку шлёт:
«Оторвало мне ноженьки
И лицо обожгло.

Если любишь по-прежнему
И горит огонёк,
Приезжай, забери меня,
Ненаглядный дружок». (два раза)

Но девчонка ответила,
Что любви больше нет:
«Я другого уж встретила,
Не обидься, мой свет,

Ковыляй потихонечку
И меня позабудь,
Заживут твои ноженьки,
Проживёшь как-нибудь».

Не прошло ещё годика –
Паровозный гудок.
На перроне выходит
Молодой паренёк.
С золотыми погонами
И вся грудь в орденах,
Шёл он стройной походкою
На обоих ногах. (два раза)

Со слезами и радостью
Его встретила мать.

Прибежала девчонка та,
И хотела обнять:

«Как живёшь, ненаглядный мой,
Сколько бед испытал?»
Паренёк отвернулся
И тихонько сказал:

«Ковыляй потихонечку
И меня позабудь.
Зажили мои ноженьки,
Проживу как-нибудь».

*Записано от Цабровой Антонины Ивановны, 1929 г. р., д.
Кирово Пск. р-на, 1992 г.*

№ 4.

Расцветали яблони и груши,
Расставались матери, сыны.
Шли на фронт с противником сражаться
За свободу и за честь страны. (два раза)

Миновали годы пятилеток,
Защищаться – всем один закон.
И отцы бросали своих деток,
И мужья любимых своих жён. (два раза)

И Катюша с Ванею прощалась,
Много слёз горячих пролила.
Верной быть навеки обещалась,
Не забыть любимого орла. (два раза)

Грянул бой, и пушки загремели,
Ванька целил точно по врагу.
Только лишь трава зазеленела
Шла Катюша с немцем по лугу. (два раза)

За каких-нибудь пару конфеток,
За простой, погнутый перстенёк
Проводила ночьку до рассвета
С пьяным немцем Катя у ворот. (два раза)

Ох, девчонка, как тебе ж не стыдно?
Продалась ты немцу нипочём.
За тебя товарищу обидно,
Что всю ночь проводишь ты с врагом. (два раза)

Твой любимый бьётся там на фронте
И родную землю бережёт,
А его любимая подружка
Честь за перстень немцу отдаёт. (два раза)

Извини, любимая «Катюша»,
Что тебя по-новому пою.
Кто не знает, тот теперь услышит,
Как любовь девчата берегут. (два раза)

*Записано от Цабровой Антонины Ивановны, 1929 г. р., д.
Кирово Пск. р-на, 1992 г.*

№ 5.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Там гуляла милая Катюша
Подошёл к ней немец молодой. (два раза)

У меня в кармане есть, Катюша,
Шоколад, печенье и «Бон-бон».
На тебе, Катюша, я женюсь,
Уведу в Германию, домой. (два раза)

Тут Катюша немцу отвечала,
«Не тебе, фашист, губить меня.
У меня милёнок – бравый Ваня,

Его знает вся наша страна». (два раза)

Тут уж немцу стало всё понятно,
Что Катюшу любит партизан.
Закурил с досады сигарету
И наставил на нее наган. (два раза)

Бей, стреляй, фашистская зараза,
К этому тебе не привыкать,
Вы сожгли в огне моего брата
И убили у Катюши мать. (два раза)

*Записано от Цабровой Антонины Ивановны, 1929 г. р., д.
Кирово Пск. р-на, 1992 г.*

№ 6.

Этот случай был очень недавно,
В Ленинграде вот этой весной.
Капитан Украинского фронта
Пишет письма жене молодой:

«Дорогая жена, я калека:
Нету правой руки и ноги.
И за это служили мы честно
Для защиты Советской страны.

И за это страна наградила,
Гордо встретила Родина-мать.
Неужель ты калеку забудешь,
Напиши, как ты будешь встречать».

Я берёг твой покой, дорогая,
Чтобы милая детка росла,
О войне ничего бы не знала
И по-детски ласкала меня.

.....

.....

.....

Что не нужен калека ты мне.

Мне всего только двадцать три года,
И я в силах ещё танцевать.
Ты придёшь ко мне, как колода,
Только будешь в постели лежать».

Но внизу-то были казюлки(?) –
Этот почерк был так дорогой,
Это почерк был милой дочурки,
И звала она папу домой:

«Милый папа, не слушай ты маму,
Приезжай поскорее домой,
Этой встрече я так буду рада,
Буду знать, что ты папенька мой.

Я в коляске катать тебя буду,
И цветы для тебя буду рвать,
В летний день, когда солнце пригреет,
Буду раны твои обмывать».

Вот сверкнули озёра и реки,
Поезд быстро промчался стрелой,

.....

.....

Вот и поезд к перрону подходит.
Соскочил капитан на перрон,
Дочь всё время глазами поводит,
Что, неужель, это папенька мой?

«Милый папенька, что же такое?
Руки целы и ноги целы,
Орден Красного Знамени светит,
Расположен на левой груди». –

«Мила доченька, что же такое?
Что же мама не вышла встречать?» –
«Оказалось, она-то чужая,
Так не будем о ней вспоминать».

Вот сверкнули озёра и реки,
Поезд быстро промчался стрелой.
До свиданья, родная сторонка,
До свиданья, чужая жена.

*Записано от Цабровой Антонины Ивановны, 1929 г. р., д.
Кирово Пск. р-на, 1992 г.*

№ 7.

Расцветает небо голубое,
С ним склонился синий небосвод.
От завода двигалась «катюша»
По асфальту гладкому на фронт.

От передней Катя приходила,
Привозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты поднимали вой.

Расскажи, Катюша, дорогая,
Как отважно бьёт ваш пулемёт,
Много немцев ты же истребляешь,
Как врагу отвагу придаёшь?

В страхе немец в яму прыгать станет,
Головой зароется в сугроб,
Но и там пуля врага достанет,
И станцует немец прямо в гроб.

*Записано от Дмитриевой Зинаиды Павловны, 1929 г.р., д.
Бучкина Гора (Гверздонская вол.) Пск. р-на, 2001 г.*

№ 8.

Далеко в лесу Валдаи,
Где течет река Дунай,
(Тёмной ночью)
Поселился там на время
Партизанский наш отряд.

Вдалеке были палаты,
Разведённые костры.
Командир читал приказы,
Как к деревне подойти.

А ребята молодые
Молча слушали его
И душевно все мечтали,
Что не погибнем ни за что.

Командир сказал ребятам:
«Нам пора уже идти,
Дело к вечеру подходит,
Нам дорогу перейти».

Вот к быстрой речке подходили,
Там началась стрельба,
И здесь мы немцев окружили,
Чтобы разбить их лагеря.

Пуля острая задела
Молодого паренька,
И он простился с командиром
И попросил его тогда:

«Если будете вы живы,
Как окончится война,
То родителям сообщите,
Где и как скончался я».

А меня похороните
На горе, горе крутой,
Чтобы солнушко всходило
Над моей над головой.

Командир сказал: «Всё справлю».
Покатилась слеза,
И навек глаза закрылись
У молодого паренька.

*Записано от Дмитриевой Зинаиды Павловны, 1929 г.р., д.
Бучкина Гора (Гверздонская вол.) Пск. р-на, 2001 г.*

№ 9.

Измученный, истерзанный
Кровавою войной,
В шинели весь израненный
Наш доблестный герой. (два раза)

С одной ногой отстреленной
Гранатою шальной
На палку опирается, идёт
Бедняк домой. (два раза)

Идёт бедняк и думая,
Кружится в голове:
«Убило б меня лучше бы
В кровавой той войне. (два раза)

Жена моя красавица
Уж примет тут меня,
А может, испугается
Не примя никогда». (два раза)

«Зачем с тобой мне мучиться
И молодость терять,
Кто брал тебя здорового

Иди туда опять». (два раза)

Пошёл, заплакал молодец,
И слёз потёк ручей:
«Так пусть она проклятая,
Раз я не нужен ей». (два раза)

Пошёл заплакал молодец,
Хотя и молодой,
Заплакал он как женщина,
Припал к земле сырой. (два раза)

«Земля ты, мать родная,
Откройся предо мной,
Прими меня калеку
С единою ногой». (два раза)

Тут мать с отцом сказали,
На пару слов пройду
Не брошу тебя, спи, родной,
Пока я не умру. (два раза)

*Записано от Васильевой Александры Степановны, 1930 г. р.,
д. Гверздонь (Гверздонская вол.) Пск. р-на, 2005 г.*

ПУСТОШКИНСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Вот расскажу я вам сейчас, как отправляли мужчин на фронт. И когда в лагерь гнали, вот такие сочиняли песни.

Вот сорок первый год проклятый,
Германец начал воевать.
Затеял он большое дело,
Чтоб за один год Россию взять. (два раза)

Нас быстро всех сформировали,

В поход собрался второпях.
Моя красавица осталась
С малюткой бедной на руках. (два раза)

Когда я с ними стал прощаться,
Обнял красавицу жену,
Ко мне малютка потянулась,
Она терзала грудь мою. (два раза)

Когда я с ними распрощался,
К своему сроку не попал.
Не мог я в части оправдаться,
И политрук меня ругал. (два раза)

Я до границы не доехал
И там не долго воевал.
Там окружили нас германцы,
И я случайно в плен попал. (два раза)

Нас сразу в лагери загнали,
Нас холод, голод изнурял,
Давали хлеб один с водою
И тот с опилкам пополам. (два раза)

Моя красавица не знает,
Что я теперь уж не жилец.
Моя малютка подрастает,
Пришёл последний мне конец. (два раза)

Ты подрастёшь, моя малютка,
Ты [нрзб.] меня в судьбе.
Придёшь на кладбище-могилы,
Увидишь надпись на кресте. (два раза)

Прощай, прощай, моя малютка,
Прощай, красавица-жена,
Прощайте, все мои родные,
Прощай, Советская страна. (два раза)

*Записано от Васильевой Екатерины Яковлевны, 1929 г.р., г.
Пустошка Пуст. р-на, 2001 г.*

№ 2.

А теперь я хочу спеть песню, как везли раненых.

Между гор крутых Карпатских,
Между двух огромных скал
Пробирался ночью тёмной
Санитарный наш отряд. (два раза)

А вдали идёт повозка,
На повозке красный крест,
А с повозки слышны стоны:
«Скоро, скоро нам конец». (два раза)

«Погодите, потерпите», –
Говорила им сестра,
А сама едва шагала,
Изнурённа и бледна. (два раза)

«Скоро мы на пункт приедем,
Накормлю вас, напою,
Перевязочки поправлю,
Домой письма напишу». (два раза)

Вот один боец диктует:
«Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен в правую руку,
Скоро дома буду я». (два раза)

Молодой боец диктует:
«Здравствуй, старушка-мать моя,
Жив я, ранен близко к сердцу,
И не жди домой меня». (два раза)

Вот сестрица письмо пишет,
Сердце кровью залито,
У её муж во фронте убит,
Ей ведь тоже нелегко. (два раза)

«Пусть передаст моей любимой,
С которой много лет гулял,
С которой письма писал часто,
В письмах что-то обещал. (два раза)

Пусть она другого любит,
Не вспоминает обо мне.
Ей судьба – любить другого,
Мне – погибнуть на войне». (два раза)

*Записано от Васильевой Екатерины Яковлевны, 1929 г.р., г.
Пустошка Пуст. р-на, 2001 г.*

№ 3.

(А может, вы про партизан какие-нибудь песни знаете?)
А вот была у нас такая девочка – партизанка, и я про неё песню
знаю, про Зою. Може, она и Космодемьянская, но я про её
хотела спеть.

Эх, товарищи, сядьте на лавочку,
А я сейчас спою про партизаночку.

Ах, жила девушка, да черноокая,
Ох, постигла ей судьба жестокая.

Враги немецкие бомбили Ленинград,
А Зоя-девочка шла в партизан отряд.

Она простилася с родною мамочкой,
Ох, стала Зочка да партизаночкой.

Ох, в одну тёмну ночь и был туман и мрак.

А командир не знал, где расположен враг.

Она была отважная, ох, комсомолочка,
И в разведку она отправилась Зюечка.

Ох, по кустам ползла остерегалася
И, наконец, Зюя туда добралася.

Крики немецкие, ох, раздавались,
И долго Зюечка и с им сражалася.

На неё накинудись фрицы зверелые,
Ох, завязали ей ручонки белые.

Пугали, мучили фрицы каянные,
Ох, да резали ей щеки румяные.

Пугали, мучили, ох, одинокую
И предали ей судьбу жестокую.

Повели Зюечку, ох, прямо к двум столбам,
Она воскликнула, ой, де своим друзьям:

«Ой, наконец, сдаюсь врагу немецкому,
Но не выдала я власть советскую».

*Записано от Васильевой Екатерины Яковлевны, 1929 г.р., г.
Пустошка Пуст. р-на, 2001 г.*

№ 4.

Знаю, ворон, твой обычай –
Ты сейчас от мёртвых тел,
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.

Долго ты летал по свету,
И кружился над людьми,

Где же ты похитил руку,
Руку белую с кольцом.

Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой,
Под Варшавой есть то место,
Где кипел кровавый бой.

Бой кровавый пред богами,
Буду помнить целый век,
Как пришёл туда с лопатой
Ненавистный человек.

Закопал в одну могилу
Он бойцов-богатырей.
Звери их теперь не тронут,
Над могилой тишина.

Вдруг кольнуло по сердечку,
Покатилась слеза,
Мать узнала по колечку,
Чья у ворона рука.

Это рука мово сына,
Мово сына, бедняка.

*Записано от Погонялко Анатолия Ивановича, 1934 г.р., д.
Анрохново (Шукинская вол.) Пуст. р-на.*

№ 5.

Спою вам песенку про партизаночку,
Про Зою девочку Космодемьяночку.

Жила девочка черноокая,
И постигла её судьба жестокая.

Сердце девушки замерло тоской,

А уж враг бился над ронной Москвой.

Враги немецкие бомбили Ленинград,
Ушла девушка да в партизан отряд.

Распростилася с ронной матерью,
Стала Зочка быть партизанкою.

По кустам ползла, остерегалася,
И наконец она всё же добралася.

Крики немецкие всё раздавались,
Ох, долго девушка с ними сражалася.

Ох, накинудись озверелые
И связали ей руки белые.

Издевались над одинокою
И придумали ей смерть жестокою.

Привели Зою прямо к двум столбам,
Она воскликнула со своим друзьям:

«Наконец сдаюсь врагу немецкому,
Но не выдала я власть советскую!»

За отцов, братьев, за гибель Зоину
Вперёд, товарищи, вперёд за родину!

*Записано от Боровяковой Марии Васильевны, 1926 г.р., д.
Заречье (Алольская вол.) Пуст. р-на.*

ПЫТАЛОВСКИЙ РАЙОН

№ 1

Поезд к станции подходит,
Машинист свисток даёт.

Милый с поезда выходит,
Праву ручку подаёт.

Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик голубой.
Мы приехали обратно
С дальней стороны домой.

По глазам твоим я вижу,
Что не любишь ты меня,
Кари глазки опустила,
Сердце бьётся у тебя.

Сколько писем ни писал я,
Ты ответа не дала.
Получил клочок бумаги,
Дорогая, от тебя.

Но ты думала, Маруся,
Что убит я на войне
И зарыты мои кости
В чужой дальней стороне.

Не боялся я, Маруся,
Быстрой пули и штыка,
Но боялся я, Маруся,
Что изменишь ты меня.

Записано от Морозовой Н. Ф., 1920 г. р., д. Селиваны Пыт. р-на, 1979 г.

№ 2.

Был на свете хорошенький парень,
Ни парень, а просто душа.
Кудри чёрные, чёрные брови,
Голубые, как небо, глаза.

Вот настало тяжёлое время,
Над страной повисла гроза.
Взяли в армию милого парня –
Голубые, как небо, глаза.

До вокзала его провожали
Невеста и родная мать.
Милый парень поехал далёко,
Далёко страну защищать.

Вот и время прошло, ну / из полгода,
Парень девушке писем не шлёт.

Но как было число – не помню,
Но дело было вечерней порой.
Кто-то тихо стучится в окошко,
Милый парень вернулся домой.

Перед матерью он изменился / измутился,
Показался как будто чужой.
Кудри чёрные, чёрные сняты,
Пуля выбила глаз голубой.

«Вот я, мама, явился калека.
Может, в этом я буду прав.
Вместо руки его правой
Так страшно болтался рукав.

Теперь девочка милая Рая
Будет бояться при встрече со мной,
Ну зачем я ей нужен, калека,
Ей на сердце есть парень другой».

Записано от Морозовой Н. Ф., 1920 г. р., д. Селиваны Пыт. р-на, 1979 г.

№ 3.

Ехали солдаты
Со службы домой,
На плечах погоны,
На грудях кресты.

Едут по дороге,
Родители идут.
«Здорово, папаша!» –
«Здорово, сын родной!» –

«Расскажи, сыночек,
Как служба твоя?» –
«Служба, слава богу,
Убавилася».

«Расскажи, папаша,
Как дома семья?» –
«Семья, слава богу,
Прибавилася.
Жена молодая
Сына родила».

Сын отцу – ни слова,
Вспрыгнул на коня,
Поехал солдатик
На свой родной двор.

Подъезжает к дому –
Мать с женой стоит.
Мать просит у сына:
«Прости, сын, жене».

«Тебе, мать, прощаю,
Жене – никогда».
Вынул саблю острую,
Грудь её пронзил.

«Сын ты мой, сыночек,
Сын ты мой родной,
Что, сынок, наделал,
Сам он над собой». —

«Родима мама,
Горьких слёз не лей,
Бесчастливого сына
Больше не жалей.

Жену похоронють,
Меня прикуютъ,
Малую малютку
В приют отдадутъ».

Записано от Морозовой Н. Ф., 1920 г. р., д. Селиваны Пыт. р-на, 1979 г.

№ 4.

Партизанская

В тёмной роще густой
Партизан молодой
Притаился с отрядом в засаде.

Под осенним дождём
Мы врага подождём
И растопчем немецкого гада.

Нас не ждёт у окна
Ни сестра, ни жена,
Наши семьи увезли,
Наши хаты сожгли,
Только ветер в развалинах ходит.

Вот летит над страной
Этот ветер родной,

Он считает и слёзы, и раны.

Как могли по ночам
Отомстить палачам
За позор и за кровь партизаны.

Ночь упала темна,
Там светила луна,
Небольшой костерок разгорался.

Шёл немецкий обоз
И упал под откос,
И на собственных минах взорвался.

Дождь и ветер затих,
И на листьях гнилых
Груда мёртвых фашистов лежала.

*Записано от Родионовой Аграфены Филипповны, 1899 г. р., д.
Селиваны Пыт. р-на, 1979 г.*

СЕБЕЖСКИЙ РАЙОН

№ 1.

Ты скажи мне, моя дорогая,
Где страдаешь, голубка моя.
Моя радость и жисть молодая,
Дорогая подруга – жена.

Знаю я: ты меня не забудешь
В черной смутке проклятой войны,
Никого больше ты не полюбишь,
Всех дороже нам наши сыны.

И один в тёмно-синие ночи
Засыпал у тебя на груди,
А теперь ты одна с сыновьями.

Ой, твой образ находит в глазах.
Слишком часто страдаешь ночами,
По щекам протекает слеза.

«Где отец наш? – промолвят малютки,
Где наш папа, придёт ли когда?
Не стучится у нашей калитки,
Ни гостинца не шлет, ни письма».

Что ответишь ты нашим орлятам,
Что предчувствуешь грудью больной?
А меня в половодье проклятом
Захлестнуло военной волной.

И на фронт ты меня провожала,
Мы расстались с тобою без слёз.
Свой портрет ты в карман положила,
Чтобы встретиться внов удалось.

И я вспомнил твоё повеленье,
Я сражался с проклятым врагом,
И без страха, и без сожаленья
Расправлялся огнём и штыком.

Разбивали мы вражьи атаки
И свинячьи морды врага,
Кровожадные злые собаки
Разрушали мои города.

Я в плену всё равно, что погибший,
В покорённых немецких краях,
И рябится орлиные крылья,
Клювы, когти в немецких сетях.

Написал бы тебе, дорогая,
А неволи крылатой здесь нет,
Только злая неволя чужая
Красит щеки в чахоточный цвет.

И зимы уж четвёртая смена,
А в души моей тысяча лет,
А к тебе из проклятого плена
Я не знаю – вернусь или нет.

*Записано от Гришмановской Степаниды Захаровны, 1913
г.р., д. Райково Себ. р-на, 2002 г.*

№ 2.

Вечер вечерееет,
Орудия гремят,
А бедные солдаты
Под кустиком лежат. (два раза)

Лежит он, весь трясётся,
Ждет с дома писемка,
А сердце так и бьётся
И бьётся без конца (два раза)

Вот первый день сраженья,
Письмо я получил.
В письме мамаша пишет,
Что враг отца убил. (два раза)

Два брата под Варшавой
Расстались в бою.
А кто ж теперь прокормит
Родную мать мою? (два раза)

Беру я лист бумаги,
Пишу письмо домой:
«Ой, мама дорогая,
Я раненый лежу, (два раза)

Но рана небольшая:
Остался без ноги,

Вторая неопасна:
По локоть нет руки. (два раза)

Пускай все дома знают,
Какой калека я».
И плакала мамаша
И плачет вся семья. (два раза)

*Записано от Шашковой Нины Дмитриевны, 1929 г.р., д.
Люлино (Идрицкая вол.) Себ. р-на, 2002 г.*

ЧАСТУШКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Частушка как фольклорный жанр. Компактная, мобильная, позволяющая мгновенно откликнуться на взволновавшие человека события или ситуацию, частушка возникла в XIX веке как молодежный жанр и преимущественно таковым оставалась вплоть до 60-х годов XX века.

Будучи лирическим, частушка – жанр публичный. Она звучала там, где собиралась молодежь – на совместной работе, а чаще – на гулянье, на вечерках, ярмарке, т. е. съезжем сельском празднике, когда в одну деревню собирались люди со всей округи, молодежь прогуливалась по улице, а где появлялась гармонь (а из каждой деревни обычно шли со своим гармонистом¹), там начиналась пляска и звучала частушка.

Однако частушка была не просто развлечением. Частушка – это еще и сельские вести-новости, и одновременно эмоциональная реакция на них. Частушка – и своеобразный способ общения молодежи, способ завязать или выяснить отношения, уладить ссору, объявить о намерениях²; она и

¹ Н.Я. Николаева вспоминает, как она молодая ходила на ярмарку: «Как идешь в Старик [место, где проходила ярмарка], так от Реховнуга, от Лопатина, от Староселья, от Слизнёва, от Линёва – везде с гармониям идут: так и рявуть гармони со всех сторон! – Тебя так и подымая, как в воздухе плывешь...» [Поповы Горы Болгатовск. Оп. 1982, 745–113].

² «А в песне в этой, в “Скобаре” [одна из разновидностей частушки. – Г.П.], всё, бывало, выскажешь: с кем погулять захочешь – увлекаешь, рассердишься – тоже. Бывает, родители ругают или его, или меня – тоже всё в песнях <...> И рыжики дадут – дак мальчика дожимаешь песням, все-таки трогаешь его, когда рыжики-то дадут. [– Что такое рыжики?] <...> Я с вам дружу. А вы захотите, мало ли, покапризничаться. Народу много. <...> Раньше ж гуляли год, и два, и три, гуляли со мной, девушкой, если она нравится. <...> Гуляет со мной, а возьмет другую. А меня не возьмет. А [присутствующие на

средство утверждения статуса личности в молодежном и вообще в сельском коллективе: хорошие частушечники высоко ценились. Частушка – это и способ отстоять достоинство. *В огороде, на реке, | Две квелины бобу. | А кто этих поцелует, | Не выживет году!* – задевает парень присутствующих девушек [Рукавец Трехалёвск. Нев. 1987, 548–192]. *А юрковские мальчишки | Не поют, а квакают, | Целоваться не умеют, | Только обмуслякают!* – парирует кто-нибудь из девчат [Юрково Юрковск. Дн. 1989, 226–57]. *Если ты пошел в задор, | Так и я пойду в задор! | У тебя кривые зубы, | Как осиновый забор!*¹ [Подберезье Локн. 2000, 1778–10].

Ситуация «задора» – ситуация частушечной дуэли, когда соперники, подначиваемые публикой, все более и более входят в раж, частушки сыплются, как из мешка, и замолчавший первым, не сумевший хлестко ответить на поддевающий куплет

гулянье девушки и парни] мне начнут: по трубам скробоют, свищут! Мне-то стыдно, неудобно, правда? Потом сидишь, гармонь-то заиграет – яго песняй-то и возьмёшь и отругаешь. Вот так: что и я не хочу гулять, и не буду, и не подходи! Такие вот песни и складаешь яму в ту пору. До чего допоешь, а у яво все-таки затронет! Вот и рыжики той даст, и опять ко мне подходит...» [Вошково Юрковск. Дн. 1993, 237–74]. Реабилитировать в глазах коллектива сельской молодежи героиню, которую «душонок» принародно унизил, заставив испытать муки ревности, очевидно, призвана частушка: «Я пойду в сад, зарюю рыжики: | Мне их больше не едать! | А мы с душонком сговорилися | Без рыжиков гулять!» [Рабочий поселок Люшикск. Беж. 1995, 18–14].

¹ По классификации замечательной песельницы и частушечницы из д. Рукавец Трехалёвского с/с Невельского района Степаниды Емельяновны Трояновой, 1914 г. р., частушки бывают начальные («Ай, ня думала плясать, | Ой, ня собиралася. | А гармошка заиграла, | Я не воздержалася!»), задорные («Ох, ты, Ваня, не хворси, | Рот корыгом не носи! | Я тебе советую: | Залепи газетою!»), ответные задорные («Если вышел на поднач, | То давай подначивай! | Если я тебя подначу, | Нос не заворачивай!»), любовные, любовные-разлучные [Нев. 1987, 555–20, 21, 548–146, 147].

соперника в глазах публики терпит моральное поражение и посрамлен.

Реальность жизни и фольклорная мифология в частушке. Ситуации «задора», случившаяся во время войны, представлена в рассказе жительницы п. Дедовичи Марии Михайловны Ганнибаловой, 1919 г. р., пережившей немецко-фашистскую оккупацию, четыре года проведенной в немецких лагерях и лишь к концу оккупации сумевшей вырваться из лагеря, приговоренной за это вместе со всей своей семьей к повешению и по счастливой случайности избежавшей смерти: *Вот была у нас ярмарка. В войне. Это уже с лагеря я была пришедцы, перед концом войны. Ну и кто-то немцу сказал, что я много знаю частушек. Он плясал-плясал, вызывает мяня. <...> говорю, что я ня умею плясать. Он, пиряводчик: «Частушки, Мария, частушки давай!» Я говорю: «И чястушек ня знаю!» Думаю: может, спою, да плятям застябают!*

Он поё: «Сталин на скрипочке играет, | Ворошилов тропака, | Проиграли всю Россию | Два советских дурака!» <...> Да. Тогда задел он мяня! И я тута: «Черяз поле яровое, | Через райпотребсоюз, | Черяз Гитлера косога | Старой девой остаюсь!» Немцы: «Го-го-го! О! гут, метхен, гут! Гитлер косой! Гут! Гут!» Как подняли головы вси и орут, как дураки!

От страха у соседа, только что плясавшего тут же, схватило живот, убежал домой и говорит жаны: «Лен, у мяня живот заболел!» – «Цаво ж в тябя живот заболел?» – «Што ты! А Маню забытьскую, наверно, застябают! Ты знаешь, про Гитлера песню спела! Ох, ня думала! <...>. Застябают! Застябают!»

А они никóва не застебали, сказали «Гут! Гут!» <...> Я ему много спела частушек. Как-то я пела: «Залетали самолеты, | Наши крикнули “Ура!” | А нямецкие солдаты | Разбяжались кто куда» [Дедовичи 2001, 188–л.17–17 об.].

Сходная ситуация представлена в рассказе, записанном в Калужской области в конце 80-х годов прошлого века от Е. И. Зинуткиной, 1920 г. р.: немцы принуждают героиню петь частушки, она, осознавая рискованность своего поступка, как и героиня повествования М. М. Ганнибаловой, исполняет припевку о войне, разрушившей судьбу женщины, содержащую карикатурный образ *кривого Гитлера*; наказания не следует – немцы смеются.

И в псковской, и в калужской записях эпизод с частушками составляет часть повествования о жизни в оккупации, это повествование создает эмоциональный фон для восприятия названного эпизода и, очевидно, определяет выбор деталей для его оформления. В повествовании Е. И. Зинуткиной о буднях оккупированного немцами села высказана мысль, что *«и немцы тоже люди»*, оно не содержит фактов зверств оккупантов, ее рассказ о подневольной жизни в оккупации не носит того трагического характера, что рассказ М. М. Ганнибаловой, пережившей тяжелейшие испытания под властью фашистов. Соответственно эпизод с частушкой в калужском тексте, по сравнению с псковским, смягчен: *Нюта много припевок знала. Они её заставляли петь под гармошку. А она говорит: «А меня не заберут за эти частушки?» Они говорят: «Не...» Гофман сидит. Она спела про Гитлера кривого: «Через поле яровое, | Через райпотребсоюз, | Через Гитлера кривого | Я вдовою остаюсь!» Ничего. Они смеялись. Просили нас петь песни. Плясали, дробили. Очень любили слушать наши песни. На плёнку снимали. Переводчик переводил.* [1987–1989. Хатожа Куйбышевск. р-на Калужск. – 2, с. 224].

Наличие двух текстов, содержащих сходные сюжеты, не позволяет как с абсолютной уверенностью утверждать, так и отрицать большую степень вероятности того факта (верность которого могла бы быть подтверждена соответствующими новыми экспедиционными записями или публикациями), что в

этих текстах представлены версии возникшего и бытовавшего среди населения в условиях немецко-фашистской оккупации сюжета¹, генетически связанного с традицией частушечной «дуэли». Такая дуэль, как уже говорилось выше, в глазах ее свидетелей утверждала первенство, превосходство личности победившего в частушечной схватке над проигравшим (парня – девушки / противников – соперниц/соперников) или превосходство одного коллектива молодежи, в состав которого входил победитель, над другим, членом которого был побежденный (девушки – парни; молодежь соперничающих деревень). Обычная для традиционного быта сельской молодежи ситуация «*задора*», «частушечного боя», в рассказе наполняется новым содержанием, перерастает в повествование о молодой девушке, славившейся в своей местности знанием и исполнением частушек и сумевшей защитить достоинство русского человека и честь родной земли. Приневоленная немцами петь частушки, героиня, хотя и осознает возможные гибельные для нее последствия, публично, «в лицо» врагу, исполняет припевку о *косом Гитлере*, а в версии М. М. Ганнибаловой еще и припевки о бьющей врага Красной армии. Рассказ утверждает несокрушимость духа народа, не сломленного ужасами оккупации, и наряду с другими подобными произведениями военного повествовательного фольклора становится одной из форм духовно-нравственного сопротивления поработителям².

¹ Преемственность с традиционным фольклором обнаруживает и новая устно-мифологическая традиция субкультуры т.н. «красных» военных поисковиков, целью которых является сохранение памяти о погибших на поле брани, что свидетельствует об устойчивости фольклорных сюжетов, мотивов и образов [См. список литературы: 1]

² В этом плане рассказ о девушке, которую немцы заставляли петь частушки, стоит в одном ряду с таким замечательным рассказом, как «Русский огонек», один из вариантов которого записан, обработан и опубликован еще в период Великой Отечественной войны писателем

Частушка времен войны как отражение истории и духовной культуры народа. Частушка ассоциируется с праздником, весельем, пляской. Она и возникла-то на основе плясовой припевки. Но частушка, притом что она, как правило, сопровождается пляской, далеко не всегда весела, тем более частушка военного времени: *Если б были те случаи, | Из могилы выручали, | Я бы сваю милова* (вариант: *брата милова*) | *Без лопаты вырыла!*; *Кабы была тая мода | В землю письма опускать, | Написала б сваму Стёпе, | Опустила б сразу пять!* [Поповы Горы Болгатовск. Оп. 1982, 745–98].

Относительно молодой жанр частушки (ему всего-то полторы сотни лет) опирается на весь мощный пласт традиционной народной культуры. В данном случае она по-своему подхватила уходящую в глубь веков традицию трагического жанра причитания. Такой выплеск тоски-кручины на людях при сочувственном внимании односельчан, очевидно, в какой-то мере облегчал душевное страдание, помогал преодолеть порою невыносимое для человека горестное эмоциональное напряжение: ***Дайте мне повеселиться, | Рассказать свою печаль:*** | *Я запою песню печальну – | Ой, забываю, кого жаль!* [Маковеево Подберезинск. Локн. 1987, 388–12а].

По-видимому, ощущение противоречия между формой (пение, пляска) и трагическим содержанием вызвало к жизни частушки-извинения, которыми человек, вышедший на публику плясать и петь частушки, начинал свое выступление: *Не судите, люди добрые, | Что я песенки пою: | Всюду война, кругом пожары, | Мой дролёночек в бою!* [Вёски Вёскинск. Н–Рж. 1985, 651–10]; *Не от веселья пою песни, | Не от радости большой. |*

Л. Кассилем, а также с другими лучшими образцами фольклорной военной прозы [См. список литературы: 2, с. 210–211 и далее].

Моё ретивое сердечко | Понаполнено тоской! [Сопки Назимовск. Кун. 1983, 305–43].

В фольклорно-этнографическом архиве ПсковГУ частушки Великой Отечественной войны – это в большинстве своем частушки девичьи. *Мальчи* частушки (частушки парней) – главным образом партизанские, хотя партизанская тематика присутствует не только в *мальчьих* частушках.

Война и сам ход войны, победа, добытая неслыханной ценой, демографические последствия (выбитый цвет молодого мужского населения, сотни тысяч несостоявшихся семей, нерожденных детей) – все это предстает в частушках в настроениях и переживаниях сельской молодежи, главным образом девушек (хотя, конечно, не только молодежи).

Таким образом, частушки, наряду с песнями времен войны и воспоминаниями, представляют собой в высшей степени информативный пласт народной традиционной культуры, свидетельствующий о непреходящих духовных и нравственных ценностях.

Литература

1. Балашова А. Ф. Субкультура поисковиков: основные образы, сюжеты и мотивы // Традиционная культура: научный альманах. – № 1. – 2014. – С. 112–122.
2. Домановский Л. В. Устные рассказы // Русский фольклор Великой Отечественной войны. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 194–234.
3. Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / Автор и рук. проекта А. С. Каргин. Составители: А. В. Кулагина, Л. В. Миронихина, Г. А. Шепелев. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. – 424 с.

ЧАСТУШКИ

(из псковского фольклорно-этнографического архива)

В предлагаемой подборке частушки расположены с учетом их тематики и отразившейся в частушечных текстах «хронологии» войны. Традиция тематической последовательности расположения частушек отражена в ряде исследований по фольклору¹. Конечно, речь не идет о точных датах. Таковых в частушках практически нет. Но движение военного времени ощущается в деталях, в частности, в географических названиях, в образах, в событиях жизни человека и страны, к которым обращается частушка, в динамике отразившихся в ней народных настроений. В этой последовательности намечается некий сюжет: начало войны, ее ход, окончание, первая послевоенная пора.

«На войну залётку /сыночка взяли, я осталась сиротой»

№ 1

Вижу озеро в тумане
И военный пароход,
Вижу милого сыночка –
Отправляется в поход.

*Щиколенкова Тамара Исаковна
1930 г. р.; д. Шейкино Назимовск.
с/с Кун. р-н; 1994 г.*

№ 2

Машина свистнула, я охнула –
Поехал дорогой!
На войну залётку взяли,
Я осталась сиротой!

*Дмитриева Наталья Степановна
1912 г. р.; д. Барсуки
Подберезинск. с/с Локн. р-н; 1989
г.*

¹ Частушки / Сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М.: Советская Россия, 1990. (Библиотека русского фольклора. Т. 9). См. также: Белецкая Е. М. Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – Вып. 2. – 2010. – С. 99–108.

№ 3

Мой милёночек уехал,
Помахал пилоточкой,
Трудно было расставаться
Девочке с залёточкой.

*Минченкова Клавдия Ефимовна
1929 г. р.; д. Спасовщина
Середкинск. вол. Пск. р-н; 1997 г.*

№ 4

Моя милая подруга,
Ты по мне, я по тебе.
И как тебе цветочка жалко,
Так, поверь, девочки, мне!

*Андреева Мария Васильевна 1917
г. р.; д. Подберезье Подберезинск.
с/с Локн. р-н; 1989 г.*

№ 5

Увезли маво милёнка
Ой, ой, как далеко,
Где советские снаряды
Роют землю глубоко!

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

«Война всё разгорается»

№ 6

Война, война, война,
Война всё разгорается,
Мой забавочка с войны
Домой не собирается!

*Лезина Александра Петровна
1917 г. р.; д. Побережье
Логозовск. с/с. Пск. р-н; 1993 г.*

№ 7

Где-то, где-то мой любимый,
Где-то белое лицо,
Обклонивши на винтовочку,
Читает письмецо?

*Ушакова Мария Алексеевна, 1924
г. р.; д. Кулье Кулейск. Печ. р-на;
1991 г.
варианты: Рыбакова Мария*

*Федоровна, Крайнова Антонина
Викторовна, Трухтан Любовь
Федоровна (з.р. не указан.) д.
Моложва Крупнск. вол. Печ. р-н;
1996 г.;*
*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.;*
*Симакова Татьяна Арламовна
1910 г. р.; д. Паникли Изочинск.
с/с Нев. р-н; 1986 г.;*
*Сморыго Вера Александровна
1928 г. р.; д. Таланкино
Чернецовск. с/с Нев. р-н; 1994 г.*

№ 8

Где мой дролечка воюет,
Там летает ераплан.
Кажен день сердечко ноет:
Не убили б его там!

*Тихомирова Мария Семеновна (62
года); д. Рассолово Паниковск.
вол. Печ. р-н; 1998 г.*

№ 9

Сизокрылый голубочек!
Ты слетай в горячий бой,
И пер[е]вяжи цветочку раны
Моей лентой голубой!

*Андреева Мария Васильевна 1917
г. р.; д. Подберезье Подберезинск.
с/с Локн. р-н; 1989 г.*

№ 10

На окошке два клубочка
Крепко-накрепко навит,
Я не знаю, где мой милый:
У плену или убит.

*Степанова Александра
Антоновна 1922 г. р.; д. Мишково
Куньинск. с/с Кун. р-н; 1983 г.;*
*Ершова Анна Григорьевна 1920 г.
р.; д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-
н; 1983 г.*

№ 11

На горочке часовенка
Моя молебная.
Пойду Богу помолюсь
За цветка военного.

*Сорокина Мария Ивановна 1913 г.
р., Сютина Клавдия Михайловна
1914 г. р.; д. Митковицы Печорск.
с/с Печ. р-н; 1992 г.*

№ 12

Недалёк под Ленинградом
Залёточка умирал,
Глазки серые, весёлые
Навеки закрывал.

*Дмитриева Наталья Степановна
1912 г. р.; д. Барсуки
Подберезинск. с/с Локн. р-н; 1989
г.*

№ 13

Ох, не хотелось залётке
Молодому помирать,
Глазки серые красивые
Навеки закрывать!

*Дмитриева Наталья Степановна
1912 г. р.; д. Барсуки
Подберезинск. с/с Локн. р-н; 1989
г.*

№ 14

Я по морюшку плыла,
По морю Ледовитому,
Приплыла, на грудь упала
Милому убитому.

*Степанова Александра
Антоновна 1922 г. р.; д. Мишково
Куньинск. Кун. р-н; 1983 г.*

«Партизаны, партизаны»

№ 15

Партизаны, партизаны,
Партизанам горюшко.
Пришла ночка – дома нету,
Партизаны в полюшко.

*Иванов Илья Николаевич 1925 г.
р.; д. Скоморохово Городищенск.
с/с Остр. р-н; 1993 г.*

№ 16

Мой дrolёнок в партизанах
И находится в лесу.
Хоть убейте, полицаи,
Всё равно пойись снесу!

Филатова Матрена Ивановна
1913 г.р.; д. Вёски Вёскинск.с/с
Н-Рж. р-н; 1985 г.
вариант: *Васильева Александра*
Осиповна 1930 г. р.; д. Крутец
Крутецк. с/с Дн. р-н; 1993 г.

№ 17

Запишусь я в партизаны,
В армию могучую,
Сорок раз пойдём в атаку
В проволку колючую!

Иванов Илья Николаевич 1925 г.
р.; д. Скоморохово Городищенск.
с/с Остр. р-н; 1993 г.

№ 18

А запишусь в партизанки,
Одену юбку [брюки?]-галифе
И автомат повешу сбоку:
Подчиняйся-ка, немец, мне!

Васильева Александра Осиповна
1930 г. р.; д. Крутец Крутецк. с/с
Дн. р-н; 1993 г.

№ 19

Едут фрицы к нам на танке,
Пьют вино, едят баранки.
На закусочку врагу
Я гранату берегу!

Кононова Донна Васильевна 1922
г. р.; д. Клоушково Изочинск. с/с
Нев. р-н; 1986 г.;
вариант: *Смирнова Мария*
Самсоновна 1893 г.р.; д.
Морозово Локнянск. с/с Локн. р-н;
1979 г.

№ 20

Сяду, сяду я в машину,
И поеду я в Москву.
Много немца положили
На торопецком мосту!

Козлов Василий Фёдорович 1943 г.
р.; д. Ступино Ушицк. с/с Кун. р-
н; 1981 г.

№ 21

Фриц с женой прощался пылко,
Побещал сослать посылку.
Помешала слать посылку
Пуля русская в затылку.

Кононова Донна Васильевна 1922 г. р.; д. Ключково Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.

№ 22

А медицинские вы сёстры,
Белые косыночки,
Дролю ранят у лесу –
Кладите на носилочки!

Кононова Донна Васильевна 1922 г. р.; д. Ключково Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.

№ 23

Моего милого ранили
В дремучем у лесу,
У него четыре раны,
Говорит: «Перенесу!»

Кононова Донна Васильевна 1922 г. р.; д. Ключково Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.

№ 24

Ох, вы, кони, мои кони,
Передочки кованы!
Ох, вы, раны, мои раны,
Раны забинтованы!

Иванов Илья Николаевич 1925 г. р.; д. Скоморохово Городищенск. с/с Остр. р-н; 1993 г.

«Уносите, фрицы, ноги!»

№ 25

Наступали на Москву
Немцы-неприятели,
Наши дроли дорогие
Их назад попятители!

Кононова Донна Васильевна 1922 г. р.; д. Ключково Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.

№ 26

Где девались ваши танки?
Под Москвой они лежать,
Мотоциклы в Торопцах,
И пешком домой бежать!

Никитина Татьяна Сергеевна
1924 г. р.; д. Огородцы
Назимовск. с/с Кун. р-н; 1983 г.

№ 27

Уносите, фрицы, ноги,
Уносите поскорей!
Наши русские дороги
Очищайте побыстрей!

Васильева Нина Васильевна 1924
г. р.; д. Усадище Лавровск. с/с
Печ. р-н; 1981 г.

№ 28

Залетали самолёты,
Красные, советские,
Разбежались по болотам
Все бойцы немецкие.

Филатова Матрена Ивановна
1913 г.р.; д. Вёски Вёскинск. с/с
Н-Рж. р-н; 1985 г.

№ 29

Наступали на Россию
На машинах броневых,
А когда немцы отступали –
На корытах на гнилых.

Иванова Вера Алексеевна 1928 г.
р.; д. Назимово Назимовск. с/с
Кун. р-н; 1982 г.
варианты: *Никитина Татьяна*
Сергеевна 1924 г. р.; д. Огородцы
Назимовск. с/с Кун. р-н; 1983 г.;
Кузнецова Анастасия Васильевна
1908 г. р.; д. Свинухово
Миритиницк. с/с Локн. р-н; 1982
г.

«Проклятый косой Гитлер»

№ 30

Через райвоенкомат,
Через райпотребсоюз,
Через Гитлера косоного
Старой девой остаюсь!

*Осипова Мария Ивановна 1925 г.
р., Хлебникова Анастасия
Васильевна 1928 г. р.; д. Васильки
Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.*

№ 31

Проклятый косой Гитлер,
Бросай ты воевать,
Отпусти ребят жениться:
Девчат некуда девать!

*Степанова Александра
Антоновна 1922 г. р.; д. Мишково
Куньинск. Кун. р-н; 1983 г.*

№ 32

Дайте Гитлеру машину,
Пусть поехал на тот свет,
Пушкой с покойникам воюя:
Всё равно победы нет!

*Иванов Илья Николаевич 1925 г.
р.; д. Скоморохово Городищенск.
с/с Остр. р-н; 1993 г.*

№ 33

Сидит Гитлер на заборе,
Просит кружку молока,
А доярки отвечают:
«Ты сходи подой быка!»

*Иванова Устинья Ивановна 1908
г. р.; д. Суворово Куньинск. с/с
Кун. р-н; 1983 г.*

«На германской на границе»

№ 34

На германской на границе
Заработал пулемёт.
Немцы в панику бросались,
Наши двинулись вперёд.

*Степанова Александра
Антоновна 1922 г. р.; д. Мишково
Куньинск. Кун. р-н; 1983 г.*

№ 35

На германской на границе
Милый раненый лежит,
Молодая санитарка
Перевязывать бежит.

*Кузнецова Наталья Ивановна
1922 г.р.; д. Байлово Миритиницк.
с/с Локн. р-н; 1982 г.*

№ 36

На германской на границе
Ранили милёночка,
Положили у машину,
Повезли тихонечко.

*Степанова Александра
Антоновна 1922 г. р.; д. Мишково
Куньинск. с/с Кун. р-н; 1983 г.
Кузнецова Наталья Ивановна
1922 г.р.; д. Байлово Миритиницк.
с/с Локн. р-н; 1982 г.*

№ 37

Дролю ранили в Германии,
Везли на корабле.
Он пулемета не боялся,
Только думал обо мне.

*Мартиненкова Александра
Степановна (? г.р.); д. Лжун
Юхновск. с/с Н-Рж. р-н; 1993 г.*

№ 38

На германской на границе
Мой милый умирал,
Глазки синие, красивые
Навеки закрывал.

*Болдовская Вера Николаевна 1916
г. р.; д. Завруи Усть-Дольсск. с/с
Нев. р-н; 1981 г.*

№ 39

На германской на границе
Милый похоронено,
Заросла густой травой
Могилочка явоняя.

*Кузнецова Наталья Ивановна
1922 г.р.; д. Байлово Миритиницк.
с/с Локн. р-н; 1982 г.*

№ 40

На германской на границе
Куст сирени голубой.
Не найти мне той могилы,
Где зарыт мой дорогой.

Болдовская Вера Николаевна 1916 г. р.; д. Завруи Усть-Дольск. с/с Нев. р-н; 1981 г.

№ 41

Говоря, милка убита.
Ой, пойду, верну его домой,
Ой, я зарюю под окошечко:
Ой, навеки он буди мой!

Филиппова Антонина Александровна 1927 г. р.; д. Крутец Крутецк. с/с Дн. р-н; 1993 г.
вариант: *Цветкова Зоя Ивановна 1909 г. р.; д. Юрково Юрковск. с/с Дн. р-н; 1989 г.*

№ 42

Германская война
Придала много горюшка:
Самолучшего дrolёнка
Утопило морюшко.

Цветкова Зоя Ивановна 1909 г. р.; д. Юрково Юрковск. с/с Дн. р-н; 1989 г.

№ 43

Мого брата убили
В Пруссии на горочке,
Ему грудь белу расстреляли
Немцы из винтовочки.

Иванова Пелагея Ивановна 1908 г. р.; д. Черевково Юрковск. с/с Дн. р-н; 1993 г.

«Санитарный поезд шёл»

№ 44

Я к вокзалу подходила –
Санитарный поезд шёл,
С забинтованной головкой
Ко мне дроля подошёл.

Окружинко Дарья Михайловна 1913 г. р.; д. Макулино Изочинск. с/с Нев. р-н; 1989 г.

«Наши годы молодые продолжаются войной»

№ 45

Ой, девочки, нам горюшко,
Нам горе как одной:
Наши годы молодые
Продолжаются войной.

*Белова Анастасия Ивановна 1923
г. р.; д. Заболотье Торошинск. с/с
Пск. р-н; 1999 г.*

№ 46

Ай, девочки, война, война,
Девочки, воёвочка,
Остается нам, девчоночкам,
Одна браковочка¹.

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

№ 47

Молитесь, мальцы, Богу
За германскую войну.
Раньше клюки² подпирали,
А теперь в большом углу.

*Емельянова Анна Александровна
1921 г. р., Шаляпина Татьяна
Ильинична 1912 г. р., Петунова
Надежда Никандровна 1906 г. р.;
д. Горохово Печорск. с/с Печ. р-н;
1980 г.*

Вар.:

Молитесь, мальчишки,
Что не взяты на войну:
Раньше были у порога,
А теперь в большом углу.

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

¹ Одна браковочка – те, кто забракован призывной комиссией, к таким односельчане относились как к не вполне полноценным.

² Клюки [кочерги] подпирали – стояли в углу комнаты, у дверей.

№ 48

Молитесь, шантропа,
Пока не кончилась война!
А как кончится война –
Кыш под печку, шантропа!

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

№ 49

Дролёнок-то, дролёнок
В войну был партизан,
А ты сидел на печке,
За хвост котов таскал!

*Маркова Нина Федоровна 1920 г.
р.; д. Бухолово Дубновск. с/с
Пыт. р-н; 1979 г.*

№ 50

Ай, девочки, война,
Нам некуда деваться:
По колено борода
Да лезет целоваться!

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

№ 51

Молитесь, девчонки,
Чтоб красные пришли:
Поломались над нам парни,
Поломаемся и мы!

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

№ 52

Ох, девочки, война,
Война меня обидела,
Война заставила любить,
Кого я ненавидела.

[Информация отсутствует].

№ 53

Это нам не ухажоры,
Нам не ухажорчики.
Наших милых ухажоров
Увезли вагончики.

*Намарина Ольга Васильевна 1924
г. р.; д. Луки Новоизборск. с/с
Печ. р-н; 1997 г.*

№ 54

Эти мальцы нам не мальцы,
К нам с войны мальцы придут!
А какие ж это мальцы:
Даже грязь не перейдут!

*Троянова Степанида Емельяновна
1914 г. р., Жукова Любовь
Васильевна 1940 г. р., Костененко
Екатерина Ефимовна 1932 г. р.;
д. Рукавец Трехалевск. с/с Нев. р-
н; 1987 г.*

№ 55

Все по парам, все по парам,
А я, девочка, одна.
Только тогда пойду я парой,
Когда кончится война.

*Белова Анастасия Ивановна 1923
г. р.; д. Заболотье Торошинск. с/с
Пск. р-н; 1999 г.*

«Войне скоро конец»

№ 56

Распроклятая война
Девочку обидела:
Четыре года с половиной
Дролечку не видела.

*Окружинко Дарья Михайловна
1913 г. р.; д. Макулино Изочинск.
с/с Нев. р-н; 1989 г.*

№ 57

Ой, девочки рады:
Войне скоро конец.
Наши дроли присылают:
«Готовь платье под венец!»

*Клиновая Ирина Федоровна 1903
г. р.; д. Усадище Лавровск. с/с
Печ. р-н; 1981 г.*

№ 58

Скоро с армии придёт
Моя ягодиночка,
Возле дома моего
Появится тропиночка.

*Осипова Мария Ивановна 1925 г.
р., Хлебникова Анастасия
Васильевна 1928 г. р.; д. Васильки
Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.*

«Вот и кончилась война»

№ 59

Задушевная подруга,
Вот и кончилась война.
Четыре года восемь месяцев
Тянулася она!

*Кочина Александра Николаевна
1914 г. р.; д. Кирово
Краснопрудск. с/с Пск. р-н; 1992
г.*

№ 60

Теперь кончилась война,
Теперь Гитлеру капут,
Теперь наши чернобровые
С победою придут!

*Осипова Мария Ивановна 1925 г.
р., Хлебникова Анастасия
Васильевна 1928 г. р.; д. Васильки
Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.*

№ 61

Теперь кончилась война,
Все поедут ротами.
Я своёва дорогова
Встречу за воротами.

*Хлебникова Анастасия
Васильевна 1928 г. р.; д. Васильки
Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.*

№ 62

Все цветочки на лужочке,
Незабудочка в окне.
Все ребята на гулянке,
Мой залётка на войне.

*Иванова Пелагея Ивановна 1908 г.
р.; д. Черевково Юрковск. с/с Дн.
р-н; 1993 г.*

№ 63

Всё равно неинтересно,
Хоть и кончилась война:
С сырой могилы не дождала
Своего дролю никогда.

*Филатова Матрена Ивановна
1913 г.р.; д. Вёски Вёскинск.с/с
Н-Рж. р-н; 1985 г.*

№ 64

Хоть и кончилась война,
Но не радость для меня:
Все пришли, а мой остался
В сырой могиле навсегда.

[Сведения отсутствуют].

№ 65

Не запить мне своё горюшко
Ни пивом, ни вином,
Не забыть мне про милёночка
Ни вечером, ни днем.

*Слинькова Анна Лаврентьевна
1919 г. р.; д. Багуры Лёховск. с/с
Нев. р-н; 1984 г.*

№ 66

Моя милка убита,
Убита и схоронена.
Всё не одна, девочка, плачу я:
Плачет мать евоная!

*Филиппова Антонина
Александровна 1927 г. р.; д.
Крутец Крутецк. с/с Дн. р-н; 1993
г.*

№ 67

Мой милёночек погиб,
Не придёт, не явится.
С кем же я гулять-то буду?
Мне никто не нравится!

*Минченкова Клавдия Ефимовна
1929 г. р.; д. Спасовщина
Середкинск. вол. Пск. р-н; 1997 г.*

№ 68

Германия, Германия,
Проклятая страна.
Оставила Германия
Без дrolечки меня.

Васильева Нина Васильевна 1924 г. р.; д. Усадище Лавровск. с/с Печ. р-н; 1981 г.

Варианты: Филатова Матрена Ивановна 1913 г.р.; д. Вёски Вёскинск.с/с Н-Рж. р-н; 1985 г.; Никитина Татьяна Сергеевна 1924 г. р.; д. Огородцы Назимовск. с/с Кун. р-н; 1983 г.

№ 69

Золото моё колечко,
Золотое, витое.
Разыщите моего мужа
На войне убитого.

Тимочкина Екатерина Тимофеевна 1909 г. р.; д. Крупн Крупнск. с/с Печ. р-н; 1995 г.

№ 70

Проклятый ты германец!
Ты Россию разорил,
Много вдовушек оставил
И детей осиротил!

Никитина Татьяна Сергеевна 1924 г. р.; д. Огородцы Назимовск. с/с Кун. р-н; 1983 г.

Вариант: Савельева Агафья Астратовна 1903 г. р.; д. Авдейково Изочинск. с/с Нев. р-н; 1986 г.

№ 71

Ах, война, ах, война,
Что же ты наделала?
Сколько девок, сколько баб
Сиротами сделала!

Жаворонкова Валентина Семеновна г. р. не указан; д. Алексино Миритиницк. с/с Локн. р-н; 1990 г.

№ 72

Ой, война, война, война!
Война не сделала нам добра,
Война с хороших человек,
Много она наделала нам
калек!

*Васильева Александра Осиповна
1930 г. р.; д. Крутец Крутецк. с/с
Дн. р-н; 1993 г.*

№ 73

*Парней-то мало было после войны. Парней-то почти не было,
все они погибли: которые в партизанах, которые на войне. А
пришли всякие одноглазые да всякие безногие, вот такие парни
были <...> Какую мы песню-то пели после войны про инвалидов-
то?... Хорошая частушка:*

Девочки, девчоночки,
Любите раненых ребят,
Не будьте гордоватые!
Они не виноватые ! //
Любите раненых ребят,
Они не виноватые:
Они не в драке, а в бою
Сгубили молодость свою!

*Павлова Антонина Ивановна 1926
г. р.; д. Заболотье Торошинск.
вол. Пск. р-н; 1999 г.*

№ 74

Ой, девочки, война, война,
Девочки, победа!
Девочки, кого любить,
Осталось два деда!

*Горохова Татьяна Матвеевна
1934 г.р., Зинёва Лидия Захаровна
1911 г.р., Девонина Анна
Ивановна 1914 г.р.; д. Лисьё
Кулейск. с/с Печ. р-н; 1991 г.;
Иванова Зинаида Павловна 1933 г.
р.; д. Бойково Лобковск. вол. Нев.
р-н; 2000 г.*

«Работа лошадиная»

№ 75

Мой милёнок на войне
Управляет ротою.
А я тоже не сижую:
На быке работаю.

*Окружинко Дарья Михайловна
1913 г. р.; д. Макулино Изочинск.
с/с Нев. р-н; 1989 г.*

№ 76

Мой милёночек на фронте
Управляет ротою.
Я, молоденька девчонка,
На торфу работаю.

*Козлов Василий Фёдорович 1943 г.
р.; д. Ступино Ушицк. с/с Кун. р-
н; 1981 г.*

№ 77

Мамочка любимая!
Работа лошадиная,
Только нету хомута,
Еще ременного кнута.

*Осипова Мария Ивановна 1925 г.
р.; д. Васильки Изочинск. с/с Нев.
р-н; 1986 г.*

«Сколько Гитлер воевал, всё победа наша!»

№ 78

На столе стоит тарелка,
А в тарелке каша.
Сколько Гитлер воевал,
Всё победа наша!¹

*Пск.
(Другая информация
отсутствует)*

¹ Информантка вспомнила лишь последние две строки. Начало частушки восстановлено нами по другим источникам, в частности, первые четыре строчки в качестве отдельной частушки записаны в Пустошкинском районе [Чурилово Бессоновск. Пуст. 1986, т. 1591–48в.]

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Сбор рассказов на военную тему находится в русле давней фольклорной традиции. Так, в хрестоматии «Прозаические жанры русского фольклора» (4) собраны устные рассказы о гражданской войне, включающие, в частности, сказы о подвигах Чапаева. Завершается сборник повествованием о последних трагических днях героев-молодогвардейцев. Еще раньше, в 1964 г., вышло академическое издание «Русский фольклор Великой Отечественной войны», одна из глав которого посвящена жанру устного рассказа (6). Псковские фольклористы, как и диалектологи, не занимались фронтальным сбором информации на тему о Великой Отечественной войне, мало отличаясь в этом отношении от полевых исследователей других мест: «В те годы рассказы о прошлом, о жизни и войне почти не записывали. [...] Устные рассказы в лучшем случае считались “периферийным” жанром фольклора. Рассказы о прошлом, воспоминания о жизни были лишь контекстом, из которого изымались “собственно фольклорные жанры”. К тому же времена были трудные, технически малообеспеченные: каждой паре студентов выдавалось всего три-четыре аудиокассеты, их старались заполнить сказками и песнями» (3, с. 142–143).

Однако, как показывает многолетний опыт общения диалектологов и фольклористов с псковскими диалектоносителями, особенно старшего поколения, воспоминания о войне занимают большое место в коллективном сознании жителей псковских деревень. Несмотря на то, что со времени окончания войны прошло уже более семидесяти лет, актуальность этой темы для людей по-прежнему очевидна. Тема войны постоянно возникает в разговоре как одна из наиболее

важных, особенно для пожилых информантов 70–80-х – начала 90-х годов.

Темой войны пронизаны страницы «Псковского областного словаря», который в своем цитатном материале фиксирует документальную военную хронику. Рассказы о войне представляют собой «выразительную и правдивую картину тягот и трудностей военных лет» (8, с. 238). В них повествуется о военных действиях, которые в течение нескольких лет проходили на территории Псковской области, об оккупации, о партизанах, о том, какие лишения пришлось испытать: и голод, и смерть родных и односельчан, и предательство. Все это было рассказано теми, кто непосредственного участия в военных действиях не принимал, а оставался в родной деревне, испытывая в это время не меньшие, чем на фронте, трудности (2).

Мужское население деревень было на фронте. Много свидетельств о погибших и пропавших без вести родных. Многие так и остались на поле битвы: *Началась вайна, и сынка маво убили. Сын с вайне ня пришол, никакого гулу, ни мёртвага, ни живого ни нашли.* Вл. Вот скупые свидетельства о фронтовых событиях тех, кто остался в живых, вернулся в родные места: *Немцы в бинок глядя и давай стрелять.* Сош.; *Авияця аблитела нас нямецкая.* Порх.; *Ну слава Богу, думаю, наша артилерия бьёт.* Н-Рж.; *Фронту не была, адним делам, беглая вайна была.* Остр.; *Воласы дыбью падняфшы, идёш в бой и смотриш, есь ли фурашка, думаши, вот-вот убьёт.* Тор.; *[На войне] каму раненьё, каму дырку в грудине [т.е. туберкулез].* Печ.; *Нам была заданье дадена, танак няскальки падарвалась, к ордену Красной Звяды приставили два взвода аддельных, хто участвавал в етам дели.* Вл.

Великая Отечественная война – сложный период в жизни людей XX века. Псковская область была оккупирована в течение трех лет (с июня–июля 1941 по июль 1944 годы). Здесь

велись бои, люди жили в постоянном страхе от бомбежек и обстрелов: *Как загудели нямецкии ерапланы, как начали бамбить. Печ.; Снаряды так и граматали вакрук. Остр.; Ираплан налятел, как грохнул. Н-Рж.; Первые недели две, кагда немцы пришили, такая грахатня стаяла. Н-Сок.; Немцы ф Сярётки, а сюды давали снаряды; кагда наши-та папёрли, он [немец] уш тут давал, не была пакоя ни людям, ни пастройки. Самалёт ляти, ах тошненька лиханька! Сер.*

Жизнь на оккупированной территории была сопряжена с постоянным чувством страха за свою жизнь, за жизнь близких: *Людей расстреливали, дяревню растреляли. Оп.; Фсех перестреляли, анна жэнишина жыва асталась, притаила дыхание. Беж.; Усих яврейф растреляли. Н-Сок. Скудное питание (Тока малаком и спаслись. Пск.), постоянные грабежи (Фсё забрали, аставили только две кровати-дирявяги. Пыт. Душой и телам [т.е. без имущества] аставили, фсё забрали. Н-Рж.), издевательства со стороны оккупантов (Зинку на бальшак ганяли, камяндант бил яну оцень, как у нас ис сямьи ф Красной Армии были. Палк.; Бабаху [т.е. пощечину] ат немца палучила. Кар.), сожженные дома и целые деревни (Здесь вязьде бой прашил, деревня-то сожгли фсе. Палк.; Вот сташи, а дома гарят, скатина рычит, ой и навидали. Дед.) – вот испытания, выпавшие на долю в основном стариков, детей и женщин. О чем думает крестьянка-мать во всем этом ужасе: *В мяня фся была дума в вайны: вытянуть бы рябят. Пушк.**

Как явствуе́т из многочисленных высказываний, отраженных в «Псковском областном словаре», оккупанты обрисованы как единая неприятельская сила, лишенная какой-либо индивидуальности, человеческих черт. Не случайно для названия противоборствующей стороны используется форма единственного числа слова *немец* в собирательном значении: *Немец харомы разламал. Порх.; Пажар фсё падабрал, немец кагда атступал, фсё прибирал. Остр.; Цэркафь была, ухадил*

немец, жжжж. Стр. И лишь редкие фразы позволяют рассмотреть в этой враждебной массе отдельных людей: *Работали мы, а нас немца сматрел, мы с йим дуреть* [т.е. озорничать] *стали, а потом з байне, патпёрли да и закрыли.* Н-Сок.; *Немец наказал картацку, снёмишы ф саду, евона жонка и детёначек.* Н-Рж.

Пережитая трагедия войны рождает естественную мысль о ее недопустимости: *Ня дай Бох, если тяперь такое дела* [война] *падымицца.* Пушк.; *А пусть анна* [война] *век не деицца.* Порх.

«Псковский областной словарь», исходя из своих основных задач, призван отразить языковые особенности традиционных местных говоров. Однако язык неотделим от самой жизни. Говоря, что «язык есть исповедь народа», поэт подразумевал под исповедью откровенное, чистосердечное повествование, в обобщенном смысле – обо всей воплощенной в слове многовековой жизни людей, объединенных одной исторической судьбой. Поэтическая строка перестает восприниматься как метафора, когда слышишь пронзительные по своей правдивости рассказы о наиболее драматичных событиях в жизни русского народа, чем стала для него Великая Отечественная война. Полные глубоких, сильных переживаний, рассказанные простым народным языком, эти непридуманные истории диалектоносителей вызывают ощущение подлинного трагизма. Народная речь многократно усиливает степень правдивости: безыскусственные рассказы в единстве с диалектными особенностями речи рождают ту неповторимую повествовательную среду, которая как по своему содержанию, так и по форме воплощения может служить памятником истории.

Традиционная народная речевая культура Псковщины находит отражение в обширной коллекции фольклорно-этнографического архива, который хранится в настоящее время,

наряду с диалектным архивом, в научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований Псковского университета. Архив содержит материалы фольклорных экспедиций более чем за 30 лет, публикуемые в настоящей книге. Жанровое поле войны очерчено песнями, частушками и, конечно, устными рассказами (1).

Устный рассказ – особый, синкретичный, вид текста, отнесенность которого к фольклорным жанрам вызывает споры в фольклористике. Длительная дискуссия на эту тему пришлась на период 30–60-х годов XX века. В настоящее время, когда сложилось понятие «постфольклора», формируется позитивное представление об устном рассказе, который толкуется фольклористами либо как особый жанр фольклора, либо как широкое понятие, вбирающее в себя все жанры устной прозы: предания, легенды, былички, анекдоты и собственно устный рассказ (7).

Типология устных рассказов (в узком понимании) отражает их неоднородность. В псковском архиве чаще встречаются автобиографические и исторические повествования, которые между собой обычно переплетены.

Особую группу представляют тексты о Великой Отечественной войне. Из выделенных фольклористами тематических групп: «рассказы фронтовиков, партизан, жителей освобожденных от фашистской оккупации территорий и рассказов тружеников тыла» – в псковском материале представлена в основном третья группа; специфику пограничной области составляют рассказы бывших «остарбайтеров», узников концлагерей. Такие рассказы «всегда носят мемуарный характер, связаны с личностью рассказчика, с перенесенными им самим испытаниями, горем или теми событиями, свидетелями которых он был» (6, с. 198, 228.).

Публикуемое в этой книге собрание текстов содержит рассказы псковских сельских жителей, в основном женщин, о

событиях последней войны, записанных псковскими фольклористами в период с 1977 года в разных районах Псковской области. Тексты неравноценны по объему: есть короткие высказывания и более развернутые повествования.

Дискурсивный анализ текста невозможен без выявления лексических репрезентаций ключевых образов. Представим в кратком виде фрагмент семантического анализа лексики текстов, объединенных темой Великой Отечественной войны. Наиболее полно и системно представлена здесь лексика тематической группы «Наименования противоборствующих сторон», что детерминировано спецификой темы рассматриваемых текстов и их содержанием (7). Лексические единицы данного раздела парадигматически четко организованы, представляя собой объединения двух синонимических рядов, противопоставленных друг другу по своему значению.

В первый синонимический ряд входят следующие наименования: *русские, наши, красноармейцы, красные, красненькие, солдаты русские, наш русский человек, наш Иван русский, наши красные части*. В традиционном понимании данный синонимический ряд не имеет доминанты. В количественном отношении наиболее широко представлено субстантивированное наименование *русские*. Семантической точкой отсчета парадигмы может считаться также наименование *наши*, широко представленное в устных рассказах и составляющее существенную количественную конкуренцию лексеме *русские*. Особый интерес представляют словосочетания, которые в номинативном отношении являются примерами семантической редупликации: *наш русский, наш Иван русский*. Данный тип номинаций может быть рассмотрен как результат синтагматического сцепления семантически самостоятельных единиц, функционирующих в текстах самостоятельно. Ко второму синонимическому ряду относятся наименования:

немцы, фашисты, фрицы, германцы. Стержневым словом ряда (на том же основании частотности) является лексема *немцы*, что соответствует и наблюдениям над иллюстративным материалом «Псковского областного словаря».

Важно подчеркнуть, что выделенные оппозиции не только отражают фрагмент системной организации, характеризующей данный тематический корпус псковских диалектных текстов, но сама модель этой организации является центральной в общем военном дискурсе русского языка. Вместе с тем оппозитивные отношения одних единиц детерминированы общим дискурсом (*русские – немцы, наши – немцы, наши – фашисты*), другие пары обусловлены коммуникативными особенностями данных диалектных текстов (*солдаты русские – немцы, наш русский человек – немцы, наш Иван русский – немцы, красноармейцы – немцы, красные – немцы, партизаны – немцы*). Например: *Не успели они дойти, как уже тятя пришел, он такой непоседа в меня был, прибег, говорит: «Русские в деревне!» А мы говорим: «Каво ты заговариваешься, еще только немцы пришли и русские в деревне, русские, русские в деревне бегают не слышно. // Мы и не верили, что наши вернутся, никак не верили. Немцы пришли на мотоциклах, такие чистые, гладкие, а наши-то какие были! // А в Поддубье стояли немцы, и чего они захотели приехать в Барсуки. Подъезжают, а он (патрульный) спит под адоночком. Они его уничтожили, и в село. Ну, наши их тут всех уничтожили, а один или два ушли. Если б всех убили, ничего бы не было. Ну, пропали и пропали. А он (немец) все рассказал. // Вот так, наши русские. Так а что нам немцам надо говорить? // А кто стрелял? Опять наш русский человек. Не немец стрелял, а наш русский. // А месяц или больше, вот большак, и то слышно, что и день и ночь гудели машины. Это такая сила шла. Только подумала, что немцы это. А наш Иван русский топал пешочком.*

Вопросы функционирования лексем (и единиц других уровней), обусловленного коммуникативными особенностями диалектной речи, на псковском диалектном материале не нашли еще достаточного освещения. Устные рассказы мемуарного характера, помимо их значимости как лингвистического источника, представляют ценность как правдивые документы эпохи. Собранные вместе, эти тексты репрезентируют коммуникативно-когнитивную зону, которую можно было бы обозначить как дискурс памяти о войне. Выработанный в настоящее время инструментарий дискурсивного анализа позволяет с необходимой точностью выявить особенности структуры, денотативной и референтной основы, прагматической составляющей, эмоционально-оценочной сферы данного дискурса, аксиологическая значимость которого для русского менталитета несомненна.

Получив в распоряжение текстовый материал, исследователи обретают источник, потенциал которого неисчерпаем. Даже приведенные в качестве отдельных высказываний примеры, прочитанные вместе, воспринимаются как некое единое повествование. Возможности нарративно-когнитивного анализа многократно возрастают, если в распоряжении исследователя находится собрание текстов, организованное по тематическому основанию.

Тексты о войне, как и приведенные материалы словаря, пронзительны по своей правдивости. Достоверность фактических сведений усиливается благодаря живому языку, на котором «звучат» эти рассказы. Все записи – это невыдуманные истории очевидцев, рассказанные простым языком, без каких-либо художественных изысков, нередко с самоперебивами и повторами либо, наоборот, с пропусками, паузами и другими признаками, характерными для живой спонтанной устной речи. Разговорная диалектная речь содержит яркие местные псковские черты как в лексике, так и в грамматике. Все это

заставляет по-особому отнестись к собранному материалу. Перед нами, безусловно, ценный источник исследования, который может быть интересен не только филологам, но и историкам, этнографам и другим специалистам в области социальных наук.

Литература

1. Белецкая Е.М. Фольклорное поле Великой отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – Вып. 2. – 2010. – С. 99–108.
2. Большакова Н.В., Скарлыгина Н.Г. *А пусть анна век не деица* // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 1995. – № 2. – С.152–154.
3. Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / Автор и рук. проекта А. С. Каргин. Составители: А. В. Кулагина, Л. В. Миронихина, Г. А. Шепелев. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010.
4. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия / Составитель В.Н. Морохин. Учебное пособие для филологических специальностей университетов. – М., 1977.
5. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. – Л./СПб., 1967–2016.
6. Русский фольклор Великой Отечественной войны / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М.; Л.: Наука, 1964.
7. Савина Н.Г. Устный рассказ как лингвистический объект. – Псков, 2009 (Дипломная работа).
8. Черепанова О.А. Цитатный фонд словаря как форма вербализации общенационального и регионального сознания (Цитатный фонд ПОС как текст) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): Международная научная конференция: в 2 т. Т. II. – М., 2003. – С. 234–239.

ЧАСТЬ II
ТЕКСТЫ
(из архива Полоцкого университета)

Великая Отечественная война
в воспоминаниях сельских жителей Витебщины
(материалы устной истории)

БЕШЕНКОВИЧСКИЙ РАЙОН

* * *

(А ці помніце як вайна пачыналась?)

Помню, вот еты дзень, хоць мне было два гады, але можа што падказалі, сабраньне было, но ета толькі з расказаў. Тут была недалёка кантора, прыехаў з раёна, правялі сабранне, што немцаў мы адгонім, такога ціпа. І тут немцы з Лепеля, хто-та гаварыў, штук сто матацыклістаў. Первая парція праскочыла і тут праехала па дзереўнях. І ў нашу дзярэўню трое прышло матацыклістаў, яны праехалі, а мяне за руку дзержалі, во дом наш каторы разваліўся, а бабка мая, саседка, яна тожа старая была і маць мая, а ацец сразу пайшоў, я атца ня помню, а вот ету сітуацыю асталася ў памяці... Адзін разварнуся быстра і паехаў назад, а ўтарой, як мы стаялі кучкай кала дзвяры, і астанавіўся. А мне інцярсна, матацыкла я ня відзела, а бабка мяне за руку і ў хату, і ён паехаў...

А адзін, яго Папян звалі, а так імя Пракоп, ён наш дзеравенскі, жыў на канцы, там яго бацькі жылі і ён, брат мой па саседству быў, ён у сельсавеце, а ён на дароге масцером, етыя матацыклісты, а ён на калені стаў: “Я сорок лет брадзіў у савецкай уласці, ждаў бацьку Гітлера”. І ён тады стаў паліцаем Лепельскага раёна, ён тут не асоба, дваіх толькі пагубіў: адна падказала парцізанам, дзе находзіцца яго матка...

А тады народ сагналі ў адзін канец, па пяць чалавек, а тады жылі немцы ў хатах, у начале дзярэўні. Машыны былі, кухня была, там і пасля вайны дарога была загрузына цехнікай для кухні, там варылі есці. Ну і людзі хадзілі туды, і бабка была,

а пасколькі я малая, мама дома была. Яны чысціць машыну, а тады і катлоў нада памыць, ну і давалі хлеб белы, быў у фальге хлеб харошы, а быў і такі ў бумагі завёрнуты... Наша дзярэўня як стаяла, так і стаяла, за вайну згарэў толькі адзін дом, слукайна, як бывае... Тут стаялі парцізаны, праезджалі на конях... началі бамбіць, з хат павынеслі ўсё на агароды, капалі акопы, на етаі старане быў акуп, на той старане акуп выкапвалі, а тут немцы народ сагналі... У нашым доме быў штаб парцізан...

(А як немцы былі, што тварылі, ці харошыя яны былі?)

Я хачу сказаць, яны спакойна сябе вялі. У нас было два ў хаце, адну вучыцельніцу падсялілі ў хату, а так яны былі двое ваенных, начальнікі, і дзяншчык у іх быў. Дык ён печ тапіў і есці варыў і іх карміў. Дык етага дзеншчыка я і помню – лысы, высокі, яны мяне ўгашчалі і канфеты, і ўсё. А тады, тожа ў памяці асталась, адзін гаваріт: дамой паеду. Ён сабраўся, паехаў, нескалька дней пабыў, ён вазраціўся. Чамадан перабіраець. Адтуль вынеў мне пачку канфет, у фальге, мятныя, на падобіі нашых трубчак. Тады паказваў мне фатаграфіі, разбамбілі яго дом у Бярліні і пагібла сям'я. І пасля етага адправілі на Маскву, і яго адправілі туды. Ну, ваякі проста, застаўлялі ваяваць, а што б такую ўражду...

Сначала стаялі регулярныя вайска, пастаянныя, машына прыходзіць – людзей бралі, вязуць па вузкай шассе, а там парцізаны ўзарвуць, раскапаюць дарогу. Там жа начыналась парцізанская зона, дзе немцы не стаялі, пад Чурылава, ета толькі Бачэйкава аснаўныя войскі, астатнія – парцізанскія зоны. Яны папалілі Падрэзы, усі дзярэўні, гэтая дарога была ваенная, яна ахранялась, дажа на картах была як ваенная...

А после туды паступалі, там былі нашы, русскія, з немцамі каторыя стаялі, вот етыя былі, тады нас з хаты выгналі. З немцамі мы жылі разам, аной сям'ёй. Мая старая бабка была сліпая, і мы на печы сядзелі, бабка, маць, утарая бабка, ну яны ў кухне, печ руская стаяла. А для іх, немцаў ета была аддзельна, там прыёмнік стаяў. Ета маць мая ўспамінала, яна папрасіла Маскву, ну а там тады началі, а там тады быстренька выключалі, а калі іх няма, яна падгледзіла і тады ўключала.

Як адступалі, спаліць хацелі дзярэўню, ужо прыготовелі факелы, прыйшлі, а ў нас як раз парасё было, свіння апарасілася і яе забралі парцізаны, як раз, можа хто падсказаў. Ну ў хату зайшлі, а тут саседзі загаварылі еціх немцаў. Яны (немцы) гавораць: мы будзем паліць, а яны: давай вып'ем! Яны выпілі, закусілі, а тут нашы наступалі і дзярэўня асталась цэлай. Ну, такія нармальныя людзі (немцы). А свае па саседству, Пракоп, вытваралі паліцаі карныя. Ну, Гітлер уродзе прыязджаў, але толькі да Чашнікаў даехаў, а далейше ён вярнуўся, пабаяўся, прыязджаў, радаваўся тут...

Запісана в 2013 г. Беловой Валентины Леонидовны, 1939 г.р.; д. Клецино Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

(А як вы памятаеце вайну?)

Не дай Бог, дзетачкі, перажыць ўсё гэта! Я вайну помню, мне было шесць гадоў, як вайна начылася, помню немцаў, помню, нас чуць не спалілі, як Хатынь. Дзереўня ў лясу была, загналі нас у баню, хацелі спаліць немцы. Два часавых паставілі на дзвярах. Ета наябар месяц быў. Усю дзярэўню сагналі. А мужыкі на фронце былі, а местныя жанчыны ўсі былі. Там такая банька была, там кусты і лес р'ядам. І там жанчына адна, першы фронт ішоў, ды спалілі іх поўдзярэўні, яна ў той банькі жыла... А фундаменту там не было, а проста зруб і зямля, яна лапату ўзяла і падкапала і первая вылезла. А тады ўжо ўсе сталі туды вылазіць паціхоньку, многа дзяцей было. Лес р'ядам і мы ўбежалі, а немцы агледзілі пад утро і хацелі нас падпаліць, а нас няма нікога там. Тады пайшлі з фанарікамі, ды з сабакамі па лясу. Но мы сядзелі недалёка ў лясу, мама агледзіла, што сабака прайшоў, а на след на наш не папаў. І мы пайшлі кілометраў на пяць, ета ўжо фронт адступаў, тады мы ўжо вярнулісь за дзярэўню. Галодныя былі, капалі картошку гнілую, з лісця ліпы хлеб п'які, п'яклі перапечкі, ляпёшкі.

(Як называлісь?)

Гнілушкі. І ўроде ўкусныя былі, яна крахмальная, етая картошка, яна не гнілая, а змёршая і крахмал. І п'яклі, і выжылі. Хто дзе зарабляў, грошы ніякія ніхто не плаціў. Картошачку пасееш, кусочак ячменю пасееш, проса... Таўклі ў ступы і

жорна былі, самі круцілі. Маліце Госпада Бога і рукавадзіцеляй цаніця, хто рукавадзіць намі, што б не было вайны...

(А немцы ў вёсцы былі?)

Былі немцы ўсякія. Калі б знала імя немца, я напісала б благодарнасць родственнікам у Германію. Немец майго бацьку вывеў із плену. Вывеў з плену і адправіў у Бабруйску за горад. У пляну быў, а ён яго вывеў і ўгаварваў узяць камарада, ета друг, і завёў пад ружжом за горад, выстрыліў уверх два раза і адправіў. Во які немец!

(А ці былі парцізаны?)

Былі парцізаны. Мой дзядзька, мамін брат быў звязаны з парцізанамі. І бацька, як ужо прыйшоў з плену. Дык у нас дажа начавалі парцізаны. А што ў нас, у лясу: то немцы прыйдуць, то парцізаны. Мы дажа не раздзіваліся, не разуваліся, спаць уцікалі на кладбішча, там недалёка яміна такая была, устаём і пабеглі ў тую яміну...

(А паліцаі былі?)

Былі дажа местныя. Ну адсядзеў у нас паліцай, давалі яму дзесяць гадоў. Былі бургомістры.

(А калі вярнуўся паліцай, як насельніцтва сябе паводзіла?)

Жылі, як і жылі, ніхто яму нічаго. Бацька з плена ўцёк, а ён прывадзіў немца на двор, каб бацьку майго тый немец растреляў. А бацька дровы калоў, а немец на яго: пайшлі... А ў сорок трецім выстраілі і казалі: хто паліцаі і бургомістры – два шага ўпярод. А еты паглядваіць на яго, а бацька яго ня выдаў, знаў, што і без яго яму дастанецца. І так яго і адправілі...

(А парцізаны якія былі?)

Парцізаны не грабілі. Пад відам парцізан былі банды, яны дзелалі падрыхў парцізанам, што, мол, парцізаны грабуюць. А ета банды былі. І пасля вайны банд многа было. Іх вылаўлівалі і ўнічтажалі. Асобенна Западная Украіна і Беларусь, там было многа банд, і ў нас на Магілёўшчыне банда была, но іх тожа вылавілі...

Записано в 2013 г. от Ганусевич Надежды Федоровны, 1935 г.р. (уроженка д. Жадунька Климовичского р-на Могилевской обл.); д. Бочейково Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

(А ці памятаеце як вайна пачалась?)

Ета я памятаю, хоць і малая была. У дзярэўню прыходзіць вучыцель к нам, ён у Бачэйкаве прападаваў і быў стары, і сабраў усіх взрослых, ну і мы дзеці пабеглі. А ток такі быў, а ён гаварыць, што самалёт ляціць нямецкі нізка, хавайцесь хто-куды. А ў самалёта ззаду прічепленая карзінка. А на заўтра бамбёжка, стукат, нашы (салдаты) цікаюць чераз жыта пасеенае. У хату забягуць, каб далі што пераадзець, яны (немцы) ўжо акружылі. У каго ёсць, давалі пераадзецца ў вольнае, ну і каб пажыць. Ну і пакідалі яны (салдаты) аружае, адзеду сваю, ну і цікалі яны на Маскву. А немцы бягом дзвінуліся. Ета як адступалі, так медлянней.

Тут такі (паліцэйскі) Папян быў. Біў, сабіраў у кожнай дзярэўні. Нехта казаў, што ў саседняй дзярэўні парцізаны, дык Папян едзіць. Кажуць, што «народнікі» ідуць, а немец паказваіць, што хавайцесь. Там ідуць і будуць страляць у вас. І там запалілі дзярэўню, а тады нашу нявестку забілі ў хаце. Я была малая, у мяне пулі пайшлі вышы, у шчыт, а нявестка вышы была, дык ей адразу не падмярая ў затылак пуляй, і на месце яна (памерла). Яны пастралілі, тут хату запалілі, побач яшчэ хату запалілі, шесць хат запалілі. А папа мой, тады ж крышы саламяныя былі, узлез на крышу, ды давай ваду паліваць. Пастройкі бальшыя, гразь, тока пар ідзе. Ідзець немец і паказваіць, што злізай. Зздаду ідуць «народнікі», ды застрэлюць. Папа злез, і схавайся. Што нашы дзелалі, не дай Бог! Немцы і то лучше былі.

(А адкуль былі «народнікі»?)

Ці яны з плену, ці іх у паліцаі набіралі маладзёж забіралі

...

(А немцы ці жылі ў вёске?)

Жылі. Мы ў стопачку, дзе бульбу хранілі, а яны, чатыры месяцы часць стаяла ў тылу, сапожнік, камендант, партней у іх быў. А другія менше стаялі. Фельтфобель быў, но ета часць нічога плахога не дзелала, ета Папян, вы ў Клешчэно схадзіця, там Баўдзіла Марыя ўсё раскажыць, ці не ейную матку Папян забіў.

(А што елі ў вайну?)

Пухлі з голаду, не дай Бог! Хадзілі бульбу сабіраць, каторая пасля вайны пасеюць, перамешваюць, а яна астаецца, перакапвалі і елі. Бурачнік ламалі пасеч, каб паесь, пухлі з голаду...

Записано в 2013 г. от Папко Марии Никитичны, 1930 г.р., д. Жерносеково Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

(Можа памятаеце як вайна пачыналася, як у вайну жылі людзі?)

Ну вайну помню, як пачыналася. Немцы прыйшлі тут у дзярэўню, сюды, ў нашу. А тады там паліцаі былі з імі. І яны, немцы, далі выпіць гэтым паліцаям, і яны прыйшлі і тут людзей стралялі, хаты палілі. Ну і там дзярэўня была, Сенькаўшчына, тую усю спалілі, толькі адну хату аставілі, не палілі. А так усё папалілі. Ну, а тут убівалі. Ідуць гэта яны, немцы, там па дзярэўні, а з гэнай вунь хаты дзяўчына ў вакно глядзіць. А ён счас сняў вінтоўку, трах праз вакно і забіў. А тады во, стралялі. Хаты палілі. Тут спалена, там спалена хата. І там палілі хату адну, гэта запальваць прыйшлі, а хазяін тут выйшаў і стаў іх прасіць, каб не палілі. А яны застрэлілі гэтага хазяіна. А тады таго хазяіна жонка выскачыла, стала плакаць, і жонку застрэлілі. Тады дачка выйшла, і ў дачку выстралілі. Пуля застрала ў лёгкіх у яе. Ну ды яна жыва асталася, лячылі, тады хадзілі к немцам, к нямецкаму ўрачу тут у Бачэйкаве быў. Этава ўрача прывадзілі, лячыў гэты ўрач і вылячыў. Яна нічога, адыйшла і жыла яшчэ многа гадоў. І у лёгкіх пуля сядзела.

Записано в 2013 г. от Свячко Николая Петровича, 1934 г.р., д. Жерносеково Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

На трэці дзень. Вайна началася, эта немцы былі ў нас, на трэці дзень. Сразу ж мой бацька быў брыгадзірам. У нас жа каровы былі, авечкі былі, свінні былі ў калхозе... Запраглі каней і ўсю гэту жывёнасьць пагналі. І яны дагналі толькі... Да Смаленска не дагналі, і немец, гэта самае, гэта ужэ блізка падыйшоў самалёт і там гаварыл коней самалёт як стаў

страляць, вот, і яны вярнулісь дамой. Вярнулісь дамой, а ўся жыўнасць там асталась. І тут ну ў кажнага ж была карова яшчэ. А тады і кароў парцізаны забралі. У нашай меснасці гарнізон стаяў, наша была нейтральная меснасць. А там жа парцізан многа было, ва Ушачах... Там жа каторая кароўка яны ўжо і малачко елі сваё, а к нам прыходзяць, хлеў адкрываюць, забіраюць карову і ўсё.

(А калі гаспадары не аддавалі карову?)

А што... У морду дадуць і ўсё.

(Раскажыце пра немцаў, якія яны былі?)

Вот я вам раскажу пра дзвенаццаць немцаў. Эта хата стаяла вот так во, мы яе перастроілі. І ў нашай хаце было дзвеннаццаць немцаў. Адзін афіцэр. Ужо Віцебск, мы чулі, снарады рвуцца за Віцебскам. І вы знаеце, і нас выгналі. Была істопачка. Ну, як вунь там во за сценкай у мяне прыкідыш, во так хата стаяла, там істопка, нас у істопку выгналі. А яны былі гэтыя немцы шаферня. І вот как поўзаў я і з адным немцаў тры месяцы еў я з аднаго кацялка. А ў яго тры было кіндэры. І нас тры было ў мяне дзве сястры і я, і вот значыць кала Навасёлак ягоную машыну ўзарвала. І вы знаеце, чуда – перэдні мост адляцеў. А яму расекла во тут во брывіну і палец адбіла немножка мезіны. Ну тады яго забралі, адправілі ўвобшчэм дамоў. Ён паехаў, чэраз месяц прыезджаець, а мы ж усе ўмесце жылі, мы ў трысценье, а нас тады выгналі ў істопачку тую. І ён прыезджаець, і як раскрычаўся на тых немцаў: как вам ня стыдна! Мы чуем, што дзверы адны адкрываець, втарые, прыбгаець сюды: ідзіце на места жывіце.

Тады адзін немец тады пайшоў к ему што-то, пагаварыў, пагаварыў, ён уціхамірыўся. І патом, значыць, яго ставілі днявальным, і ён завець мяне і матку. А мне ўжо быў трынаццаты год, трынаццаць ці чатырнаццаць. А ў афіцэра была эта самая радыостанцыя, радіва было, і вот ён лавіў песню. А там Левітан: “Бейце фашыстаў!” Ён круціў, круціў і дакруціў эта: “Ой гармонь, мая гармонь, залатыя планкі, парэнь девушку дамой праважаў з гулянкi”. Эту песню: “Тока сцэжка каратка”. А матка заплакала і я заплакаў. Вы панімаеце, што стала, слёзы пацяклі ў нас, мы ж не чулі гэтыя радзіва стока ужэ врэмені, і нашых песен. Так арганізм скаланула, што мама заплакала і я.

Як заплакаў, не наўзрыд жа ш, а слёзы у нас пакацілісь усё. Ён глянуў і гаворыць: у мяне тры кіндэры, мне вайна не нада. Гітлера і Сталіна нада во так во вот (праводзіць рабром далоні па горлу).

Потом раскажу яшчэ пра Рязань. Рязань адступіла. Паліцаі. Поўнасьцю была дзе-та у іх, ну не ўзвод там быў, а рота была. І сюды прыехалі яны к нам, а гэтых немцаў ужо не было... Нашу дзярэўню акружылі сталі страляць у нас. Ну, а жа нет парцізан, нічога. Саседку, глянула, застраліў у галаву. Маю траюрадную сястру, яна бегла, калі хата загарэлась – дзве пулі загнаў ей. Старуху тожа застраліў і дачку, але пуля засталася і за семсят пяць гадоў была ў яе ў лёгкіх, яна дажыла. Ну й пашлі туды на Далосцы, а хата ж дзядзькіна гарыць, а крышы ж былі саламяныя. Ну мужчыны ўзлезлі хату нашу спасаюць, паліваюць, адзеялы мокрыя такія, трапкі разныя, дзяругі, этыя раньшэ ж ткалі са льна, вот такое ўсё. А немцы ідуць і немцаў нескалька было. Яны гавораць: зляжайце, а то русіш, шызэн, пастряець. Во, немцы. Паліцаі многа дзялоў надзелалі. Немцы былі такія ж самыя, як людзі. Ну гэтыя, каторыя чэрапы насілі, эсэсаўцы, дык тыя да. А этыя, франтавікі немцы, яны ж нармальна абрашчалісь з намі, як паложана. Ну, курэй усіх паўнічтажалі. Да последняй, ні адной курыцы не было ў дзярэўні. Ганяюць, яны сільна кураціну любілі. Свіней не бралі, свіней парцізаны бралі, еслі парасёнак вот. Карову, свіней, гэта парцізаны забіралі.

(А што елі ў вайну?)

Ну голад быў, ну падзялілі ж зямлю троху, бульбу сеялі, ну неjak адзін год ілі два. А первы год сабіралі ж калхознае ўмесце і дзялілі. Немцы я вот не знаю, ці давалі немцам ці не, па-мойму нічога не бралі. Не, наверна, можа зарыхтоўка нейкая была. Первы год запаслісь зярном. Нашэ ж калхознае было. Яно ж каласавалась жыта, тады вайна началась, у іюні, дваццаць втарога іюня. А тады гора было канешне. Гнілюю бульбу сабіралі, елі ўсяк.

Записано в 2013 г. от Краско Владимира Степановича, 1931 г.р., д. Жерносеково Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ, ПДВ.

* * *

(А можа расказывалі што-небудзь пра партызан, якія былі?)

Партызаны былі, я жыў там каля нас лес быў, недалёка, радам, і вот яны жылі там, Лабанок такі быў, начальнік парцізанскага атрада. Ну яны дзе, парцізаны жылі акопы капалі гэтыя бліндажы строілі. І вот там атаплівалі зімой. Ну і жылі у землянках такіх. Вот яны так і нахадзілісь. Былі ўсякія. Када жратвы не хватала ім самім, яны к населенню прыязжалі ў дзярэўню, і хлеб бралі, проста грабілі тожа. Да. Вот яны тожа такім спосабам. Скаціну забіралі... Ну, за гэта іх троху ганялі, але аднак было такое.

(А паліцаі ці былі ў вас?)

Былі і паліцаі, былі і «народнікі», былі і немцы. Эта «народнікі» былі, што тут, з нашых, з нашага жыццельства. Паліцай пойдзець, тады сваіх людзей ён давіць, цісне. Вот такія паліцаі называліся. «Народнікі» тожа такія, бальшыństwo былі з нашых людзей. А немцы, яны как чыстакроўныя былі немцы, прощэ гавара не так сільна

(Не так сільна прыжымалі, як паліцаі?)

Да, да. І немцы тожа ж усякія. Ну ім тожа ж нада была жратва, карміцца, ды тожа і грабілі і бралі. У нас на дзярэўне стаялі яны, дык парадашна было. І іхняя кухня стаяла пасраді дзярэўні у нас. Ну, а яны ж прыехалі, з бальшых хат усіх – і малых і старых – павыгналі. Ідзі во ў гэту хатку, дзе маленькая хатка, іх сем'ямі туды сабіралі. Сціскалі так. А мы тады былі тожа малыя... Дык у іх кухня эта, ідуць есці, і нас – бяры вядро! І пайшлі. Счас, повар нас падзержваець, што ён там гаворыць, счас, у вядро нам бух, я і пайшоў дамоў. Ну я ўжо так парадачна, гадоў 9 ужо можа было. Вот такія. А другія, ўсяк было, другі можа адлупіць і пойдзеш заплаканы. Вот так і жылі.

Записано в 2013 г. от Товпинца Александра Филиповича, 1936 г.р., д. Шипули Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

(А тут ці былі немцы ў вайну?)

Былі. А чорт яго, у нас у дзярэўні яны дужа нічога ня здзелалі, але ж гэта і ў некаторых дзераўнях і людзей білі, і ўсяк. Ну, у нас нічога. Парцізаны, праўда, ў нас спалілі паўдзярэўні. Запалілі адну хату, а бура была, дужа вецер, ён у паліцы быў, той чалавек, а бура скрозь дзярэўню і ўсё – паўдзярэўні згарэла.

Немцы застаўлялі... Міны парцізаны ставілі на дарогу, дык немцы застаўлялі – каня запражэш і вожкі дваццаць метраў, ну і ідзеш за гэтым канём. І ў нас у дзярэўні чалавека разарвала на міну. Ну і ў Бачэйкаве многа.

Записано в 2013 г. от Папко Лидии Ивановны, 1928 г.р., д. Богданово Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

(Ці памятаеце, як вайна тут пачыналася, якія немцы былі?)

(2) Яны не стаялі ў нас, но мімаходам былі. Абыкнавенныя людзі. І знаеш вот, я другі раз і скажу, што немцы былі не ўсе адзінакавыя. Ставка была, кухня была, рэбяты зберуцца ў кухню, яны, некатарыя немцы, былі харошыя. Некатарыя больш былі дрэныя, нашы. Нашы, хто перайшоў на нямецкую сторуану. “Народнікі” называецца, эта будзе к немцам ужо. А немцы кухня была адна ў нас. Пойдзем, яны: ком сюды, ком сюды! Прыйдзеш, адправіць за міскай дамоў. Кашы накладзець, супу наліець усё, угасціць у сталовую пусціць, накорміць. Былі і чыста харошыя немцы. А нашы «народнікі», каторыя так называюцца, «народнікі» перайшлі на іх сторуану, немец жа абмануў, што жыць харашо ім будзе, ну вот і паперахадзілі.

(1) Ну вот шчас я раскажу. Гэта толькі первы раз к нам прыйшлі немцы. Бацька быў у нас тады і вазіў зярно. Ну, гаварыт, немцы. Бацька каня адпрагаець, на каня муку і ў лес. У гэты лес. Асталась дома матка і мы. Ну куды? Раз немцы прыйшлі, нада ўцякаць у лес. Ну і ў нас там так называлася “селица”, недалёка ад дзярэўні, нізіна такая, туды ну дзеравенскія бабы у аснаўном, мужыкі паўцякалі ў лес усе. Ну прыйшлі мы тут, і началі страляць, мы паляглі. А тады як то нас дагналі немцы. Ну і прыйшлі тут, ну я помню гэта ад Аляксея, ну гэта нашыя старэйшыя паднялі рукі – здаюцца. Ну, а мы ж дзеці былі, ну

што мне чатыры гады было, вайна пачалася. Мы пасталі і стаім. Адзін немец, а брат у мяне быў толькі радзіўся, маленькі яшчэ, і ў нас з сабой было адзеяла, мы яго схвацілі. Той немец абвязаў так, ну склаў, як платок, адзеяла, абвязаў майго брата, ну так на плечы і ззады завязаў. Як цяпер помню! І прывёў нас у дзярэню. Ну ён, па відзімаму, я так не помню, но я считаю, ён гаварыў паруску. Ён спрасіў, дзе наша хата. Я ну так ужо апрэдзеляю, што ён спрасіў нас. Усе хаты вакруг нас згарэлі, ён прывёў пад нашу хату, пасадзіў нас, і нашу хату не запаліў. А йшоў з факелам. У шынялі, высокі, ну абыкнавенная ваенная форма ў іх была. Во як было. Дык і немцы былі не ўсе адзінакавыя.

(2) Не ўсе. Чыстыя немцы былі нічога

(1) Ну я ж кажу, прывёў нас траіх, пасадзіў пад нашу хату, і не запаліў нашу хату. Тут згарэла, тут згарэла, вакруг нашай хаты, усе гараць хаты, а наша засталася. Прывёў нас немец, я гэта добра помню. Ён папераду з факелам ішоў, а мы заду ішлі.

(2) «народнікі» – гэта перайсці на іхнюю сторону. Гітлер абмануў, што будзе свабодная жызнь вам, будзеце жыць, камандаваць будзеце ўсе ўмесце. Паперахадзіла многа... У нас у хаце стаяў, кундер-афіцэр па іхнему называўся, званіе. І «народнікі» здесь былі. Ну пілі гарэлку, ён не мог адным стаканам усе папіць. А рускія гэтыя стакан во, цэлы кол. А ён, не панравіла яму. Ён заснуў, а яны пайшлі, рускія, далажылі каменданту нямецкаму. Прыйшоў, яго й за нагу і паягнулі. І на заўтра яго на фронт адправілі. Прыйшоў сюды, прашчаўся: мне капут, на фронце заб'юць. Правініўся тады, адправілі. Харошы быў. Пасылкі прысылалі вот ім, ну зерна. Палучыць, ён прынясе, распечатае, што ў пасылцы ёсць – усё аддаст. Рэбятам там. Адзін троху быў жадны, сала прышлюць ён крычыць: шпэк мала, шпэк мала. Гэта па іхнямю шпэк – сала называецца. Мала, мала. А гэты другі гавора: абжора ты, - гаворыць, - каб ты падох, мала табе гэтага сала... А каторыя, дык яны харошыя.

(А пра паліцаў што можаце расказаць?)

(2) Былі ў Клешыне, але я не знаю, чаго яго звалі Папян, ён камандаваў карацельным атрадам тады. Ён Юстыне жару ў вочы сыпаў, с печкі дастаў і ў ліцо жару ўсыпаў... Ён іздзеваўся над людзьмі. Яго наградзілі за харошую работу,

чэрапам награждаюць жа, на галаву чэрап чалавечаскі, як награда ягоная. Папян яго звалі, ён быў у Бачэйкаве, атрад стаяў гэты. Бачэйкава ж радам, ён камандаваў гэтымі паліцаямі. Карацельны атрад называўся. Вот он з гэтым карацельным атрадам ездзіў і ў Чурылава, і к парцізанцам ездзіў. Пугнуць яго, ды ён не знаець куды дзявацца. Парцізаны ж былі з усіх бакоў, ад гэтых, і ад гэтых, ведзе, во дзе лясы, вездзе былі. Там і ва Ушачах, Ушачаскі раён, там былі самыя парцізанскія, іх там многа было парцізан, там атрады былі, спецыяльныя атрады парцізанскія.

(1) Былі ў нас маладыя, пайшлі ў парцізаны і не выхадзілі. Гэты Сяргей і Насця звалі, ці Надзя звалі. Маладыя. Брат з сястрой пайшлі і не вярнуліся. Ну, а ў аснаўном не вярнуліся зфронта ўсе. Сколькі ў дзярэўні у нас тут не было мужыкоў, усе.

(2) А тады прыйшлі нашы, забіралі на фронт. Дабаўлялі, частці разбівалі, мала людзей. НРБ.

Записано в 2013 г. от Чеченец Ефросинии Илларионовны, 1936 г.р., Чеченца Виктора Романовича, 1934 г.р., д. Долосцы Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ, ПДВ.

* * *

У нас немцы стаялі, гэта самае дажа у хаце стаялі немцы, а нас выгналі у адвязлі у другую дзярэўню, а ў хаце у нашай стаялі немцы. Карова была, куры былі, курэй хавалі. І карову так – хлёў быў заложаны сенам, і там карова стаяла, ад немцаў гэтых. Ну, а ў нас дужа так немцаў не было. Яны ўрэду у нас не здзелалі. У нас толькі за вайну дзве хаты згарэла, дык і то адна гэта згарэла ад самалёту. Самалёт ляцеў і бамбіў. А парцізаны ж стаялі там, у лесе былі, а тут нікога не было. Бацька, бывала, хаваўся ад немцаў. Пойдзець у кусты к рэчкі, і сядзіць. Во схова якая, я помню. К рэчце. А то пераплывець, калі немцы тут ужо, у дзярэўні. А мы бывала гэтыя, бывала ж бульбу ў ямах, дык кала дарогі яма, мы хаваліся ў яму, мы сядзелі ў яме. А есці што? Авёс тады парылі, сушылі, малолі і тады гэта елі гэтае талакно, вадой развядзеш – такое смашнае. Як цяпер помню. У торбачку наберыш гэтай мукі, вады развядзеш і ясі.

(А партызаны тут былі?)

Былі там у лесе, у Саўрасах. Парцізаны хадзілі вот на бальшак, за сем кіламетраў, і там зразалі дрэвы, загараджвалі дарогі, дарогу гэтым немцам.

(А паліцаі ці былі тут?)

Папян быў ужо у Клешчыне, жыў там нейкі. Ён, бывала, сабіраў людзей, забіраў. Я помню, прыязджалі ў Германію забіралі людзей. А нас было чэцвера у мамы. Яна узяла малага, мы дзве сястры большых, а меньшы адзін брат быў, гэты ж пасля вайны радзіўся. Ну, але з дзяцьмі не бралі, адпускалі.

Записано в 2013 г. от Цибульской Янины Григорьевны, 1936 г.р., д. Чурилово Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ, ПДВ.

* * *

І вайна ж была. Каму вайна, а каму маць радна была. Як мы жылі там, за Вулянкай – там-жа сама партызаншчына была, за Вушачай. Вот так мы гадаваліся і гараваліся ў нішчаце. А тут жа немцы былі, тут зямлю пахалі і хлеб елі, і картошку сажалі. А мы там былі, у Вушачах, у адступленні. Дык мы нічога ня відзелі. Прышлі з адступлення на сваю ўсадзьбу – усё згарэлае было, толькі трубы гэты коменныя. З яловых лапак мамка будку здзелала нам, пасадзіла як сабачанят, шэсць дзяцей. Адна, без бацькі, ні кала, ні двара, ні ў рот чаго ўзяць. Ну і пайшла на родзіну – к сваёй матке ў Слабодку. Там прынясла прыгоршчу зерна, нейкіх круп яшчэ.

Пака яна хадзіла, халодна ўжо было, мы тую чыгунку тапілі, накалілі крэпка, ну і тую будку спалілі. Прыходзіць, а мы сядзім і плачам. Брату меньшанькаму труба звалілася на живот, абажгла яму ўсё, сядзіць без штанёначак, голенькі, рубашачка, а больна як. Гэта ж боль, пальчык адзін сажгі і то больна. Вот дык, што плачым усе, а куды ісці? Ну ўзяла я яго, павяла ў Вулу, раньшэ ж не было ні каня, ні каровы. Мы з адступлення прыйшлі, у нас нічога не было. Што прыняслі з сабой, так і жылі.

Ну а песні аднака падрасталі, ужо гулялі, хат не было, у каго гармошка там астаўшысь была. На вуліцу вот так во, размяцём бальшак, танцавалі басымі нагамі па каменню па гэтаму, аж пяткі млелі. І польку, і кадрыль, і вальс, усё як та была весела, абшчаліся. Еслі ў цябе там няма чагосьці, а тая

раздабыла там, спякла які сачэнь, адламаець які кусочак і табе прынясе, дасць і падзелімся, сядзім.

Записано в 2013 г. от Косогорец Надежды Яковлевны, 1932 г.р., д. Свеча Бешенковичского р-на. Соб.: КДИ, ПДВ.

* * *

А хто іх ведае чаго (яўрэяў) пабілі гэты немцы? Яны многа каго пабілі: і рускіх пабілі, і ўсіх. У мяне дзядзьку майго, цётку маю забілі. Хату спалілі, а бацька быў мой вераючы. Хаты палюць, а ён стаіць на каленях і Богу моліцца. Богу моліцца, а немец жадаў, не паліў хату, пакуль ён памоліцца. А тады памаліўся, з хаты выйшаў – хату і запалілі. А я малая, як немцы прыйшлі, была. Тады ж мяне забралі ў Германію. Сколькі мне было 15 гадоў ці што. У Германію забралі дзярэўню нашу, маладзёж забралі. У Германію вывезлі. Вот у 42 гаду забралі ў Германію, а ў 45 гаду я прыехала. І ўсе хаты, што я ішла з Віцебска, трошку падвяслі нас, пяшком ішлі, ішлі, не маглі сваю дзярэўню ўзнаць – адны толькі печы і коміны стаялі, хат няма. Я не магла ўзнаць, дзе гэта я жыла там. Усё спалена было. Але мой бацька масцер быў, дык пастроіў хату сабе. Пастроіў, маліўся Богу...

Записано в 2013 г. от Дятловской Зинаиды Егоровны, 1926 г.р., д. Богданово Бешенковичского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(А немцы як прыйшлі, вы тут былі, у дзярэўне?)

У дзярэўне быў. Як тут ужо аб’явілі што вайна, усё ужо. Вот так ужо на вуліцы стаім, глядзім – нямецкі самалёт адсюль ляціць, - а яшчэ немцаў не было, - а наш (самалёт) ужо ззадзі, і па ім ужо страляў. Ну і тады прэсэдацель сельсавета, цераз вуліцу жыў, гаворыць: ай, усё, немец далёка, сюды ня прыйдзець. А сам ужо сабраў манаткі, там што было ў сельсавеце, і гэты прэсэдацель на кані і ў Віцебск, а там і далышэ – дзе-та на Урале там ужо яму брон аблажылі, і ён на вайне ня быў. Ну, а так як сказаў, што ня скоро немец прыйдзець, а ён дні цераз тры.

Нашы ішлі, ішлі па шасе, тут ужо цэнтральная эта была – Свеча-Віцебск-Лепель. Ужо немец Бешанковічы заняў, а нашы

толькі яшчэ з леса выйдуць і цераз гэту рэчку ўброд, конна і так. Ну адступалі і ўсё.

Ну і тады ў калхозах былі, ужо скот калхозны, свінаферма была, ну і тады ўжо гэты скот адганяць, каб во немцу не астаўся. Мой бацька і, цераз вуліцу Ягор такі жыў, і пагналі гэты скот. Ну і так з усіх калхозаў скот гналі і гналі сюды, на Сянно. І нашы туды падагналі да Сянна, там от луг такі, здаровая паляна была, ската было поўна! І вот тут немец, нейкая разведка. Ну вот, нам закурыць далі. Вот усё, ну, паны, глядзіце скот. Пацямнела, мы ўжо коні свае пазапрагалі – ідзіце вы к чарцям! І дамоў прыехалі к утру. І там гэты скот. Гналі спецыяльна да Воршы, там жа ужо вузлавая станцыя, каб ужо скот хаця троху ад яго адвезці. Ну і тады ужо немец. І тут пагаворка была, што ўжо усё, Расію немец заберыць, многа здраднікаў было. Быў такі Ўласаў, цэляком армію здаў. Ну і гэта тут во такія няверныя Савецкаму саюзу ужо ў немцы падаліся – паліцыя была, «народнікі». Дзе якія у Бачэйкава там саўсім мала немцаў было, ахранялі ужо нашы.

(Немцаў не было, былі паліцаі?)

Ну, былі там немцы, камандавалі. А так, абычна паліцэйскія. Ну ужо парцізаны былі, дык яны ж парцізанаў, каб эта яны масты не ўзарвалі. Ну адно ўрэмя, праўда, тут ужо і адтуль, з бору і ў Свеч уварваліся. Ну і там троху іх паганялі. А мост – нечым было ўзрыўчаткі. Вазы два саломы прывязлі, мост дзеравяны быў, і запалілі эту салому.

Тады ўжо слухі сталі, што ўродзе бы нашы ўжо ад Масквы атагналі. І гоняць дзе-та ў сорок трэцім гаду ўжо, і вот за Віцебскам – Гарадок, тут цэлу зіму, счытай, нашы стаялі. Дажа ўжо чутны былі баі, ўзрывы былі. І тады ў сорок трэцім, восенню, ужо замаразкі, і немцы скрозь засялілі гэтыя дзярэўні. Ну дзе ж было атдыхаць – холад. Ну і тады едуць ўжо адсюда немцы на фронт, з фронту, і цэлую зіму і вабшчэ да адступлення стаялі ў дзярэўне.

А тады нашы танкі ўжо прарвалісь пад Улу, дык у нас, во з нашага канца, дзе гэта во лашчына такая, немцы выехалі, а той канец, пакуль адступаць, стаялі. Ну і там, з Давыдкавіч адтуль гэтыя танкі. Немцы как хвацілісь з гэтага канца і з той дзярэўні – туды ў лес. А дажджы прайшлі, дык там было машын

наверна штук з дзесятак, і павозкі. Коні гружоныя, хамуты далоў – верхам, і туды. Ім не далі адступаць па шасе. Нашы самалёты узлятаюць, бамбардзіроўшыкі і гэтыя стралкі лёганыкіе, і тады яго (немца) тут во гняздзяць. Дажа мы малыя схадзілі туды к гэтым машынам, я яшчэ прынёс такі наждачок, і цяпер ёсць. Ну а там бабы гэтыя прадукты ўжо хто што бралі.

(А немцы пака стаялі тут, як сябе паводзілі?)

Можна сказаць, яны, як іхна была прэвасходства, дык яны вялі сябе нагла. А ўжо як зналі, што яны адступалі – былі пажылыя, у нас у хаце стаялі. Пограб быў у хаце і бульба там была. І калі ўжо матку папросяць гэтай самай картошкі, ну матка там і дасць. Дык яны з шарлупкамі зваруць і тады ўжо картошку на стол высыпюць і ядуць. Дык, а што іздзеваца над людзьмі, калі прыйдуць жыць к нам, яны нашы і тожа так будуць над намі іздзеваца? Нічога. Ну ў аснаўном шчытай пажылыя ўсе былі такія. Ну гадоў па 45 іх да 50 гадоў мабілізавалі. Франтавыя.

(А партызаны тут былі?)

А парцізаны адзін раз тожа – дзе былі яны і дзействіцельна атрады, тут стаяў атрад я чытаў у газеце быў іхні камандзір Дубаў, дык тут вабшчэ былі бальшыństwo усе месныя. Дык яны прыбегалі, хваталі рэбятам адзежу дзецкую сваім, во так во. Ну, кароў. У нас адну карову сразу немцы забралі, ну, на пітаніе. А тады іцёлачку купілі маленькую, ну карову. Цераз год яна ужо пакрыецца – ужо на другі год і кароўка.

Пленных сразу нашых, пленных гналі, ай! Страх, якія калоны! Па шасе, сюды на Лепель. Ну і некаторыя – падойдзець жэншчына, гаворыць: “мой муж”. Адпускае (немец).

Записано в 2013 г. от Белоуса Николая Павловича, 1927 г.р., д. Заполье Бешенковичского р-на.

* * *

Я вайну помню, я акопы капала ў немцаў, ганялі. Я такая была ўзрослая, поўная была, і ў акопы ганялі. Ды не ў нашу дзярэўню, а ў другую дзярэўню там. Я сама з Чаўнышак, дык у тую дзярэўню ганялі капаць акопы. І стаіць немец, папіроска вот такая во, і стаіць над намі, пакуль мы капаем. Мучаліся, страх Божы, як мучаліся! Перажыла ўсё. Мне якраз быў адзіннаццаты

год. Вот. Пайшоў бацька на вайну і не прыйшоў – забілі. Нас трое асталася. Трое дзяцей у мамы, тры дзяўчыны. Ну і так гадаваліся, не дай Бог, дзеткі. Гаравалі і ўсё. Дровы на сабе насілі, не было ні коней, нічога. І на сабе гароды пахалі, плуг цягалі на сабе. Во як гаравалі. У дровы пойдзем, пук дроў звязам, і на сабе нясём па рацэ. Як зімой дык па рацэ, па льду цягалі гэтыя пучкі.

(А немцы былі тут?)

Былі, анягож. У нас у Бешанковічах чэраз Дзвіну яны не маглі перайці дык пускалі дымавую завесу такую. Страшна было так, ага. А яны чэраз Дзвіну перапраўляліся а Божачка мой, як усё роўна ўгору, як свечкі ўгору, дым такі! Яны ж прыйшлі к нам у дзярэўню, Божачка, прыехалі, і с танкамі. А ў нас там магазін быў, напроці нас. Ну, а магазін разабралі тады, я не знаю ці гасударству аддалі там, я не знаю, ну толькі мы нічога не бралі ў магазіне ў тым. І яны з танкамі сталі там і стаяць. Божачка, за курамі бегалі па двару і стралялі курэй. Яны ж мяса, ім нада! А мы ўжо баяліся і з мамай мы ўжо ні слова не гаварылі. Нічога. А яны, брат ты мой, з пісталета застрэлюць курыцу і заберуць. Во як было! Не дай Бог, не дай Бог! Гэта гора, гора!

(А партызаны ці былі тут?)

Былі і парцізаны. Парцізаны усякія былі, дзевачкі, я вам скажу – парцізаны былі і пад маркай парцізан былі. Дзеравенскія хадзілі, грабілі і ўсё. А настаяшчыя парцізаны к нам прыехалі – шапкі са звёздачкамі, і чатыры кані. А ў нас быў двор запорысты. Загналі коней на двор, туды паставілі, а самі пашлі міны закладваць на бальшак сюды. А ў нас жа ад Чаўнышак блізка там дарога, ну вот і пайшлі. А мы калоцімся, барані Бог, прыйдуць немцы, барані Бог! А свету ж не было. Во такія каптушачкі палілі, яны запалюць каптушачку і пяюць у хаце, парцізаны! Пяюць у хаце і ўсё! А мы калоцімся, думаем: барані Бог, немцы! На конях, самыя настаяшчыя парцізаны. І гэта, і ў ваеннай форме, і ўсё. Харошыя прыезджалі, дужа харошыя. І не грабілі, папросюць там што-небудзь і ўсё. Харошыя.

(А былі і плахіе?)

А былі грабіцелі пад маркай парцізан. Усё чысцілі, усё. Маму маю чуць не задавілі за карову. Прыйшлі: “Давай карову!” А мама гаворыць: “Няма ў мяне каровы..”. Схавалі карову былі, стог бальшущы быў, і тады ў стагу дзірку такую выскублі, і туды карову схавалі, а наперадзе заклалі. Дык забралі, тады ўспакоіліся. А то маме ўжо пятлю накінулі і падцягвалі пад бэльку. Во, якія былі парцізаны, разве эта былі парцізаны? Банда! Дык мы галасілі і ўсё, і шэсцера дзяцей эвакуіраваных гэтых арлоўцаў было, - раньшэ ж эвакуіраваныя былі тутка. Дак і гэтыя крычалі ратунку, тады маму кінулі. Во, і не сталі давіць. Во якія бандзіты былі. А настаяшчыя парцізаны былі хорошыя. У мяне мамін брат быў у парцізанах. Дык прыйшоў у бацькі папрасіў боты – не было чаго абуць дажа. Ну, дзе ён у парцізанах там надзенецца? Гэта грабіць трэба, грабіць, каб надзецца. Ужо памёр мой дзядзька і дзядзіна памёрла, што была ў парцізанах. Дык яны ні грама нічога дамоў не прыняслі. А бабу з дзедам – маміну матку і бацьку – за сына, што сын пайшоў у парцізаны, іх узялі немцы, у цюрму пасадзілі ў Бешанковічах. І сядзелі да цех пор, пакуль не прыйшлі красныя. Як прыйшлі красныя – тады іх выпусцілі, а ён стары быў такі: “Дзетачкі, дзетачкі” – такі пакорны быў. Прыйшлі дамоў – нічога няма, адны сцены! Усё павыдрана, ні вакон, нічога.

Во якая жыць была. Перажылі і ўсё. Не дай Бог, дзетачкі мае, каб гэтага не было! А цяпер лацвей жыць, лацвей цяпер жыць. І дарогі, і свет, і усё.

Записано в 2013 г. от Голоवेशко Нины Андреевны, 1935 г.р., д. Заполье Бешенковичского р-на.

* * *

(Ці помніце вы вайну?)

Ой, мне спаць не даець эта ўрэмя, настрадалася! Усё помню. Радзіё ж не было, ні цяляфона, нічога. А ў Соржыцы там мельніца была і там рупар быў. І гавораць, вайна. Ну, звесна, мы дзяўчонкі пабеглі слухаць туды. Аб’яўляць ён вайну: Вераломна напалі.., Савецкі саюз.., эта самае ўсё. І што вы думаеце, першы дзень яшчэ нічога, а на трэці дзень двінуліся машыны па вуліцы. Ішлі, ішлі машыны... Немцы, ой (плача). Біў

мяне немец... Бралі на акопы. Акопы капаць. Я прышла з акапаў, а ляцеў самалёт і тры дома падрад запаліў. Згарэла ўсё...

(А там, у Сініцах ці стаялі немцы, ці толькі наездамі былі?)

У нас была парцізанская зона. І ўсе малыцы, маі равеснікі, усе ў парцізаны пайшлі. І помню, зямлі ж мала было, ту палоску давалі за Засор'ем. І там пасеяна было жыта. І вот я жну гэта жыта, чую – пахнець дымком. І гавораць: Клава, Клава! Падышла. Касьцярок гарыць і сядзяць нашы там малыцы. Яны жылі на остраве. А я рада, звесна дзеўка была, і малец жа ў меня быў у парцізанах.

(А не абіжалі месных парцізаны?)

Ну, як не абіжалі. Грабілі! Нада ж была есьць і адзяваць. І помню, кладоўка была, выкапалі зямлянку і сундук такі у мамы быў. У той сундук – адзёжы і закапалі. Прыехалі парцізаны ноччы і шомпалам... Адкуль яны зналі? Загрузілі цэлы воз. А тады на меня гаворыць: “Пашлі із намі”. А я плачу ўсё. Тады адзін гаворыць: “Ай, ідзі дамой”. Ну, грабілі, відзіце, нельзя на іх абіжацца. Нада ж было насіць, есьць нада было.

(А немцы ці палілі?)

Чатыры хаты спалілі з самалёта. 28 аўгуста 1943 года, Прачыстая як раз была. Мама была ў цэркві... Бык, помню, у сараі. Выпусыціла яго. Помню, гаварылі, што нада навозам яго (выганяць). Выпіхнула яго. А ён (самалёт) строчыць і ўсё. Ямы была ад снарада, ускочыла і там сядзела. Гарэла ўсё.

(Ці былі такія людзі, што ў паліцыю пайшлі служыць?)

У нас такіх не было. А паліцаі былі, былі. І што вы думаеце, аблава на копы. Акопы капаць. Вобшчэм, з хаты па чалавеку на копы. І я пашла, брат быў младшы, я лучшы сагласілась і была на копах. 10 кілометраў ад Віцебска.

(Ці кармілі там, на копах?)

Ай. Чан стаіць такі. Дзяўчонок астаўлялі, картошку чысцілі, і тушонкі нейкай банку далі. Тады налівалі. Ну, кацялкі былі салдацкія, місак не было. Во, ізьвініце, немец наліваець, а – пердзь, пердзь – во, якое уважэнне было.

Прыехалі за мной. Ай-ё, мама ў сьлёзы. Чэхаславак па-руску гаварыў, мама ўлавіла яму курыцу і дала. Той: “Я скажу, што вы работаеце ў Засор’і”. І тады я асталася. І вот втары раз...

Жылі ў бані, входзіць немец, такая бляшка (на грудзі). Па-руску кулдывячыць... Гаворыць: “Бяры адзяяла”. – “Я толькі прышла, тока с акопаў”. А ён размахнуўся і як трэснець мне па шчаке. Скока жыву – ашчущаю. Ну і забралі на копы, у душагубку. Мама прынясла мне сухарэй і адзяяла. Завязлі нас у Білева. Сперва ў клуб, а ў клубе ляжалі на палу на голым, хто – на сваім адзеяле. На ноч ганялі чысціць траншэі. А там перадавая. Не давалі разгаварываць. І адна дзеўка вышла, ўзяла бегчы – няма нікога. Ціў – усё, там і асталась. І вот сабралісь – ідзём дамой, усё раўно тут пагібнем. Пайдзём дамой как-нібудзь. І вот сабралісь. Ксеня такая, два курсы інсітута кончыла, і я, і саседка у меня... Вярнулі нас. Завёў немец у казарму, дзе немцы на нарах. Ксеня па-немецку знала, сказала, каб нас ня білі. Ну, ня білі. І трэці раз. Узялі лапаты на плячо і з песнямі. Прыкінулісь дурушамі. Ніхто нас не задзержываў. Як ішлі, толькі смяяліся з нас. Чэраз Мядзвёдку на Святагорава, вот мы зайшлі ў Александрова. І вот последняя хата была, зайшлі мы ў хату. Баба хлеб пякла і нам дала хлеба, булачку такую. Мы з’елі. Тады вышлі, а той гаворыць: “Абажджыце, там немцы сабралісь”. Аказваецца, яўрэйў растрэльвалі. Вот так я прышла дамой. І после тога я нікуды не хадзіла. Хто прыдзець – я ілі пад краваць, ілі на печ.

Записано в 2014 г. от Залозской Клавдии Ивановны, 1922 г.р., д. Островно Бешенковичского р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

(А вайну помніце?)

Помню. Як снарады рваліся, помню...

(Якія тыя немцы былі?)

Яны ня трогалі гэта гражданскае населеніе, нас нікога не трогалі. А свае (паліцаі) кусалі. І работалі. Жыць та нада, ну, вы ж панімаеце. І на кухню, і дровы пілілі. Зразу немцы занялі – нікога не трогалі. А тады адступалі адтулечка, як ужо нашы красныя гналі, тожа яны не здзякаліся ў дзярэўні ні над кім. Кухня была, малолі... Яны ня трогалі населеніе. А як ужо сталі парцізаны міны класьць на дарогу на эту, на тракт, што з Віцебска ідзець. І там жа былі кусты, гэта цяпер расцерабілі. Казінцы называлісь. І тады закладуць міну пад рэльсу і

ўзарвецца там. Тады яны (немцы) сабяруць у дзярэўні населеніе і пагонюць перва людзей па шасе. Гэта як адступалі, тады во гэдак было. Ну дык падырвываліся нашы, ранюць каго-небудзь. М'яне не ганялі, я малая была.

Яшчэ нам крапіву загадывалі рваць. А на што крапіва? Бралі нас рабят крапіву рваць. Я тады бяру ў гэты рукаў адну крапівінку (смяецца), а ён паказвае: Кляйнэ, мала, што нада рваць. Но біць ня білі. Немцы зіму адну стаялі. Зімой занялі, а вясной адступалі. Адна часць прыедзець пастаіць – паехала, другая... За то, што адступалі.

Запісано в 2014 г. от Ядровец Татьяна Ивановны, 1932 г.р., д. Соржица Бешенковичского р-на.

* * *

Ведь мы жылі как, і савецкая ўласць не наша, і немецкая не наша. Вот как жылі, между двух агней палучылася..

(Расскажыце, как немцы...)

Атнасілісь к сельскім жыццелям? Знаеце што, я многа слышала і тогда, а што после так эта есцественна, усе-такі былі врагі. Но ў нас здесь я зверства не відзела, не відзела. Не скажу я вам этага, потому што я і не слышала даже. То, што молодежь, которая осталась здесь десятикласснікі, которых не ўспелі взять на фронт, эці ўшлі в поліцаі.

Вот што была. І мне до сіх пор дзіка: вы же прі савецкай ўласці жылі, вы ж так ее хвалілі і ўдруг такая ізмена. Мілыі! Эта мы, как сказаць, вот эці вот рэпрэсіраваныі, мы между двух агеней, і то ў нас нікто этага не дзелал. Патаму, што куда еще лезць в какую дыру?

(А вот скажыце тут не было, што маглі дзецям і сахар даць там, і шакаладку?)

Да, я сама пользовалася эцім. (смяецца) Эта тут жа часцей многа шло, і я помню італьянцы, асобенна італьянцы – ані такіе веселые. І вот, когда італьянца стаялі ў нас, кухня ва дворэ в нашем была... Чалавека два-тры жыла ў нас в доме. Ну, ані готовілі, кухня стаяла салдацкая ў нас во дворе. Это вообще там хохат і, Боже мой, і эта: “Come, comer, bon-bon, bon-bon”. Все вот так вот сазывалі дзяцей... І вот понімаеце што, ані выведут эціх каней... І дадут повад, і я пріспосібалась, я іх

совсем не боялась, эціх лашадей. А ані меня посадзят, вперёд выведут этого каня-важака, а остальные потом коні самі ідут за мной – і на вадапой, на возера. Я первая захажу с этім конём на озеро, а остальные все напыюцца, я паварачіваю і дамой пашлі, вот так во! Ну потом ані мне уже і тарелку супа нальют, і ‘bon-bon’ вот эту вот мне уже дадут. І ўже разговарівают, фатаграфіі мне даже показывалі. А что? Ну, я помню – такой дом красівый кірпічний – одну фатаграфію я запомніла. І там відна ўся его семья: і мама, может і жена, і такой ребёнок, как я, вот так я опрделіла. І что-та там па-своему, но я ж не понімала нічего, но что-то вот ему хочется паказаць, вот сваё, радное. Вот так вот. Угашчалі, угашчалі, канфетами угашчалі, і немцы даже угашчалі, і немцы, не только італьянцы.

Я ж знаю, адзін немец гулял с дзевачкай. Она была работала в штабе, была переводчіцей, руская. Это наверное с год ані тут жылі. Она ў ніх была прі штабе была переводчіцей. І когда оні гулялі вечером оттуда от штаба і сюда вот, к центру Астроўна. Тогда ж красіва была Астроўна, усё застроенае, не то што сейчас тры хаты. І я вот выбегала со своей усадьбы там з дзедавай, сірень как раз цвела. Я ім ломала веточки і подносила к нім, к маладым. А он мне вытасківал всё маркі, а цётка говоріла: "Ой, мы хоць мыла хоць купім, а то вот совсем вот завшывелі". (смьяецца) Вот эта я помню. І потом когда наши самое ўже асвабаззілі нас Астроўна, і на последнем ўже відна прыходзе. Четыре раза мы з рук у руки перахадзілі. І на последнем ўже он девочку эту, пашлі ані ў парк... Там парк у нас есць і под большой-большой ліпай её застреліл і сам застрелілся. Там іх патом і пахаранілі.

Записано в 2014 г. от Трусовой нины Ивановны, 1934 г.р., д. Островно Бешенковичского р-на. Соб.: ОВЕ.

ВЕРХНЕДВИНСКИЙ РАЙОН

* * *

Вот не помню, хто расказывал. Немец стаял ва время вайны. І цэлую ноч крычал этак рабёнак... Немец бярот автамат і пашол. Ані думают, што он этава малова прыстрэліт. А он пашол в лес, нарвал травы. Зделал атвар. Матка падумала, што,

значыт, этат немец атравіт малова. Аказываецца, у этава малова балел жывот. Он проста-напраста вылечыл этава рэбёнка. Патом немец паказал “*рябінку*” ат укуса змеі. Трава называлась *рябінка*. Імена ат укуса змеі – раздавіл, дал с’есць і всё – опухаль прашла. На балоце расцёт.

Записано в 2005 г. от Автуховой Марии Александровны, 1924 г.р., д. Казаково Верхнедвинского р-на. Соб: ЛВА, ФВС.

* * *

У вайну з плена ўцяклі. Знаеце, на пуці мне ўсё ўрэмя добрыя людзі ўстрэчалісь. У пляну, у Даўгапілсе нас сабралі ад хазяіна, павязуць у Германію. Прывязлі на вакзал, а там ў вагоны загрузаюць раненых немцаў, занетыя вагоны ўсе. І нас ў гэту загародку, провалкай абцягнута, заганалі. Стары дзядзька сядзіць з унукам і кажа: “Як наляціць, ракеты ж пускаюць і пускаюць, наш самалёт, а вы тады уцякайце”. Я з сястрой і дзяўчына нейкая Маня пабеглі, як самалёт наляцеў. У канцы Даўгапілса папрасіліся, расказалі ўсё як было, а там тожэ добрая бабка была. Кажа: “Дзеці ўцяклі, бралі мяне, а бацьку не бралі. Бацька, калі немцы прыйшлі, адкрыў дзверы, а іх повен двор, як спугаўся, глухі і нямы стаў. А куды я яго кіну? Жызьнь пражылі добра, дружна...” Яна напаіла, накарміла нас, кажа : “Не йдзіце па большаку, бяжыце каля. Восень, трава большая, як учуеце машыны ці матацыкал, у траву ляжце і ляжыце, так і ўцікайце”. Так мы й дабраліся. Многа чаго ёсць расказаць... Жыва асталася... Каня рэжуць, варуць, нам па баначкі кансервнай наліюць. І ўся ежа, два разы. І цяпер ашчущаю, юшачка салёная, прыятная... У лагеры у немцаў...

Былі гдзе-та пад Апочкай нейкі горад, нас сабралі... Быўшы рускіх концлагер. Там, абнясі Божа, нары-нары-нары, а на нарах вошы во такой цэп’ю, таўстыя, як клапы, раз’еўшыся ад людзей. Маладых нас бізуном-бізуном гэты немец: “Лезьце наверх!” Адзежа ж гэта смярдзела сілосам... Пабыўшы ў лагеры. Ай-яй... Дай Бог, каб вайны не было, дай Бог, каб вайны не было ніколі...

Записано в 2008 г. от Мотылёнок Нины Иосифовны, 1927 г.р., д. Кохановичи Верхнедвинского р-на.

* * *

У вайну была ў лясках у тых, у Асвеі. Латышы, літоўцы лютавалі.

(А што яны выраблялі?)

Што выраблялі? Вот прышлі ў нашу дзярэвню. Ўсё, выгналі ўсіх жыцелей, мужыкоў у канец дзярэўні загналі, пастрэлялі, спалілі. У мяне быў дзядзя, ну дзядзька глуханемой. Я не помню, ён 1906-га года быў. Сколькі яму шчытайце гадоў было. Ну вот, ён как-то астаўся не ранены. Там абкладвалі, паказваў ён, абкладывалі льном, а патом стралялі, а патом запальвалі эта ўсё. Ну і вот ён астаўся, і ён вываліўся з акна. Ён жа баяўся, саабражаў, што эта ўжо страшна, і ляжаў каля гэтага дома, пака ўвесь абгарэў, спіна абгарэла, абгарэлі ногі, і, как лежаў на палу, абгарэлі рукі. Ну патом партызаны там былі, партызанскія госпіталі там былі, і он ляжаў сільна долга. Ну і астаўся жыць.

Нас, жэншчын, загналі ў другое памяшчэнне, дажэ склад там калхозны быў, зернасклад быў. І в этам памяшчэнні, мы глядзём ў паталок, када... Эта страшна дажа ўспамінаць, што была, пра эта гаварыць дажа няможна. Смотрым туда ў паталок, када загарым, када загарыцца ўсё. Вдруг стала ціха. Стралялі скот, павыганялі ўсё с сараяў, усё выгналі на вуліцу, толькі оўцы і свінні пааставалісі. Патом ціха стала. Адкрылі дверы, дверы не закрыты. Выходім на вуліцу: што ж дзелаць, куда ж ісці? Нічога не знаем.

У адных мужык быў. Ён да вайны быў прэсседацелем, і как-то он астаўся дома. Ён ўжо не маладой быў, яму пад 50 гадоў. Яго ў Лісно, іх сабралі туда ўжо, када ўжо вайна началася. Ну яго не адправілі, бо ў яго дзяцей многа было, ну, і ўжо гады парадашныя. Вот у яго была очэнь харошая зямлянка. У эту зямлянку мы, у яго быў рабёначак толькі радзіўшысі, а яго спалілі, яго ўжо не было, спалены там. А ў яе можа пяцера дзяцей, у этай жэншыны. Ну вот і сабраліся. Ну канешна і наша сям'я папала тожа. Мама, яшчо сястра была меньшай.

Прышлі нашы партызаны і гавораць: «Вас сажгуць тожа. Ужо тых сажглі, каторыя не папалі ў эту зямлянку, тых сажглі. І рабятка усіх сажглі». Ну вот, і тада і пашлі. І знаеце, с чым пашлі? Вот нада жыць так. Нада выжыць. С адной булкай хлеба.

Адна баханка. Ну тады ж такія, такія ў печках пяклі бальшыя. С этай баханкай толькі пашлі ў лес. В Асвеі пашлі, патом у Лесняжшчыну, патом у Расоншчыну. Ну і пашлі.

(Так эта латышы палілі вёскі?)

Латышы і літоўцы. Када вот эта жглі, вот эта ў Росіцы¹. Вы ж былі ў Росіцы былі, былі? Свяшчэннікі гаварылі: «Нас прэдупрэждалі, што ў літоўцаў, у Літве дабравольцаў прыдлагаюць, што б ужо ўнічгажаць людзей, і паліць штоб эта». Ну дак вот, яны не пашлі канешна. «Мы, - казалі, - вмесце будзем пагібаць з людзьмі». І сажглі іх там у Росіцы. Вот латышы. Усе гаварылі па-рускі, када прышлі, усе гаварылі па-рускі. Усіх можна было паняць.

(А немцаў не было?)

Нет. Адзёжа. Іхняя адзёжа, надзета іхняя адзёжа. Можа дзе і былі. Я ж не знаю. Но в обшчэм, гаварылі па-рускі. Эта ў 43-м, у феврале. Ёсё, спалілі ёсё. І ўсю дзярэвню, як пашлі, і с народам, і с людзьмі. Ёсё. Жглі і жглі. Ну, а там вот ужо партызаны. Там, эта в Расоншчыне, там рэчка была, і партызаны не пусцілі за эту рэчку. Вот там людзі і пааставаліся. Каторыя на эту старану асталіся рэчкі, так тожа там сажглі.

(Так пашлі туды, на Расоншчыну?)

Да, да. Там ужо тожа была партзона. Там ужо прыходзім туды – ужо нет населення ужо, і дзерэвень нет. Толькі коні ляжаць пабітыі... Там ужэ раньшэ прышла эта экспедзіцыя, а тут вот пожжэ прышла.

Записано в 2012 г. от Лавринович Марии Ивановны, 1927 г.р., д. Сарья Верхнедвинского р-на. Соб.: ЛВА.

¹ Имеется в виду «Росицкая трагедия», произошедшая в феврале 1943 г. во время проведения нацистами карательной экспедиции «Зимнее волшебство», в которой участвовали 1 литовский, 1 украинский и 7 латышских полицейских батальонов СС. В д. Росица Верхнедвинского р-на каратели сожгли 1528 человек мирного населения, в том числе двух католических священников – Юрия Каширу и Антония Лешкевича, которые, несмотря на возможность спастись, приняли мученическую смерть вместе со своими прихожанами. В 1999 г. Папа Римский Иоанн Павел II причислил росицких священников к лику святых.

ВИТЕБСКИЙ РАЙОН

* * *

Наша ўся была дзевяня спалена да тла і нічога не было. У 1942 годзе. У 1942 гаду ўсё спалілі і нас узялі малых, паехалі. Папке майму было 53 гады, а мамке 40.

(Ну, хто болей лютаваў: немцы ці можа паліцаі?)

Вы знаеце, немцы дужа не лютавалі тут. У нас у дзевяне стаялі немцы тут, жылі, і кухня была. Яны, бывала, наварцаць супа, а тады і рабят пазавуць: і канфет дадуць, і супа таго гарохавага. Я вот як сейчас помню. Мне тады 3 гады было, пазавуць: ком, ком. Там канфеткі такія кругленькія былі.

Вы знаеце, немцы, яны шкоды не рабілі. А тады ў Касцянах там, каля Балашоў, партызаны ўбілі немца аднаго. І за таго немца ўзялі і Балашы, і Калюшчані, і Машчонкі. Усіх жыцелей выгналі на плошчадзь, сабралі і ў Сураж звезлі. Там была такая канюшня, сільна бальшая і ў эту канюшню ўсіх заперлі іх. І сказалі, што мы для вас будзем баню тапіць, будзем вас атпраўляць на работу на харошую. Ну, а тады заставілі іх выкапаць яму, там во дзе памятник стаіць, многа ям. Пяць ям выкапалі. І тады к яме ставілі і ўсіх стралялі. І гавораць, як там валіліся людзі. Хто саўсем убіты, хто ранены – у гэтую яму. І там стон стаяў тры дні, а была дужа жара летам. І маміну сястру з мужыком растралілі там, і дзяцей у іх двое было.

Записано в 2007 г. от Мининой Александры Алексеевны, 1939 г.р., д. Хадорино Витебского р-на. Соб.: ВТВ, ЛВА.

ГЛУБОКСКИЙ РАЙОН

* * *

Тут радзілася і састарэлася. Германію аб'ездзіла, у вайну звязлі былі яшчэ малую. Мне пяць гадоў было ці шэсць. З бацькамі вывезлі. Нас тады многа людзей было. Ну, з блакады забралісь. Сперва пачалі бамбіць, людзей біць. А тады ім прыйшоў прыказ – у Германію адпраўляць на работу, вот. Ну, вот тады загоняюць у Зябкі. Падгоняць таварняк, як парасят згрозят, што сесці недзе. Палтара года там былі. Там нас ужо

амерыканцы асвабодзілі. Там ужо амерыканцы падключыліся памагаць нашым. Мы ўжо ў нейкай Госцвяльскай вобласці былі.

З вайны хаты былі спаленыя, ні адной хаты не было, толькі две бані былі засталіся. Усе хаты. Хат было многа, ня гэдак як цяпер. Была бальшая дзярэўня, хаты стаялі. І ўсе былі спалілі.

Записано в 2010 г. от Пилимон Гелены Иосифовны, 1935 г.р.; д. Шо Глубокского р-на. Соб.: ОВЕ, ФВС

* * *

Прышла парцізаншчына гэта. Тут брат мой у парцізанах быў. Патом немцы тут наступалі, тут нас застала парцізаншчына, окала Шольскага возера. Шо возера, ано дліннае. І яны ўжо сабралі сілы – і на парцізаншчыну. І было гэта дзе-та вясной, а я – у парцізаншчыну. Ну сколька мне было – трэнаццаць-чатырнаццаць гадоў. І нас з Кубліч арганізавалі і мы капалі акопы. Нас было чалавек восем, ці дзевяць падроскаў такіх.

Як толькі немцы прыйшлі і ўжо ўстанавілі власць, і тут радам школа была. Я хадзіў у нямецкую школу.

(А там на беларускай мове вучылі?)

Ну не, ваабшчэ не на беларускай мове, а бальшыństwo на польскай. Пры немцах. І найшоўся настаўнік тут месны, і хадзіў я. Во тут, у гэтай хаце (паказвае будынак) была школа, пры Польшчы была школа. Тады хадзілі ў школу нямецкую. Прышла савецкая власць – у савецкую власць хадзілі ў гэту ж школу, тожа ў гэтай самай школе.

Парцізаны, як сталі тутака, яны выгналі немца. У нас немцаў не было. У Зябках жалезная дарога, дванаццаць кілометраў адсюль. Уласць жа ж была. Немцы занялі панскія землі. У нас адзін пан жывіў тут – Кандыба, і з гэтай стараны Жабіна жыла.

(Гэта польскія пань?)

Польскія. У Кублічах Кандыба быў, а там Жабіна была. Не та жабіна, каторая ў балоце, а такая, якая ў злоце. Арандавалі землі, а яна плаціла ім, яны арандавалі землі. І немцы гэты землі засеялі. Тут ужо падыйшла осень і жыта сталі жаць... І сталі звязіць зярно і малаціць у Кандыбы, у гэтай старане. І брат мой

ужо восенню, парцізан, давай малаціць гэта. Тут старасты былі гэтыя сабраныя ў Кандыбы і Жабіны.

(А шмат стараст было за немцамі?)

Два. З мясцовых. Пасля вайны судзілі іх. А як Сталін памёр – іх адпусцілі. У Жабіны, у гэтай, парцізаны ўжо сталі. Жыта гэна сталі парцізаны малаціць во тут ў гэтай Кандыбы. Узналі немцы. Асінаўка тут недалёка, немцы з Празарок ішлі з гэтай стараны, а я пасвіў кароў сваіх як раз на панскай зямлі. Сваёй жа мала, а на гэнам ужо можна было восенню пасвіць. І адкуль браліся немцы? Пытаюць, дзе бандыты. Нема – папольску стаў гаворыць, – нема. А з Асінаўкі прыляцелі на веласпедзе і казалі брату майму, што немцы ідуць. Яны скоранька, коні. А малацілка была – коней ганялі, і коней адпрог і скоранька раз – і ўцёк у лес. Немцы прыйшлі – нікога няма, нідзе нічога няма. Абыішлі вакруг, да гэтага пана пайшлі там – і на Зябкі. А каторый прыбыў стараста ў Жабіны – парцізанаў жа здаў, грошы палучыў ён, каторыя нямецкія маркі гэты. І парцізан спрасіў: «Палучку палучылі?» - «Палучылі». – «Кладзі дзеньгі на стол». Ён палажыў дзеньгі на стол, а парцізан пісталет выняў і застрэліў яго, старасту.

Патом следуюшчы раз яны сталі ісці з Зябак і ў гэту старану абход робілі. Ішлі і на Калені, сюда, як з Зябак едзеш, лес на Евесі, на Каленях тут. Немцы ішлі строем і парцізаны залажылі дзетанатар недзе ў кустах, ён сядзеў і дзітаніраваў. Первы строй як ішоў і яго ў воздух падняло ўсё. І па той раз ў нас ужо немцаў не было, стала парцізанская власць.

(А вось як пры партызанскай уласці жылось?)

Абыкнавенна жылі. І нас ужо ў Дольцах немцаў выгналі, з Кубліч выгналі іх. І ўсё – тут проста савецкая ўласць была. Партызанскай власці ў нас так не было, каб хто-та галоўны. У нас было двое коней было – парцізаны забралі, ну, нада што есці. Карова была – карову тожа забралі, нада есці было што-та. Ну, аставілі адну карову. А так нічога, і, большы таго, немцаў не было сюды. А нас сабралі восенню. І мы – ламы ў рукі, і восенню, і всё врэмя парцізан вадзіў, і мы капалі акопы. І было гэта ўвосень, зіму і вясна падыйшла. І немцы ўжо сталі наступаць на парцізан адтуль, з Дольцаў. А мы акопы тут акапалі, а нямецкі самалёт з Зябак толькі пакажыцца, як тарэлка,

што-та блісь-блісь. А сюда не паказваўся і відзеў, што абарона бальшая тут зроблена. І немцы рашылі напасці ні з Зябак на нас, а кругом Шонскага озера. А тады зіма очань снежная была, снегу многа было і разлілася гэта ўся озера! Шанская возера з берагоў выходзіць, очань многа вады, і яны рашылі не наступаць на нас з Празарок і Зябак, а на Сошу, на пушчу. А там у пушчы гэна рака, каторая выходзіць з Шанскага возера, разлівалася табе, як вон да гэных кустоў, балоты. А парцізаны акапаліся на пяску. І стральба ішла дзень, ноч, і на другой дзень – візг і толька стральба, большы нічога. А парцізаны з гэтай стараны, каторыя былі, Немцы пусцілі танк з Зябак, а парцізаны з ПэТээРы¹ танк гэты разулі, далі па гусеніцы і разулі. Другой танк падыйшоў, зацапілі і не сталі наступаць, пайшлі так, яны прайгралі. Брат мой у Хралах у парцізанах быў, расказваў. У Хралах быў штаб парцізанскі, прылятаў самалёт к нам у Хралы, прывазіў што нада, сведзенья якія браў, раненых забіраў туды. Ішоў ён, самалёт, начыная Ушача і выбраў такое, дзе лясы. Па гэтых местах, дзе лясы, шоб яго не перанялі, а тут па ўсім агні раскладалі – і самалёт садзіўся.

(А як немцы да яўрэяў адносіліся?)

Было яўрэяў у Празароках многа, у Зябках многа. Немцы у Празароках капалі ямы і іх расстрэльвалі. Там очань у Празароках многа іх расстрэльвалі. Каторыя былі ў парцізанах тожа яўрэі, каторыя паўцікалі, таму, што ім выхада большы не было.

(А людзі не казалі, чаму яўрэяў немцы білі?)

Гэта мы нічога не знаем – гэта Гітлеру нада было, што іх, жыдоў, істрэблялі. За што яны істрэблялі? І патом, гэта, як прыйшла блакада гэта, што парцізаны адгэтуль уцяклі на прарыў, на Плінак туды. А сюды немцы прарваліся і нас, як ёсць, забралі. Мiane ў Германію завязлі з атцом, тры сястры і маць. Нас забралі, цераз Сошу пагналі, па гэнай старане, дзе парцізаны наступалі. У Зябкі, з Зябак – у таварны вагон і аж у Германію. У Кіненсберг. І ў Гродна там распрэдылілі, і адтуль у розныя точки рассылалі людзей. І ў Германіі я з атцом, аецц у бавуэра, а я на жалезнай дарогі. Там з пацаном разгружалі,

¹ ПТР – противотанковое ружье.

пагружалі ўсякія ўсячыны. І пясок вазілі тачкамі, гдзе-та аж за Пілаву.

А калі Кіненгсберг забралі, асвабодзілі, мне ўжо стала васемнаццаць гадоў. І я адслужыў шэсць гадоў, матушка пяхота, прайшоў. (І дзе?) Кіненсберг. І адслужыў шэсць гадоў. І пяцьдзсят первым гаду прыйшоў дамоў, а тут усё голае і ўсё спалена – ні хаты, ні дама якога – усё абсалютна. Толька асталася пуня, а астальное... Прыйшоў на голае места.

Записано в 2010 г. от Скрабатуна Антона Леоновича, 1927 г.р.; д. Русский Заулук Глубокского р-на.

* * *

Асвабодзілі нас амераканцы. Я дык быў у концлагеры. Не ў концлагеры, а ў лагеры. У концлагеры людзей забівалі. Каб ты свабодны быў, нікакой ахраны б ні было. Дык ні свабодны. Дык лагёр быў, а ня концлагёр. Концлагёр гэта, дзе людзей білі. Хлеб быў, знаіш, з апілак. З апілак, підзісят працэнтаў апілак было. Там дадуць, свіціцца хлеб этат. Бруквай такой кармілі, што нівазможна. Там людзі хадзілі - усе рэбра відна было.

(А вот тут парцізаны ці былі?)

Тут жа парцізанская зона і была, за тое дзярэўня была ўся спаліная. Ні аднэй хаты ні было, усё спалінае было, усё немцы спалілі. Баба гаварыла, што сто семдзсят хат да вайны было. Ну, гэта тады ж да вайны было. І тутака, і тутака – і скрозь дамы былі, дзярэўня была. Ай, спалілі немцы. Што парцізанская зона была, немцы ўсю дзярэўню спалілі. Парцізаны тут былі, а немцы у Зябках.

(Парцізаны ці добра з местнымі былі?)

Парцізаны, пака атрад ні прыйшоў, у Хралах ні астанавіўся, тут парцізаны былі такіі: хадзілі агрэбалы. А як сталі самастаяцільныі парцізаны – тады ўсё закрылася, яны ні далі, зловяць гэтага і дажа растрэльвалі. Ну дык парцізаны былі самастаяцільныі. А былі аграбалы. Забіралі і карову, і усё забіралі. Ён прыйдзіць, усё у хаці пераверніць і забіраіць. А гэныі былі, як армія.

(А тут яўрэі да вайны ці жылі?)

Ой, тут жа ж у Празароках было, у Зябках – скрозь было. У Празароках, гаварылі, іх як стралялі, дык каторыі і жывыі

дажа клалісі недастрэліны. Дык магілу як закапалі, дык хадунам хадзіла магіла уся, што людзі яшчэ яны былі ні забітыі каторыі.

(А вы раскажыце, як вас гналі.) Я дык помню! Помню як гналі. Як немцы, у Гітліра былі мы. Там бацькі, усе, і мы былі. І тады флаг развешалі, во, як ідзеш у Івісь, мост там дзіраваный відзіў, з левай стараны? Мост быў дзіраваный сдзеланы, а як гналі тады яны нас – піранялі немцы, і там па вазах сталі шарыць, каб яйкі, сала ім давай, масла. А тады во прыгналі да кладбішча. Тут жа ж былі палажыўшы і пулямёт паставілі. Каб хоць дзе парцізан чуць стрэліў – і усё, усе б пагіблі. Ля кладбішча палажылі і усё. Тады дзяцей і з жанчынамі у хату, а мужыкоў – у сарай і саломай абняслі.

(Тут былі паліцаі, што з немцамі?)

Паліцаеў тут ні было. У Германіі дык былі гэты паліцаі рускіі. (А тут так ні было?) А тут у нас ні было, парцізаншчына ж была. Як яны сюды? Ні маглі быць паліцаі.

Записано в 2010 г. от Анашкевича Антона Михайловича, 1934 г.р., д. Шо Глубокского р-на. Соб.: ОВЕ

* * *

З Безразвечча іх гналі, з Баразвэчча, туды на Ёшачу іх гналі¹. Я ішла у Шо да цёткі, я ня тутака ішла, а вось з гэтага канца. Выхаджу за канец дзярэўні і там жа мне паварачваць у Шо. І гэна дарога. Гэтай дарогай яны іх гналі, там ужо меней было там хат, там ужо лесам болей гналі. Стаю і гляджу. А тады гляджу – і сабакі, і канваіры з бакоў. А іх гналі дык там адзін прэд адным. Гэтак блізенька адзін прэд адным. І я не знаю, ці яны былі звязаны гэтым цэпямі, я ня ведаю, толькі барабанлі гэты цапы. Я ні знаю, ці можа яны у іх адзін к аднаму папрывязаны яны былі. Ну я стаю гляжу, тожа я ж тады ж не бальшая яшчэ была. Але ж власці ні знала гэтай, што яна болей строгая гэтка. А тады адзін як раўкнул на мяне: Чаго стаіш? Ну, ціханька сабралась і пайшла. І іх дагналі толькі да Вулы. І тутка ўжо іх некалі ўжо было гнаць, і тады іх у Вуле усіх

¹ Свидетельство очевидца о этапировании заключенных тюрьмы НКВД г. Глубокое (на территории бывш. базилианского монастыря в Березьвечье), которые были расстреляны 26 июня 1941 г. в г.п. Ула.

растралялі. І вот наш з Хралоў быў там разам мужчына, катарый, я во казала, што забралі сразу, як савецкая власць прыйшла. А ён астаўся жыў. Там і мёртвыя, і жывыя – усе ліжалі. А як яны ўжэ паехалі, ён падняўся. А тут немцы найшлі, як ужо немцы прыйшлі, тады ён ужо туды. Дык ён у Англіі жыў і ў Англіі памёр той чалавек. Во як білі людзей страшна.

(А ці многа там людзей вялі?)

Я канца на дарозе і начала ня відзіла. Там я ж ні знаю, дзе канец быў, а тутака я начала ня відзіла, ну, ніхай кілометры два абізацельна былі дліной гэта людзі. Як страшна. Тады прыйшла, тату кажу. Ён мне тады сказаў: “Маўчы ціханька, нічога не кажы. Каб нічога не сказаў, нічога ні чуў хто”. Яно нам жыць было “добра”, нам і у калхозе было “добра” жыць: мы робілі, сем жа гадоў робілі саўсем дарма – ні капейкі, ні кілаграма, нічога ні далі, толькі робілі.

(А у вайну ці было тут многа парцізан?)

Многа было. У нашай дзярэўні у кожнай хаце было па дзесяць, па восем, па шэсць чалавек. Тады, ужо як немцы прыйшлі, гэтыя немцы ўжо адступілі туды, у Празарокі, тады у нас ужо тут парцізанская зона была. Ай, тады страшна, то немцы прыедуць, як ужо парцізаны ўцякуць. То раз хацелі стрэляць парцізаны па немцах. Немцы выехалі на возера, возера замёрзша было, а яны ўжо будуць страляць. А іх жа сталі прасіць: ну нас жа спяляць! Гэта зімой было. Ну, яны і пайшлі ў лес, не стралялі.

Немцы ўзналі, што былі парцізаны, сабралі усіх мужчын: нада паліць дзярэўню і людзей. Дык яны па-нямецку гавораць, а мой тата быў у іх у пляну, дык ён умеў па-нямецку гаварыць. Ён чуіць, што яны гавораць А гэтыя ж ні знаіць ніхто нічога Ну, але тады солтыс з нашай дзярэўні быў з імі, той ужо прасіў іх. Ні спалілі нас.

(А гэты солтыс, хто ён быў? Чаму яго паставілі солтысам?)

Гэта немцы паставілі. Проста паставілі. Ён быў малады мужчына, вот яго проста і паставілі. Ён дужа ня быў тут, ён уцёк у Празарокі, з імі быў ён тады і ўжо не вярнуўся сюды. Ну, тады ж нас бамбілі. А-а-ай! Цэлы дзень бамбілі. Немцы тады ўжо, наступалі ўжо. У Полацку загрузюцца, толькі прылятуць,

скінуць-скінуць бомбы і знова, знова лятуць, і знова гэта. Ай, цэлы дзень бамбілі, але ўсе роўна тамака ўсе гэтыя сараі пагарэлі, а тут ужо дзярэўня дык мала хат яшчэ спалілі. Было бела возера ад адной рыбы. Паглушылі ўсю рыбу.

(А парцізаны не прыходзілі, не адбіралі лішняга?)

Усё пабралі ў нас. А яны парцізаны, нашы, што парцізаны былі, яны толькі гарэлку пілі ды і вабшчэ яны там дужа нідзе ня дзействавалі. Яны толькі да “жалезкі” што забралі, то заберуць туды, за “жалезку”. А ў нас жа ўсё пабралі. Ну, што пабралі? І карову пабралі, усё чыста пабралі. Ну ваівалі ж, ваівалі ж, называіцца, а ікая у іх там вайна была... Каторы іны і лепей ваівалі. Хадзілі ж і нашы некуды, на заданія хадзілі.

(А тут з вёскі многа хто ў парцізаны пайшоў?)

Усе былі мужчыны. Усе.

(Калі немцы, ці потым?)

Не, гэта як немцы былі, дык у нас усе дома былі. Там, у Вушацкім раёне яны (партызаны) начыналіся, мусіць. (З Ушацкага прыходзілі?) Спачатку год жылі ціха, а тады ўжо сталі парцізаны. Ну, але немцы тады людзей бралі у Германію.

(Якія тыя немцы былі?) Абыкнавенны. Нічога дужа, у нас вавабшчэ яны нічога тады ня робілі, пака парцізаны ні паіўлялісь, яны нічога ня робілі. Пахалі, тамака робілі. Ну калі-нібудзь падводы возьмуць, канёў сколька куды ім завесці нада.

(Яны забіралі і не адвалі?)

Не. Аддавалі. Ну, з хазяінам. Едзіць хазяін. У Кублічах тут стаялі немцы. Гарнізон ііхны. Ну, і тут жа ў нас у Зябках і Празароках. Тутака нідзе ні было ў нас. Мы такі былі нітральнымі. Былі-жылі, абыкнавенна жылі, робілі ўсё. Ну, а тады, тады ўжо пачалі і ты, і ты. Ай, дужа было страшна!

А тады ўжо як сталі парцізаны, дык нам ужо тады хоць добра стала, мы ўжо толькі знаім, што тут ужо немцы ня прыйдуць. Самалёт прылітаў, нешта. Садзіўся на возеры. Начаваў. Такі малінькі, савецкі. Як парцізаны былі. Ці ён прывозіў што, ці ён можа забіраў якіх раніных, ці што. Там, пад вербінай. Вербіны дужа на возера насунуўшы, дык ён пад веткамі схаваны. Дык усё-ткі немцы ўзналі, як яны тутака прыліталі, а паслі усёроўна ўзналі, далажылі туды, што самалёт у Хралах.

(Гэта у Галандзію вас немцы адправілі? І што вы там рабілі?)

Капалі акопы. Ну, мужчыны капалі процітанкавыя акопы. Ну, а мы ж зверху пясок гэты аткідвалі. Гэта ж равы бальшыя, глыбокіі, па тры метры. А што тыі акопы маглі – нічога! Кармілі ж, каб з голаду не памёрлі. Як яны завуць, капуста гэта і бульбіны пакрышынай, і у вечары гэтак. Ну, калі можа там крупіны якіі. А гэта у абед гэтак! А рана – скібачку хлеба і чай. А хлеб, ай, тоненька, во так на палец нарэзан. Але посны усё роўна ці маргарын ці варэнне якое, але ўжо намазаны нечым. А там тады каторыі былі даўно, ні з нашай дзярэўні, а з Завулку Рускага, той там ужо неяк дабыў картачак хлеба. І даў быў мне тыі картачкі. Дык тады ужо дабаўлялі мне па гэнай картачкі хлеба, дык тады трошкі ужо болей было. Ну, жылі ж, усё ж не памёрлі ж.

(А там толькі беларусы, рускія ці там адусюль было?)

Ай, і палякі, і французы, і італьянцы, і аўстрыйцы... Там усе на свеці, усе-усе былі. Усякія. Украінцы. Усе, усе, усе.

(А як вы назад вярнуліся?)

Ну вот, там мы жылі тады. Гэты амераканцы маўчалі, пакуль нашы ўжо мусіць к Берліну не падыйшлі.

(Як маўчалі?)

Стаялі на месці. Ні наступалі усё. А тады ужо як сталі наступаць, тады нас папёрлі адтуль. Ну і гналі, гналі, гналі. Немцы. Вобшчэм, я ні знаю, чаго яны гналі. Каб нас ужо кінулі калі, не гналі нас. Ай, дзе як пападзёмся у такую перастрэлку... Ну так страшна, усё б'юць, усё ломяць. усё крышуць. Не, ізноў далей вядуць. Ну дзе-нібудзь пярэймуць, ужо есці нешта ж далі. Нада ж нешта каб і пакарміць. Тады ўжо палонікам нейкім бульба з шалупкамі і ў платочык, з'ем. Як смашна было, кажу, і шалупачкі, усё з'елі. А цяпер усё ні смачна. Дзе-нібудзь ідзём, тады салдаты зверху кінуць то хлеб, чаго-нібудзь, якое пячэнне даюць нам есці.

А тады ужо прыгналі нас і кінулі саўсём. Сталі гэты амераканцы наступаць і нас тады кінулі. А там нейкая дзярэўня была. У нейкай дзярэўні ў нейкай Шоні жылі. Ну, тады тамака нас прывязуць, ужо раз у дзень ужо з дзярэўні пакормюць нас. Ну і так мы нашлі буракоў. Бурт на полі. Наварам буракоў

гэтых. Бяз солі з’ядзём. Ну, тады, як ужо усе кінулі. гляжу – салдаты лятуць у гэтак бок. Тады мы выйшлі каля бальшака былі, выйшлі на бальшак, нада некуда ісці. Ну што нам, у гэтай Шоні сядзець? Кінулі ужо нас, ужо ніхто глядзець ня будзіць. Сталі ўсе расхадзіцца. І мы далісь у гэтак бок, куды машыны ідуць. А іны кажучь: “Туды ідзіці, там русіш”. Відзіш, а яны ад рускіх ужо уцікалі.

Ну, тады мы ў нейкі пасёлак прыйшлі. Тады ўжо амерыканцы прыехалі, нам прывялі каня, зарэзалі, падзялілі нам па куску – ужо нам ёсьць што есці. А тады сразу зробілі сталовую і, праўда, кармілі на ўбой. І пячэнне, і варэнне, і чай, малако, ну ўсё было, так ужо кармілі. Ну, мы там жылі ад мая месяца ну, можа, да іюля. Ну, тады яны павязуць ужо нас да рускіх ужо.

(А ці можна было застацца? Ці былі такія?)

Вось, дзе мая сістра была з мамай, там можна было застацца. А дзе я была, нас ніхто нікуды ні прыглашаў. А яны ні асталіся, што мяне ні было. Каб я разам была, мусіць сюды ні прыехалі б. Там многі аставалісі. Ну, мы ж зналі, што нічога няма. А куды вяртацца – невядома. Ну, прыехалі да граніцы, ужо поезд прывёз. І с аркестрам адправілі нас гэты амерыканцы, усё як нада.

(Амерыканцы з аркестрам, а як нашы сустракалі?)

Як пірашлі на ту старану, а нашы, як зьвяры. У гэтых лампасах, пагонах, што гэтыі НКВД, ці што. Гэта што малінавыі такіі (лампасы) ў штанах. Ай-яй-яй-яй! А мы, як мы гэты западныі, мы ні зналі, ну, ні зналі жызні іхнай. А йіхныі сталі ўцікаць назад. Каторыі с тэй стараны. Кажучь: “Нам жызні там нет. Усі роўна нам Сібіры ні мінуць”. І яны даліся ўсе назад. Ну, а мы ўжо асталісі. На дапросы ж ганялі. Як прыйдзіш: “А чаго ехалі? А што?” Ну што мы ехалі, ці мы ехалі, ці мы хацелі ехаць? Ай! Ну тады як далі нейкую булку хлеба а яе раздзяліць неяк, яна разваліваецца. Хоць казалі яны, што там хлеб с апілкамі, але тамака хлеб быў добрыі, у Гірманні. Які ён ня быў, ну ён быў, атрэжыш якую хочыш скібачку, а тут ні знаю, які ён быў хлеб. Ну і мы тут пакуль, ужо нас на дапрос свадзілі, тады атправілі ў Гродна.

(А там дзе вы у Гродна былі?)

А там плошчадзь вялікая, там можа большая, як тутака пасёлак, і тутака зімлянкі парыты былі. У зімлянках. У кожнай зімлянкі поўна людзей. Там ж тожа ўсякія былі. Тады тут ужо расфарміравалі куды каго – дамоў. Але неяк мне павязло, я ні знаю хто мяне узяў на кухню. Дык я ужо там трошку хоць таго самага булёна, але ужо пад’еўшы была. Ну тада ў дзікабрэ месяцы дамой ехаць. Нас забралі у сорак пятам, в апрэлі месяцы. І вот ад таго мы бадзяліся ўсюду.

(А вось калі сюды прыехалі вам нічога не успаміналі, што вы былі у Еўропе?)

Неа. Тутака нічога. А толькі там дужа яны страшныі. Хто ты, і што ты, адкуль? А тутака ужо нічога.

(А калі немцы бралі, проста грузілі на чыгунку і везлі?)

Ай, нас там ні пыталісі. Старых у Псуі пакідалі, усіх старых. А нас пагналі ў Зябкі, у таварняк пасадзілі, там адзін на адным, запёрлі і усё. І там дзе мы ехалі, я нізнаю сколькі мы ехалі, і нас нідзе ніхто нічым ні пакарміў, нічым ні папаіў. Нічога ні адчынялі, як тавар які загрузілі і павязлі.

Записано в 2010 г. от Хрол Чеславы Брониславовны, 1926 г.р.; д. Хролы Глубокского р-на. Соб.: ФВС

* * *

Немцы прыйшлі, старыкоў усіх сабралі і хацелі во спаліць, у сараі, загналі ў сарай. А патам палажылі вон тама-ка возле кладбішча, пулімёт паставілі... Ні адзін парцізан не адстрэльваў, нічога... Тады казалі падняцца ўсім, а тады вывезлі ў Германію. У 44-ым нас вывезлі, у 45-ым нас асвабодзілі амерыканцы. А ў нас, калі прыехалі, усю дзярэўню сажглі, ні аднаго дома не асталася. Усё спалена было, нада была выжывацца, строіцца.

Тут ноччу прыхадзілі парцізаны, днём – немцы. А патам, як ужо астанавіліся здзесь парцізаны, немцы сюды не прыхадзілі. Вот гэта там станцыя Зябкі – там немцы былі, а сюды яны не прыхадзілі.

Немцы білі, палілі. Але былі і добрыя, але гэта рэдкі случай. Немцы былі і лепшыя, як нашыя паліцаі. Ехалі мы, не было чаго есці, і мы ішлі, во ездзілі сюды за хлебам. А во

ляжала з Фралоў дзеўка забітая, яна ішла сюды во проста. Усё снялі і трусы і ў жывот палку пасадзілі. Гэта “«народнікі»”, паліцаі. А ў чым разніца, толькі па чым панялі: у немцаў была форма зялёная, светлая такая, а ў паліцаяў цёмна-сіняя, а гузікі белыя. І мы ехалі за хлебам і гэтая дзеўка ляжала голая, раздзетая, і палка ў жывот усаджаная, а гузік вырваны – білася, відаць, ужо знала яна, што яе смерць. І вот схвацілася за пиджак і вырваўся гузік. Паліцэйскі гузік ляжаў каля яе. Во, толькі па чым панятна было..

Записано в 2010 г. от Анашкевич Анны, 1929 г.р., Анашкевича Ивана Михайловича, 1930 г.р.; д. Шо Глубокского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(А вот як у вайну з партызанамі?)

Ну нармальна, у іх жа сваё начальства. У мяне вот і брат старшы, ён 24-га года, быў у партызанах. Вы знаеце, настаяшчыя партызаны, яны работалі, яны ж хадзілі на жалезную дарогу, падрывалі. Ну вы, ж, па-мойму, чулі па радыё? Пад адклон пускалі гэтыя вагоны, ўсё. А былі ж между імі і жулікі. Знаеце, ён можа і ў тых партызанах ня быў, а прыйдзець разам. Канешна ж, бралі, ім жа нада была і адзецца, і абуцца... Дзе стаялі ў лесе, дзе вот тут вот Ушацкі раён цяперака, часць Полацкага раёна. Тут яны былі. Па хатах дажа стаялі. Вот тут во Бабынічы дзярэўня, ну вот тамака, каля Полацкага раёна. Тамака па хатах атрады стаялі бальшавікоў. Вот брат мой быў у гэтым атрадзе. А аэрадром – гэта здесь, у лясу быў, вот прама туды за кладбішча.

(А вот скажыце, паліцаі ці былі тут?)

Ну, тут у вёсцы яны самі не былі. Яны толькі нападзілі. Гэта возле жалезнай дарогі, там болей. В обшчэм, па жалезнай дароге яны былі. Былі ўсякія. Дзе ж ён будзе добры, воўк. У нас была: адзін брат у парцізанаў, другі ў немцаў. Так было вот. Ну вот, гэта і такія сем’і былі. А мой брат быў у парцізанах. Яны вот тут во папалі ў акружэнне, блакада была. Тут жа цьма народу пагібла. Ляжалі адзін на адным, бітыя. Алі яны прарваліся сюды, у гэтыя лясы. Пабеду ў Кёнінгсбергу ўстрэціў.

(А яўрэяў тут як?)

Яўрэяў у Зароках іх многа было. Ну тут жа адзін дзень быў аб'яўлены, іх сабіралі ўсіх. Іх там к Зарокам бліжэ. Тады іх там на горке закапалі. Кажуць с утра, што за страляніна? А после дайшлі слухі. Немцы жыдоў пабілі, ай, халера іх ведае. Ну, яны нацыю гэтую жыдоўскую хацелі унічтожыць. Жыдоў, цыганоў.

Записано в 2010 г. от Глебко Любови Викторовны, 1928 г.р.; д. Шо Глубокского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(А ці палілі тут немцы?)

Усё! Усё спалена, ўсе гэтыя дамы пасля вайны строены. Усё спалілі, усіх людзей выгналі у Германію, кінулі толькі старых. На міны гналі. Мы тут страху відзелі, каб вы толькі зналі! Гэта ж пака ўстанавілася тут партызаншчына, парцізанская зона, так тут пераляталі партызаны і пераляталі немцы. І прылятуць немцы і пытаюцца, ці былі партызаны. А мы іх не баяліся, парцізаны ж нашы, а немцы ж баяліся. Тожа ж было страху, хай Божачка бароніць. А калі ж ўжо блакада ішла, немцы на парцізанаў, там у канцы возера, называецца Кабылінка, там была перадавая. Адтуль са Слабады над возерам білі...

Ну, а тады ужо парцізаны адступілі, занялі яны (немцы). І вот тут перад кладбішчам усіх чыста у рад палажылі, паставілі кулямёт, і каб парцізаны чуць выстралілі, то нас бы усіх забілі. Ну, нас падзержалі-падзержалі і адпусцілі. Далі усім каманду: баб і рабят – у гэту хатку, а мужчын у пуню заперць. І гэтак ноч начавалі. На заўтра пасарціравалі нас: маладых, сем'і, асобенна старых, і малых рэбят асобенна. У такія шары павыстраівалі. І вот прыехаў начальнік. Як зараз бачу, боты бліскучыя, шынэль, пагоны тут бліскучыя ў яго. Ну так мы думалі, што нас будуць страляць, малых і старых. На каленечках паўзлі да гэтага начальніка, цалавалі ногі, каб яны не стралялі. Тады ён адну каманду, каб усіх разам... І пагналі нас, туды во загналі, і глядзім – яму капаюць. Ну, думаем, ай-ай-ай, во, як пастраліюць нас усіх у гэтую яму. А нас пагналі і пагналі, загналі туды, дзе крыжоўкі такія, дарогі такія. Зазірнулі туды, а там – азерка

такое. Ну ўсё, думаем, будуць тут нас страляць. Не, апяць пагналі у лес.

І як кабылка тая і падводы вязлі там вешчы якія там рабят, і вот там бяроза тая сагнутая, можа спецыяльна, і міна паложана. І вот немец падыйшоў, падняў гэту бярозу... Хто шоў дарогай цэнтральнай, чатыры бабы, – адной ногі адарвала, а тры качаліся так. І была дзевачка, качалася, як клубок. Ну, немцы нас і пагналі на Псую. А вярнуўся немец, ну і застрэліў тую дзевачку. А страху ж пераняслі! Вайна, страшна, каб вы толькі зналі, што ўжо пераняслі! Так ужо не дай Бог, каб ні вы, ні дзеткі вашы, каб не ўнукі – ніхто не папалі ў вайну! Як жыць, але жыць-жывем. І пад'еўшы і спакойна, спім і нікога не баімся.

(А вот партызаны ці былі тут?)

Да, у нас во у Хралова штаб стаяў. Я вам кажу, ужо тады ў нас тут сталі парцізаны. Тады к нам немцы ўжо не прыязджалі. Штаб стаяў, у ім там начальства, і тут ужо хадзілі гэтыя дзяжурныя – гэта ахрана была. Мы не баяліся. Парцізаны ж – гэта нашы і браты, і дзеці, ўсе ж ішлі, немца баяліся і к парцізанам спасаліся. І дажа некатарыя былі пашоўшы. А вясной ужо і пашла блакада. Шоў немец на парцізан.

(Ці былі тут паліцаі?)

Ну, гаварылі, былі. Былі дабравольцы. Ну якія дабравольцы: украінскія, літоўскія... А ад нас я вабшчэ нікога не помню, каб хто-небудзь пайшоў да немцаў. Немцы былі лепшыя за дабравольцаў. Я ж во гавару: бабы на каленях падпаўзлі, ну, во можа у іх быў план пастраліць нас малых, ды старых, а яму бабы сталі ногі ўжо цалаваць і ён каманду даў – і усіх не пабілі. А там ужо ў Псуі пабралі, павывазілі, пакідалі гэтых малых і старых, далі ім 2 каровы, немец даў. А гэтых усіх павязлі ў Германію. І з Германіі паварочаліся ўсе цэлыя, адна сям'я там пад бамбежку папала, а так усе. Да і чыстыя немцы былі, ў іх былі сем'і, думаеце, яны хацелі? Ну во, у іх абоз быў, там дзе у нас сараі. Ну, там сена складалі, а ў іх стаялі коні, фуры. Прыйшоў к нам немец у хату малады, малая во гэтак, але помню, што баяліся немцаў. Прыйшоў і выняў фоты, паказываіць маім радзіцелям, што не хацеў ваяваць.

Записано в 2010 г. от Анашкевич Евфросинии Васильевны, 1930 г.р.; д. Шо Глубокского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

А тады парцізан тут быў Борка, мама казала. Быў красівы. І была тут дзеўка ў Гулідаве. Такіх тут і ні было па акруге. Яна вяла сябе нядобра. І із немцам, і із гэтым любілася, з Барысам, мама ўсё гаварыла. Мама была партніха. Дык казала, што іна ўсё шыць прынасіла. А яна тожа із парцізанамі хадзіла і абірала людзей. Мама казала, што яна неяк прынясла плацця перашываць, а яна глядзіць, а гэта ейных родственікаў. А яна кажыць: “Ну дык што, былі тваіх – сталі маіх”. І гэту Геню здалі. Што яна і з парцізанамі была. А яго, гэдак жалелі ўсе. У панскай хаце жылі цёткі. Як прыхадзіў, яго і накармілі. І ў той дзень і сала далі, і яйкі зварылі, хлеб. А яго ў Гусакова звалі, што там будзе нейкая сустрэча. Ну ён жа быў парцізан... Ну, а тыя мужыкі там, яны із немцамі былі. Яго немцам здалі. Плакалі тут усе, жалелі. Яму век і парцянкі дадуць, а ён такі добры быў, не чапаў. А былі такія парцізаны, што тока хадзілі і абіралі.

(А ў паліцы ці многа тут пайшло?)

З акраіны? Тутака з Гулідава з гэтай акругі і не. Тока, цяпер гэта ягоны ўнук ужо прыдсідацель, дык дзед ягоны быў солтас, нейкія ж солтасы былі. Як стараста. І ў Рудакове быў адзін. Гэты тожа гэтым солтасам быў. А што былі павывазіўшы немцы сюды, гэтых ужо звалі бежанцы. Яны ўсе бабы, ўсе пааставаліся, папрыязджалі без мужыкоў. Гаварылі, што ўсе іх мужыкі былі паліцаямі. Із Лепеля былі яны. І дажа адзін мужык быў, ён тожа быў паліцаям. Прыехаў, такім ён ужо быў важным. І ён ужо да адной жанчыны прыстаў і жыў. Но ён быў паліцай. Быў врэдны. Яго ўсе баяліся. Ну ўжо яго німа. У нас тут многа пааставаліся.

(Ну, а ў вайну ці дужа галодна жылося? Немцы ж, мусіць, падаткамі абкладалі?)

Абкладалі. Ну, канешна. Я яшчэ малая была, помню. Якая там ежа?! Хлеб пяклі, дык дабаўлялі мякіну льняную. Вот. І траву там нейкую, можа лебяду, сабіралі. Вот гэдак во пяклі.

Записано в 2012 г. от Сивицкой Кристины Николаевны, 1940 г.р.; д. Гулидово Глубокского р-на. Соб.: ОВЕ, ЛВА.

* * *

(Ці прыходзілі парцізаны?)

Жалезную дарогу ўзрываць прыходзілі. Но ані былі, знаеце, з-за лініі фронта. Кажуць: “Хазяюшка, можа ў вас там хлеба ёсць?”. А першы вапрос быў: “Убярэ пса, -кажыць, – мішаіць работаць”. Сабака брэшэць, а немцы туды-сюды хадзілі па жалезнай дароге, – значыць чужой. У нас там мінут сорок было да жалезная дарога, дык рэйкі ўверх. Эта цяжолая вайна была, дзе з імі справіся.

(Канстанцінава вёску ці палілі немцы?) А здзесь не было вёскі. Эта быў маёнтак там, пан жыў, эта была панская зямля. Былі тут хутаркі, яны скуплівалі ў пана зямлю. У нас паліць сабіраліся, у нас такая дзерэўня Шарабаі ёсць. Ток стаяў, салома стаяла, бензін – усё было, і не сагналі ў ток нас, к вечару адпусцілі. А бацьку связлі, кажучь, дзе аружые? Збілі, две нядзелі качаўся, живога места не было, усё ў сіняхах было.

(А партызаны добра адносіліся да людзей?)

А што ім? Нічога яны такога... Ну знаіш, яны такія пад відам абіралы, дык яны бандзюгі, яны не парцізаны. Эта бандзіты. Я тока з-пад коўдры глядзеў, як гэты парцізаны на парцянкі рэзали і хлеб бралі, які ж я быў тады. Ні немцы не хацелі с парцізанами ўстрыцацца, ні парцізаны з немцамі, каму хочацца пулю? Еслі было, то тока еслі заданіе. Вайна – эта страшная вешч. Немцы яны ўжо, пасля Сталінграда вушы апусціліся. Вады яны сырой не бралі, тока вада кіпяцона, вода кіпяцона. “Клоп німа? Клапоў нет?” Адзежы ў іх не было, зімой у пілотках былі. Тады хусткі там нешта завязывалі, ну на фронце ж там хто яго ведаіць? Там жару давалі, знаіш.

Записано в 2012 г. от Вышадко Александра, 1936 г.р.; д. Константиново Глубокского р-на.

ДОКШИЦКИЙ РАЙОН

* * *

(Скажыце, а тут вайной палілі немцы?)

Канешна! Усе дзярэўні палілі. І Бірулі. Бірулі апора была партызаншчыны.

(А тут парцізан было?)

Ага, і на ту сторану. Бірулі ўсе спалілі былі. У зямлянках, капалі зямлянкі і жылі. У канцы возера там маёнтак быў, так туды ўцякалі і зямлянкі капалі, і скаціну вывадзілі. Усё роўно, нахадзілі ў балотах, забіралі. Я яшчэ малая была, гады тры, помню, што ў балоце немцы. Ці гэта вясной, ці гэта восенню? Мяне пасадзілі на калёсы, а ўсе астатнія ішлі пешшу, тады ж загналі у пуню. А з пуні тады, хто выйшаў, каго там расстралялі.

Записано в 2009 г. от Авласевич Клавдии Петровны, 1940 г.р., Ермолович Таисии Ивановны, 1939 г.р.; д. Бирули Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

Мілы мой, дык і немцы ж былі ўсякія, усякія ж немцы былі. Каторыя катавалі, а каторыя і добра абрашчаліся. Вот мы былі забраныя. Гэта вот у Заглініні былі ў бункере, дарога там была зроблена ў Параф’янава на Лепель, узкакалейка была. І там немцы ахранялі яе. І вот нас як забралі, і нас на дароге на гэтай гналі ўсіх у Старасельскам, усіх-усіх у гэтай дзярэўні. У гэтых акопах во насадзілі і гналі. І нас выбралі – чатыры дзяўчыны выбралі і ў бункере загналі. Мы ж думалі, нас паложуць, біць будуць. А мы с сястрой былі, у нас нікога ў парцізанах не было і вабшчэ мужчын не было. Папа быў калекай. Гарбаты, маленькі быў папа. А ў нас, толька дзеўкі мы былі, а мальцаў не было. Дык мы толькі спужаліся з сястрой, мы с сястрой былі, што нас выбралі – пагонюць страляць, а за што нас будуць страляць? У нас жа нікога нідзе нет. А две прышлося, йшчэ дзве яны выбралі дзяўчыны і ў бункеры, і памагаць повару есці варыць. Вот, а тутака ўсех яны ўжо на фронт пагналі, ужо фронт быў недалёка. А толька повар і гэтых, каторыя дарогу ахранялі, ён вазіў есці ім. Ну а мы сядзелі рэзалі, бульбу там чысцілі, памагалі яму,

повару гэтаму. А тады ж ужо, як прышлося, гэта дажа не давалі нам гаварыць з палякамі.

І палякі былі, тады ж у немцаў дык усякія былі, дзе немец браў, дык у армію бралі. І палякі, і аўстрыйцы былі, і гэтыя ж, балгарцы былі. Дык два палякі было, сталі ўжо, ну гэта ж тылавая часць. Гэта гавораць: «Паненкі, дзікі немец, там і там», – па-польску кажыць. І той як замеціў шэпт, што ён гаворыць з намі, Натачка давала яму, дык ён будзецц ісці, во так галаву адварнуць ад нас і будзецц нам аб’ясняць, дзе-небудзь, каб мы ўжо зналі. А тады ўжо последнее врэмя пад фронт ужо гэтых гналі і тылавую часць ужо, хоць і старыя. Вот нас загналі ў Бярэзіно. Шла гэта, пад бакамі запрывжэна ў іх і кухню цягнулі, і мы разам з кухняй шлі. Прывязлі нас у Бярэзіно, а нейкая хата неспаленая там была, а ў той хаце як увязлі нас – ляжаць немцы раненыя. Адзін паказваецц во – піць, ну мы там найдзем, што-небудзь падносім. Гэтага кранеш, гэты як закрычыць, ну мы там ноч цэлую пераначавалі. Пераначавалі ноч, а на заўтра рана прыйшла машына і гэтых немцаў, усіх раненых, пагрузілі на машыну і адступалі ўжо. І эта наша кухня адступаецц і мы.

Прыехалі з Бярэзіна, вот тутака такое места Трандыно называлася. Цяпер яно завецца, Трандыно тое. Дык тамка гарушачка, астанавіліся немцы тамака, а мы выйшлі сядзім, адтуль во і Бірулі відаць, Стараселле. А Стараселле ўсё спаленае было, і Бірулі. А ў Стараселлі яшчэ было нескалька хат астаўшыхсі. Самі с сабой гукаем, кажам, во каб чераз балота во так... А паляк пачуў, што мы гэтак кажам. А ён будзецц казаць: «Паненкі, ня думайце туды бегчы, тут кругом міны, замініравана. Вы ўсё роўна не дайдзеце дамоў, вас узлезеце на міну – і ўсё вам будзецц. А тут кругом замініравана». Ну добра, сядзім жа ж ужо, пераначавалі мы тамка, на дварэ ў Трандыне ў тым, а назаўтра як наляцелі рускія самалёты, как сталі бамбіміць. Немцы куды пабеглі, а мы і конь ужо прывыкшы, а мы пад эту кухню падлеглі і сядзім. Ну, нескалька забіла немцаў тамака, тады ўжо пераляцелі тыя самалёты, яны сталі сабірацца, ну і адступалі яны. Прыехалі на мост сюды, гэтыя, на Пустасельскі. Машыны, матацыклы ідуць сюды – адступаюць, а воду нема дзе прайсці. Тады там дарога на Варвань, там дзярэўня такая, Варвань, тады там Мількаўня, і вот аб’езд яны

гэта зробілі гэtki, туды паехалі і мы ж з імі. Прыехалі вот тамка Плітніца, дзярэўня, а за Плітніцай там такі двор быў, зваўся Гіліянова. І вот у гэтым дварэ яны астанавіліся. Немцы, нашы, ужо ж якіх мы былі. Вот яны астанавіліся і відзім, што ўжо, ну ужо ж відаць што капцы ім.

Тады, мне было пятнаццаць гадоў толька тады, а сястра была многа старэйшая, яны дзеўкі старэйшыя былі, дык яны выправілі мяне к шэфу прасіцца, каб адпусціў дамоў, бо Стараселле дзе, а Гіліянова аж там пад Докшыцай, пад тья, ужо мы дзярэўню сваю мінаем. Ну пашла ж я, пашла, а ён сядзіць нагу закруціўшы, а я як прыйшла, дык сразу на каленькі стала перад ім, рукі я схавала ў свае рукі, цалую, плачу і прашу, ён не панімаець што. Тады пераводчыка ён клікнуў. Пераводчык кажыць: «Што вам нада?» Ну я ўжо стала яму казаць, што мінаем ужо свой дом, сваю дзярэўню мінаем. Гэта, а куды нас павязуць? А ён гэтак аб'ясніў, а ён будзець казаць: «Немцам капут і паненкам капут» – аб'ясніў гэты шэф. Ну ладна, але мяне пагладзіў па галаве і гэта, усё тады прыхажу я, гэтак дзяўчатам гэтым кажу, што не адпускаець шэф нас, сказаў: немцу капут і нам – капут будзець.

А тады ў іх зваўся гэты доктар веценар, яны па-іхняму звалі. Чотка ён сказаў веценару, шэф гэты, надавалі нам адзеялаў гэтых, прастаняў, астальное ён там біў, ламаў усё гэта ўжо. І знаеш сынок, во ікона ў мяне, глянь, немцы прывязлі нам як толькі нас забралі. Яны даставалі з ямы, дзе людзі пахаваныя і мы с сабой усё врэмя яе насілі. У прастыні, сястра мая на два гады старэйшая за мяне, дык яна во так к плячам прывяжыць як закланку і насіла. Можа нас гэтая ікона сахраніла. Людзі расказваюць што ўсё ж не бяз Бога, і вот ён нас як абдзяліў гэта, а тады прыходзіць пераводчык і будзець казаць: «Шэф сказаў каб ішлі дамоў. А знаеце куды дамоў ісці?» Ну і старэйшыя дзеўкі зналі. Кажыць: «Толькі ён гэтак сказаў, што з дарогі нікуды каб не схадзілі, бо кругом міны». Вот ён жа ж і добры, і немцы ж былі усякія. Ну. Ну мы гэтак, мы, тады ён стаяў, вышэўшы з землянкі. Там землянкі былі дзе яны жылі, тады я аглянулася неяк назад, а сястра Манька гаворыць: «Манька, глянь што перчаткай махаюць,» – тады яна мах, хустку з галавы бярэ, хустка белая і яна памахала ім і сразу ў лес. Вышлі. А гэты

на вышцы там сядзеў, стаў страляць, а вещь он жа: «Я не знаў» – там паляк сядзеў на вышцы на тый. Стаў страляць, а вещь он паляк і казаў, што калі будзеце ўцякаць, а я на вышцы буду, дык смела буду страляць, а вы ня бойцеся, я буду па вярху. Только атвуд буду даваць. Ну ён вродзе ж ўжо не знаў, што нас шэф адпусціць, стаў страляць, але мы ўжо зналі, мы ўжо не баяліся. І пашлі гэтак.

Ішлі, ішлі, прыйшлі у дзярэўню ў тую, в Літніцу, каб чалавек, каб душа, нідзе нікога нет. Страшна ідці, людзей жа ж нет. Тады выйшлі на гэты бальшак. Лесам ішлі, па лесе, на бальшак на гэты выйшлі, баімся ж дарогай ісці. Ідзем па канаве беражком, прыйшлі ў Тумілавічы – каб чалавек, каб душа дзе, з Тумілавіч сталі ў Шалашы перабірацца. У Шалашы як сталі з Тумілавіч выхадзіць, на чыстае поле як выйшлі, гэта, самалёт наляцеў і з пулямёта начаў па нас страчыць. Мы падкаціліся там пад бярозкі, пад бярозкі, ён не папаў ніводнымі. Падкаціліся і гэты самалёт пераляцеў, мы тады ўжо пайшлі ў Шалашы, ужо пара людзей відзелі. Тады з Шалаш прыйшлі ў Стараселле, дамоў ужо. Хата наша не спаленая стаіць і папа зробіў пограб такі, ну землянку – хавацца. А з вуліцы частакол быў во гэткі во і ён каля самай хаты. А гэты ж частакол в сцене ж і дырку ён зробіў, з вуліцы, і гэта ж не в заметкі, гэта, частакол жа ж стаіць, ну мы гэтак кажам: «Будзем печ тапіць, хату абмываць і гэта, а калі што як будзем хавацца ж ўжо». Толька затапілі печ, дым пусцілі, а ў рабінавіку, там, немцаў акружылі рускія, мы ўжо прыйшлі дамоў, дык рускія шлі тутака і тутака, дык яны іх акружылі, дык яны, гэта, з Рабінавіка як началі снарадамі, як іх завуць, пушкі, з пушкі снарады як і сталі там ірвацца. Мы тагда агонь патушылі, няма дзе дзецца, няма куды ўцякаць, сядзім ужо ў дзярэўні. А папа памёршы быў, а мама пабегла ўжо к парцізанам, там жа гэта за ракой скрозь ж былі парцізаны. Уцякалі к парцізанам. Гэта ж ахрана – парцізаны. А што тыя, як ужо блакада ішла – парцізаны ж ужо нічога. Блакаду кругавую шла, ой не дай Бог, дзетка маё.

Записано в 2009 г. от Хилько Лидии Григорьевны, 1926 г.р.; д. Бирули Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(А вось як немцы прыйшлі, першыя немцы ў вайну, вы помніце?)

Немцы як прыйшлі, з самага начала я не помню. Ну гэтак ж сталіся так як нада, людзей не катавалі, а тады радзіонаўцы паявіліся, рускія перайшлі, мусіць, к немцам. Радзіонаўцы як стаялі тутака, Стараселле ж занялі былі. А тады гэтыя радзіонаўцы, два партызаны нашы дзеравенскіх прыйшлі, там як Шавеўскі пан быў і там яшчэ лесу пуны была і там у той пуні салома ўсіх была, і яны там два гэтых партызаны хаваліся. Прыйшлі дамоў, а тут немцы, ну, а зналі ўжо бацькі што гэта, у аднаго бацькі не было, брат толькі, ну дык узналі, ды есці ім насілі ў тую пуны ноччу. Ну а там блізка была такая Зося, яна болей-меней парцізанам прыяла, але і немцам паказала, што парцізаны там. Дык яе, як толькі адны парцізаны былі, немцаў не было, тутака ў дзярэўні, так яна к парцізанам цягнула, падказвала, а як ў дзярэўні немцы прыйшлі, так яна падказала, што там парцізаны. Можа яна думала іх біць не будуць, можа думала іх толькі ў плен возьмуць, а яны іх спаймалі, завялі ў балота і растралялі.

(Так гэта немцы, ці радзіонаўцы?)

Гэты радзіонаўцы, ну тамака ж і немцы былі, не адны ж радзіонаўцы. А партызаны, вот тут стаяў Мядзведзява атрад, а сюды, пад Бягомаль – гэта Ленінская брыгада. Дык як нашы, як што-небудзь нада, прыйдзець, спросіць: тое, тое нада... Ага, гэта нашы, Мядзведзевы а ўжо Ленінцы прыдуць у нашу дзярэўню, тыя ж ужо нахалам бралі. Ну, гэта ўжо ня іхняя зона. А нашы парцізаны, нашы добра абрашчалісь. Цяперака, цяперашні свет не прайшла б дзяўчына па лесе. Цяперашнім светам, каб партызаны там былі. А мы з парцізанамі хадзілі. Значыт, дзялоў не мелі да дзяўчат, маладыя ж парцізаны былі. Падказвалі, дзе прыхінуцца, дзе схаватца, дзялоў не было. Гэта цяпер свет зусім другі стаў. Парадак нейкі, дысцыпліна нейкая была.

(Ну, а ці хапала яды ў вайну, хлеба?)

Ай ну, хлеба ж хватала, парцізанам давалі, і скаціне аддавалі лішняе. Толькі знаеце, як недастаткі ў парцізана? Тады яны ўжо едуць туды, пад Крулеўшчыну, жалезнай дарогай. Яны

пад'язджаюць к дзярэўні, і верадуюць тамака, яны бяруць найбольшую часць, яны скаціну бралі, хлеба няма ні мукі, нічога, а толькі дабро. Дык панагружаюць нам вазы, і, там балота было, цераз балота цераз гэта. І ходу. А тады немцы, як узнаюць, пасля гэтага дзярэўні абабралі партызаны, а тады ўжо немцы блакаду робяць, нападаюць на партызанаў, ідуць сюды. Усяго было.

(А ці былі такія, што ў паліцью пайшлі службыць людзі? К немцам?)

Ай, не было такіх. Як радзіонаўцы прыйшлі, так нейкія паспарты робілі нам, у Докшыцы нада было ехаць. Паехалі мы ў Докшыцы, папа павёз на кані абедвух, і там падхадзілі. Так падхапілі мяне – і ў вагон. А гэта яны маладзёж ў Германію адпраўлялі робіць. І туты ў нас быў у паліцьи ў папы нейкі знакомы з Тумілавічаў, і тады папа пайшоў к гэтаму паліцэйскаму, гэты паліцэйскі выташчыў мяне адтуда, з таго вагончыка, і сказаў: “Убягіце, пакуль не позна”. Падхопяць, і неяк я патом не выцягну вас.

(І многа ў Германію забралі людзей?)

Ай, многа забралі ў Германію. А сястра мая па назначэнню сельсавета, тады ж гміна была, назавалася, а з гміны назначалі парціяцаў, камсамольцаў, ну а сястра мая не была. Са Стараселля пяць чалавек забралі, ну дык яна пісьмо гэна прысылала, што “ост” нейкі на плячах, што гэта былі непарціяныя. Ну, а тады мы ўжо бралі метрыку царкоўную і пасалалі. А тады знялі “ост”, і хадзілі яны ўжо ў Германію паволі, значыць парцейцы, камсамольцы, яны ж не будуць хрышчонымі. Вот, тады ўжо палягчэла ей там, яна ўсё врэмя, як тут парціяны былі, дык пісьма пісала. А як ужо ў Германію паявіліся партызаны, дык яна нам пісьма пісала, што “у нас паявіліся лясныя пацукі”, ужо пакуль нам гэта пісьмо прынясуць, ужо партызаны прачытаюць нам аддаюць і радуюцца: “О-о-о! Ужо ў Германію парціяны”.

(Так што, пісьма з Германію прыхадзілі?)

Пісьма прыхадзілі з Германію ў Докшыцы поўнасцю. А ў Докшыцах ужо нейкі Тарбунаўскі тамака забіраў гэтыя пісьма і перадаваў. А тады после, як тут фронт стаў адступаць, там тожа налёт робілі нашы, рускія. Дак ужо тожа пісала ў адным пісьме,

што: “Пралятаюць чорныя галкі і нясучь бальшыя яйкі”. Гэта тожа ўжо дагадваліся, што самалёты і бамбят тамака.

Записано в 2009 г. от Хилько Лидии Григорьевны, 1926 г.р.; д. Бирули Докшицкого р-на. Соб.: ЛВА, ОВЕ

* * *

Кажухі, знакомыя людзі, вот тут во пераварачывалі кажухі, хадзілі аграбалі.

(Эта вайной?)

Да, вайной, эта партызаны. Гэта вайной партызаны. Талковыя партызаны ў нас два разы былі, мамка хрэн яму давала. Прыйшоў камандзір і паставіў іх усіх: што б нікуды, ні шагу, - мамка во гаварыла. Калі атрады былі, дык яны дзе далей, а тут во, як выйдуць там пару чалавек. Паліцаі ж во наступалі на гэтыя самыя на бункеры, гэты партызанскія. Недзе толькі тады пастрэлялі немцаў многа.

(Ну а так тут немцаў надта не было, да?)

Былі. У нас у дзярэўні стаялі. Яны неблагія, немцы не, не, не. Ну, нічога благога, не как... Яны партызаны горшыя, чым немцы. Мы во кароў вадзілі, спасалі. Немцы нам аж сюды запусцілі. А ноччу бралі партызаны сабе. Абіды на іх няма, ну, яны ж у лесе сядзелі галодныя. А немцы былі наеўшысь. Былі і ў нас у дзярэўні немцы. Тады немцы адступалі, а гэтыя рускія наступалі – гэта я добра помню. Немцаў я помню, і па-нямецку троху ўчылі ешчо нас, адзін урок быў па-нямецкі.

(Дык і школа была тут?) Школа была. Была школа пры немцах. Вот у Слабадзе тожа ж і растралілі і павесілі. Тамака яны адзін аднаго павесілі. За сваі языкі. У нас ніхто адзін на аднаго нічога не казалі. І нашы, і нашы літоўскія былі ў партызанах мальцы. Яны пагіблі. Адзін, дажа два можа, тут во каля Палянін, каля пуці. Калі пуці падрываў, а падарваў сам сабе. Ну. Пагіблі. Тут во жылі на хутары яго бацькі гэтыя.

Немцы добрыя, яны не чапалі нас. А ў нас добрыя, слухая очень добрыя былі, то што нашы самі сабе ня елі. Што партызанаў не было ў нас, не хадзілі. А барані Бог, не баранаваў вуліцу, можаць пагібла б уся наша вёска тожа, еслі яго падарвала міна. Ну ў нас жа тут во па гасцінцы... Яны лажылі міны хоць дзе, партызаны немцам урабілі. Ну а тут вот стары чалавек паехаў, загадвалі баранаваць і

паехаў баранаваць. А тады каб, барані Бог, немца узарвалі, дык і ўсё і вёска ўся пагібла б.

Записано в 2009 г. от Бобровской Брониславы Владимировны, 1927 г.р., Бубневской Софьи Ивановны, 1932 г.р.; д. Литовцы Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(А як тут у вайну было, ці многа партызан было?)

Нашы ж тут усе Дзедзіна былі, і Несцераўшчына, і мужык мой – усе былі ў лесе, баяліся немца. А немец хаты папаліў усе.

(А гэта былі парцізаны, ці проста хаваліся ў лесе?)

Партызаны былі. Яны, хто падб'яжаў пад вайну, парцізаны былі старшыя, а яны былі младшыя, хадзілі з вінтоўкамі.

(А ў парцізаны забіралі ці самі ішлі ў лес?)

Былі прысланыя з Расіі, з севера былі, і дзеўкі прысланыя сюды, парашутам скідалі. І арганізавалі і бралі. Ну і самі ўжо пашлі. Баяліся ж – немец біў. І спаліць, ці ў агонь кінець.

Знаеце, як Радзівонаў саедзеніўся з парцізанами?

(А хто такі Радзівонаў?)

А Радзівонаў быў пленны ў Германіі. Немец набраў нашых рускіх пленных многа. І Радзівонаў сказаў, што я буду за вас ваеваць, за немцаў. І Радзівонаваў гэту армію ўсю варажыў. А бацька мой не падліжаў к вайне, ужо яму быў 46-ы год. Бралі яго ў Куранец, пад Маладзечна, але не хваціла абмундзіравання надзець яго, і бацька мой прыйшоў дамоў. І як прышоў дамоў з таго мабілізавання, і болей яго не бралі, і ён быў дома. А тады, як прыйшоў Радзівонаў, стаў ехаць, і нада былі яму падводы і коні. І ў нас якраз быў конь. І Радзівонаў тады ўзяў у падводы яго: “Апец, запрагай лошадзь і паехалі з намі!” І ў абыз у свой пагналі бацьку майго, і з Вецяры мужчына быў адзін, і другі сусед быў Хведар. І ў траіх былі яны ў падводах. Радзівонаў нагрэзіў па 40 яшчыкаў нямецкіх патронаў, мінамётаў і гранат...

(А парцізаны тут усе былі свае?)

Рукавадзілі ж рускія.

(Ну, а добрыя былі парцізаны?)

Ну, бралі. У нас у Таргунох сястра мая большая грэбянёк палажыла на акне. Прышлі ноччы і ўзялі грэбянёк, дык гэта свае. Ну, нада ім ужо счасаць галаву, а можа дзеўкам далі –

партызанкам. Самагонку іскалі свае, нашы. Дзедзенскі адзін лазіў па печке. Лазілі відзе – солі іскалі. Мая маці хадзіла ў Крулеўшчыну, во гэтай калійнай солі краснай прынасіла. Закіпяціць вады і ў чугунную чашку наварыць і насыпець, і размешаць. Соль гэта разойдзецца і вось гэтай вадзіцай саліла страву. А немец таму, хто сеяў лён і здаваў семя і валакно, даваў у Парф’янава солі. Прывазіў поездам, дык даваў па 6 пудоў солі за лён, за семя. Белай солі добрай, нармальнай.

(А немцы надта злыя былі?)

Ай, усякія. Былі і сярдзітыя. У маеі бабы ў дзярэўні дык стаялі яны два разы, у Таргунох, адкуль я сама. Дык там стаялі ў хаце, дык хату, прыказ прышоў, партызаны прышлі панаругаліся, пастралілі і пайшлі ў лес. А яны пажаліліся, што аддыхаць тут няма як. А былі немцы над Духаннем, старыя былі, маладых мала было. Дык яны памаглі вынесці яе лавы і стол, усё вынеслі на вуліцу, а хату падпалілі. Прыказ.

(А паліцыі не было тут сваёй?)

Паліцыя ў Докшыцах калі была свая якая, а сваіх не было ў дзярэўні паліцэйскіх.

(А не было тут ніякіх латышоў?)

Ездзілі фурамі латышы, па 2 коні запрэжаны ў фуры, вялікія калёсы... І літоўцы, і латышы. Ад немцаў яны робілі. Ну, бывала, вот мы з сястрой выйдзем з хаты, хата ж на хутары, ідзём у кусты па брусніцы. А бацька: “Сядзіце ў хаце, ня швэндайце!” Насілавалі баб, маладых дзевак. Літоўцы гэтыя, латышы. Але мала, рэдка чуваць было.

(А немцы не рабілі такога?)

Не, немцы не рабілі. Толькі после, як адступалі немцы, як адступалі ў Плітніцы, а нашы ж, нерускія, ехалі за немцамі. Людзі ж валной – вайна, біліся, есці хацелі, і ехалі, і з фурамі ехалі. Лепельскія, ці якія, з таго боку, з немцам разам, як адступалі. І вязлі койкі, шкафчыкі і стулы свае, вязлі ўсё. І ў Плітніцы стаялі. І тады хадзілі па нашых хутарах у Таргунах, каб хто купілі ў іх што-небудзь, на хлеб. І мама мая купіла два стула і шкафчык у іх за хлеб печаны.

*Записано в 2009 г. от Василевич Галины Иосифовны,
1927 г.р.; д. Нестеровщина Докшицкого р-на. Соб.: ФВС.*

* * *

(А чаго вы ў лес уцякалі?)

Таму, што былі партызаны, яны нас спасалі. Ну, былі атрады ж партызан, ахранялі яны, дажэ біліся, бой адкрывалі чэраз раку. Немцы спалілі нас, не было ў нас нічэво астаўшыся, усё была спаленая. І жылі ў бярлозе, тады зямлянку зробілі і жылі ў землянцы. Жыць жа нада была, яны ж не стаялі над намі, гэтыя немцы. А толькі прыедуць, ці днём адбамбят, дзе дзярэўня ёсціка. Прыедут, паглядзяць, што тут робіцца і паедуць.

А партызаны роўныя яны не былі, былі ўсякія. І ў нас адзежу папабралі. Пакуль яшчэ сразу паявіліся, падаставалі нашу адзежу, якая была лепшая. І гарэлку папрапівалі ў саседніх дзярэўнях. Усяк было. Гэта ўжо не беда нам, ужо зажыліся, поздна пра гэта гукаць. Вот, а тады былі ж парцізаны ўсякія. І абарванья, і ўсякія, дык тут быў Васілевіч Іван Сяргеевіч, ён закройшчыкам быў, партным, а я дык шыла парцізанам адзежу. Я была на ўсё спасобная.

А я і ў нямецкую школу хадзіла. Учыцель быў, нямецкі язык прыпадаваў. І была ў нас школа, у канцы дзярэўні стаяла, і я хадзіла і ў нямецкую. Гэта за немцамі было. Поўная школа хадзіла дзяцей. І нямецкі язык я перавадзіць вучылася і вершыкі:

“Werden unter die Soldaten
Der Ungaben eingewert,
Das mit Armen Fuller laden,
Und die allen gugen schwer”.

(А якія там яшчэ прадметы былі, там тая самая была, што і савецкая школа?)

Тая самая, толькі прыпадавацель нямецкага языка, і гэты ўчыцель прыпадаваў і беларускую мову, і нямецкую, і арыфмеціку. Той настаўнік ён ужо памёр. Яго няма. Таляронак, я ўжо магу забыцца. Ён сам быў з-за Докшац, тут недалёка ён быў.

(А яму потым нічога не было, што вось ён тут у нямецкай школе вучыў?)

Нічога. А што яму зробіць? А прышла ўжо Красная Армія. Ўчыліся на рускім на беларускім, які быў язык.

(А ці ўчылі вас, што Германія добрая, што Гітлер добры?)

Не, нас учылі, каб мы ўмелі гаварыць, учыцель прыпадаваў для дзяцей, а паліцкі гэтай не было. Адзінакава было. Задана гэта – я далжна вывучыць, задана па-беларускі, які ўрок заданы – такі нада вывучыць.

А тады сталі паяўляцца парцізаны, ужо власць раздзялілася. Ужо парцізаны сваё трэбавалі, а немцы сваё. Ужо немцы, як фронт дзержалі, ваевалі з парцізанами. У 43-ым, а ужо ў 44-ым разбілі немцаў парцізаны.

(А ці былі ў немцаў латышы?)

Былі, у часях у іхных былі, і літоўцаў было многа, яны дужа былі зверскія. Яны ў нас дзярэўні палілі, людзей жыўём палілі. Сабяруць людзей, згоняць у хлеў нейкі, сабяруць і падпаляць.

Записано в 2009 г. от Василевич Анны Фоминичны, 1928 г.р.; д. Нестеровщина Докшицкого р-на. Соб.: ФВС.

* * *

(1) Дык, а што партызаны. Купрыян такі быў. Кажуць, гэтага Купрыяна ўсе баяліся. Ленінская брыгада стаяла. Ну, гэта пад Бягомльскім раёнам. Ну так, як паяўляліся партызаны, яшчэ нашы не былі. Прыляцелі ўтраіх, усю дзярэўню забралі, забралі каня, так зярно ўжо грузілі, там карову забралі. Нашу брыгаду Лабанок і з Машэравам паставілі. Але гэнага Купрыяна, казалі, партызаны забілі. Ну, зналі, што б'ець людзей многа. Яго, казалі, растралялі.

(Вашых многа ў паліцью пашло?)

Было. Лемеш з сынамі, Сямёнавы былі. А яны паўцякалі. Яны ж баяліся, што... Бацька то астаўся. Пасядзеў і вярнуўся, памёр. Яны дзе дзеліся, не знаю. Аднаго забіла партызанка. Баба такая была. Святлана. Прышлі на двор: "Бацька, дзе сын?" А ён з іспугу паляцеў у лес, а яна как ўлажылася... Убіла яна яго. Ну, з ружжа. Геройская была баба.

Ну во, гэныя адступалі, і, знаеш што, хітрыя былі, хто з Смаленска. Усе ў Аўстралію ўцяклі. І мой брат быў тамака, дык

мая дачка ездзіла, казала, сколка рускіх народаў – усе паліцаі пагрузіліся на карабель. Аж у Аўстраліі жывуць! А тут-то ім месца не было, паўцякалі. Хто куды. Ну, ужо пазміралі многа, пазміралі. Вайна ж ужо кончылася.

(А ці ўганялі адсюль у Германію?)

(2) Многа было ўгната ў Германію. Мой брат во, сястра яго. Нашы ў шахтах малыцы. Сястра есці варыла шахцёрам. Тры дзеўкі, тры малыцы былі ў Германіі. А патом яна з палякам сашлася, ажанілася і ў 1948 гаду пераехалі яны ў Бельгію. Я ездзіў к ей ў 1988 гаду. (А там што расказвалі, як ездзілі людзі ў Германію? Ці надта цяжка там было?)

Дак, ну, як цяжка! Ну, голадам моруць. Ну, паёк давалі. Каторыя папалі там у хазяіна былі. Ну, у хазяіна лепей. Хто блакаду адробілі, так там усе ў хазяеў былі, з рабятамі. Ну, які хазяін пападзецца. Было і харашо. Во Хведар быў, кароў даіў, на пасту ганяў. А во і ў шахтах нашы былі.

Записано в 2009 г. от Корниловича Ильи Миновича, 1928 г.р., Молашенко Михаила Арсентьевича, 1924 г.р.; д. Староселье Докшицкого р-на. Соб.: ФВС.

* * *

Я ўстрычаўся з немцамі сам, мне было дзесяць гадоў. У немцаў многа падхалімаў, каторыя ўслужвалі немцам, і так было. А ў васнаўном вайна была. І парцізаны ўсякія былі. Маглі і забраць ў мяне нешта напрымер, было забралі ў сям’і і пайшлі. Я сам, бацька ў парцізанах быў, а ў Хмялёўшчыну нада самому было ісці ў разведку, пасылалі мяне. Тады там бабка жыла. Прыходжу да бабкі і пазыўныя: “Бабка забалела, печка разбурылася”. Значыць, бабка кажыць: “Ідзі ўнучак дамоў, бабку вылечым, печку адрамантуем”. Прыходжу і гэтак гавару. Хадзіў, так, потым далі пісульку нейкую за шчаку, а там гэты прыдацель-падхалім за немцаў быў і за мяне давай цапіцца. Бабка давай бараніць, а мне было сказана, еслі пераймуць – жуй і глытай. Дык я жуваць, а ён сціснуў мне рот, але я ўсё-такі праглынуў.

Записано в 2009 г. от Потеза Ивана Фёдоровича, 1934 г.р.; д. Староселье Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

Гэта, наўерна, судзьба. Вот палілі ўсе вёскі. Гэта ў 43-м гаду, ужо к канцу. У 43-м восенню прышлі з Хмялёўшчыны. Хмялёўшчына была спалена. Ну, і зайшлі без бою. Спакойна. Тут жа чэхі былі, гаварылі па-польскі. Ну і заявілі, штоб сабіраліся, запрагалі коней: “Паліць будзем!” Запалілі, а там футар быў. Прэкрасна жыў хазяін! Шадэўскі. Ну, і гумны запалілі. Тада мы ж яшчэ аднаасобна жылі, пры Польшчы. Ну і прышлі...

А хату ў нас ужо ў 40-м гаду паставілі. Лучшая ў дзярэўні была на тое врэмя. Ну, і прышлі, запалілі. А я ж тады ў партызанах быў, не быў дома. Загадалі бацьку. Бацька запрог каня, сабраў гэта ўсё. І запалілі там, што стаяла ў садзе, у карабах. А тут заняліся курамі, курэй лавіць, і – жах! – ракета паднялася. І выбягаіць: “Не будземо паліць!” І ўсе пашлі. І так асталося.

Ну, а ўжэ ў 44-м гаду. Тут жа абычна ўжо... Наўерна, указ быў. Ужэ, еслі заходзяць спакойна, і не палілі. Мы на грэбле стаялі, у партызанах там. Ну, а дзед быў там, у дзярэўні. Яшчэ з царскай вайны гаварыў па-нямецку. З афіцэрамі гаварыў. Ну, і дзярэўня асталося. І шчытай, у нашым сельсавеце яна адна засталася. Таргуны спалены былі, аж да Докшыц. Ну, а немцы ўжо прыхадзілі. Ну, еслі без боя. А як з боем, бываець, партызаны, а страдалі б людзі. Ну, а нас неяк, сколька раз яны не заходзілі, нешта сражэння не было. Ніхто не насраў! (смяецца) Ну, гэта і партызаны бывалі. Толька што нарушыце, што здэлаеце. Лучшэ спакойна ідзі!

Ну, я з 42-га года ў парцізанах. А ў 42-м нас узялі за фронт. Вазілі, вазілі, нідзе мы не перайшлі. Ну, тады – аружыя нет – распусцілі. У 43-м паявілась аружые, ну і... Там во на грэбле мы стаялі. Ну ў нас ізвесна, атрад Мядзьведзева. І у 43-м жа Радзіонаў перайшоў. І тада ж Радзіонава кідалі, дзе што выбіваць. У яго аружые было. Ну, наш жа атрад быў такі... Ну, хадзілі ж туда-сюда (смяецца).

Я жа папаў у плен. Аж там, на пераходзе на Ушачы. Ну, как-та выжыў. Ну, я быў у Германіі. На фронт я не папаў. І после, ну там жа апросы былі, усё. Ну, год службы ў арміі. У 46-м прышоў з арміі. Ну, і па дакументах чыслюсь, як учаснік вайны. І шчытай з 42-га... Тока, што аружыя не было. Плюс к гэтаму, тут жа кузнец быў. Мы жа зімой коней кавалі партызанам.

Записано в 2009 г. от Апанасенка Фёдора Андреевича, 1922 г.р., д. Староселье Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

Маіх бацькоў пабілі. Маці забілі, а нас сямёра асталася. Самаму меншаму браціку тры годзіка было толькі. Забілі ў лесе, на снягу, голым...

(А вот вёскі ці палілі тут немцы?) Ой, разоў сколькі палілі! Не раз палілі яны. Наступалі, а хто не ўцёк... Адзін раз 50 чалавек забілі ў дзярэўні, во, што яны рабілі. Тут і парцізаны былі. Каб не парцізаны – немцы б не стралялі. Парцізаны былі, нягош не. Немцы ішлі блакадай у лес, па лесе, хадзілі скрозь.

(А ці добрыя былі парцізаны?) Добрыя, чаму ж. Яны спачувалі людзям, пачуюць, што немцы будуць, скажуць ўсё дзярэўне: уцякайце, немцы будуць нападаць.

Записано в 2009 г. от Верецкой Ольги Сергеевны, 1922 г.р., Ермолович Таисии Ивановны, 1939 г.р.; д. Тумиловичи Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

Дзярэўня гарэла, скока разоў гарэла. Прыйдучь немцы, спалюць. Убівалі людзей, стралялі, падпалівалі. У баню заганюць, автаматам дадуць, а потым саломы нанясуць, падпалюць, закрываць дзверы. І было праішэствіе гэткае. Дзяўчынка з трыдцатага году. У бані жалезная бочка была. А яна зайшла і ў бочку залезла. Абычна вылівалі ваду, каб не ржавела вада. Яна там залезла і ляжала. Стралялі-стралялі, дыму многа, яна і асталася жывая, а мацер забілі. А патом ужо стрэлы кончыліся, з лесу прыйшлі і шукалі, дзе немцы хадзілі, каму ў двор, каму дзе.

Немцы у тое врэмя болей абувалі бацінкі і боты. Як цяпер у нас боты кірзавыя, во такія адбіваюцца як гузікі, пупы такі адбіваліся. Немцы хадзілі, тут адкрылі, а там пагарэлі людзі, абгарэлі. А эта дзевачка выбегла і пабегла, асталася жывая. А так білі, вун як і раненыя былі, усякія хаты палілі, у лесе былі. Па лясу немцы хадзілі, тутака аж да балота кілометраў пяць.

(А ці помніце, як немцы першы раз у вашу вёску прыйшлі?)

Помнім. Ну, яны прыйшлі, выбралі, дапусцім, старасту. Той хадзіў збіраў хлеб, яйкі, сала, ну і вазілі гэта ў Докшыцы немцам. Парцізаны жылі тут, во Бярэзань, як яно, Лепель сюды во, Ушача, і там далей. Немцы прыедуць, загадаюць старасту, каб што сабраў, прыедуць з ім дзялоў пойдучь. Усе прыедуць, абойдуць – парцізан нет, нічога, і не страляюць, і не чапаюць. А як парцізаны ўжо, усіх біць немцы сталі, як парцізаны паявіліся.

(А забіралі ў Германію людзей?)

Забіралі з нашых. У нашай дзярэўні мужык адзін быў толька. І пайшоў, як паспарт цяпер робяць у Докшыцы, асвайсы тады зваліся, паспарт. Ва взрослых да скалькі гадоў, я точна не скажу, хадзілі. Дык взрослых хадзілі ў Докшыцы, ну забралі яго і павязлі тамака, не пусцілі і адправілі ўжо ў Германію. А так былі тут па кругу і жэншчыны, дзяўчаты, маладое пакаленне бралі.

(А вот ці вазрашчаліся з Германіі?)

Вазрашчаліся. Ну яны былі, гаворуць, што провалкай абнесена, недзе ў хазяіна работалі і ўсе. Ну, што гаварыць, жыць гэткая – як прыходзіцца, так і жывеш. А гэта ж вайна была, так убівалі, так усе. Пяць гадоў траву збіралі і елі, у лесе сядзелі, у дзярэўні баяліся ісці.

Немцы прыйшлі, год яны у нас былі, і ўжо па-нямецку вучылі, ну я ў школу не хадзіла. А тады ўжо як прыйшлі парцізаны, вайна началася. Ужо ні школаў, нічога не было.

(А цэрквы ці чапалі немцы?)

Яны не чапалі. Во наша ў Дзедзіне стаіць тут даваенная, у Тумілавічах стаіць, не чапалі. Не было каму адпраўляць. Не было бацюшкі. У дзярэўні ні аднаго чалавека нідзе не было – усе ў лесе жылі. Во тутака дзераўца сядзіць, во дзе наверх прывяжуць, ну якое во атарвуць, лазы звяжуць, наверх закінуць,

лапкамі усе – такія будкі зробюць. І ўсе роўна немцы па лясу хадзілі, будкі разрывалі і палілі, і білі ўсіх падрад.

(А партызаны?) Ну што, прыйдуць... Ахранялі ад немцаў, і баі... Пад'едуць пад Докшыцы разведчыкі, яны ўжо тады стральба... У парцізаны ішлі ўсе, і коні – усе ў парцізаны. А вайной дзе ў лесе і немцы, калі знойдуць карову, так яны забіралі, вялі, і коней адбіралі.

(А ці былі ў вашай весцы такія людзі, што за немцаў пайшлі?)

Адзін пайшоў. Сашкай звалі. А хто яго ведае, дзе ён патом дзеўся? Ну і пайшоў, і служыў немцам. Немец прыедзе, але ж не знае, дзе ў лесе зямлянкі, дзе што. Былі даводчыкі гэткія. Ну, гэткія былі людзі. Дык ён і быў з імі, у дзярэўню не прыхадзіў, быў ў Докшыцах. (А можа чулі ці былі дзе яшчэ такія прэдацелі?) Не.

(А якія тут былі партызанскія атрады?) Ай, былі тут і Мядзведзевы, але яны ж пабудуць нядзелі тры і пойдучь далей. Яны болей стаялі ў Ушачах, тамака ў Леплі, у Беразіно – у нас мала. Прыдуць во па дамам, пераначуюць, есці каб далі, тожа ж у іх не было.

(Ці дужа галадалі ў вайну?)

Пяць гадоў ў лесе жылі, траву сабіралі. Во, трава асака – скублі. А так, клевер сядзіць белы, а то красны, сушылі яго. А потом дзерава такое, ступай звалі, дырка камнем выпалена – ямачка такая, – муку так малолі. І карэнне ўсякае абтаўкалі і елі. Улетку грыбы, ягады, а к зіме гэткае толькі. Траву сабіралі. А хто дзе ў лесе свяклу пасеець – гэтую батву складалі дзе-нібудзь, як цяпер сенаж карові, у ямачку накладуць а потым вось з гэтай мукой і пяклі.

(А соль ці была?)

А дзе яна? Не было. Похлі людзі, ціф напаў бяз солі, але ўсероўна людзі хадзілі, парцізаны гэтыя ж, на Крулеўшчыну, то на Докшыцы, на Парфенава. Ездзілі на конях. І дзе-нібуць адтуль прывязуць. Сабе, ну дык дадуць горстачку, так бывае хто саліў, а хто не, дык дужа похлі людзі. Голад быў. Зямлянкі па лесе немцы варочалі, паб'юць, папаляць усе. Пад сасной спалі. Лапкамі накрываемся і гэтак добра.

Адзежа ж была даўней ўся сшытая. У каго зямлі было, той авечак дзержаў, ну і такія, як ваенныя шынялі, былі. Гэткую і ткалі, пралі, вязалі наскі, чулкі да калена вязалі. Ну і гэткая была адзежа. І то яна ўся разарвалася з дзвюх-трох, а хто пасцілачкі ткалі на стол, і ткалі вось. І зямлянку капалі, блізка ля будынку. Гарэў будынак, а дзе ў вугалку астанецца, з кусочкаў шылі, каб было у чым хадзіць.

Записано в 2009 г. от Петько Галины Степановны, 1931 г.р.; д. Речные Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(Ці помніце, як немцы прышлі ў першы раз?)

Помню, а чаму ня помню. Немец як прышоў... Хацелі з Крулеўшчыны дарогу нейкую вясці па балоту. І едуць, і едуць людзі. А мая мама выйшла, кажаць: куды вы людцы едзіце? Дарогу, кажаць, будзім правадзіць жалезную. Чэраз якіх ужо поўчаса назад едуць. Мама і зноў вышла: а чо вы назад едзіце? – Бабушка, вайна! Сягоння во гэдак во сказаў, а на заўтра ў Докшыцах і немцы. Гэдак скоро яны аб’явіліся.

Кажуць, магазіны жыдоўскія ўсе разбіраюць. Тут у нас некаторыя пабеглі за гэтым. Сястра была Оля: “Куда ты пайдзеш? Хоць бы гэта спажыць, як вайна”. Ну, у нас некаторыя і пабеглі, і па трубка (палатна) папрынасілі. Я помню, як мой бацька паехаў у Докшыцы, першае радыё ён паехаў слухаць. Ну, мама пераняла, кажаць: што там? Ён кажаць: Ай, пасадзілі яе за сцяну і яна пяець усякімі песнямі. Як цяпер помню, і чалавек жа разумны быў, а не апрадзяліў, што па драціне з Масквы табе будуць людзі гаварыць. А я часта цяпер кажу: Божачка святы, як бы мой бацька ўстаў ды паглядзеў – людзі ў кармане гаворуць. І самалет як первы ляцеў, людзі ляцелі глядзець, уся дзярэўня – 120 двароў. А як вайна была, не дай Бог, лепей з голада ўмірайце, чым вайной.

А тады назаўтрашняя і немцы гэтыя сюда, а парцізан не было яшчэ. Немцы ўжо прыехалі, праехалі па дзярэўне і паехалі. Цераз нядзелю чую, што пагавараваюць, што парцізаны ёсць, явіліся яны там, ужо ў васточнай, ва Ўшацкім раёне. А ў нас тут два такіх ўжо чалавекі было, што ў парцізаны рваліся, ну не любілі немцаў. Ну, хто іх любіў? А тут солтас такі даўней быў,

як стараста. Яго партызаны забілі занівошта. І яго забілі, і два сыны забілі пасля вайны – гэта ўжо нядобра зрабілі. Дажа адзін сын не яго быў.

Ён, праўда, прыйшоў, казаў, ня ідзі ў парцізаны прэждзяврэмна, спячэш дзярэўню, і сям’ю загубіш. Ён правільна сказаў, і точна. Усё-ткі ня выцерпеў, пачуў, што там парцізаны, панёсся. Прыляцелі немцы, і чэраз хату давай паліць. А гэтыя ж яго браты прыбеглі ка мне хавацца, маленькія. А я кажу: “Пеця, бяжце ў стагі, схавайцеся ў стаге. Што вы каля мяне? Мяне немцы заберуць”. Вот ішчэ малая, а што мяне немцы заберуць за вас. Ну не стаіці каля мяне, уцякайце. І толькі яны пабеглі, у стагі ўрыліся там недзе, немцы да мяне: хлопкі, хлопкі, ці бачыла я? Не, - кажу, - нічога не знаю. І пабеглі, ні нашлі яны гэтых. І цяпер яны жывыя. Не нашлі рабятка, а сясцёр пабралі і расстралялі. Гэтага, у парцізаны што пайшоў.

Тады канец толька згарэў, а после астальную дзярэўню спалілі. Тожа я дома была. Акопы ж парабілі, і мы з сястрой Оляй улезлі ў акуп. А ў другі акуп – маці, бацька і сястра меньшая. І чуем – забіраюць тату і маму ўжо гэты немцы. Ну, алі ж мы сядзім, прам як чмялі, рукі-ногі памярцвелі. Ну і чуім ужо стогнець, выець, як танкі ідуць. А эта ж не танкі, а дзярэўня гарэла, стагнала. Тады мы ўжо баяліся выхадзіць, выйшлі цемнатою. Глядзім дзярэўні німа – толька печачкі стаяць. Я ў плач, давай галасіць. А што мы будзім рабіць? Папу з мамай забралі, сястру меншую забралі, а двое братоў у лесе былі. Мы ўскочылі, пабеглі, галосім, што расстраляюць. А іх доўга дзяржалі на магільніку і павязлі расстраляць, а не расстралялі. Сказалі, што, дзе радня якая ёсць, расхадзіцца па радні. Толькі ў Таргуны не нада. А ў маей мамы былі ў Барсуках...

(А за што спалілі дзярэўню?)

За што? А за тое, што парцізаны нахадзіліся. А парцізаны, яны ж засаду зрабуюць, з немцамі б’юцца, а немцы тады: здзесь бандзіт – і палюць, і б’юць. А за Докшыцамі ж не палілі дзярэўні. Патаму што там парцізан не было, іх ніхто ні чапаў, а тут жа ж парцізаны. Як мама кажаць, удзень немцы, а ноччу парцізаны шагаюць.

(Ну а як партызаны з людзьмі?)

Разныя былі, некаторыя папросяць: “Мамаша, дай што-нібудзь пакушаць, хоць што”. Мама мая малака ульець, хлеба... Самі як папала ўжо, а ўжо ж нада людзям. А другі прыдзець: “Давай сала, як, давай масла!” Дак мама на аднаго, сваіх жа не баяліся, дык кажаць: “Ты – немец, не парцізан, якое табе. Яны нахальна беруць, яны не пытаюцца. Немцы не пытаюцца, а ні дасі, дык к сценцы прыставуюць. Што, ты мяне к сценцы прыставіш? Вот дам малака, хлеба еш сколькі хочаш, ужо яйка спяку, а што табе болей нада вайной?” Эта ня ўсе, эта рэдка былі. А немцы нахальна бралі.

(А былі немцы, ці можа былі латышы, ці украінцы з немцамі?)

Ну, яны казалі, як іх звалі, па-нашаму трохі наварачавалі гаварыць, гэта ўжо ня чыстыя немцы, па-польску неяк стануць, і яшчэ па-нашаму гавораць. Ну, а немцы ж, як парцізаны іх узлуюць, тады яны дзярэўні паляць. А нашу ж дзярэўню сагналі былі на кладбішча, дзярэўню усю-усю, мала хто ўцёк у лес. Сабралі, ну, а пабіць не пабілі ж.

(Ці забіралі ў вас з вёскі каго ў Германію працаваць?)

Ну дык многа ж. Вярнуліся, цяперака ім плацілі маркі нейкія яшчэ. Я ж помню, як немцам у той дзень папалася. З Докшыц бралі к немцам. А я такая худзенькая была, маці мяне нечым накрыла, і кажаць: “Глядзі, пападзешся ў Германію, там пагібнеш, сядзі не кратайся”. Не дала з павозкі злезці. І я сядзела скорчыўшыся, дык я не папала. А мы з аднаго года, Юстынчык, дажа меньшы, папаўся.

(А ў вайну ці хапала хлеба, ну вот дзе бралі малако?)

Дык эта после... Толькі як ішчэ паявіліся немцы, ішчэ хаты стаялі. А як хаты спалілі, дык некаторыя трошку дабра якога ў зямлю хавалі, у ямы. А тады бываіць, што пазацікалі вадой, чыя яма саўсём прапала. А у лес паляцелі, а што ж у лесі? Не было нічога ў лесе. Дык трошку яшчэ, хоць немцы там дзе страляюць, выскачыць там дзе, на полі якую кабачыну схопіць, а так после ўжо ўсё. Вайна ж была не адзін год.

(А што тады елі, калі не хапала?)

Ай, уміралі людзі цераз аднаго! Траву! Я сама збірала. Такая, як асака, такая і шышачка на ёй чорненькая ў балоце. І во, гэтыя шышачкі збіраеш і збіраеш, і збіраеш... Яна не горкая.

Многа назьбіраеш, а дома жорны такія, зваліся, у жорны перапусцюць і шчаў’я дабавяць, пападзець дзе жменечку мукі, каб зварылася эта, ну гэткім і піталіся.

(А канюшыну яшчэ, гавораць?) І канюшыну, усякія травы, гэтак і збіралі людзі, а шчаў’е дак і з каранём дралі і елі. Гэтак і дабывалі людзі, і ўміралі.

(А без солі як?)

Дзе тая соль?! Вайну ўжо бяз солі дажылі. Там жа была ў Таргунах, там жа немцы. Дык вот хто-та аттуда прынясець, як падкрадзецца, там жа солі прынясець, там драбіначку адну, сыпнець табе. І пад’еш ты з гэтай солі, толька што паспытаць дадуць гэтыя солі. Гаравалі людзі. Толькі б жыць не ў вайну, толькі не ў вайну!

Записано в 2009 г. от Чечикаловой Анны Лаврентьевны, 1930 г.р.; д. Дедино Докшицкого р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

(А як тут у вайну, ці палілі Сценку?) Усё спалілі. Нічога не было.

(А за што спалілі?)

А Бог іх ведаець. Парцізаны былі, немцы ж біліся. Парцізаны ж былі тут і барба ішла. Лес быў блізка.

(А як з партызанамі жылі?)

Усякія ваявалі. Хто грабіў. Усякія. Што лепшае, адзежу бралі. Адзежу, ежу бралі. Раздзенесся – і дзецкае забяруць. І біць маглі.

(А ці былі тут свае ў паліцыі?)

Тамілаўскія былі. Былі бацька з сынамі. Лемяшонак з сынамі. (А чаго яны пашлі да немцаў служыць? Можа, савецкую ўласць не любілі?) Наверна. Наверна, не любілі.

(А не было тут латышоў, літоўцаў ці чэхаў?) І немцы ішлі, і латышы. Не, дык гэта ішлі вайной, а так жа не было. У вайну былі латышы, і ўкраінцы былі. Злыя, злыя. Ой, што ты! І латышы, і ўкраінцы. Яны многа палажылі людзей. Немцы – не. А немцы, нямецкая кухня, дзецям тым з кацялкоў кінуць. Гэта ў Вецяры там кухня была. Мы жылі там усе. А латышы як ідуць – усё хавай. Ганялі. Білі, іздзевалісь. А немцы, я б не сказаў, што

яны... Яны ішлі па сваёй рабоце. (Ваявалі?) Да. А ў іх былі гэтыя падчынённыя.

Записано в 2009 г. от Петько Антонины Иосифовны, 1925 г.р., д. Стенка Докшицкого р-на. Соб.: ФВС.

* * *

Мы кароў пасцілі, як адступалі бальшывікі. Вайна сталася ў васкрэсенне, а мы кароў пасцілі. Немцаў я дужа ня відзела. А нас бамбілі, дужа бамбілі. Ну і былі яны да 42-га. Жыдоў білі. Вёскі спачатку не палілі, тады сталі, як з'явіліся парцізаны.

(А паліцаі ці былі?)

Былі, ой былі! З нашых не было, з другіх былі. Прыдалі парцізанаў, каторых хацелі забіць, кожны спасаўся.

(А як партызаны з месчнымі?)

Бралі ўсё. Кароў бралі паследніх і хлеб, бралі адзежду, усё бралі. Нада ж было жыць ім. (А радзіонаўцы ці былі?) Радзіонаўцы тожа былі ў нямецкай арміі. (А ці добра было пры Польшчы?) У Польшчы добра было, культурна было! Такія тавары, такія кірмашы, такія двары, такія паны красівыя, такія дзеці ў іх! О! Пры Польшчы! Вылупілі салдаты вочы, як прышлі ў 39-м сюды. Бедныя, гаротныя салдаты.

Записано в 2009 г. от Скурат Софьи Петровны, 1926 г.р.; д. Стенка Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ

* * *

Немцы во ўдзень прыдуць, а парцізаны ноччы. Прыедуць, адбіраюць усё. Прыйшлі у канец дзярэўні і к сцяне прыстаўляюць біць. Людзей грабілі свае.

(А ці былі паліцаі?)

У нас паліцаяў не было, а быў нашага бацькі брат солтысам пры немцах. Ён засварыўся з людзьмі, парцізаны вывелі ў лес два сыны і яго, і забілі. Парцізаны каго хацелі, таго і білі. Бацьку майго у лес ноччы павялі аж за Рачныя. У бані запёрлі і тады павялі страляць. І свій, са сваёй дзярэўні павёў страляць у лес, у балота. Толькі ўвайшлі яны, як сталі яго страляць, а тыя, як пайшлі-пайшлі па балотах, і ўцяклі. А тады і нас пабралі: мяне – 10 гадоў, брату – 12, і маму. І тожа туды

павялі, у бані пасадзілі, тожа хацелі застрэліць. Мама яму адкапала і нас выцягнула.

(А што за радзіонаўцы?) Ну яны былі з немцамі, але рускія. Дык яны тады з парцізанамі дагаварыліся і сышлісяю. На Докшыцы напалі, немцаў многа пабілі.

(А ці былі вёскі якія не палілі?)

Былі. Таргуны не палілі, Старселле. Таргуны больш былі пад немцамі, а Стараселле – не знаю. А ў нас тут парцізаны. Рачныя спалілі і 70 чалавек забілі.

Записано в 2009 г. от Подберезко Леониды Михайловны, 1934 г.р., Карнилович Клавдии Ильинишны, 1933 г.р.; д. Дедино Докшицкого р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

Гэта праўда, немец хватаў людзей у Докшыцах, іх з яўрэямі біў.

(А вот так не было, што з яўрэяў нехта уцёк, можа хавалі яго людзі?)

Казалі, уцікалі яны ў парцізаны. А хто ж тут будзецц хваць, дзе ж ты будзеш хваць? Тады ж усю сям'ю...

(А немцы ці былі тут?)

О-о-ой, немцы! Не дай Бог, гэдкай вайны і гэдкіх людзей! Яны ж не панімаілі, яны во шлі. Наступаў немец праз Докшыцы. І мы ж гэткія дзеўчукі, паляцелі ж глядзець немцаў, ну дурные ж гэдкія. Дык нарвём цвятоў гэдкулькі і кідаем ім у машыну. І тады як ляцеў яўрэй, перабегаў дарогу, і яўрэя гэтага машына ўз'ехала – толькі хруп-хруп. Немцы як ехалі, так і паехалі.

(Ну вот, а первый год вайны?)

Знаеце што, як сталі яны, і не палілі немцы. Ну дык білі салдат, гэтых пленных забіралі. А пленные што ж, піцькі хацелі. Яны тады дзе які калодзесь, дык у калодзесь валіліся. А яны ж тады білі гэтых пленных. Ну дык што ж тады робіць – у парцізаны ж пайшлі тады. І па дзярэўнях ужо хто пры немцы быў такім солтусам, то там загадываў на работу, тады гэтых бяруць людзей, сям'ю. Што рабіць, тады пайшлі ў парцізаны. Мой чалавек пайшоў быў у парцізаны, і брат яго. І маці, бацька – ўсе ў парцізанах былі.

Усё пагарэла, усё спалілі. Усё тады саломай было крыта. Даўней жа жыта жалі і абівалі снапы гэтыя, кулі ж робілі. Нада ж было перакрываць то сарай, а то хату, то баню. Дык немцы тады возьмуць гэты куль, разрэжуць і тады падпалюць, і тады во. Салома ж маментам гарыць.

(У Германію ці забіралі?)

Брата майго забралі, 16 гадоў (было). Дык я ўсё брату насіла (пасылкі) ў Германію. Бацькам аборваў там гэты лубін, жыта сеяць на зіму. Сабралі, дык я насіла яму, усё пасылачкай. Дык пасылачка нада была, каб кілаграм. Дык вот палаценца гэдкае, во зашываеш па кілаграму, і тады такую вяровачку ўжо папа саўець, і на вяровачку прычапляеш. Па адным жа ж кілаграму ты ня будзеш. Ну і брату пасылала. Хлеба насушым, сахароў, мілты... Ці знаеце вы мілту? Аўса мама напарыць, натаўчом у ступе, насушым. А тады ўжо мелім у жорны, мелім і мелім ужо. А тады ўжо на сіта прасеяць мілты. Яе ж толькі вадзічкі ўлі, солькі – і еш, яна ж палезна.

(Ну а пасылачкі даходзілі тыя? Можа пісаў што брат адтуль?) Даходзілі. А пісаў, што есці хачу. Кажыць, немцы ядуць і корачкі кідаюць у памойную яму. А мы, кажыць, гэдак есці хочым, вынімаем і ядзём. Ён яшчэ ж малы быў. Тады яго ў Германіі, як яго там падчапіла, на поездзе на вярху ехаў, далоў зваліўся. Казаў, яго бралі гэтыя, як ужо занялі, у Амерыку. Дык мы кажым, чаму ня ехаў, дурны, што не паехаў.

(А ў вайну ці хапала хлеба?) Слухайце, дзе ж у вайну што хватала. Во гэта саседка, як яна казалі, галадалі, як есці хацелі. А ў нас, мы на футары жылі, і мы капалі ямы на полі. І такія бочкі былі, усё ў бочкі сыпалі – і жыта, і ячмень, і пшаніцу. Тады даставалі, у жорны малолі, і гэдкі хлеб пяклі добра.

(Гэта ж трэба і сеяць было. Гэта ж тры гады немцы былі.)

Дык мы сеялі ўсё. У нас, як толькі зіму зганяць, дык наш папа ўсё сеяў, казаў: ні нада нічога ждаць. Сеялі ячмень і пшаніцу, і лён сеялі. Ўсё сеялі. У нас было 10 гектараў зямлі. І на зіму ўсё жыта сеялі. Не, мы не былі галодныя.

(А парцізаны ці былі?) Ой, каб яны праваліліся! Дык знаеце, якія парцізаны. У мяне была падруга. І ў парцізаны тады пашла Ніна. Мы разам і Цярэшку жанілі. І яны галодныя былі, як ейнага бацьку забілі немцы. А маці тожа памёрла. Гуляла с

кім-та, нагуляла, чорт ведаіць, ці яна аборт там робіла, і памёрла. Дык баба прыйшла і кажыць: “Ігнаська, браток пазыч ты шэсць пудоў хлеба, а так гэтыя рабаты пауміраюць”. Ну, і бацька ж ужо даў. А тады як прыйшла яна, гэтая Ніна, с парцізанамі, гэдак кажыць: “Дзе твой кашушок красны? Давай паўшубачак красны”. У мяне быў, пашылі гэдкі пекны. Кажух аддалі вялікі. Боты былі гэта ж знаеце, што пры Польшчы модна было. У мяне былі боцікі такія хромавенькіе, дык гэта, боты счас тая Ніна надзела. А былі ў мяне сірожкі, такія сярэбраныя ў вушах, дык чуць з вушкі не павыдзірала.

Вот дык, а бацька мой кажыць: “Вот, мая ты Ніначка, вы ж бы з голаду памёрлі б, каб ні я. Бабка прыйшла, я вам шэсць пудоў хлеба даў”. Дык яна, прасці за выражэнне: “Ох ты, бляць старая!”. Как пульнула таго бацьку – ён і на краваць атваліўся. А ў нас хата была пад лесам, дык у нас і сюды вокны, і сюды, і сюды, і аж на бальшак відаць. Дык яны пазачынялі аканіцы, парцізаны. Аканіцы, каб жэ ж ня відзець, а то аж на бальшак відаць агонь. У вайну ж гэта агонь. Дык яны і з лучынкамі і на чырдак лазілі. Куры былі ў хлеме, і з лучынкай па курэй лазілі, тамака білі. Яны трахануць курыцу – і тады ў мяшок кідалі. Ай, там былі ў нас свірны такія, як клець, там і крупы былі, і мука. Яны ўсё павысыпалі ў мяшкі. І што хацелі тварылі.

І тожа, я вам скажу, нам бы далі парцізаны дакумент, бо мой бацька ўсё врэмя вадзіў парцізанаў, як яны наступалі на Докшыцы. Дык яны ж не знаюць дзе ідці. А калі бярэзінскім гасцінцам ідці, дык бываіць жэ ж каб на немцаў не напаткаць. А яны тут праз лес, дык бацька тады іх завядзець, ці другі. Дык во як. Гэта ўжо Ніна, о-о-о-ой, ну, алі яна ўжо памёрла даўно. Так ей Бог і даў.

Записано в 2009 г. от Василевич Анастаси Игнатъевны, 1922 г.р.; д. Шалаши Докшицкого р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

Немцы прышлі к нам, хата наша была недалёка ад бальшака, блізка. Прышлі, дык у нас сені і хата, а во тут – хлеў-трысцен стаяў. Хлеў – кароў мы там стаўлялі, каня бацька стаўляў, а ў сянёх доскамі аббіта было ад каровы і ад каня.

Доскамі суцэламі аббіта. Яны праз суседні двор, каля хлева і сюды к нам прышлі. Ну што, тут прышлі, хата гэтая гнілая і хлеў гэты, а курэй было ў нас шмат таго года, у вайну, мусіць 10 курэй, ці 12 было. Дык яны выбеглі гэту куры з хлева, а яны як раз ў абед. Яны ўсё ў абед ездзілі па хутарах. Там то латышы былі па курах, то літоўцы.

(А што гэта за латышы такія?)

А латышы во, к цяперака ў Латвіі. Ну і з нецамі былі. Яны ж, іх нямец мабілізаваў іх, каторых: і латышоў, і літоўцаў, як Літву заняў, дык ён мабілізаваў іх к сябе. Дык яны на конях ездзілі, на машынах ён не давяраў, а на пара коней. І калёсы распусцілі такія даўгія, аружыя ў іх там – усё на калёсах. Палаткі былі, падымуць на палкі палаткі гэтыя... Літоўцы, латышы, дык прыляцелі курэй гэтых каля хлева лавіць, але не ўлавілі яны. Мусіць, паўцекалі ці ў хлеў, ці ўляцелі.

(Нам казалі, што былі тут у вайну нейкія радзіонаўцы. Вось што гэта за яны?)

А, Радзівон – гэта быў жа наш, рускі. Я ўжо цяпер разабрала, як ужо старая стала. Радзіонаўцаў рускіх пленных пабраў немец, і Радзівон сагласіўся, сказаў: “Я за цябе буду ваяваць”. І мабілізаваў. Там ужо былі і латышы, і пленные нашы. І надзеў он іх у германскія адзежы і ўсё. Тады аружыя накапілі і ехалі сюды, у партызаны, каб с партызанамі связь мець. І бацька мой быў у падводах, узялі бацьку. У нас конь яшчэ быў з вайны, але ён стары быў, дык яго ня бралі немцы нікуды.

Бацьку было 45 лет, яго бралі сюды, пад Маладзечна. Адзежы не хваціла надзець ваеннай. Дык старэйшыя мужчыны, хто падышоў па вочарадзі, надзелі, і тых пабіла, і бяз весці прапалі. Маей мацеры хроснай мужык прапаў бяз весці, старэйшы за майго бацьку. Абмундзіравалі яго і пагналі ўпярод. У бацькі каня не было, дык яго ўзялі, а каня далі другога нейкага, у дзярэўні ўзялі. І сусед наш быў без каня, далі каня яму. Былі два: тата мой і сусед, былі ў дваіх аж у Шклянцах і Бераснёўцах, вот тут, за Беразіной, за Бірулямі. Там ёсць Беразіно другое, савецкае ўжо, а наша ж польскае Беразіно. Дык тамака тады Радзіонаў быў, саедзіняўся з партызанамі.

(А раскажыце пра партызанаў)

Дык мой жа мужык пашоў у партызаны ў 42-м гаду. У 42-м прышлі, яму казалі: “Ягор, ідзі ў партызаны”. А браты былі выехаўшы, бо хаты спалілі немцы. Прышоў немец, хаты папаліў, і ўсё. Як тут сталі страляць партызаны, ну дык людзі ж уцякалі – баяліся. Прыгласяў немец: “Едзьце ў Докшыцу – жывіце”. Дык, а хто есці будзет у тых Докшыцах? Нада ж свая еда каб была, а там што будзеш – жабраваць, хадзіць па хатах, прасіць есці? У каго зерне пахаванае было ў зямлі тутака. То зерне, то бульбіна якая ў ямах была ў людзей. Тады даставалі і ўкрадкі тут саджалі, прыхадзілі і сеялі.

Дык Радзівонавы, як саедзініліся, забілі сястру мужыка майго. Яна была замужам у Бабычах, дзярэўня Бабычы. Яе забілі, а рабяткі асталіся. Адзін у галаве ляжаў мацеры, другі – ў нагах. А самалёт рускі бамбіў, як раз Радзіонаў жа наступаў і самалёт прышоў ужо бамбіць гэту школу немцаў. Так немцы там ўцякалі ў падштанніках. Там школа была двухэтажная польская з кірпіча. Ну, разбілі тую школу Радзіонаў у Шклянцах. Тады бацьку майго ўжо дамоў пусцілі і далі яму нейкую кабылку малую. А кароста ў коней была, дык бацька дома лячыў кабылку тую, вылячыў. Каросту мазаў тую. Нейкай жыр свінны. Жыр і таўклі яго з чавуком, з такім во, што расцець вялікі, вон, дзе калодзеж. Ёсць у мяне, тут расцець у шчаўлю. І мазаў, і вылечыў гэту кабылку.

А дзярэўню спалілі, бабу маю. Баба мая ў дзярэўні жыла, а дзярэўню спалілі былі немцы. У бабы вынеслі з хаты лаву, столу, шкафчык. Немцы памаглі, вынеслі, гэтыя, што стаялі. А прыказ был ім – спаліць і ў Докшыцы ехаць. Што тут партызаны едуць у дзярэўню, дык яны ўжо не ў сілах адбівацца, дык адступалі. Баба прышла з хатульком к нам с адзежай. Кажыць: “Спалілі хату, а дзе мне дзецца?” Пайшла к зяцю.

Записано в 2009 г. от Василевич Галины Иосифовны, 1927 г.р.; д. Нестеровицина Докшицкого р-на.

ЛЕПЕЛЬСКИЙ РАЙОН

* * *

(Якія яны былі, тыя немцы?)

Абыкнавенныя людзі, як і мы. Пака не пашлі нашы памагаць ім, савецкія людзі, датуль былі немцы, як немцы. Прыедзець у дзярэўню і прыдзець у хату, і кажець: “Мама, дай яйка”. Тады капейкі свае дажа плоціць. А ўжэ як сталі «народнікі», не дай Бог!

(А тыя “«народнікі»”, чым яны такія злыя былі?)

Служылі немцу, а нашых білі, грабілі.

(Дык яны горшыя за немцаў былі?)

Канешне, горшыя.

(А парцізаны былі тут, не абіжалі?)

Не, парцізаны не абіжалі. Але ж ім нада было есьці, і соль нада была, і парцянкі. Ноччу прыйдуць і просяць усяк. У каго што ёсьць, то і даеш. І хлеб давалі, і соль давалі, адзежу давалі.

(А з дзярэўні ці багата пайшло ў партызаны?)

Ну тады ж болей на вайне былі усе. Ну троху пашло ж.

(Парцізаны гэта, можа, пленныя, што паўцякалі?)

І гэткія былі, і месныя былі. І гэткія былі, што з плену паўцякалі. У бацькі майго у пуні было тры мужчыны ляжалі. Мы ім есьці насілі. Бацька баяўся, каб жа хто ня ўвідзіў ды не даказаў. Дык есьці мама прыладзіць, а яшчэ ў мяне сястра была дваюрадная, мы радам жылі, дык нам дадуць яду – занясіце там ў пуню мужчынам.

(Гэта можа яшчэ ў 41-м?)

У сорак втарым. Ну, а тада атойдуць троху, ну тады і пойдучь парцізан іскаць дзе.

(Яны зь Лепеля ўцяклі ці адкуль?)

А хто іх знаіць? Яны чужыя. Адзін прышоў к нам, на бацьку на майго кажыць... Некаторыя ж паўцякалі з гэтага ж, з плену, дак жаніліся ў нас у дзярэўні. К бабе прыйдзіць і живець із бабай із гэтай. Адзін к нам прышоў, к бацьку і кажыць: Я плотнік дужа добры... Пакуль мой бацька... А тады ж майго бацьку за сьвязь з парцізанами тожа немцы забралі, так ён і пагіб. Кажыць: “Я плотнік дужа добры. (А мой бацька пачынаў

калідор дзелаць ў хаце). Я буду табе калідор гэты дзелаць”. А бацька кажэць: “Я сам умею”. Так мне нада пражыць – кажэць. А, ну як толькі пражыць, так пажалуста – роб, я буду цябе карміць. “Я не хачу – кажэць – к жэншчыне нікакой іці. Жывучы з жэншчынай, дзіцёнка нажывеш, а ў мяне сваіх дома трое. Нашто мне па сьвету раскідывацца дзяцьмі”. І астаўся у нас, і робіў той калідор.

Записано в 2014 г. от Кундук Зинаиды Николаевны, 1930 г.р., д. Свядзица Лепельского р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

Дык вот пленныя... Як пашла вайна, а акружыў нас усіх і ўсіх у плен забраў і гнаў у Германію. Каб немец тады, у гэты мамент не стрэляў гэтых пленных... Ён травінку атарваць сагнуўся на дарозі, вадіцы ўхапіць сагнуўся, а немец – трэсь – і забіў, яшчэ другі сагнуўся, а ён – трэсь! Ай, пленных пагналі... Мне тады было 16 гадоў, я 24-га года, а мой брат быў на вайне. Пашлі ўсе іскаць, у каго на вайне пабітыя. Пленных немец гнаў, а там у карманчыках, во тут у штанах, адраса. Такая трубачка у салдацікаў, і там адраса. Мы падойдем: ай, - кажа, - ня мой. Ляжыць адзін тут, тады другі. Па ўсім бальшаку гэтых трубачак назбіралі во такія прыгоршчы. На, Ірына, табе, ты болей граматная. Послі вайны мы паадпісываем ім. А тады нас усіх спалілі, і хаты, і нікому мы і не адпісалі.

Дык вот, як паступіў так немец, як стаў убіваць, во тады яны абдумаліся – і ўсе ў лес. Страляй! Аднаго застрэліш, а пяць уцячэць у лес. Токі дзе дарога кала лесу, так яны – шмыг. А Ушацкі раён наш, гэта мы Лепельскі цяпер, а там я была ва Ушацкім раёні, а там – адны лясы, балоты такія. Дык там накапілася гэтых салдацікаў поўна і арганізавалі парцізаншчыну. А каб ён, немец гэты, гэтых пленных не стрэляў, ён ба аж у Маскву лёгенька зашоў бы і не было б гэтага – ні парцізан, ні ўбійства.

А парцізан было очэнь многа, сразу армія цэлая аставаліся, іх многа было, а тады яны украліся. У Ушачы ўжо ўстанавіўся немец, у Лепелі – немец, тут усюдах – немец, ім ходу нет. А яны тады іх выцісняяць на чачалі, немцаў, ачышчаць гэты ўвесь раён і ачысілі. А тады гэтыя партызаны, гэта

кадравыя салдаты, а тады яны ўжо асмеліліся. Па хатах ходзюць: “Ага, а вы, маладыя, чаго не ваюеце, чаго вы сядзіце? Вайна такая, а вы...” І ён тады пазбіраў, і насіленіе наша ў парцізаны болей дабавілася, і вот змішалася во так во.

А немец тожа забіраець у “народнікі»” нашых людзей. Дзе вот там кала бальшака дзярэўні, там маладыя. А яны і самі некаторыя пашлі, каторы вот не любіў Савецкую власць, НКВД схапіла бацьку, брата, к немцам ён пашоў. Тут змішалася ўсё, тут як: ты ў паліцыі, а той у парцізанах, і страляліся, і біліся, і ўсё тут. Мы ўсякага гора перанеслі.

Немцы там калдэчуць, а дужа мы знаём. Ён тока прыдзець у хату: матка, русіш шайзе, філе, філе, кляйне кіндер. Гэта ўжо гразна і многа рэбят: філе, філе, клейне кіндер, шайзе, фу, русіш шайзе, - плююць, што рускі, а яны ўжо лучшыя.

Парцізаны і солі прыхадзілі ноччы, то хлеба, то солі. А тады немцы ззаду ідуць, а тады засады дзелалі. Ай, білі адзін аднаго. Бандзітац не было, але ж п’яніцы былі і раньшы. Цяпер жа п’яніц поўна, нячэсных людзей, і тады ж было. А тады свабода, вайна. Другі прыйдзець, чэсны душой. Вот салдаты кадравыя, ім нічога не нада, яны, ну, хлеба нада, а другі прыдзець, жыцьціль які, у яго сям’я, яму нада трапкі, жонкі, ухажоркі нада, усё было памішана. Гэта Бог так звярнуў, як гэта Божачка звярнуў, што немца прагналі.

Запісано в 2007 г. от Рублевской Ирины Устиновны, 1924 г.р., д. Бабча Лепельского р-на.

ЛИОЗНЕНСКИЙ РАЙОН

* * *

Вот ета ўсё помню, як і вайна начіналася, як і ў калхозы зганялі. Мы жылі на хутарах, мама хадзіла свінней карміць, у калхоз паступіла. А папа не паступіў у калхоз – паехаў у горад... Маме не давалі работы, тады маму пажалелі, у мамы многа рэбят было, толька павымерла... Первы памёр, последні памёр, а так нас шэсцero было. Ну тады маму пажалелі і ўзялі ў калхоз, яна стала свінней карміць. Яна пяць гадоў пакарміла як раз да вайны, і вайна началася. І перад самай вайною, у трыццаць дзявятым гаду зганялі ў пасёлак. Ну, як у пасёлак прыйшлі, тады

Ўжо і я стала хадзіць пасціць тых свінней, мне было дзесяць лет...

Во тады я помню і вайну, як я ўцікала са свіннямі етымі. Бамбязь самалёты нямецкія, во кала самых агародаў кала найшых ямки былі якія. Бамбязь рядом, тут бамбязь, а тут я са свіннямі бегаю. А салдаты хуваюцца пад амбар і крічаць на меня: “Дзевачка, дурачка, кідай етых свінней ды залазь скарей пад амбар, тыж відзіш, як асколкі еты ляцяць”. А во відзіш, не судзьба была пагібнуць, каля самых агародаў бомбы рвалісь. Ну тады і я пахуваліся пад тый амбар. Тады праліцелі самалёты нямецкія, ну тады мы падняліся, ну рас ўжо вайна – значыць вайна. Ужо не сталі не калхозы неякія, нічаво.

А немцы як прыехалі... Нашы када вечарам адступалі, када вечарам яны да Калышак дайшлі, можа хто далей, а можа якая часта засталася ў Калышках, і вот у гэтых Калышках, як на заўтрачка ўтрачкам, як сейчас помню, глядзём – нямецкія матацыкалы... Сколькі там нашых салдат пагібла ў Калышках, ай-я!

Яўреяў вялі як растрельваць... У нас у Зосіна там быў мост жалезны, кала фермы як раз, і на тым масту сколькі яўреяў пабілі, каторыя ня могуць ісці, дужа старыя – растрельвалі іх. Не любілі юду: Юда, юда і ўсё. У мяне сестра Вера была дужа чорнінькая, дык і то казалі – юда. Яны так харошыя былі, немцы, бывала канфеты даюць, такія трубачкі былі, бывала пякуць смачныя тарты такія, тожа даюць. Толька бывала ўсё маме гавораць – юда, на Верачку, што яна дужа чорнінькая, а яна гаворыць – не, не, яна не юда. Ненавідзелі яны жыдоў, чагорта немцы не любілі дужа жыдоў. Немцы многа ў Калышках растралялі. Бывала як гоняць, дужа многа іх гоняць, крічаць. Старыя еты крічаць, ісці няможыць, тады іх растрельвалі, а хто мог – ідуць.

Сама ў полі была, пасцвіла кароў, тожа папалася я. Валодзька Кубліцкі такей і я. Ну дзеці яшчэ былі, па дзесяць гадоў нам было. У полі кароў, там яшчэ былі ў каго, парцізаны яшчэ не забралі... Пасцілі мы, а тут едуць паліцыя, а мы так далёка пасцілі, сюды пад лугі ажно. І ўсё раўно, паліцыя ехалі, замецелі і прыехалі. І нас забралі з Валодзькам кароў гэтых гнаць туды на Віцебск ужо, ужо ж немцы занялі. А мы, што

дзелаць? Калі хочаш, і кароў гэтых паб'юць, парэжуць і нас туды ўмесце. Мы з Валодзькай, а ў нас якраз як мы жылі, кусты былі. Мы ў гэтыя кусты ўвагналі кароў, а самі ў другія кусты пераскачылі і пабеглі па етых кустах, па кустах і ўцяклі. А кароў пагнала паліцыя туды пад Віцебск. І то, адна карова і прыбегла адтуда, яшчэ уцікла яна, аднаглазая была і ўцякла дамой. Можна яе ня білі, што яна аднаглазая, ну і мы тады ўжо прыйшлі дамой. Кароў тых забралі ў каго парцізаны, у каго паліцыя, у каго як.

(А вот парцізаны ці былі?)

Парцізаны, каторыя былі парцізаны, тыя прыходзяць і папросяць есць – малака ці яйцо, ці смітаніну якую, што-небудзь пакарміць іх нада – эта действацельна былі парцізаны. А каторыя ў сундуку лазілі, кралі – гэта не парцізаны, гэта грабіцелі. Эта Сумлік у нас такей быў... Як немцы сталі адступаць, сталі нас выжыгаць. Хто кала самага бальшака – выжыгалі дама і людзей. Патом хто куды разбегліся, ўцяклі, а папалілі дама. А мы ўцяклі ў Вордзіва. У Вордзіве, дзе Ніканаўшчына, дзе самыя рвы, самыя лясы, там стаялі дзействацельныя парцізаны, у Ніканаўшчынай, там ёсць роў там і жылі парцізаны. А немцы адзін едзінствены раз па Вордзіве праехалі, дык і то там парцізаны пабілі тую машыну. Я думала і Вордзіва тое папалюць, і нас папалюць, але не ... Ну мы там пажылі колькі. А тады, калі нашы, у Калышках на школе паявіўся флаг красны і пайшлі нашы самалёты ўжо лецець, і сам еты Сумлік во быў жа “народнік”, а стаў: “Во, нашы дзрузья лецяць”. А мы знаем і помнім, бляць, якей жа ш ты быў парцізан. Грабіцель ты быў, а не парцізан! Дзействацельным парцізанам нікада аўчынкі ім не нада было, ім нада тока падысьць і ўсё.

Ну што, сталі мы з Вордзева адступаць, відзім, што Зосіна ета палюць, можна і ў Вордзіва ета заскочуць ды запалюць. Ну што, давай сабірацца. А ў мяне сестра была Вера, кривая была, у яе дужа балела нага. І мы ету кривую на тачку і на тачке за сабой вязлі з Вордзева. Сталі мы адступаць тожа пад Ніканаўшчыну, тожа к парцізанам туды. Ну што ж, ноч, цемень такая, як заехалі мы ў пацьмах у нейкую амшару, у ваду. Сядзём мы ў етай амшаре. У аднаго, там Карпаў такей быў, у яго кабыла была, ён паехаў далыше. А мы куды на тачке Веру павязём? Ні

дарогі, цемень, нічога не відзім, нічога не знаем. Заехалі ў амшару і сядзём. Во тады ўтрам, як тока нашы паявіліся... А худзенькія, а чорнінькія, рядавья еты, каторыя пешаходныя ідуць сперва, вот яны і курыць просяць, і есць просяць. Хто што і кармілі, і курыць давалі, хто астаўся там. Ну во, тады нашыя як прыехалі, занялі і Вордзіва і Ніканаўшчыну ету, немцаў ужо далёка яны адагналі.

Тады во бабка папалась харошая. Мальчык прыхадзіў увечары к маей сястры гуляць. Дык мальчык прыдзіць, сядзіць ярам з ей, а яна нехадзячая была. Тады ён прыйшоў домай і будзець гаварыць: “Мама, там ёсць дзевачка, такая красівенькая, чорнінькая, но дужа балеіць, можа, мама, ты падлячыла б яе, можа б ты падлячыла тую дзевачку, яна дужа красівая і харошая”. Ну во, прыйшла ягоная матка, това мальчыка, пашыптала, пагаваріла, ножыкам паплюхала, ножыкам папагладзіла, пашыптала. І слава Богу, во дакуль мая сестра жыла, во якая бабка была харошая. А тады мы ўжо папріехалі дамой, сталі скарей сабіраць, дзе што ячмень застаўся немалочаны, немецкія коні ўсё пабілі, патаўклі, хлеба нет, у нас дужа голад быў бальшы.

(А што елі, во гаварілі што “ташноцікі” сабіралі?)

Ой, ташноцікі! Ета ўжо дужа спасіба, што картошку не выкапвалі, гэта было дужа харашо. Мы елі траву, елі шышкі. Бывала на асаке такія растуць, такая крупная асака і на ей шышкі бывала растуць, елі ліст ліпавый. А мама расказваець у трыццаць трыццаці гаду, якраз Саша мой радзіўся, дык дажа калодку гнілую сушылі таўклі і елі. Нічаво не было есць, тады ўжо ў трыццаць трыццаці гаду быў калхоз... Свякрова казала, што, бывала Сашка расплачыцца, дзяцёнак, яна са жмухі, што цялятам даюць, соску зделаем, увпрём яму ў рот, каб не плакаў толькі. Во, які голад быў!

А ў Лугах вот госпіталь быў, ета ўжо верна як нашы занялі, у Лугах тады госпіталь быў. Магілкі нас заставелі тада адкапаваць. Ці там немцы, ці там рускія, хто знаіць? Пріказ і ўсё, ета было ў Зосіне. Мы іх выкапвалі, можа самі салдаты іх троху прікапвалі, а ўжо нас тады заставелі адкапваць. Там з вадой, а дзе вада - косці толькі былі, мяса пагніло, усё раўно сабіралі і вазілі ў Замшыно, шчас там паметнік бальшэй стаіць.

Сабіралі туды ўсіх, а дзе якія магілкі былі – ўсіх. Дзе немцы, дзе нашы – разніцы не было сабіралі ўсіх і там закапвалі тады ў магілкі.

Записано в 2012 г. от Ломоносенко Марии Макаровны, 1931 г.р., д. Луги Лиозненского р-на. Соб.: КДИ.

* * *

Ну вот я помню, як началась вайна. Ну, праснуўся, тады пайшоў на центр, там, дзе магазіны, падходзяць ка мне і гавараць: Вайна началась! Тады папрасілі нас, ноччы хадзілі, павесткі ўручалі – каму ісці ў ваенкамат, ці на вайну. Разнашвалі павесткі па мужчынах. Я помню, як людзі плакалі, як іх праважалі, сколька мужчын на дарогу сабралася, сколькі народу было. У нас на центру Кальшак, сколькі там кріку было, калі назаўтра вайна началась і адпраўлялі на вайну людзей, ну жаншчыны, знаеш, як крычалі, плакалі ратункі.

Помню, немцы, як ухадзілі ў Кальшкі, яны ехалі з музыкай, машыны. А я быў ранены тады. Мы сям’ёй сядзелі ў акопе і ішоў бой у Кальшках. І нашы салдаты на акуп пацянулі пулямёт. Іх дваіх забіла, етых салдат, і нас у акопе шесць чалавек убіла і чалавек пяць ранела. А там было дванаццаць ці трынаццаць чалавек, у акопе сядзела. Немцы сняряд па нас давалі еты. Ну, а мене во раніла і глаз паціраў. Тады мяне забралі родственнікі ў Рубяжніцу. І з Рубяжніцы мяне вадзілі ў Лёзна на перывязку, асколкі цягалі мне. Доктар Жарікаў, такі быў урач харошы. Еты Жарікаў цігаў мне асколкі, родственнікі мяне спаслі, а бацькі ўжо не было, на вайне ён... У немцы ішлі вясёла, музыка, мы рабята сядзелі на дарогі.

(А ці былі парцізаны?)

Канешна былі, ноччы хадзілі. Тока не с кажнай дзереўні. Вот у нас многа парцізан было, Страганы дзереўня, Сумфавы – там парцізаншчына была, ета Кальшанскага сельсавета, у сторане Глодані – там была бальшая парцізаншчына.

(З парцізанамі ладзілі?)

Ну, парцізанаў усіх жа любілі, усі за парцізан былі, але некаторыя былі і проціў парцізан, проціў савецкай власці. Вот я ілі ты, напрымер, быў кулаком, табе савецкая ўласць не

нравілась, калхозы не навільсь, це канешне шлі проціў парцізан, а так бальшенство – парцізаншчына, і тады сталі больше і больше ўлівацца ў парцізаны...

Вот немцы када адступалі, я харашо помню. Яны паселяліся, када ішлі з фронту, у нашай дзереўні, у Рубяжніцах. І ў нас тожа стаяла два немцы ў нашай хаце, у іх быў конь, у етых немцаў. Яны ехалі з фронту і аддыхалі тут у нас, яны можа з нядзелю ў нас стаялі. Адзін немец быў дужа дренны, а другой па-руску гаварыў, і ён гаварыў, што нікуда не адступайце – тока ў свой лес, ваши вот-вот прідуць. Другі быў нейкі сярдзіты. Высокі, здаровы, чорны. Ці ён чысты немец, ці ён па-руску не панімаў, нічаво не знаў. Такой бяссовесны, гатовы ўбіць чалавека – такей у яго быў узгляд. А другой быў харашы. Бывала, як толькі ядзім, ён нам сахару прінясець. І еты сярдзіты еслі пайшоў куды-то на дзереўню к сваім дзурьям, а еты астаецца адзін, еты што па-руску гаварыў, а мой папка ўжо з плену прійшоў з-пад Масквы пяхком, і ён яму расказваў, што нікуда не ўхадзіця, ваши вот-вот прійдуць. Вот такі стары немец быў і гаварыў што б ухадзілі тока ў свой лес. А так немцы тут не жылі. Во прідуць на отдых, недзелю тут, на отдыхе. Вот адне ухадзяць, другія абратна пріяжджаюць, і абратна ідуць ваяваць на фронт. Во дажа немцы прыйшлі і ў нас з хлева парасёнка выцянулі.

(А ці чулі вы пра такіх “народнікаў”?)

Народна власаўская армія была. Ета быў камандуюшчый Власаў і ён дзе-та пад Лененградам здаў цэляком армію. Ён быў камандзірам етай арміі, кім ён там ужо быў бальшым начальнікам, здаў ету армію, і перавёў яе ў власаўскую армію, ну яны ішлі проціў савецкай уласці. І етыя «народнікі» тада скрозь былі. Тады сталі арганізоўваць, дапусцім, у Калышках, хто хочыць у власаўскую армію. І вот Панязоўе, там Дзямідаў, там цяляком ішлі ў власаўскую армію проціў савецкай власці. Хацелі вастанавіць буржуазную абратна ўласць, савецкую власць пагасіць, а вастанавіць буржуазную. Прociў савецкай власці шлі яны. Паліцаі былі адзельна, а власаўская армія была адзельна. У власаўскай арміі форма была такая, як і ў немцаў, а ў паліцайў была дужа другая форма, верна, свая была адзежа толькі павязкі былі белыя на рукаў, паліцыя была напісана. Када

нашы сталі наступаць, то Панізоўе, Дзямідаў, там была дужа ўласаўская армія, дык яна адступалі дзень і ноч, ішлі на Лёзна, адступалі. Ну, а тады часць пайшло, тады ўжо часць да амерыканцаў ў Германію ішлі, дык яны часць паехалі ў Амерыку, каб іх не растралілі.

(А можа помніця власаўцаў, мальцаў якіх з Калышак?)

Нет, у нас не было нікога, не было ў власаўцаў нікога.

(А калі адступалі, палілі дзереўні яны?)

Паджыгалі. Власаўцы не, власаўцы не зжыгалі, немцы зжыгалі тока, як адступалі. Людзі ўспевалі ў лес, хто-куда, хто-дзе мог і як адзе пріхадзілася. Вот Асташева, там немцы сагналі людзей, сто дваццаць чалавек і іх сажлі ў Асташеве, загналі ў хаты ці сараі, або ў баню і сажлі хаты, і іх ў хаце спалілі.

Записано в 2013 г. от Быковского Михаила Фимовича, 1920 г.р., г.п. Лиозно. Соб.: КДИ.

* * *

Мы яшчэ дзеці былі, кагда бамбілі нас. Первая бомба папала ў наш клуб. Ну, дзе цэрква стаяла, папала ў наш клуб. А ў нас там была зямлянка, а мы сядзелі ўсе ў зямлянкі. І папала ў магазін, туды бомба папала. Ну, а тада немцы явілісь чэраз скока дней, я вам не магу сказаць. Дык мы, дзеці, бегалі па тый вуліцы як выварачываеш. А ехалі на матацыклах, на машыне ехалі немцы. Ну, нам яны нічога не дзелалі, нічога. Мы пастаялі, паглядзелі.

(А ў Бабінавічах немцы астанаўліваліся?)

Астанаўляваліся. Наш дом згарэў. І ўся вуліца згарэла. І мы жылі тут во ў бабушкі. У нас жылі дзве сям'і. Адна мамкіна сястра з дзецямі, і мы жылі, і бабушка жыла. У нас дажа адно врэмя немцы там стаялі. Нічога плахога нам не дзелалі. Куды-та хадзілі, ну я не знаю, куды яны хадзілі. Адзін астаецца, як дніўны, як што. Вот такія пачачкі канфет, ну як вам сказаць, як пугавічкі, яны ў нас раньшы былі. Ён нас угасціць. Нічога нам не дзелалі, нічога плахога, нічога. Я не помню скока яны, нядзелю стаялі...

У вайну мая цёця, дзе мы жылі, усе ў бабушкі, гаворыць: «Будзем варажыць, ці жывы мой Мішка на вайне, ці не». Усе ляглі спаць, яна бярэць стаканчык вады і кладзець кальцо туды.

Кальцо эта, што замуж выхадзіла, што старыннае, і кладзець. І глядзіць цераз зеркала ў гэта кальцо, глядзіць у зеркала. Каб ніхто ня чуў, ніхто. Я стаю каля печкі, яна сядзіць за сталом, у дзвянацаць часоў начы. О, як сейчас помню! Яна мне махаіць пальцам, каб я падышла. А знаіце, жутка. І яна гаворыць, і яна мне паказываець: «Паглядзі, дзе дзяцька Мішка стаіць». Атварнуўся ад яе ў шынэлі, во, помню, як сейчас. Жутка стала і мы эта зеркало палажылі і пашлі. Ну і точно – ён з вайны прышоў, але жыць к ёй не пашоў.

(А ці паліцаі былі ў Бабінавічах?)

Былі паліцаі, былі. Хужэ былі немцаў, так як ёсць. Ну дак, раз ішлі на сваіх, канешне хужэ ішлі. Вот эта выгаражывалі іх, застаўлялі іх ісці. Іх няма ўжо ні аднаго, ляжаць у магіле.

(А парцізаны былі тут?)

Парцізаны былі. Ну, я не хачу сказаць, што у Бабінавічах, я не знаю. Яны па лясу былі, у лясах. У Бабінавічах эта я вам не скажу. Яны ішлі ў парцізаны, каторыя папалі ў акружэніе. Жылі дома, а во, як у нас спалілі ўсе Бабінавічы, забралі, на вайну яны пашлі.

А мы ў бежанцах былі. Мы недалёка, лічна мы недалёка былі. На кілометраў трыццаць. Клюкаўка, і там за Клюкаўкаю на кілометраў дзесьцяць у дзярэўне. Вот там былі ў бежанцах. Мы, канешне, сахранілась наша сям'я. То некаторыя прыехалі без дзяцей, пагіблі дзеці, то паўмералі з голаду, што хочаце было. Па мамкінай лініі ўсе былі ганчары. І кагда мы прыехалі з бежанцаў, і начаў брат, ён у нас з 29-га году, і ён начыў. І з дваюрадным дзелалі, і мы с этага тока выжылі. Мы насілі ў Лёзна пасуду эту мяшкамі. У суботу пайдзём, там прададзём. Там жа Лёзно уперад асвабаждзённае было, сеялі там то зярно, мы с этага толька выжалі. А кагда прыехалі сюды, мы жылі ў нямецкіх зямлянках.

Записано в 2015 г. от Крупенчиковой Нины Емельяновны, 1931 г.р., д. Бабиновичи Лиозненского р-на. Соб.: ЛВА, ОВЕ.

* * *

Як вайна, а ў нас бальшы дом быў, прышлі гэты немцы і занялі зал. Прывязлі саломы. І вот сем афіцэраў было. І адзін

стаў гаварыць па-польскі. Бабушка стала з ім разгаварываць, дык мы дажа ўдзівілісь.

(А чаго вот тыя немцы так не любілі яўрэяў?)

А яны чаго не любілі, што яны не хацелі робіць. Не хацелі работаць. Да, яны не любілі работаць. Я знаю, гаварылі, што за работу. Дык яны ж, гавораць, як вайна стала, первым долгам істрабіць гэту нацыю...

І рускія былі, і хахлы былі (з немцамі). А еты, помню, былі адзеты – карычневая адзёжа, галіфе, кожай абшыты. Яны на канях былі. І вот яны былі, хата ў нас бальшая, і эта ж немцы камандавалі, а нас загналі, мы аддзельна. Дык вот дзелалі банкет, і пяюць гэтыя хахлы, эта была армія такая украінская. І гэты паюць: «Страна мая, Масква мая, ты самая любімая», – і немцы з імі пяюць. І немец, да да! І тада яны пабылі нядзелю, а тада іх на Асінторф паехалі. Эта “власаўцы” называлі іх.

І румыны былі. Вшывыя, тожа былі вашывыя. Яны былі галодныя, каб вы тока зналі! Яны хваталі, не спрашывалі. Яны точно, як сумашэдшыя. А вошэй было! Спалі каля хаты, эта ж я помню. Расклалі агонь і адзёжу сваю прудзілі, а эта траскатня ішла. Яны прыехалі быстра і быстра іх убралі. А куды іх прагналі? Худыя, страшныя такія, ну, і галодныя. Очэнь злыя, іх вошы заядалі. І хахлы злыя.

(А самі немцы?)

Былі і харошыя, былі і плахія. Вот была ў нас чэраз дарогу хата Анюткі. Там была кухня, і быў небальшый мужчына, поварам быў. А тада ў Сцяпаненкі з'ездзілі, бык быў там бальшы. Прыгналі этага быка, а зіма – нада было карміць. А ў мамкі была карова, не было сена. Дык гэты немец, а ў яго было пяцёра дзяцей. Дык ён гаварыў на мамку, кляў гэтага Гітлера і Сталіна. Уцягнуў ён сена, што нада мамке памагчы карову выцягнуць, што ў мамкі трое дзяцей, і ў яго – пяцера. Ну, дзержалі, а тут началі наступаць і быка таго спёрлі, куды, я не знаю.

(А паліцяў у вас не было?)

Была паліцяя. У нас немнога было, паліцаі былі са Сцепанаўкі. У нас быў адзін Іван Керанскі. У Горбава было многа. Начальніка паліцыі разадрали на две бярозы. А ў нас жывы астаўся, Шэцкі фамілія. Ён прыехаў, паказаўся, а втары,

яго замесціцель дзе-та жывець, Лабаноўскі. Ён быў памошнікам, нічога не дзелаў. Ай, ужо памёр.

Якраз была эта вайна, і мамка мая плакала, а ў ей было трое нас, адзін пад адзін. А жэншчына, очэнь цяжка было. А яна ўсё плачыць – нада ж карміць, нада ж усё. Я дажа вот, ці былі ў нас дровы, вот эта нечэго не помню. І вдруг сніцца мне сон. І сніцца, а ў нас дом і ясень бальшы, здаровы, і спускаецца з неба старычок. Белая бародка, длінная адзёжа. І мне гаворыць: «Цішэ, дзетка, не плач, твой папка жывы», – і тры разы мяне па галаве пагладзіў. І я тут жа прачнулася і гавару: «Мамачка, мне Бог сасніўся», – сказаў, што папка мой жывы. І бацька мой жывы. Вот эта лічна сон эты прысніўся.

Записано в 2015 г. от Новиковой Нины Степановны, 1928 г.р., д. Бабиновичи Лиозненского р-на. Соб.: ЛВА, ОВЕ.

* * *

Вайна началась, а я толькі сем класаў кончыла. Хацела паспарт здзелаць, паступіць у Віцебск на планавіка-стацісціка на два гады. І сабралася я ехаць, ужо нескалька ўчэнікоў са школы хацелі мы ехаць разам. Эта было ў васькрэсенье, думалі, нанач паедзем, паначуем, а патом у панядзельнік панясём дакументы. А тут усталі – вайна! Во, як было 22-га іюня. І песня ёсць: “...роўна ў чатыры часа, Кіеў бамбілі, нам аб’явілі, што началась вайна”. І нада во, у такія гады, у семнаццаць гадоў, і я перажыла парцізаншчыну ўсе гады. Але пры немцах там не было парцізан. Я была ў Вялейскай абласці, загналі нас немцы, як адступалі. А там жылі, там калхозаў не было. Жылі яны самі сабе, а ў вайну і ў нас не было калхозаў. Мы сталі на хутарах жыць у вайну. Жылі раньшэ харашо, як удабралі зямлю і пахалі самі, а як сталі калхозы... Год работалі дарма, не палучалі нічога... Ну, знясём у Белгрэс малака, смятаны, яец прададзім, хлеба купім.

Еслі б толькі не калхозы, сразу выйгралі б нашы вайну. Калхозы людзям надаелі, здаваліся ў плен. А як пабылі ў пляну, а хто вышаў з плену, а там голад, і расказалі салдатам. Ні сталі здавацца.

(Дык немцам здаваліся таму, што калхозы надаелі?)

Хацелі дамой, надаеў калхоз. Нехай немец будзе, каб толькі калхозаў не было. Прыці дамой, і абешчалі начальства

высшае многім, што калхозаў не будзець. Вот узяліся ваяваць, папалі ў плен, голад, і большэ не сталі здавацца. А еслі б немец не марыў голадам у пляну, выйграў бы.

(А якія тыя немцы былі, ці помніце вы?)

Абыкнавенныя, чаго я не помню. Ай, чаго ты, абыкнавенныя людзі.

(Ці сільна злыя?)

Не. Немцы, не. А былі этыя, дзе нашы ваявалі. Фіны. Этыя былі ў карацельных атрадах усюдых. Этыя былі на нас злыя, яны нам мсцілі. Нашы салдаты тожа натварылі з іхнымі дзевушкамі, насілавалі іх, і яны мсцілі нам. Фіны.

(Фіны злейшыя за немцаў?)

Ой, эта быў белы народ здаровы, ну і мсцілі, вот этыя мсцілі. А немцы, не. Яны аддавалі доўг нам, фіны, былі злыя. А немцы народ харошы, яны жаласлівыя: вот мы вінаваты. Хай Гітлер са Сталінам пабіліся, хто каго асіліць, а мы... Іх пасылалі, як і нашых. Ці ж яны самі ішлі? Не, немцы не врэдныя. Яны сільна даверчывыя...

(А тут як яўрэяў сталі страляць, ці хаваў іх хто-небудзь, ці хавалі іх месныя?)

Не, ніхто не хаваў. Яны ні к каму не хадзілі, не хаваліся, не. Мы дружылі. Мы ў Лапіцкіх жылі, Бабынавічах, і дружылі. Ну, не хадзілі яны нікуды хавацца. Сядзелі да паследнега, а патам іх павялі страляць. Мне ж гаварылі, што паліцыя і страляла па адным да Дабрамысель. Наіздзеваліся над імі, ай! А ў Дуброўне расказывалі, там горы ляжаць магіл, яўрэяў, іх там многа было. Яму выкапаюць, падвядуць і страляюць, яны туды валяцца. Дык каторыя застрэяны харашо, каторы ранены быў – зямля падымалася. А дзяцей чэраз калена ламалі і кідалі в эту яму. Дыхала зямля, расказывалі. Наіздзеваліся над яўрэямі, Божа мой, Божа! Мне іх жалка, яны не вінаваты, што было када-та, дзе-то. Каму, што яны здзелалі?

Записано в 2015 г. от Лавникович Мария Семеновна, 1924 г.р., д. Бабиновичи Лиозненского р-на. Соб.: ЛВА, ОВЕ.

МИОРСКИЙ РАЙОН

* * *

(Скажыце, а ў вайну тут партызаны былі?)

Наязджалі тока, стаяць не стаялі... Патаму шта, відзеце, што мы тут счытай на развілке дарог, вот тут с Браслава дарога, тут на Мёры дарога, як жа тутака ім. Тут яны як у клетцы былі, а так наязджалі ноччы. Нічога благога яны ня робілі, еслі тамака папрсяць што-нібудзь з прадуктаў. Еслі можэце. Так нада было падзержаць людзей. Было вот, прымерна, прывазілі шэрсць. Папрсяць спрасць, звязаць наскоў там, рукавіц. Ну гэта вот я сама тожа, мама прала, а я вязала.

(А немцы тут стаялі?)

Толька пад канец вайны стаялі у нас немцы, павыганялі людзей з хат. Дык у адных у нас жылі чатыры сям'і. Нада ж было людзям недзека, казаў той, умясціцца. А яны тут стаялі, немцы. Вот. І людзей у Германію вывазілі, у меня у самой брат быў у Германіі. Але паліцаі горшыя былі. Чуць трошку што, дык, шчас казаў той, за шыварат і ў каталажку, б'юць.

(Гэта ж свае, месныя, да?)

Да, калі хочаш і сваіх было. Дык вот так, такія дзялы.

Записано в 2008 г. от Маркович Любови Федоровны, 1925 г.р., д. Перебродье Миорского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(Партызаны месныя былі ці адкуль прыязджалі?)

Расейскія былі, месных многа нашоўшыся была. Знаешь, как былі расейскія, так прыдут у хату, папрсяць паесць там, каво адзець, абуць там – і пашлі. А як свае прыдуць, так аграбязь усе і пайдучь. Знают, где хто как жывет, вот. Поросенка зарежешь, прыйдут ночью, вазьмут, на каня сложаць і павязут. А эты ідут, уже знаць які расейскія, шапкі круглыя, красныя, як воўчыя, так во. Папрсяць... “Спасіба, спасіба, аець”. І пайдучь, а этыя усе грэбалі... сваі.

(А немцы палілі тут дзярэўні?)

Каля нас так не палілі. Алі ж ніхто нікуды не заяўляў, не хадзіў – яны і не палілі. А где заяўлялі болей, там немцы палілі

всегда. Где хто быў у партезанах, усе уже ляжаць яны. Ляжаць усе.

Записано в 2008 г. от Трофимовой Ефросинии Митрофановны (староверки), 1928 г.р., д. Нивники Миорского р-на. Соб.: ОВЕ.

ПОЛОЦКИЙ РАЙОН

* * *

Тады была дзярэўня Такавенец, за лесам там – Такавенец. Тады радам цераз поле Калатовачкі. Эта ўсё да вайны было. Яшчэ ў вайну было. Мая залоўка расказывала, там яшчэ людзі жылі ў Такавенцы. Яна расказывала, што брат ейный быў у парцізанах. Брату нада было насіць парцізанам якія-то перадачы. Брат вот з 22-га года, а яна была 25-га. Ну, вот скока ёй было у вайну? Дзяўчонка ладная. І вот, ну здзелала там перадачу мама, і панясла яна брату. Ну, заняслі. Там дзярэўня і сразу ж і лес быў. І вот яна туды занясла перадачу, перадала. А назад ішла, это была зімой, назад ішла і с Калатовачак у белых халатах ехала паліцыя. І, як цяпер ужо інцэрэсна – у вайну была паліцыя, і цяпер. І вот і немцы. І яны яе замецілі, што з лесу выбягала дзяўчонка. А ей дзецца недзі. І вот тут во сасед жыў, тады ён яшчэ там жыў, у Такавенцы. Дзецца недзі, яна к яму. І «дзядзечка», і «міленькі, спасі, немцы мяне замецілі». А этаму што дзелаць, не знаіць. Ну, хазяйка эта: «Разувайся». Усё пухувалі ейнае, схувалі. «Лезь на печку ка мне». І яна залезла. Яна вот так расказывала, эта па ейных славах. «І лажыся за мяне». Ну, яна лягла за яго і ляжыць... Яна гаварыла, што еслі б ня ён, еслі б ён быў паліцай, значыць мяне б і ўсю дзярэўню там бы сажлі.

Немцы на этага чалавека: «Дачка ілі не дачка?». Гаворыць: «Дачка». І яны пашлі. Ні зачапілі нікога, нічога. Да, а тады брат ягоный з жонкай вёз дровы з лесу сюда, тожа ў Такавенцы. І немцы спрасілі ў яго: «Вы відзелі паненку?». А ён гаворыць: «Нет, нікто тут ня йшоў, толькі мы вязём дровы». Ну, яны і пашлі з дзярэўні. Не зачапілі дзярэўню.

А ўтарычна яна расказывала, што насіла перадачы там, дзе яны жылі. Ужо туды, у Жадунак. А там іхная стаяла клець,

як раньшэ называлі – клеці. І тожа с аднэй падругай, тожа насілі. Перадачу перадалі, а ішлі назад, а іх і забралі немцы. Немцы забралі! І тожа яна расказывала. І вот, гаворыт, тады ўзялі ў эту клець нас укінулі, завялі і зашчапілі. Як бы цяпер падмуроўкі эты – ня вылезлі б яны, спалілі б і ўсё. А раньшэ што там, падбівалі палкі. І яны гэтымі ручонкамі малымі дралі, дралі, выцянулі палку. Рукамі дралі і здзелалі такую дзірачку. І вот адна вылезла ў лес, і другая. А тады ўжэ яны ноччы прышлі сюда. Вот яна казала, што два разы я была ў лапах немцаў. Не нада было, каб яна памёрла ў тое урэмя.

(А самі вайну вы помніце?)

- Ну, пачэму? Троху помню. Ну от, як мы стаялі пад расстрэлам. Зато што нас у Германію. Хаваліся. Нас тады ж бралі ў Германію, там вун, дзе астаноўка первая, як едзеш. Тут во астаноўка была, тут грузілі людзей – хто сам ехаў, каго насільна забіралі. Знаеце як. Ну а ў мамі маёй было скока нас, трое сірот было. Трое сірот – брат, сістра, і я. Тры. І свякрова бальная з нагамі. Куды яна? Немцы нас так гналі. А ў Дзёрнавічах там, ці пад Асвею дзе-та, там ужо не адны, многа людзей было. Там тысячы. Абрыў, вот этат высокі абрыў, і на абрыве, помню, стаялі коні і пулемёты, на абрыве на гэтым стаялі. Во так лясок недалёка ад нас, а тут такая небальная рачулачка плыла. За то, што шчэ немец малую сястру маю от так ўзяў пад паху і перанёс, перакінуў. Ну і вот тока нада было даць каманду сесць і страчыць з пулемётаў з гэтых. А тут цераз галовы як паляцелі снарады, ці там гранаты, хто іх знаіць што. Хто мог – тот перайшоў туды зразу, а куды ж з рабятамі? Ну, і тады нас абратна пагналі, пагналі, і пагналі, і пагналі. І куды нас гналі? Наверна у Латвію. Прыгналі нас у Дзёрнавічы. І з Дзёрнавіч сталі гнаць. І вот ішлі, а там Асьвея.

На адной сторане былі парцізаны, а на другой сторане былі немцы. Эта ўжо перад самым канцом вайны было. І вот мама ўсё нас хацела прывясці к парцізанам. Пярэйдзем ад немцаў. І ўжэ я помню як немцы беглі, адступалі, толька бінокалі былі. А так трусы і майка, больш нічога ў іх не было. А еслі б былі пулемёты, то яны б нас усіх пастрачылі. Ідзём, і там я не знаю якая рака была, харошый мост быў. І вот дайшлі, а тут ужэ мама расказывала. Дашлі мы да этага маста, выходзяць два

часавых. Выходзяць два часавых і с пулемётамі, ўсё. Ну ўсё, расстрэл нам. І яна як начала «курдуячыць» з імі, як начала гаварыць, як начала гаварыць. І яны казалі, што «скора вашы муж`я комм мама», і будзеце уж цалавацца, радасць, канец вайны. Всё, Гітлера нет. Ідзіці ў лес, там будуць тры бункеры. Два первых, эта ўжэ мама расказывала, - замініравана, ня йдзіце. А трэцій – ідзіце, ждзіце. Ну і старушка была старанькая і з намі тожа, і вот прайшлі точна як яны указывалі так, а яны асталіся падрываць мост. Як нашы вайска пойдучь – мост асталіся падарваць. Ну вот асталіся мост падарваць, далі нам хлеба, рабятам і з маслам, і па шакаладке, а бабам гэтым ужэ хлеба така з маслам. Немцы этых, два немцы.

Мама гаворыць, ляжым за ўзгоркам, а там – вот так дарога. І бягуць дзве жаншчыны, ці дзевачкі, гаворыць – салдацкія юбкі. Бягуць, і па-нашаму разгаварываюсь. Ну, яны падыйшлі, сталі гаварыць, каб выхадзілі з лесу. Падаслалі машыну, пагрузілі нас усіх, вывезлі. Ну, пастаялі з салдатам з етым, паплакалі, пагаварылі. Ну і ўсё, і казалі – мы вас сягоння ні можам давязыці да вашых дзеравень. Куды хочуче, туды мы вас адвезём. Дзе вы, у якую старану вы хочаце, туды мы завязём, у які раён, но кажный жа хочыць на сваё места. Толькі мы вас давязём да ростанек, там будуць хараніць нашых пяць ваенных салдат, афіцэраў – ехалі на легкавушке і падарвалісі. Вот гэта я ўжо помню, як гэтыя салдаты ляжалі от так, і накрыты палаткамі былі. Ну прывязлі, мы тут ноч і начавалі, на утра пахаранілі іх, далі машыну і прама з той меснасці прывязлі нас у Скобрыя.

Записано в 2016 г. от Половой Майи Павловны, 1937 г.р., д. Казимирово Полоцкого р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

Тут жа гарнізон стаяў. Мы на танцы хадзілі, танцавалі, і немцы танцавалі. Да, танцавалі, і ўсё. Ніхто не чапаў нас. Як прыйшлі немцы, яны не чапалі. Не. Сталі чапаць тады, як паявіліся ў нас парцізаны. У 42-м годзе, у наябры месяцы. Так і ўсё.

Парцізаны нармальныя нашы. Тут жа ўсе свае. Пазабралі ўсю маладзёж. Нармальныя. Парцізаны нікога не агрэбалі,

нічога. І немцы былі, пака партызаны не сталі, нармальныя. А тады ўжо усё пайшло кувырком.

А ў мяне падругі былі жыдовачкі. Ай, якія харошыя: Люба, Соня. Мы ў адзін клас хадзілі, мы дружылі з імі. Я іду ў школу, заходжуся к ім, за імі і ідзём у школу. Было многа, многа жыдоў і ўсе разумныя. Былі ларкі загатавіцельныя, так ларкі хлебныя. І вездзе таргавалі яўрэі. Маслазавод быў бальшы, мая сястра, як кончыла дзевяць класаў, а забралі тату, яна кінула вучыцца, а пашла на маслазавод работаць і там работала, пака ўжо вайна не началась. Жыды былі харошыя.

А я пашла к ім перад гэтым, як іх гнаць сталі. Пашла дражджэй купіць – яны таргавалі дражджамі, а мы гналі гарэлку і прадавалі. Я пашла к ім дражджэй, толькі купіла дражджэй, занесла, не знаю што, яечкі, можа ці што. А ляціць паліцэйскі, а паліцэйскі, вот на гарэ дзярэўня, а ён там такі, Анатолій звалі яго. Ляціць паліцэйскі: “Што ты тут робіш, скарэй ідзі, а то і цябе ўмесце пагонім?!” А ён знаў мяне, чыя я, а тата ж мой быў такі мужчына, што яго ўсе зналі.

І я бягом дамоў прыбегла, і я кажу: “А Божынька маё, што там будзець не вядома”. Дык аж там, дзе мы жылі на хутары, за ракой, аж там мы чулі гвалт, як іх гналі. Гналі, як яны казалі ўжо, што пагонім у Варонічы, а іх завярнулі направа, у кусты, вот дзе кладбішча, там каля дарогі як едзіш на Ветрына. І іх туды загналі ў кусты і растралялі ўсіх. Усіх да аднаго.

Адзін жыдок, Іофа, закройшчык быў. Тут жа была і швейная, закройшчык быў харошы, шылі тут. Усё было: і сталовая была, і ўсё было, і почта, і каса – усё было. Ну вот адзін яўрэй Іофа астаўся, ранілі яго. І пайшла тут жэншчына адна глядзець адзежу, што ў іх, каб сняць. Гэта так было. Я не буду враць канешна. Пашла і стала капацца, а ён кратаецца. І яна спугалася. А ён гаворыць: “Не пугайся. Добра, што мяне спасла, мяне толькі раніла”. І тут бальніца радам, вот дзе цяпер Сельсавет, тут бальніца. І ён прыйшоў у гэту бальніцу к доктару, а доктар немцаў баяўся, гарнізон стаяў у школе, школа во там дзе цяпер база, зярно. Ну ён прыйшоў і яго немцам аддалі, і растралялі.

Записано в 2006 г. от Мороз Надежды Ивановны, 1924 г.р., д. Быстрица Полоцкого р-на. Соб.: ФВС.

ПОСТАВСКИЙ РАЙОН

* * *

Вайна началася, быў я ў Докшыцкім раёне, я там і радзіўся. Апец мой работаў у памешчыка. Замлі сваёй, ні дома, не было. У Парфенаўскім касцэле хрысціўся. Ацца забралі ў трыццаць дзевятым на польска-нямецкую вайну, я ж астаўся, мне дзевяць лет было. Прыехалі ў Крывое, матка мая з Крывога была, тут дзедушка быў. У маткі былі два браты, брат пашоў у парцізаны у сорак трэцім гаду. Жылі мы ў дзеда, прыехалі немцы, акружылі дом, дзеда забілі.

Я сам парцізан. Я тры месяцы быў. Дзядзька тока быў, нас тут спалілі, калі прыехаў дзядзька ў Крывое, забраў мяне ў атрад. Я тры месяцы пабыў і тутака хутар астаўся ў Крывым, нада ж было сеяць, каня, забралі ж усё, і дзеда забілі. Атрад нахадзіўся, знаеш дзе? Нарач, возле Нарачы.

(А як ён называўся?)

Грозный. Крукаў такі быў, камандзірам атрада быў.

Записано в 2012 г. от Корнацевича Анатолия Владимировича, 1931 г.р., д. Веретеи Поставского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

У вайну я была дома, я з Шаркаўскага раёну. Ну, там у нас самая партызанка... У мяня было тры брата, усе ў вайну папалі і толькі адзін вярнуўся, малодчый самы, і то скоро умер. Асталася я адна а нас была чэтвера.

(А вы помніце партызан?)

Да, вот днём былі самаахова¹ праедуць абоз, потам партызаны ноччы... У нас быў сабака харошы і яго партызаны пужалі і стрэльнілі у яго. Так ён бывала толькі: Гум, гум, гум... Тры раза гумне – ужо партызан нада дажыдаць. У нас так была: днём – самаахова, а ноччу – партызаны, і вот так пражылі. Партызаны былі адтуль больш, з Расіі, бедна как-то, не чым ім

¹ Беларускі корпус самааховы – военізаваннае фарміраванне, створанае акупационнымі властями в 1942 г., для оказания помощи немецкой полиции.

было адзевачца. Ну, дзелаць нечэга, нада была адзець, давалі усё ім, і адзежду давалі.

Запісана в 2007 г. от Лукашенок Таисии Степановны, 1920 г.р., д. Лучай Поставского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(1) Майго атца немцы за связь с партызанамі растрэлялі. Партызаны прыходзілі ў гэту хату, танцэвалі, а я сядзела на пячы. А ў 43 гаду майго атца немцы растрэлялі... У кнігі Памяці напісана пра майго атца...

Я з дзетства пела камандіру партызанскага атрада. Я пела, а наш гарманіст, ён ужо памёр, іграў на аркадзіоне: *Як фашысты убігалі / Ад саветскай власці, / Пацэрылі ручкі-ножкі / І кой-какія часці.*

Яны, партызаны у нас былі вакруг. У лясу пакапалі землянкі і ў землянках яны жылі, а партызаны усе нашы. С дярэўні нашай, с дярэўні Лучай, тут Лісіцы, кругом. Яны усе умесце ў школу хадзілі і мой атец, я вам гавару. Атец с 1906 года, другія с 1907, трэці з 1905 года, вот так. Яны усе танцывалі вмесце, в касцёл хадзілі вмесце, у нас не было ніякіх прыежых партызан.

Але партызаны былі всякія. Свіней, кароў бралі, былі такія, што саматканыя бралі. Яны ж былі жынатыя, у ніх былі сем'і. Ну ім у лес нада, вот гэты вешчы яны сваім жонкам бралі, дзецям. *Партызаны, партызаны, / Каб на вас халера, / Усё сала пераелі – / Патэлья згарэла.* Тады злажылі пра немцаў, а потым тады – на партызанаў.

Партызаны вот прыходзяць ноччу в хату, у пячы стаіт капуста наварына, там бліны можа якія у пячы, кавалак мяса. І яны прыйшлі ў хату, яны усе нашы, і усе садзіліся хлопцы за стол: капуста гарачая, картошка.

А немцы прыйдуць у вёску: “Матка, яйка, шпэк!”. Усе іх баяліся, яйкі нясуць, все надаюць, надаюць немцам-паліцаям. А у нас быў красівы палац, у нас палац польскі двухэтажны быў. Партызаны спалілі, штоб выкурыць немцаў. Вёскі немцы палілі ў кругавую. А палац партызаны спалілі, штобы немцам негде было жыць. Яны тут панамі, тут так жа кухня стаяла, повар был. Палац двухэтажный...

А немцы яйкі любілі, свініну, сахар, малако. А тады мы у бітончыкі набіром малака... А мама мая была во Францыі 5 гадоў. Ці немцы панімали па-французкі, ці можа французы былі з немцамі. Но дык мама па-французску с німі гаварыла. Так тот повар кажа, штоб мы малако свежае па 3 літра насілі, мы тры літра малака прыносілі. А повар на адзеялі ляжыць, каля палаца загарае, а я ж дочка французжанкі : “Кам кам, мілк прыняслі”. А ён прыходзіць, бітончыкі з малаком бярэ, вылівае. Бітончыкі палаццам вытрэць унутры. і сахару даець. Сахару ж не было. І хлеба дасць. Хоця ж мы свой пяклі. Ну вот так вот дружылі.

Но нашу дярэўню немцы хацелі спаліць! Яны палілі не немцы, а фашысты. Яшчэ палілі радзі партызанаў. Ну заганялі в сараі дзяцей і старыкоў. Дзеці, старыкі што дзелалі? Ну пусць партызаны, маладыя ваявалі. А Хатынь зачым спалілі, старыкоў і дзяцей?

(2) А ішлі немцы і хацелі нас вывазіць усіх. І ужо наш дедушка стары быў, і папа, і мама былі, і мы малыя, не вялікія. Запраглі каня, але там, у другім доме чэх быў і казаў: “Не, іці не нада”. Паставілі мы каня у сарай і зусім не паехалі.

Записано в 2007 г. от Петровской Ариадны Даниловны, 1935 г.р., Тананы Надежды Александровны, 1932 г.р., д. Гавриловичи Поставского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

У нас сваі былі партызаны, з вёскі, яны толькі самі у сваю пользу. Карову сцягнуць, зарэжуць і з’ядуць. Людзі баяліся іх зачапіць, у іх аружые было. Прыдуць ноччу. У мяне мамка была, так ей руку выбілі, пазваночнік перакруцілі. Каб у падводы ехала, жанчына старая, каб іх вазіла. Каня узялі, свіней забралі і курэй. Пад мятлу гналі ўсё. Свае, вот былі. Паманарэнкаўскі атрад быў, Сувораўскі атрад. Самыі найчаснейшы быў Сувораўскі, адтуль, са Смаленска – гэта былі чэсныя людзі. Прыхадзілі ноччу. А днём жа баяліся немцаў, немцы тут курсіравалі. Спалілі нашы партызаны двор, тут быў. Школа была даўней польская сельскагаспадарчая, вучылі. А гэта спалілі, каб тут немцы не былі: школу спалілі, дом ад касцёлу спалілі, палац спалілі. А тут жа жалезная дарога і бункір

быў. Так яны баяліся падысці. Там 5 ці 6 немцаў было, а іх цэлы атрад, а яны баяліся.

Записано в 2007 г. от Петровской Ариадны Даниловны, 1935 г.р., Яцины Вероники Брониславовны, 1925 г.р., д. Гавриловичи Поставского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

(Скажыце, ці былі тут партызаны ў вайну?)

Былі партызаны, людзей абіралі, вот былі партызаны. Былі партызаны – харошыя людзі, каторыя далейшыя, можа там і з Віцебску, і з-пад Полацку. Гэтыя нічога не кралі. Абіралі нашы, свае. Вот пойдучь у партызаны і вот яны ўжо знаюць, дзе ў каго што было, а далейшыя нічога не чапалі. Я сама была дзяўчына маладая... Дык прыехалі коні сабіраць. У нас 2 кані было. Дык яны прыйшлі і гэты коні выбіраюць, гэта ўжо вывелі каня з сарая і ўжо яны забіраюць. А я выйшла і кажу: што ж ты робіш? Ён “ласкаль” быў, Ласкальцы дярэўня была, называлася, тут не далёка, за Дунілавічамі. А вінтоўка ў яго была ржавая, усё на матузу. Не на рамні – на матузу. І я вышла на двор і кажу: “Што ты бярэш, выводзіш каня?” Ён тады сейчас вінтоўку зняў с плячы і на мяне: “Сяйчас я цябе застрэлю”. Я кажу: “Страляй, у цябе нема чым страляць. Калі ў цябе вінтоўка ржавая – нема чым страляць”. Дак ён узяў і кінуў гэтага каня, пайшоў і пайшоў. А так жа чужыя не бралі, далёкія не бралі, а гэтыя з Расоны былі... У нас быў з Расона гэтак прыседацель калхозу после вайны, дык ён быў чалавек очень харошый. Няма што казаць: ён нічога не браў, толькі есці прасіў. Мы далі яму пакушаць, ён і пайшоў.

Записано в 2007 г. от Трапук Зинаиды Климентьевны, 1923 г.р., д. Глинице Поставского р-на. Соб.: ОВЕ.

РОССОНСКИЙ РАЙОН

* * *

У вайну было. Як прыйшлі карацелі, тут жа ўсе ў лес паўхадзілі. І дзевяць месяцаў там сядзелі. Зімой. Мне тады 14 было. І вось я помню сон, як цяпер яго помню. Прысьніўся мне Бог. Старычок такі сівенькі. А я бачу яго і проста знаю, ну вось

проста знаю, што гэта Бог. Ішла я і сустрэла яго на ростаньках. Адна дарога, ну вось, як на Галяшы, ну і другая там. Ён мне і кажа: “Ты, мілая, - вот так і сказаў “мілая” – ты, мілая, ня бойся. Гэта вайна хутка скончыцца, мала асталося. А ты, - кажа, - ты, што б не было, не хадзі па гэтых дарогах. Ні па гэтай, ні па гэтай. Ідзі паміж імі”. Вот, што казаў ён мне тады, як сёння помню. <...> І вот толькі я на пагорак паднялася, во, як вас бачу, - нямецкі лыжнік у белым. Ой! Як я закрычала і ўніз. Ай, страшна! А там жа людзі. Ай, як усе пабеглі. І дзеве там сцежкі была: і адна ў лес да партызан, і другая да партызан. І ўсе па гэтых сцежках і пабеглі. А я паміж імі. Дык во, мае хлопчыкі, усіх, хто па тых сцежках пашоў, дагналі немцы. А я во так. Ёсьць жа нешта.

Записано от Кориун Екатерины Михайловны, 1929 г.р., д. Юховичи Россонского р-на. Соб. ЛВА.

* * *

Ешчо вот помню, маць расказывала. Был старшы брат, браў жэну в Каўшэватае, жэніўся. Жэніўся кагда. І вот этай самай жены аец і гаваріт мацэрі маеі: “Ой, свацця, сейчас мы зажывём, немцы прышлі, харошыя людзі, ані такія, вот такія. Вот счас калхозав не бюджет, зажывём”. А там значыт такая Вереніца есць, эта как в Полацк едзіш. Парцізаны там убілі генерала немецкава. Ну тут ай-вай, ад’ютант тот сбежал. А в Клясціце был гарнізон. Ані, значіт, туда пріехалі, дзерэвно акружылі. Ані вывелі ўсех мужыкоў на бугарок туда, і пулемёт. І вот эці “самые харошые людзі”.

Записано в 2009 г. от Буланова Георгия Алексеевича, 1916 г.р., д. Заборье Россонского р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

Тут жа немец ішоў, убілі генерала вот там. Папалілі, усех пасмалілі, тут нічога не было. Убілі генерала. Ай, прышлі туды на гару страляць нас, карацельныя немцы. А такія ў іх на шапках карацельныя чарапы, зубы там. І гаворыць: “Русь капут, Русь капут”. І гэтых там пастралілі, дзевочка дажа прыехала з Ленінграда, Зоя, к бабушке. А валоскі былі падстрыжаны, камсамолка. Тут як далі с аўтамата, дык і на кусочкі дзевачку. І нас бы пагналі ў Клясціцы – там людзей палілі. А Машэраў, вот

каб толькі ён быў жыў. Машэраў і Дзігелеў Пецька і Коля Хамчаноўскі. Ой, ой, Дзігелевы браты якія былі харошыя! Як яны памагалі, як яны памагалі асвабаджаць, як яны людзей спасалі. Ну, шчас пагрузоць, павязоць паліць у Клясціцы, там людзей палілі, палілі. Ой, ой, дыхаць нечым было! А яны (партызаны) як далі очарадзь. Так яны (немцы) калдымась, эта ўхадзіць нада ім. Гэта тады яны нам ужо перавадзілі, гэта тады нам Машэраў перавадзіў. Ужэ ўхадзіць нам нада, ухадзіць нам нада. І так мы асталіся жывыя. Падбеглі парцізаны аттуль, з-пад рэчкі: Хто астаўся ў жывых? Хто астаўся жывы, давайце сюды, к рэчке, к рэчке. І мы туды падбеглі эле жывінькія, эле жывенькія.

Записано в 2009 г. от Лисиченок Ксении Николаевны, 1928 г.р., д. Заборье Россонского р-на. Соб.: ЛВА.

СЕННЕНСКИЙ РАЙОН

* * *

Было такая, што за адну ноч ткалі такую намітку. Да, да, у вайну. Вот, мае дзеткі, як: сабіраліся мы ў адну хату, лён мялі ў мялку, вытрапалі, пакарасілі, спралі і за ноч саткалі. І тады да ўсхода сонца абняслі кругом дзярэўні і заняслі ў цэркву ў Буй аддалі. У вайну, каб вайна кончылася. Усе сабіраліся, і жанчыны, і дзеўкі...

Записано в 2008 г. от Головач Евгении Михайловны, 1929 г.р., д. Немойта Сенненского р-на. Соб.: ВТВ, ЛВА.

* * *

Было ткалі скацерць. Дажа у вайну сабіраліся. З дзярэўні ўсе жэншчыны, за ноч спралі, аснавалі і ткалі скацерць. І выткалі, і да сонца кругом дзярэўні тры разы абняслі, заняслі на Буй, а ў Буй была цэрква. У цэркаў тую скацерць. Каб ніхто не спаліў дзярэўню. Каб акупант не спаліў. Вот глядзіця. Парэчча згарэла, многа дзеравень згарэла, а наша дзярэўня была цэлая, ні адной хаты не спаліў. Хоць у нас і ў паліцях была сям'я. Хадзілі раз парцізаны ноччы, хацелі іх спаліць. Сталі ўсе прасіць іх: не паліця. А то ж яны спалюць усю дзярэўню, паліцаі. Ну дык і не палілі яны, цэлыя асталіся.

Хоць у нас і ў паліцаях была сям'я. Хадзілі раз парцізаны ноччы, хацелі іх спаліць. Сталі ўсе прасіць іх: Не паліця! А то ж яны спалюць усю дзярэўню, паліцаі. Ну дык і не палілі яны, цэлыя асталіся. А ўжо як кончылася вайна, немцы яшчэ ў лесе былі, парцізаны прыехалі і дзярэўню нашу занялі. І вот гэты паліцай адзін прышоў і к матке схаваўся. Музыкант быў, нам іграў танцы. Яна і прызналася. А яе пляменнік быў у парцізанах. Яна і прызналася: “Што мне дзелаць? Мой жа Іванька прышоў і ў мяне”. А яны гаворучь: “Вывадзі, мы нічога ня будзем дзелаць”. Вывела, а яго парцізаны і забілі. Забілі, патом зачাপілі за нагу і цягнулі да Забор'я, да гэтай дзярэўні.

(А ён як быў паліцай. Ці многа ён шкоды зробіў?)

Ён нічога ня дзелаў, эта ж бацька пашоў, і той нічога ня дзелаў. Пашлі ў паліцью, у Забор'я перасяліліся. А сваю хату тут кінулі. А сын іх, Грышка быў такі, з маім хазінам равеснік, пашоў у парцізаны, разам з маім хазінам. А тады ў парцізанах, хазяін мой расказваў, прыдурыўся: во йдзець, гавару, ня віджу, лужына па горла – бах. Сказаў, у мяне курыная слепата якая-та, ня віджу. Яго вродзе скамісувалі, а дамоў жа не пусцілі. А пайшоў у «народнікі», яны яго куды-та ў падвал ці куды-та, немцы арэстоўвалі, ён там і адседзеў. Пакуль не асвабодзілі нашы. Ён тады адслужыў у арміі і прышоў дамоў. І тут жаніўся. Але ўсе на яго: паліцай і паліцай. Мой бацька быў камуністам, з 1896 года ён. І адзін раз у нас, ён быў пасля вайны прэсэдацэлем горсавета, і той Грышка прышоў у госці. Вот яны з ім і счупіліся за грудкі. Бацька гаворыць: я стары, камуніст!

Раньшы з калхоза кароў адганялі. Каб немцу не дасталіся. І бацька дабравольна пашоў. Ужо быў пажылы. А Грышка быў камсамалец, і тожа пагнаў. Да Віцебска дагналі кароў, а тут казалі: Немец у Багушэўску. Грышка эты кінуў і назад дамоў прыехаў. А бацька астаўся і пашоў, усю вайну праішоў. У Смаленску ёсь такая станцыя Пачынак, ён там адслужыў і адтуль дэмабілізаваўся і прышоў дамоў. “Я стары і пашоў, а ты малады, пачаму ты пашоў к немцам?” І завяліся тут біцца. Мы іх разнялі. Ён тут жаніўся, а не давалі яму жызні. Яны выехалі ў Полацк. Памёр там, не перанёс, што чужая старана. Тут усё сваё кінуў, хата была харошая. Цяжолая была жызь...

Записано в 2008 г. от Мурашко Софьи Васильевны, 1935 г.р., д. Раков Застенок Сенненского р-на. Соб.: ВТВ, ЛВА.

УШАЧСКИЙ РАЙОН

* * *

(А вот вайной немцы ці палілі тут вёскі?)

Так асобенна не, а паблізу палілі. У Кублічах яны стаялі, вот тут дзе школа. І гарнізон быў і бункеры павыкапвалі яны. Тады сталі парцізаны ўжо наступаць, ну і зона. Тут парцізанская зона была. Тут асвабодзілі былі парцізаны гэту зону і Ушачы.

(А ці многа ў паліцыю ішло, ці былі свае паліцаі?)

Ай, ну дужа не. Калі каторы ішоў, яны нічога врэднага не рабілі, іх заставілі. Яны тады после ў парцізаны пашлі, тады на фронт. Так асвабодзілі тут гэту меснасць.

(А тут былі толькі немцы ці можа былі якія латышы былі?)

Ну, пахожа, што немцы. Нас жа застаўлялі хадзіць ім палы мыць, вадуду насіць. Былі і добрыя такія: гэта і картачкі сямейныя паказвалі і ўсё. Тады сталі парцізаны, яны гэта ўсё хадзілі ўзрываць гэтыя ашалоны і ўсё, ну тады яны болей строга. Мой муж быўшы парцізан. Ой, што вы! Харошыя парцізаны. Месныя і тут дажа з Расіі былі, з Украіны многа. Ну, нада было і ім есці, у іх жа не было, што есці.

(Да вайны тут яўрэі ці жылі?)

Яўрэі жылі, ўся гэта вуліца яўрэі жылі. А тады іх сагналі з усіх Кубліч усіх у гэту вуліцу, а после завязлі ў Ушачу і расстралялі.

Записано в 2010 г. от Рыбчинской Надежды Николаевны, 1927 г.р.; д. Кубличи Ушачского р-на. Соб.: ОВЕ, ФВС.

* * *

Ну вот, як началася ж вайна, раптам жа ж началася гэта вайна, ніхто ж і не знаў і не ведаў. Ну і тады ж пабыло так нямнога, ну, можа дней чэраз два там, чэраз тры... і немцы. А яны ж на матацыклах, немцы. У дзярэўню немцы як ужо прыехалі, спярва ж яны нічога не чапалі. Ну, а тады ўжо после,

як парцізаны ўжо паявілісь, тады ўжо немцы ўсячыну забіралі і грабілі ўсё ў людзей. А як парцізаны былі, тады парцізаны ноччу прыходзяць. Помню вот, і мама мая, і вабшчэ людзі, ўсе хлеб пяклі пачці каждый дзень. А тады вот ужо парцізаны ноччу прыходзяць, дык яны ж ужо ня йдуць ў хату, а вакно адчыняем, і тады сразу наразаем і тады і даем. А немцы тады ў дзень сабе. Дык гэта добра – нас ніхто ня выдаў, а дзе выдавалі – тады і дзярэўні палілі, і ўсе робілі. Ну і так тры гады жылі, а тады ўжо як асвабодзілі нас. Гэта помню, у нас ў садзе была зямлянка выкапана. Хаваліся, бамбілі ж самалёты. Сядзім і сядзім у гэтай землянцы. А тады ўжо што робіць? А дзед у фаліварку жыве. Тады мама гаворыць – тут поўная замлянка ў нас набілася тут цесна – кажыць, пайду я ў разведку, у фаліварык. Сонца свяціла, красіва так было. А тады выйшла і кажыць: “Калі ўсе нармальна, памашу платком”. А мы ўжо малыя ў арэшніку сядзім і глядзім: вот мама выйшла і махае. Ну, мы ўсе бягом. А тады прыйшлі ўжо дамоў. А тут ужо і салдаты прыехалі, ну армія. Дык рады ўсе, хто плакаў, хто смяяўся ад радасці, ўсе.

І мы ўжо рады ўсе, што пайшлі гэтыя немцы. І сталі абратна калхоз і ўсе. Ну дык ў нас добра – нікога не павешалі, нікога не растрэлялі. Відзіш, ніхто нікога не выдаў нікому. А так жа ж, Бог знае, скрозь па дзярэўнях – і Глінішча, і Баболішча – тамака людзей сагналі, папалілі ўсё. Ну мы такога страшнага нічога ня відзелі. Ну, а тады ўжо, пакуль вайна не кончылася, ўручную ў калхозе работалі, памагалі ўсе. І старыя, і малыя. Гаравалі, ну што ж ты будзешь робіць. Ні скаціны, ні кароў – усё павывезлі, паграбілі. После зажываліся. Помню адзежа, дзе якую закапалі, дык мама тады ўжо сабрала адзежу такую добрую ў Западную (Беларусь) насіла, прадавала. І тады ўжо карову прывялі купілі, ну і так сталі жыць... Гаравалі. І я ж і сама ў гэту, у Западную на пасту лета ганяла... тожа за пяць пудоў хлеба на пасту кароў ганяла.

Записано в 2010 г. от Шугалей Нины Ивановны, 1930 г.р.; д. Зерченицы Ушачского р-на. Соб.: ОВЕ.

* * *

Ну вот вайна началась. Ну і тады два гады тут у нас нічога, тады парцізаны былі. У 44-ым гаду да нас дажэ ў кварціру захадзілі. А 1 мая бамбілі нас, Зерчыніцы там згарэлі. І 11 мая немцы ішлі цэп'ю, гналі нас. Далі нам жэрдзі, дзе парцізаны клалі міны, мы размініравалі, намі, людзьмі. А тады развярнуліся і пагналі нас туды, да палавіны ушачскай дарогі, і потым пагналі нас у Зябкі. З Зябак пагрузілі ў скатныя вагоны і тады – аж у Берлін. Там спачатка прыехаў хазяін, як яны там называліся, фермер, і нас завербаваў на жалезную дарогу работаць. Нам дажа там падказалі, што калі вы пападзеці на фабрыку, то очань цяжало, на завод. А патам, у апрэлі месяцы там ў Германіі нас сталі бамбіць амерыканскія самалёты. Мы жылі там горад Шлісінберг, мы жылі там на станцыі, там наш лагер быў. Нас там многа было інастранцаў: і французы, і чэхі, палякі, украінцы, На адной старане інастранцы жылі, там лагер іх быў, а на другой – ужо нашы тут: рускія хахлы, украінцы, кароча гавара.

У нас была парцізанская зона, тут блакада была. Ну вы можа знаеце, што тут прарыў у нас быў. Тут была, Бог ведаець, якая рэзня, колькі людзей пагібла. Ну мы тады год адмучыліся, прыйшлі рускія, асвабодзілі нас і прывязлі нас абратна, сюды, на сваю родзіну.

Брат як папаў у парцізаны несавершаналетні, дак астаўся з імі, а мы з мамай засталіся на пажарышчы, дзярэўня згарэла ў гэтым краю. Нас тады многа чалавек захацілі, далі жардзіну нам, каб размініравалі міны. І тады нас загналі ў сарай, там пераначавалі, і тады абратна пагналі так па дзярэўні, пешком. Па дзярэўні гналі... Ой, жутка, хлопцы, так жутка дажы гаварыць! Гналі, паказвалі, дзе парцізаны былі павешаны, но мы не пайшлі. Не маглі.

А тады прыгналі ў Празарокі спачатка, і тады з сабакамі пасадзілі нас каля кладбішча, а самі немцы пайшлі, прынеслі лапаты. Мы растроіліся – самі сабе будзем капаць яму. А з намі стары быў, ён у тую гражданскую вайну быў пяць гадоў у Германіі, сільна харашо панімаў па-іхняму. Мы ўсе: дзяццячка, родненькі, схадзі паслухай што яны там гавораць, немцы. Як ён станяць ісці – а яго сабакі не пушчаюць. Ён махнець рукой, мы абратна сядзім, чакаем, калі сабе яму капаць будзем. Пагаркалі,

пагаркалі яны і тады паднялі па камандзе ў Зябкі, станцыя ж была. Там ноч пераначавалі. Там народу было, хлопцы! Нам не толькі сесці, а стаялі так – рукі па-швам. Набілась народу: там і ветрынскіе, і кублічскія, і ўшацкія, і ўсе, усе. Прыгналі вагоны, нас пагрузілі. Сарціравалі: тыя, хто старыя, не бралі, а маладзейшых – ўсіх пагрузілі. І мы з мамай не разлучыліся. У мяня два браты на вайне былі. Прыехалі ў Беласток, а ехалі тры нядзелі. Нас вязлі, нас і бамбілі. Тады завербаваліся на жалезную дарогу, каб не на завод, не на фабрыку, тады год там адгаладавалі. Раз у дзень кармілі. А яду давалі, Бог ні весць якую. А там бамбілі горад этат Віценберг. Там страшней усяго было. Там ў барак наш прыгналі на абед есці з работы, і тут наляцелі амерыканскія самалёты. Хлопцы, еслі бы відзелі, што, як птушкі, ляталі і кідалі гэтыя бомбы. Узарвалі гэты вадаправод... Яму вырылі, і туды з дзяўчынай укаціліся ў гэту яму. І іх эшалон ваенны ішоў, і немцы з аўтаматамі, і мы ляжым ў гэтай яме, і вада нас затаплівае, і мы выскачалі наверх. А немец гаворыць: кладзіся, - аўтаматам ківае. Ну вот і адкачаліся там, пабылі, а тады абратна фронт ішоў.

Мы ўжо зналі. Лагер наш быў разбіт і мы пайшлі ў балота, і мы там сядзелі две нядзелі, пакуль прыйшлі рускія. Ну, а там сходзім у барак, возьмем які бурачок застарэлы, шчаўля нашчыпаем, зварым, з'ядзім. І тады прыйшлі рускія, вярнуліся мы. І тады нас пасялілі там у хазяіна. К немцу, стары чалавек. Есці нечага было і пайшлі ў свой лагер. Ноч пераначавалі і тады нас забралі. Вязлі доўга, і тожа бамбёжкі і ўсё гэта. Бальныя былі ў вагонах... Ай, нагараваліся! Вярнуліся дамоў, есці нечага. Адзін брат быў у лётная часці, а другі ў танкавай, ён быў старэйшы і з арміі на фронт папаў. І вот ён ад первага дня да паследняга адваяваў. Вернуўся зсечаны, зранены, зрэннае плахое, але жыў. А той старшы начальнікам быў у авіяцыі, так там мала вылетаў на бамбёжкі. Вот адзін брат на Украіне памёр, другі ў Башкірыі, а трэці, што малы быў у Празароках, а я засталася адна. Мама доўга жыла, мне 65 было, калі мама памерла на 99 гаду. Мы пастроілі з мамай хатку маленькую. Праўда, браты памагалі чым маглі, але ж пасля вайны цяжка было. А там жа мы счыталіся вражаская сям'я, бацька мой – рэпрэсіраваны. А

тады враг народа... У нас у первую очарадзь забралі карову парцізаны. Враг народа...

А яўрэі ў Кублічах жылі, я нічога пра іх не знаю. Расстрэльвалі ж іх, бедных. Даже вучыцель такі ў мяне быў, у школу мы хадзілі, ён учыцелям па нямецкаму быў, і таго расстрэлялі. Ну, яўрэяў, немцы ж гэту нацыю не любілі. Яны ж не толькі ў нас парасстрэльвалі, яны ж ўсюды пасабралі. Заваявалі. Парасстрэльвалі. Яны ж нявінныя. Яўрэі ж нявінныя людзі. Я ў школу хадзіла, там хлопцы і дзяўчаты вучыліся. Яны ж ня ўрэдня, ніякія, як і мы ўсе. А чаго іх, я не знаю.

Я вам знаеце што скажу, хлопцы: яшчэ немцы былі як немцы, а ў нас «народнікі» былі. Немцаў у нас не было, ў Вушачах яны былі, тады парцізаны іх выгналі, блакада стала. Як наехалі гэтыя «народнікі» – рускія «народнікі». А адзежа нада, прадукты нада. І вот помню ў нас сарай быў, ну, мы звалі “пуня”, і мы унутры гэтай пуні выкапалі з мамай яму і схавалі што там было: солі нямножка, крупа нейкая, трапкі. А далёка была адвезена картошка, далёка, можа кілометар ад дзярэўні. Вот яны прыйшлі, а сгарэла ж ужо ўсе і хаты няма, і яны прыйшлі, гэтыя «народнікі» і поруцца на гэтым пажарышчы. А мама падышла і кажаць: “Мальцы, што вы робіце, мы ж свае людзі, што вы порыце?”. А яны: “Матка, мы – НОРА”. Гэта “народная асвабадзіцельная руская армія”. А матка гаворыць: “Насяру я вам на вашу НОРУ”. А я скарэй паперла, кажу: “Мама, не чапай іх, а то растрэляюць”. І то праўда. І вы панімаеце, зараз бы эціх “народнікаў” парасстрэльваць, ды іх папрашчалі. А такія былі ўрэдыя! І яшчэ на немцаў абіжацца? Не-не. Ой, помню прыйдуць, дажэ свой, дажэ родственік, далёкій маме родственік, у паліцыі служыў: “Матка, сала!”. Матка пайшла: “Ну вот у мяне, дзетка сала”. І ён вінтоўкай стукаець аб пол. Во, якія рускія! А ім пашчады падавалі. Несправядлівая наша ўласць. Я б тады сразу парасстрэльвала бы ўсіх. Сталін тады нявінных страляў, а цяпер хай вінных.

Записано в 2010 г. от Матюшонок Юлии Николаевны, 1924 г.р.; д. Зерченицы Ушачского р-на. Соб.: ОВЕ.

ЧАШНИКСКИЙ РАЙОН

* * *

Калі вайна пачылася, немцы зразу прыйшлі. Нашы зналі, што вайна началася і будзець. У нас тут пад Віцебскам быў бальшы аэрадром. Нас паслалі на конях, пясок нада капаць пад калёсы. Вазілі, засыпалі гэты аэрадром. І там многа было самалётаў. Раньшэ мы паедзем, кала дарогі раскладаем сабе агонь, варым сабе есці, а гэту ноч нам не далі агонь раскладаці, як вайна пачылася. Первы дзень, як вайна пачалася, яны зналі, што вайна пачнецца. І вот мы капалі, вазілі гэта. А з абеда коней не пусцілі, толькі людзей, пясок разроўніваць.

І тут, усё раўно як птушкі, выскачылі з-за лесу два самалёты і сталі бамбіць. І ўсе самалёты загарэліся, штукі два толькі падняліся. А людзей многа пабіла – хто без ног, хто без галавы. У нас адну дзеўку раніла ў грудзь, а мы, дзякуй Богу... Нас выпусцілі з аэрадрому, казалі, дзе коні схаваныя, і мы тады ехалі дамоў. І ўжо Чашнікі, і жалезную дарогу ўжо бамбілі, і яўрэі бегалі і крычалі куды падвязці, бо ўцякалі. Ну, у нас жа ў Лукамлі адны яўрэі былі, і ў Чашніках былі. І ўцякалі, а куды яны ўцякалі?

І ў нас адзін яўрэй жыў, маленькій мальчык. Бабка была ў Віцебску, у намітках у іх. І вот прыехала з мальчыкам летам, а пачалася вайна, і вот гэты мальчык застаўся. Бабка гэта памёрла, а мальчык... Як немцы едуць, так мы яго ў пограб схаваем і зачынём. І ён пасля вайны дажа прыязджаў к нам у дзярэўню, высокі, красівы мужчына. А во што ў Навалукамлі, там жа адны яўрэі і былі. Іх так стралялі, гэтых яўрэяў, іх каторых ранят, дык усіх у яму закапалі, і яма так шаволіцца, пясок, а яны там, яшчэ пакуль падушыліся.

А куды ўцеч? Яны ж абкружаць. Я сама... Мой хазяін быў у партызанах, у мяне быў мальчык. І нехта падказаў, што мужык мой у партызанах, калі ў паследнюю экспедыцыю забіралі людзей. І мяне паставілі пад хату расстрэльваць. А я босая стаю, маладая, без хусткі, а дажэ і не плакала, і дажэ хоць бы што. А патом загарэлася хата, а адзін дзядзька залез пад печ і схаваўся, і яны запалілі немцы гэтую хату, а чалавек пад печчу сядзеў. А з другога боку два мальца ўлавілі, вялі. І вот гэты

бацька ягоны, старычок, пабег з гэтым дзіцёнкам перад гэтым мальцам і кажа: “Раз вас ужо ўлавілі, скажыце, што я, мужык, быў дома, і гэта мой дзіцёнак, і мая жонка”. І вось падышоў і сказаў, і мяне адпусцілі, а яго забралі ў Германію.

Былі немцы, былі «народнікі». У іх тады ж не кантора называлася, а воласць, у немцаў. І вот тады, калі паехалі ў воласць, тады казалі, хто куды хочаце, расхадзіцеся, хто ў партызаны, хто ў паліцыю, хто куды. Ну, каторыя ішлі ў паліцыю, шпіёніць, а тады дакладаць нам. А каторыя спецыяльна так ішлі. Ну, як каторы. Каторы харошы. Я вот помню: усе на печы, а я матаю ніткі ў клубок. Прышоў наш, дзеравенскі паліцай, і нейкі... Ка мне прыстаець: свята, а ты работаеш. Але гэты ўступіўся наш за мяне – не тронь яе. А гэты апяць, і тады зноў наш кажа: а я паўтараю, яе не тронь. І не тронуў. Ну ўсё раўно партызаны ўзарвалі яго хату, дык ён вывез усіх сваіх бацькоў...

Паліцыя і «народнікі» – гэта адно і тое ж, называлі толькі па-рознаму. Паліцай, ён суцэльны такі, прэданы немцам, а «народнікі», гэта дабравольныя такія ішлі.

Усякія былі. У нас дажэ бежэнцы былі. З-пад Віцебска, ці з Віцебска. І вось адзін парэнь забалеў, так забалеў, што яму дажэ ў хату запрацілі захадзіць. Прыйдзе, пасядзіць на табурэце, што маці паднясе есці, то ён есць. А нашы самі прышлі, і гавораць на яго гавораць: бяжы. Ён пабег, яны ў яго выстрэлілі і забілі.

Усякія былі. *Прыціснікі*. Каторыя самі паўбегалі, людзі разбіралі іх па хатам. Іх называлі “прыціснікі”. Вот яны і работалі, дзе ўласць пасылала. Каторыя павыжылі, каторыя пажаніліся на нашых, дык усякія ж у арміі былі. А тут у нас лес во і поле, а у нас, яшчэ дзяўчынай была, у дзярэўне былі немцы. І 12 чалавек нашых акружылі і забралі. І плот тут загароджаны. І іх паставілі ў амшары, і прывязалі вяроўкамі к спіне. Каторых расстрэльвалі, завязвалі вочы, а нас усіх павыгналі глядзець, як яны стралялі. Вот яны ў яго выстрэлілі, а ён гнецца, гнецца, гнецца ў кручочак. А адзін танкіст не даў вочы закрываць, толькі так трахануў галавой, дык яго так і застрэлілі. Растрэльвалі 12 чалавек падрад, гэтых мальцаў, і нас з дзярэўні павыгналі глядзець, як расстрэльваюць, караюць за гэта. Як з

Чашнікаў едзе, там памятнічак маленькі, во, гэта застрэленыя ўсе ляжаць.

А партызаны, у нас жа дужа многа партызан было, мой хазяін ужо быў у 10-м атрадзе. У Дубава. Елі што прыйдзеца. Раньшэ ж нічога не было, бульбу гнілую вымачвалі, мядункі сабіралі, цёрлі. Ну, во такія, як клевер, цвіцець красенькім. Яе тады таўкуць, трупць, і тады такія прысмакі пяклі. І з лесу прыйдзе ноччы, хто што дасць, то яны і ядуць. Калі не было немцаў, тады часта прыходзілі, а калі былі, тады не йдуць.

Записано в 2008 г. от Пиенной Татьяны Михайловны, 1922 г.р., д. Гили Чашникского р-на.

ШАРКОВЩИНСКИЙ РАЙОН

* * *

Ой, баццюшкі! Плоха, канечна, у вайну было. Тут наша зона была такая. Ноч’ю партызаны, днём – немцы. Вот абычна. Я помню толькі первы дзень вайны. Дык вот я помню, як у 41-м гаду мы з папам пайшлі глядзець. Ну мне было сколька, ну 4 гады, і мы сядзім так на скамеечках, а шоў абоз сюда, на Полацк да нас. Немцы, ну, фуры такія ішлі крытыя, ну там можа прадукты вязлі. Папа гаворыць: “Ну пайшлі дамой”. Толькі зайшлі, так ужо дзярэўня наша канчаецца, туды на хутары такая дарожка была. Помню едзіць легкавая. Ну ўжо едзіць афіцэр, там ужо не знаю, якое там званне ў яго было, афіцэр быў і ўжо ўгашчаў мяне канфетамі. Ну дык гэта было первае, первае. Гэта так мне запомніліся первыя немцы. А патам ужо былі, Божа мой! Патам ужо было тут у нашай местнасці, яны не ўспелі тут папаліць, ну яны ж прыхадзілі, усё грабілі, яны ж не счыталісь ні з чым. Я помню, да нас прыйшоў такі тоўсты немец, гэта ж лета было. Сейчас петуха злавіў, галаву адкруціў і там сколька курэй нада было, столька і ўзяў. Яны ўхадзілі ў хату і адно толькі зналі: “Масла, яйка, шпэк”. Усё. Гэта ж цяпер ходзіць як анегдот: шпэк – нямецкі чалавек. Бралі, што ім нравілася. Ну, в обшчэм, грабілі і ўсё. А патам, толькі я помню, назначалі ў падводы ў Глыбокае. Ну вы, наверна, чулі пра Безразвечча? І вот мой папа туды ездзіў у падводы. Назначалісь, што яны там вазілі, ну в обшчэм, награбяць тут, тады ж вязуць там ужо гэта.

Ну і тады, як толькі ад'язджалі, тады ўжо помню і мама і бабушка сразу пяклі хлеб, рэзалі такія во скібачкі, ну хлеба такія бальшыя буханкі былі. Ну і вот рэзалі на скібачкі і папа патом ездзіў. Там жа было агароджана так, пленныя былі. Ну і вот, везлі ім там. Раздаць гэта не разрашалася, каб падысці і аддаць. І яны так ужо едуць мужыкі гэтыя нашы і тады ўжо так пад'язджаюць, а тады, гэта во раз – і рассеіваюць ужо, ну штоб туды папала. Ну і бедныя ж гэтыя пленныя, канечна. Папа, як прыедзіць, як ужо раскажыць, бабушка галосіць, мама галосіць, а я ж ужо плачу тожа – жалка людзей. Гаварыў, што былі ж там, хто і ў ніжнім бялы, як узялі ў плен, так і ўсё. Гэта ж было лета, як бралі ў плен. Ну патом, хто ў шэнелі, хто ў гімнасцёрке. В обшчэм, здэкаваліся і ўсё.

Гэта былі пленныя – краснаармейцы. А яўрэяў ў Беразвеччы там не было, яны (немцы) іх сразу пастралялі. Дык вот і тут жыў. Тут жыў такі Элік Алмановіч. У яго там дом быў трошкі ніжэй, і папа мой з ім дружыў. Дык вот ён адзін астаўся, і быў мальчык. У іх было: ну ацц, маць, ён з жонкай і сын, ну вот майго мужа равеснік. Дык толькі ён адзін астаўся. Іх узялі ў гета ў Глыбокае, сагналі там, ну, і ўжо яны понялі, што іх будуць расстрэліваць. І ацц яго сказаў: “Спасайцеся. Я ўжо астанусь з унукам, я ўжо не ўдзяру стары. Спасайцеся вы”. Ну дык вот, яны там па простанях як-та там спусціліся і ўдзіралі. І жану забілі, а ён спасся. І пасля вайны ён ўжо жыў у Рыге. Мой свёкр ездзіў, устрычаліся яны. А там вот возле кладбішча быў дом, тожа нашы яўрэі былі, мікіцёнскія. Была фамілія Пантыма. У іх было тры брата і дзве сястры. Яны занімаіся земледзеліем, жылі так, як абычна. Гэтыя нашыя ўсе яўрэі былі такія ж крэсцьяне, як і мы. Ну і хто-та там падсказаў (немцам), што яўрэі. І гэтых сясцёр не было дома і аднаго брата. Я помню аднаго звалі Янкель, Ульфа, патом Соня, ну яны так можа называлі іх па імёнах, ну ў дзярэўні іх звалі Соня, Лэйка і яшчэ забыла як пятага звалі. Ну дык вот. Янкель тожа з маім папам дружыў і я яго очэнь любіла – гэта мой быў друг. Вот. І як толькі прыйшлі немцы, можа на які трэці дзень, і падсказалі, што гэта яўрэі, і немцы прыйшлі. І вот гэтага Янкеля і Ульфу забралі і забілі, і яны тут пахаронены, там у беражку кладбішча

нашага. Гэтых дваіх забілі. Ну, гэтых астальных канечна пагналі ў гэта. Вот.

(А партызаны ці былі тут?)

Парцізаны тожа прыходзілі, тожы прадукты ім нада было. Ну, хто добравольна там у вайну, калі ў саміх не было, знаеце. Ну, дзяліліся ж там. Адны ж прыхадзілі, каб паесці, а другія ж прыхадзілі, знаеце, так інагда забіралі, што ім і не нада было. Я помню, праталі там адзежу і ўсё. Помню ў нас гэта ў бабушкі такія былі на каблучках і зашнурованья такія сапожкі. Ну яны і ўзялі. Ну і на што ім?

У нас-та была гэта партызанская зона, панімаеце. У нас-та гэта старана была партызанская. І вот немцы як адступалі, то ўсё тут нада было спаліць. Ну, проста ілі не далі, не было вазможнасці, в абшчэм, у нас тут не спалілі, не ўспелі. Людзей усіх былі сагнаўшы. Як мне бабушка расказвала, мы ўжо ўсе тады, ужо паследні гэтыт дзень, там ужо далжны былі наступаць, ужо зналі. Ну і вот ідзець цэп. Ішлі туда, на парцізан, на астравы. Так у зялёных усе адзеты, такія вот сетачкі ў іх на глазах. А мы ўжо ўсё павынасілі з дома. Што там было, знаеце, што там было ў вазе што засталася, ну але ж хоць гэтыя шмоткі. Ну там ужо такі куфар быў, ужо гэта вынеслі, там фотаграфіі вынеслі, ну што дорага было, абразы вынеслі. Сказалі, што ўсіх будуць паліць. Ну, але ж адзін такі адлучыўся ад гэтага цэпа, і зайшоўся, і гаварыў па-польску. Ну і мама, і папа, яны ж паніамалі польскі язык – у школу хадзілі польскую. Ну дык і ён сказаў: “Не бойцеся, паліць вас не будуць.” Ну, але ж хто верыў? Ну, а там была ўжо зона нямецкая – Трымяны, Сталіца. За рэчкай там была ўжо зона нямецкая, так ўжо счыталася, а гэта – нашая ўжо, партызанская, ну лес тут блізка і ўсё. Ну дык вот яны тады папа, мама і мяне тады ўжо забралі, а там жа бабушка жыла ў Трымянах у тых. Ну ўжо паехалі, ну ўжо баяліся, што расстраляюць усё, ну а бабушка ўжо з дзедом: “А мы ўжо не будзем, нікуды з хаты не пойдзем!” Ну і хлеб як раз бабушка пячэць, а гэтыт ўвайшоў, паліцай і крычыць: “Выхадзі, а то паліць буду!” І ўшоў. Усіх зганялі ў Германавічы. А баба гаворыць: “Пайшоў ты к чорту. Мне нада хлеб дапячы, а не паліць”. Яны ж, знаеце, паліцаі былі абнаклеўшыя ад тых і ад тых, ужо ругаліся і з партызанамі, і з гэтымі немцамі. Гаворыць:

“Пайшоў ты к чорту, чорнаполы. Мне хлеб нада дапячы.” Дык мы ўжо тады так хахаталі з яе, што тут ўжо паліць будучь, а ёй нада хлеб дапячы. Ну нічога. Кінуў, пайшоў. А бабушка асталася.

А дзед схаваўся ў жыта. Ну, кароў пабралі. У нас было дзве каровы, каня ўжо не было, ужо ж забралі былі немцы. Ну, а кароў папёрлі ўсіх і ўсё. Асталіся там нескалька кур. Так вот, было гэта вот вечарам, як я расказвала, што гэты цэп ішоў, а гэта было ўтрам на заўтра. Ну, мы ж ужо ж там, у Трымянах. Ну, а не церпіцца ж, папу жалка старою. Бабушка выйшла і кажыць, што Мікіцёнкі, як вымерлі – ні душы, ні голаса. Так жа абычна там разгаварваюць, рэчка – дык яно ж нясецца, ужо гэтыя галасы дзеравенскія. Гаворыць, такая цішыня – нікаго. Папа сабраўся. Мама крычыць: “Не ідзі!”. Папа: “Не. Я пайду узнаю, можа там усе пастраляныя”. Ну, і не спалена нічога, а цішыня. Ён прыйшоў да рэчкі, сеў на плоцік і на гэту старану. А яго з кустоў: “Рукі ўверх!”. А гэта ўжо савецкія ішлі. Ну, гавораць: – Дзе немцы? – А я сам не знаю. – А дзе жыцелі? – Не знаю. Іду, кажыць, глядзець, дзе мае бацькі і ўсё. Не спалілі ані нас, гаворыць, вот так эта прайшлі па хатах. Ну тады пагналі ўжо ўсіх. Да Германавіч. Там хто з Германавічаў ўцёк да сяльчан, хто такі смялеёшы быў, там зацераўся дзе-та. Хто вярнуўся з Шаркаўшчыны. Многа задушана былі. Адно тут сям’ю, выгналі іх. Адна мама была астаўшыся, а іх трох сынавей і дачку ўсіх угналі ў Германію. І толькі ўжо вярнуліся яны ў 45-ым гаду, у канцы года. Бывала, выйдзець яна к рэчцы і як пачнець галасіць, дак усе як цяпер голас ейны слышалі, когды выйдзець. Адна асталася, уся сям’я была тут, нікога нет, а хто ж знаў, што там робіцца.

Запісана в 2009 г. от Буреца Франтишки Николаевны, 1924 г.р., д. Микитенки Шарковщинского р-на.

* * *

Ой, як было страшна! Тут во ў нас сем гектараў за дарогай лесу было ў дзеда ў майго. Так во, аж з Міёр яўрэчка і дзве девачкі з ёй. Там у дзеда ток вялікі быў, дзе зярно там складалі, снапы, там усё. І яна там, аж з Міёр во, як там яна дабілася, і там во схаваўшыся сядзела. Тады ў нас у бані такі Міхол, яўрэй з Германавіч, такі ён храмаў на адну нагу, сядзеў

тут. Мама паесці занясла яму і кажаць: “Міхол, во тут паліцаі па дарозе лётаюць, не дай Бог... Можа, ты лепей у кусты выйдзі, а то як прыйдуць у баню...”. А ён: “Няго ужо, Янцевічыха, мне бані жалеешь?” Мама кажа: “Ты будзь у бані, але ж я кажу, як лепей”. І гэты Міхолка і ён зайшоў туды, да дзеда ў гэны ток. І як там прыляцелі гэтыя паліцаі туды. Такі тут із Жукоў, такі Вацлаў Рубніковіч. Каб яму на том свеце месца не было! А мы як раз з татам паехалі за сенам туды. А як жа ж яны яго там знайшлі. Ай, каб вы відзілі, што яны робілі! Як наставяць ружж’ё і міма стрэльнуць, а гэта ж яўрэйка валасы на сабе ірвецць, а гэтыя рабяткі падаюць. Ай, як яны мучылі, каб застрэлілі, дак гэта ж... У мяне і цяпер гэта сцэна ў вачах стаіць. А тады і гэтага Міхола. А яна ўжо без памяці завалілася, ляжыць, а яны тады разрыўнымі пулямі, як далі ў галоўку. Толькі гэтыя кусочкі крыві, чарапачкі на дзверы ляцелі. А мой бацька, ён такі дужа быў сільны чалавек, такі дужа справядлівы. Да каб ён адзін быў Вацак, ён бы яго закалоў віламі, але два былі. Дык ён во гэтак во ўвесь калаціўся. Ён і гэта, няможна было сказаць, сваіх людзей так збіваў гэтай рэзінавай палкай, што ў людзей ўсё пазапухаўшы было. А тады едем мы дамоў, а тады дзядзька такі, ён не жанаты быў, бацькаў брат. Выкапалі тут у лесе гэты дол шырокі, тады саломы так наслалі, і так абставілі кругам, ніякай дамавіны ня робілі, нічога і тады на кані прывязлі гэтых чатырох, гэтых пакойнікаў, і пахавалі.

І ў Глыбокім білі гэтых яўрэяў, і гэтых пленных. І там гэткія капалі, гэтыя ямы. Дак там кроў праз гэты пясок. Там няможна было глядзець. Там жа цяпер брацкія магілы пароблены. У сасонніку ў гэтым. Не дай Бог вайну!

Записано в 2008 г. от Качан Ирины Адольфовны, 1932 г.р., д. Жуки Шарковщинского р-на. Соб.: ФВС.

* * *

У 38-м гаду я дымібілізаваўся. Жыў дома, але мала я пражыў і началася польска-нямецкая вайна. І мяне мабілізавалі на вайну, на польскую. І вот я гэту польскую вайну прайшоў. Поўнасьцю. Ну самі знаеце вайна была прайграная, ну і вярнуўся я благапалучна з вайны. Нічога добрага, раненія не меў. Пастрадалі, самі знаеце, была вайна. Можна сказаць, яшчэ болей

сур'ёзна, бо немец быў яшчэ сільны, а Польшча ніякая, тэрыторыя малая была. Праігралі вайну, ну ладна. І тут во ў 41-м гаду началася вайна савецка-нямецкая. Мяне ж абратна мабілізавалі. Мяне не ўдалося, праўда, нікуды адправіць. Немец ішоў быстра і нас адпусцілі. Адпусцілі да вастрэбавання.

Ну, сейчас жа акупацыя – назаўтра немцы ўжо тут, крэпка-быстра тут гэта ўсё. А нас толькі ў раён былі ўзяўшы і прадержылі нас пару сутак, і немец ужо прыйшоў. А цехніка ў нас тады не была такая ў сельскім хазяйстве, каб памаглі і адправіць куды-небудзь. А пяхком ужо не адправілі бы нас. Дагнали б.

Сталі мы жыць, ужо можна сказаць, тут, пад акупацыя нямецкай. Ну, тут многа расказваць канешна нечага. Тут былі канешне не мяды пры немцах. Усякіх білі, але нас пака што не трогалі. Вот. Ну, а тады началася парцізаншчына. І вот я уступіў у парцізаны. А гэта ўжо было 44 год. У нас тут да 44 года, у нас тут да 44 года парцізаншчыны не было. А ў 44 гаду ўжо началася парцізаншчына – і я ў парцізаны. А тады з парцізан, як Красная армія асвабоділа нашу тэрыторыю, злучыліся мы з партызанамі, з Краснай арміяй і мяне прывялі ў Красную армію. Вот. Ну тады я ўжо пайшоў сюда на Прыбалтыку, тут я ўжо палучыў раненія. І тут, можна сказаць ужо, мая вайна акончылася. І тут я ўжо пасля раненія, шпіталі тут, камісіі цягнулі і як раз кончылася вайна. Вот я тады ўжо палучыў групу. Трэцюю тады далі мне, ўначале втарую, а тады далі трэцюю.

Записано в 2008 г. от Рымченка Вацлава Вацлововича, 1915 г.р., д. Дикева Шарковщинского р-на.

* * *

Тата даўней зарабіўшы, пры немцах далі яму, каб ездзіў там шараварку нейкую, дарогі раманціраваць на кані, далі яму прэмію што ну, ну незашта яны там далі, я яго добра ня помню. Далі лапату, далі такі ласкут, там, можа, мэтры два такога мацерыялу, шэранькі, ён у мяне і сягонья ў вачах стаіць, і хустачку такую, нейкая такая, я не знаю, якая яна там была. Но мама ж дзержала, эта ж я падрасу і мне ж будзец. Ну і як гэта

вайна началася, дык хавай ужо дзе-небудзь, беражы эту хустачку. Звязана у вузельчык, ну і сплю на ім.

Во. А вышлі парцізаны. Кажуць, ідуць! А ўжо ж выгрэбшы былі ўсё, там нечага ўжо было грабсьці, снясуць. Я як скочыла, наша хата стаяла так на пагорку, на ніз, а там сарай быў, і туды такое балацявінка, і я ходу з гэтым вузельчыкам, во так во, прыціснуўшысі, і ляту. Я ўжо даляцела да сарая, ужо гляджу, што дагоняюць удваіх – мушчына і баба за мной. Я, як ляцела, там броўны лежалі, я пад гэты броўны гэтак вузельчык падсунула, і помню, як сягоння, маку сноп наверх, сноп, мак быў выбраны з гароду, звязаны стаяў во гэтак сноп, і я палажыла на гэтак вузельчык. А яны ж думаюць, што гэта я і панясла. А сама я і папёрлася, там возера недалёка, і папёрлася, яны мяне дагналі, за валасы цёгаюць: “Дзе дзела?”, цёгаюць, шторгаюць. Мама пакойніца ляціць ззаду: “Не забіце хоць дзяўчыну. Нашто яна вам? У ей нічога нету”. Увідзелі, што нешта я несла, ну як я рукі магла так дзержаць, ляцець. Ну, неяк адбараніла, мама стала стыдзіць іх, што “нашто яна вам?” Ну, пацягалі, пацягалі, пусцілі ж, у каршэнь добра далі.

Ну, добра. Ад’ехалі яны, табун гэтак пераехаў, прынесла ў хату, тут пасушылі, каб жа ж ня змокла ці не запляміць нічога. Праз нескілька дней, можа там нядзеля якая прашла, ідуць з другога боку, там цэлы фронт гэтых партызан, ідуць. А іх во выганялі во з гэтых балотаў, во з гэтых во, Крукі тут во, дзе пад Мёршчынай, і тут во з гэтых балотаў іх пёрлі. Абгніўшы былі. Начавалі абозамі цэлымі, як прыехалі, абгніўшы, якія яны, но яны ўжо гэты дужа не бралі, бо нечага было браць, а другое, што яны з балота. Іх как выбілі немцы, яны ўжо як вырвалісь і ляцелі, хоць бы самім спасьцісь. І раненых было, і ўсякіх. Помню, мама... саломы наняслі ў хату і как заляглі, баню вот вытапіць, вымыюць ваду, прахаладаеца ў бане – знова зацеплююць, во гэтак во, па ўсей вёсцы. Ну і вымылісі і паехалі, яны нічога толькі крахалам перасыпалісі, папрэўшы былі, памокшы, папрэўшы і ўсё. А, каб на ногі што-небудзь акруціць, а так нічога не бралі. А што было, бульбы мама наварыла, паелі, хлеб нейкі там быў злеплены, малако ж, карова была, малаком напайлі і паехалі. Спалі як забітыя, нічога ня рухалі.

Ну, гэта прайшло ўжо ўсё, з другой стараны знова едуць, на конях, коняў там сколько, а тады і іх многа, ізнова. Но гэты, то граблі, што ў хату ўварваліся, што папала - усё. І вот я з гэтым вузельчыкам ізнова уляцела, ня помню, можа тата ці хто кажаць: “Ай-яй-яй, ізнова, - кажаць, - ідуць, парцізаны ізноў. Ніхто, – кажаць, - гэтак, яны”. Я ізноў, як схваціла гэтак вузельчык, як далася, а ўжо тады жыта было большое. Як ляцела ў жыта, я там дужа помню, сама у жыта пакацілася, як пробка, ну як, ну сколько мне было, дзесяць гадоў, дванацаты можа, ну дык, якая там была, ну але ж вот умела уцікаць. Ізнова! Ізнова мяне злавілі, а гэтага жыта ўсё перахадзілі, перашлі, не нашлі гэтага вузельчыка, астаўся мне, вот, астаўся.

Ай во, помню, тата з Францыі прывёзшы быў маме такую шэрсцяную хустку белую, красівая такая. З Францыі. Вот. На заробкі з гора ехаў. Згарэлі, ўсё да тла, асталіся, як стоць. Трое дзяцей і яны ўдваіх, асталіся, як стоць. Братоўка лён чэсала каля хаты, і во шчэ цепліўся, лён як захваціў, як загарэлася ўсё. І ўсё. Пакуль гэта тата завёз мальцаў у школу, прыехаў і хаты німа, анічога. Дык кажаць: “Едзь, жабруй, ці што хто дасць”. Паехаў заплакаў. А тады туды ездзілі ў ва Францыю, паехаў заробіў. Зарабляў грошы, маме слаў, мама хату пастроіла, хлявы, усё, усё пастроіла. Сам прыехаў, так вот гасцінцы быў прывёзшы. Туфлі такія лакіраваны і гэту хустачку, і гэты ад немцаў ласкуток мацерыяла, ну лапату я не насіла з сабой. Усё звалі як “нямецкая лапата”. “Дзе нямецкая лапата?” - як што-небудзь патрэбна. Ну. Кажу, была і ў парцізанаў у лапах.

Ну, усякія ж парцізаны былі, няроўныя. Некатарыя, некатарыя ж, сцеражы Божа! А граблі ўсё падрад. Ня ўспелі, адзін раз, вот гэты туфелькі я ўсё хавала, хавала, а тады уночы, уварвалісі яны ночу, прышлі, ляпалі тут, дзвер як ня выбілі, ўсё. Прыехалі. Прышла нейкая іх баба, а тут яны, там настольнікі якія былі якія, што было саматканае, пабралі, а тады, у шуфлядку. А там, у трапках, у ласкуцях лежалі гэты туфелькі – нашлі. Ну і паняслі яны іх, мама гэтак плакала іх, а яны, помню, лакіровачкі такія карычневыя былі. І гэта, аны ня ўзлезлі на нагу, дык выкінулі і пашлі. На нагу ня ўзлезлі...

Записано в 2008 г. от Коваленок Ядвиги Яновны, 1935 г.р., д. Васильково Шарковщинского р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

Немцы у нас тут гэдак не ішлі. На тэй старане (ракі) немцы шлі на Рассею. У нас тут і не ішло, но назад як ляцелі, ужо што шалёныя – граблі і каровак, і свіней, і што было. Усё граблі. І людцаў бралі. Выгналі, вычысцілі ўсё. Бацька ездзіў, вазіў. Страшна было, што ўжо успамінаць. Успамінаць няможна, што было.

(А партызаны тут былі?)

У нас свае ухадзілі ў партызаны. У лес ухадзілі. Ну тады ж былі, у немцаў некатарыя прыслугвалі. Солтасы. У нас тут у дзярэўне былі. Людзей прадавалі, тады білі, стралялі. Нашы пашлі ў лес, у партызаны. Ай, што успамінаць? Ня хочыцца ўспамінаць, як прайшло, цяжка было. І партызаны былі, што ездзілі аграблялі, забіралі што было. Адтуль прыезджалі, аграблялі людзей і уязджалі. У нас прыдуць і свіней заб'юць, зімой прыедуць, возьмуць і павязуць. Свае былі, што грабілі, не хацелася ісці ваяваць. Па лясках скіталіся людзі. Усяк было. Усякі свет ёсць.

Записано в 2008 г. от Роговой Нины Викентьевны, 1928 г.р., д. Васильково Шарковщинского р-на. Соб.: ЛВА.

* * *

Літвіцкія зваліся, не літоўцы, а Літвіцкія. Чорная такая паліцыя. Чорны воран наляцеў, пахватаў людзей. Каго ў Германію, каго куды вывозілі. А нас былі маладзеж усю сагнаўшы ў такі сарай, у панікі, у гэты сарай. Там і жэншчыны былі адзінокія, такія без дзяцей, каторыя вдовы былі, мужыкі ў партызанах былі. І мужчын панабралі, мальчыкаў маладых. Літвіцкія – гэтая паліцыя чорная. Гэта немцы. Мы ў пуні сядзелі, а тады з пуні нас забралі, прыехалі, у машыну пагрузілі. І канваіры ззадзі сядзелі, нас вязлі. Мы не зналі куды нас вязлі. Думалі, што, мабыць, паліць. Думалі, што з намі далей будзе. Тады прывязлі нас у Германавічы і там значывалі ў касцёле. Там Богу маліліся, плакалі... З касцела нас утрам павезлі в Беразвечча. У Беразвеччы былі такія концлагеры. Тады вот на гэтых нарах жылі ў Беразвеччы.

Выбіралі такую маладзёж, хацелі ў Германію ўвясці. Ну, што-та нас у Германію не павязлі, павязлі па Расеі. Помню, у Полацку былі стаялі. У часць такую ваенную атдалі. А тады хадзілі, ганялі, дзе нада на перадавой ачысціць дарогу, а яшчо шла вайна. Вот што мы рабілі. Не думалі мы, маладыя, што мы дамоў вернімся. І бацькі не зналі, дзе мы дзеліся. Ваеннае врэмя гэта было, у сорок чацьвертым годзе.

(А тут парцізаны былі?)

Ну, а парцізаны былі свае, нашыя людзі. Іх жа жалелі, хлеб ім насілі ў лес. Яны прыходзілі ноччу. Зналі, дзе можна, якая хазяйка дзе-небудзь. А днём прыхадзілі немцы. Немцы тады, чуць узналі – адразу каралі людзей за гэта. Былі і наглыя (парцізаны). Усякія былі. Былі такія, што і карову забіралі ў людзей. Людзі плакалі, прыходзілі ў штаб...

Записано в 2008 г. от Якимович Софьи Павловны, 1927 г.р., д. Зорька Шарковщинского р-на. Соб.: ФВС.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

ВТВ – Володина Татьяна Васильевна

КДИ – Козлов Денис Иванович

ЛВА – Лобач Владимир Александрович

ОВЕ – Овсейчик Владимир Евгеньевич

ПДВ – Польшинская Дарья Васильевна

ФВС – Филипенко Владимир Сергеевич.

**Великая Отечественная война
в воспоминаниях сельских жителей Витебщины
(по материалам устной истории)**

Фольклорно-этнографические экспедиции Полоцкого государственного университета, проходящие в формате учебной практики для студентов исторической специальности, изначально были ориентированы на «классические темы» народоведения: календарная и семейная обрядность, легенды, предания и песенный фольклор, народная медицина и мифологические представления. Однако уже первые полевые исследования показали, что в различных районах Витебщины, которые отличаются и разнообразием, и уровнем сохранности фольклорной традиции, особое место в коллективной и индивидуальной памяти старожилов занимает одна тема.

Воспоминания о событиях Великой Отечественной войны прямо или косвенно присутствовали практически во всех рассказах сельчан, независимо от предмета разговора. Глобальная трагедия XX века разделила жизнь людей, переживших ее, на время «до» и «после войны», когда миропорядок изменился существенным образом.

Война как хронологический рубеж, который противопоставляет «старые» и «новые времена», фигурировала всегда, когда речь шла о различных сегментах традиционной культуры в их исторической ретроспекции: *«Ну, гэта старае кладбішча. Памятнікаў жа тады не ставілі – а камяні гэты ставілі. Ну, гэта ж да вайны было»* (д. Старина Ушачского р-на); *«Хадзілі да “святэго калодзежа”. Эта ж да вайны. Кожная сьвята, уся дзярэўня сабіралася, а тады там ужо молюцца, молюцца, і на каленках тамака... А цяпер ужо гэтага німа. А тады ж пасья вайны, тады ж усё ізмянілася»* (д. Моргавица Докшицкого р-на). Но, прежде всего, война – это

трагическая веха личной истории, означавшая ужас, горе, страдания, потерю родных и близких людей.

Воспоминания очевидцев о войне в различных ее проявлениях, коренным образом отличаются от собственно фольклорных повествований о давней, легендарной истории. История актуальная (оперативная) обслуживается совокупностью личных воспоминаний и характеризуется не только множеством подробностей и определенных деталей, но и личным эмоциональным отношением рассказчика к тем или иным событиям, которым он дает собственную оценку либо интерпретирует, но в любом случае убежден в их реальности¹. Не случайно, что в центре рассказов-свидетельств о войне стоит, прежде всего, сам человек, его переживания, психологические реакции и личное восприятие событий в контексте устойчивой системы жизненных ценностей.

В то же время воспоминания сельских жителей о войне существенно отличаются и от содержания «официальной истории», где основной акцент сделан на «ключевых событиях» либо персоналиях (театры военных действий, сражения, маршалы), а истории повседневности «простого человека» в перипетиях военного лихолетья, как правило, нет места. Как отметила В.А. Лобачевская, «словосочетание “повседневность войны” – конструкт, которым принято обозначать ту сферу жизни людей, которая до недавнего времени оставалась за границами внимания официальной истории войны. Военная жизнь людей в условиях фронта и тыла, по сути, была экстремальной повседневностью, другой стороной войны – события экстраэкстремального, изменившего уклад, порядок, условия, нормы жизни человека, упразднившего привычные

¹ Подробнее о соотношении «легendarной» и «актуальной» истории в традиционной картине мира: Лобач У.А. Міф. Прастора. Чалавек: беларускі традыцыйны ландшафт у семіятычнай перспектыве. – Мн.:Тэхналогія, 2013. – С. 433 – 436.

институты социальной организации. Война, как правило, описывается официальными историками как серия эпизодов, упорядоченных во времени событий. Историческая наука была сконцентрирована на изучении военных, военно-политических и военно-экономических аспектов и характеризовалась “событийным” подходом, в рамках которого освещались ход боевых действий, крупные сражения и битвы, героика войны. Изучение же человеческой составляющей на войне относится к той области военно-исторической проблематики, которая относительно недавно стала предметом изучения профессиональных историков и выделена в особые разделы исторической науки – историческую антропологию и историю повседневности»¹.

Заметим, что предметное поле военно-исторической антропологии во многом пересекается с проблематикой и актуальными целого ряда гуманитарных дисциплин: этнографии, этнологии (культурной антропологии), этнолингвистики и фольклористики. В частности, А.С. Сенявская среди задач военно-исторической антропологии отмечает и те, которые являются релевантными для народоведения в целом: анализ ценностей, представлений, верований, традиций и обычаев всех социальных категорий в контексте вызревания войны, ее хода, завершения и последствий; изучение эволюции понятий “свой - чужой” и формирование образа врага в различных вооруженных конфликтах².

¹ Лобачевская О. Ритуал в повседневности войны (об архаической ритуальной практике в годы Второй мировой войны в Беларуси) // *Nomo historicus* 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. – Вільня, 2010. – С. 39.

² Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология, как новая отрасль исторической науки // *Военно-историческая антропология*. Ежегодник. 2002. – М., 2002. – С.14.

Отличительной особенностью воспоминаний о войне является их условная «выборочность», когда рассказчик вербально и эмоционально указывает на «главные», наиболее существенные, по его мнению, события, затронувшие его лично. С другой стороны, судьбоносные сражения (Сталинградская, Курская битвы), во многом предопределившие итог II мировой войны, как правило, вообще не фигурируют в устном дискурсе. Избирательность подобного рода обусловлена спецификой интерпретации истории в традиционной картине мира, свойственной крестьянам, когда значимость событий определяется степенью их влияния на миропорядок локального сельского сообщества и лично на человека, его представляющего. Неслучайно в большинстве воспоминаний, записанных на территории Витебской области, основное место занимают рассказы о периоде нацистской оккупации, которая и стала для сельских жителей абсолютным воплощением ужаса войны.

Стоит отметить, что содержание устных рассказов о войне может отличаться не только в различных регионах области. Существенная разница в восприятии предвоенных и военных событий в этом случае обусловлена тем, что западные районы Витебщины до 1939 г. находились в составе II Речи Посполитой (Польши) и знакомство с советскими порядками (коллективизация, репрессии, запрет на частную собственность, воинствующий атеизм и т.д.) для местных крестьян носило зачастую шоковый характер. С другой стороны, даже в границах одного района «свою» историю войны имеет практически каждая деревня, когда значимыми обстоятельствами становятся месторасположение (вблизи / вдали от немецких гарнизонов, транспортных артерий, в лесной / безлесной местности, в партизанской зоне или за ее пределами), характер взаимоотношений жителей с партизанами и оккупационными властями и, безусловно, личная судьба рассказчика. Именно

личностное восприятие войны обусловило известную фрагментарность воспоминаний, когда речь идет не о хронологически выстроенном повествовании с 1941 по 1945 год, но о некотором ряде принципиально важных для рассказчика событий. Очень условно эти события могут быть сгруппированы в несколько тесно взаимосвязанных тематических блоков: «начало войны», «немцы», «полицаи», «партизаны», «евреи» (холокост), «жизнь в деревне», «принудительная работа в Германии», «освобождение». Условность подобного связана с тем, что в воспоминаниях все реалии военных лет переплетены невероятно сложным образом и не могут быть объяснены прямолинейными и однозначными причинно-следственными связями.

При ознакомлении с материалами устной истории становится очевидным, что свидетели всех ужасов нацистской оккупации имеют «свою правду» о прошедшей войне, во многом отличную от официальной историографии. Общим местом в понимании истории «сверху» и «снизу» является категорическое неприятие войны и осуждение массовых зверств нацистов и их приспешников на оккупированных территориях. Правда деревенских жителей, оказавшихся на острие жестокого противостояния между оккупантами и партизанами, далека от идеологических штампов и обобщений, она всегда конкретна, предметна и не избегает ответов на неудобные вопросы.

При действительно массовой поддержке партизан со стороны мирного населения в воспоминаниях практически отсутствует однозначная оценка их деятельности. Опытным путем деревенские жители составили свою градацию партизан, разделяя их на «настоящих» и «ненастоящих». *«Парцізаны, каторья былі парцізаны, тыя прыходзяць і напросяць есць – малака ці яйцо, ці смітаніну якую, што-небудзь пакарміць іх нада – эта действецельна былі парцізаны. А каторья ў сундукі*

лазілі, кралі – гэта не парцізаны, гэта грабіцелі» (д. Луги Лиозненского р-на).

Политика устрашения и тактика «выжженной земли», которую оккупанты применяли в борьбе с партизанами, вела к колоссальным жертвам среди мирного населения. Примером массового геноцида является одна из самых жестоких и кровавых карательных операций нацистов «Зимнее волшебство» (нем. «Winterzauber»), которая проводилась в феврале-марте 1943 г. у юго-восточных границ Латвии на территории Освейского, Дриссенского, Россонского районов Белоруссии и Себежского района России. Результатом карательной экспедиции стало «439 сожженных населенных пунктов, около 70-80 убитых партизан, 10-12 тысяч уничтоженных мирных граждан, более 7 тысяч угнанных (несколько тысяч из которых впоследствии погибли)...»¹, но при этом Россонско-Освейская партизанская зона уничтожена не была. Огромное количество жертв среди мирного населения ставит закономерный вопрос о том, почему почти 8 тысяч партизан не смогли защитить от карателей, которые насчитывали около 5,5 тысяч человек?² Вопрос остается открытым...

В ряде случаев, что особенно отмечается в воспоминаниях, военная целесообразность партизанских операций не шла ни в какое сравнение с жертвами среди мирного населения, к которым она приводила. *«А тады... каля Балашоў, партызаны ўбілі немца аднаго. І за таго немца ўзялі і Балашы, і Калюшчані, і Маашчонкі. Усіх жьщцелей выгналі на плошчадзь, сабралі і ў Сураж зvezлі... Ну, а тады заставілі іх выкапаць яму... Пяць ям выкапалі. І тады к яме ставілі і ўсіх*

¹ «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. – М.: Фонд «Историческая память», 2013. – С.

² Там же. – С. 14,16.

стралялі. І гавораць, як там валіліся людзі. Хто саўсем убіты, хто ранены – у гэтую яму. І там стон стаяў тры дні» (д. Хадорино Витебского р-на). В ситуациях, когда партизаны подвергали деревню неоправданному риску, ее жители всячески старались предотвратить трагическое развитие событий. *«Ай, тады страшна, то немцы прыедуць, як ужо парцізаны ўцякуць. То раз хацелі стрэляць парцізаны па немцах. Немцы выехалі на возера, возера замёрзша было, а яны ўжо будуць страляць. А іх жа сталі прасіць: ну нас жа спяляць! Гэта зімой было. Ну, яны і пайшлі ў лес, не стралялі»* (д. Хролы Глубокского р-на).

Также неоднозначен в воспоминаниях и образ оккупантов. Обобщенная номинация врагов – «немцы» – в призме локальной истории в значительной мере распадается и конкретизируется. Наряду с солдатами вермахта («фронтовиками») в рассказах фигурируют «эсэсовцы», «жандармы», а также представители различных народов, воевавших на стороне Германии: австрийцы, итальянцы, поляки, словаки, румыны, финны, латыши, литовцы, русские, украинцы. Соответственно отличаются и характеристики каждой из указанных категорий. Поляки, словаки, итальянцы в целом характеризуются местными жителями позитивно (предупреждали об опасности, спасали от принудительных работ, угощали детей продуктами и конфетами): *«Эта тут жа часцей многа шло, і я помню італьянцы, асобенна італьянцы – ані такія веселыя. І вот, когда італьянца стаялі ў нас, кухня ва дворэ в нашем была... Чалавека два-тры жыла ў нас в доме. Ну, оні гатовілі, кухня стаяла салдацкая ў нас во дворе. Это вообще там хохат і, Боже мой, і эта: “Come, comer, von-von, von-von”. Все вот так вот сазывалі дзяцей...»* (д. Соржица Бешенковичского р-на).

Совершенно иная характеристика относится к финнам, литовцам и латышам, которые участвовали в карательных операциях против партизан и мирного населения. *«Латышы,*

літоўцы лятавалі. Вот прышлі ў нашу дзярэвню. Ёсё, выгналі ўсіх жыцелей, мужыкоў у канец дзярэўні загналі, пастрэлялі, спалілі» (д. Сарья Верхнедвинского р-на); *“А былі этыя, дзе нашы ваявалі. Фіны. Этыя былі ў карацельных атрадах усюдых. Этыя былі на нас злыя, яны нам мсцілі”* (д. Бабиновичи Лиозненского р-на).

«В итоге в народном сознании отразились различные образы оккупантов. Однако образ врага стал ассоциироваться, прежде всего, с немцем, приобрел отчетливые этнические черты. В значительной степени этому способствовала советская пропаганда, прямо призывавшая «убить немца» (но не итальянца, венгра или японца). Но и население осознавало, что война велась именно с «немцем» (с «фрицами»), а немецкие войска действительно играли главную роль в противоборстве с Красной Армией»¹.

Крайне негативным было отношение к русским, украинским коллаборационистам и, особенно, к белорусским полицейским из числа местного населения. *«Пака не пашлі нашы памагаць ім, савецкія людзі, датуль былі немцы, як немцы. Прыедзець у дзярэўню і прыдзець у хату, і кажець: “Мама, дай яйка”. Тады капейкі свае дажа плоціць. А ўжэ як сталі «народнікі», не дай Бог! Служылі немцу, а нашых білі, грабілі»* (д. Свядица Лепельского р-на).

Образ собственно немцев мог существенно различаться в зависимости от конкретной ситуации, в которой деревенские жители сталкивались с ними. Со страхом и ненавистью относились к участникам карательных подразделений. *«Дзярэўня гарэла, скока разоў гарэла. Прыйдучь немцы, спалюць. Убівалі людзей, стралялі, падпалівалі. У баню*

¹ Кринко Е.Ф. Оккупанты и население во время Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2005. – С. 339.

загонюць, автаматам дадуць, а потым саломы нанясуць, падпалюць, закрыюць дзверы» (д. Речные Докшицкого р-на); «Ай, прыйшлі туды на гару страляць нас, карацельныя немцы. А такія ў іх на шапках карацельныя чарапы, зубы там. І гаворыць: “Русь капут, Русь капут”. І гэтых там пастралілі, дзевочка дажа прыехала з Ленінграда, Зоя, к бабушке. А валоскі былі падстрыжаны, камсамолка. Тут як далі с аўтамата, дык і на кусочкі дзевачку» (д. Заборье Россонского р-на).

Офицеры и солдаты фронтовых частей, которые останавливались в деревнях на постой, характеризуются нейтрально либо положительно. «А ў афіцэра... радіва было, і вот ён лавіў песню. А там Левітан: “Бейце фашыстаў!” Ён круціў, круціў і дакруціў эта: “Ой гармонь, мая гармонь, залатыя планкі, парэнь девушку дамой праважаў з гулянкi”... А матка заплакала і я заплакаў. Вы панімаеце, што стала, слёзы пацяклі ў нас, мы ж не чулі гэтыя радзіва стока ужэ врэмені, і нашых песен. Так арганізм скаланула, што мама заплакала і я... Ён глянуў і гаворыць: “У мяне тры кіндэры, мне вайна не нада. Гітлера і Сталіна нада во так во вот (праводзіць рабром далоні па горлу)» (д. Жерносеково Бешенковичского р-на). В ряде случаев речь идет о проявлении настоящего гуманизма со стороны немецких солдат, за что, в условиях военного времени, они могли понести суровое наказание. «Былі немцы ўсякія. Калі б знала імя немца, я напісала б благодарнасць родстве́ннікам у Германію. Немец майго бацьку вывеў із плену. Вывеў з плену і адправіў у Бабруйску за горад. У пляну быў, а ён яго вывеў і ўгаварваў узяць камарада, эта друг, і завёў пад ружжом за горад, выстрыліў уверх два раза і адправіў. Во які немец!» (д. Бочейково Бешенковичского р-на).

Подобные случаи никоим образом не обеляют кровавые преступления нацистов на белорусской земле, но дают ценный материал для понимания самой природы гуманизма, которая не

зависит ни от внешних условий, ни от знаков различия на форме, а является внутренней сущностью настоящего человека.

В представленных материалах устной истории нашла отображение и трагедия белорусских евреев во время нацистской оккупации. В советской историографии эта трагическая страница военных событий умалчивалась либо была представлена завуалировано. Но в воспоминаниях белорусских крестьян речь идет не об уничтожении некоей абстрактной группы населения, но, прежде всего, о старых знакомых, с которыми связывали давние добрососедские отношения. *«Мы дружылі. Мы ў Лапіцкіх жылі, Бабынавічах, і дружылі. Ну, не хадзілі яны нікуды хавацца. Сядзелі да паследнега, а патом іх павялі страляць. Мне ж гаварылі, што паліцыя і страляла па адным да Дабрамысель. Наіздзеваліся над імі, ай! А ў Дуброўне, расказывалі, там горы ляжаць магіл, яўрэяў, іх там многа было. Яму выкапаюць, падвядуць і страляюць, яны туды валяцца. Дык каторыя застрэляны харашо, каторы ранены быў – зямля падымалася»* (д. Бабиновичи Лиозненского р-на).

Заслуживает внимания и феномен ритуального механизма преодоления критических, кризисных ситуаций, характерный для традиционного сельского сообщества. Аказиональный ритуал, который в мирное время был направлен на прекращение засухи или эпидемии, в военных условиях полной деструкции существующего порядка, получает совершенно иную мотивацию. *«Было ткалі скацёрць. Дажы у вайну сабіраліся. З дзярэўні ўсе жэнішчыны, за ноч спралі, аснавалі і ткалі скацёрць. І выткалі, і да сонца кругом дзярэўні тры разы абняслі, заняслі на Буй, а ў Буй была цэрква. У цэркаў тую скацёрць. Каб ніхто не спаліў дзярэўню. Каб акупант не спаліў. Вот глядзіця. Парэчча згарэла, многа дзеравень згарэла, а наша дзярэўня была цэлая, ні адной хаты не спаліў»* (д. Раков Застенок Сенненского р-на). В данном случае исключительное значение имеет психо-терапевтическая функция ритуала,

который служит коллективной реакцией на «ситуацию неопределенности, порождающую страх, тревогу, неуверенность. В ритуалах снимается эмоциональное напряжение, канализируется агрессия и т.п.»¹.

В целом, опубликованные материалы представляют собой довольно обширный и ценный первоисточник не только по истории Великой Отечественной войны, периода оккупации и партизанского движения на территории Витебской области, но будут востребованы профессиональными этнологами и этнокультурологами, а также специалистами в области коллективной (социальной) психологии, конфликтологии, истории повседневности. Полевые исследования были проведены экспедициями ПГУ в 15 районах Витебщины преимущественно в 2000–2010-х гг., что позволяет говорить о достаточной репрезентативности представленных материалов, при подготовке к печати которых сохранялись аутентичная форма и содержание воспоминаний о войне, артикулированных в нарративах.

¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – С. 32–33.

ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ СОКРАЩЕНИЯ

Р-н – район

с/с – сельсовет

вол. – волость

г. – город

обл. – область

п. – поселок

д. – деревня

пгт – поселок городского типа

Беж. – Бежаницкий¹

Вл. – Великолукский

Гд. – Гдовский

Дед. – Дедовичский

Дн. – Дновский

Кар. – Карамышевский (упразднен в 1963 г. с передачей территории в состав Псковского р-на)

Кр. – Красногородский

Кун. – Куньинский

Локн. – Локнянский

Ляд. – Лядский (упразднен в 1959 г. с передачей территорий в состав Гдовского и Плюсского р-нов)

Нев. – Невельский

Н-Рж. – Новоржевский

Н-Сок. – Новосокольнический

Оп. – Опочецкий

Остр. – Островский

Палк. – Палкинский

Печ. – Печорский

Пл. – Плюсский

¹ Сокращения названий районов Псковской области даны по источнику: Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.: ЛГУ, 1967. – С. 27–41.

Порх. – Порховский
Пск. – Псковский
Пуст. – Пустошкинский
Пушк. – Пушкиногорский
Себ. – Себежский
Сош. – Сошихинский (упразднен в 1959 г. с передачей
территорий в состав Новоржевского и Островского р-нов)
Стр. – Струго-Красненский (прежняя редакция названия –
Стругокрасненский)
Усв. – Усвятский

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Н. В. Большакова, В. А. Лобач</i>).....	3
Часть I. ТЕКСТЫ (из псковского фольклорно-этнографического архива).....	7
Великая Отечественная война в воспоминаниях сельских жителей Псковщины (устные рассказы).....	7
<i>Бежаницкий район</i> (№ 1).....	7
<i>Гдовский район</i> (№ 1–11).....	12
<i>Дновский район</i> (№ 1).....	23
<i>Красногородский район</i> (№№ 1–17).....	27
<i>Локнянский район</i> (№№ 1–12).....	48
<i>Опочецкий район</i> (№№ 1–3).....	59
<i>Печорский район</i> (№№ 1–3).....	66
<i>Плюсский район</i> (№№ 1–14).....	69
<i>Порховский район</i> (№№ 1–7).....	83
<i>Псковский район</i> (№№ 1–3).....	88
<i>Пушкиногорский район</i> (№ 1).....	91
<i>Пыталовский район</i> (№№ 1–2).....	93
Районы, относящиеся к псковско-белорусскому пограничью (южнопсковская историко-культурная зона).....	94
<i>Великолукский район</i> (№№ 1–2).....	94
<i>Куньинский район</i> (№№ 1–2).....	95
<i>Новосокольнический район</i> (№№ 1–3).....	97
<i>Пустошкинский район</i> (№№ 1–7).....	106
<i>Себежский район</i> (№№ 1–4).....	112
Песни Великой Отечественной войны	127
<i>Великолукский район</i> (№№ 1–3).....	127
<i>Гдовский район</i> (№№ 1–2).....	130
<i>Дедовичский район</i> (№№ 1–4).....	132
<i>Дновский район</i> (№№ 1–2).....	137
<i>Красногородский район</i> (№№ 1–3).....	139
<i>Куньинский район</i> (№ 1).....	141
<i>Островский район</i> (№ 1).....	143
<i>Палкинский район</i> (№№ 1–3).....	144
<i>Печорский район</i> (№ 1).....	147
<i>Порховский район</i> (№ 1).....	148
<i>Псковский район</i> (№№ 1–9).....	148
<i>Пустошкинский район</i> (№№ 1–5).....	159
<i>Пыталовский район</i> (№№ 1–4).....	165
<i>Себежский район</i> (№№ 1–4).....	170

Частушки Великой Отечественной войны (Г. И. Площук).....	174
Частушки (из псковского фольклорно-этнографического архива).....	181
Великая Отечественная война в диалектном дискурсе (Н.В. Большакова)	199
Часть II. ТЕКСТЫ (из архива Полоцкого университета).....	208
Великая Отечественная война в воспоминаниях сельских жителей Витебщины (материалы устной истории).....	208
<i>Бешенковичский район</i>	208
<i>Верхнедвинский район</i>	229
<i>Витебский район</i>	233
<i>Глубокский район</i>	233
<i>Докшицкий район</i>	249
<i>Лепельский район</i>	275
<i>Лиозненский район</i>	277
<i>Миорский район</i>	288
<i>Полоцкий район</i>	289
<i>Поставский район</i>	293
<i>Россонский район</i>	296
<i>Сенненский район</i>	298
<i>Ушачский район</i>	300
<i>Чашникский район</i>	305
<i>Шарковщинский район</i>	307
Список собирателей.....	316
Великая Отечественная война в воспоминаниях сельских жителей Витебщины (по материалам устной истории) (В.А. Лобач).....	317
Принятые в издании сокращения.....	328

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Великая Отечественная война
в зеркале народной речи и фольклора**

Тексты. Исследования. Аудиоприложение

В оформлении обложки использовано фото работы народного художника М.П. Калинина из фондов Пустошкинского историко-краеведческого музея (Псковская обл.), предоставленное Центром народного творчества Псковской области.

Прототипом орнамента послужило фото оригинальной вышивки из д. Ермаково Палкинского р-на Псковской обл.

Подписано в печать 26.12.2016 г.

Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 20,75.

Гарнитура Times New Roman

Тираж 100 экз. Заказ № 1058.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.

180000, г. Псков, ул. Советская, д. 54;

тел/факс 8(8112) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47;

e-mail: izd-logos@yandex.ru